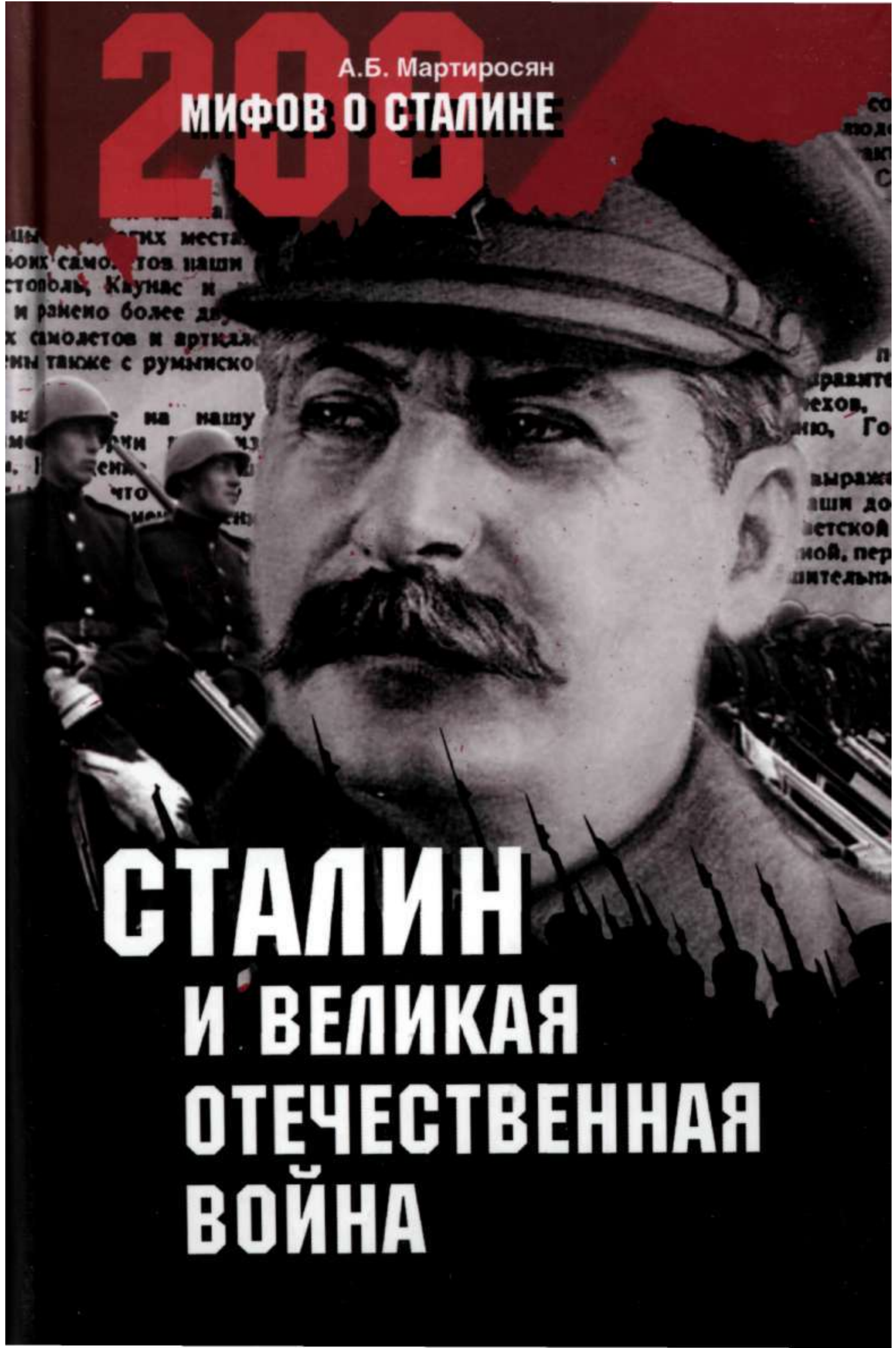

200
А.Б. Мартиросян
МИФОВ О СТАЛИНЕ
СТАЛИН
И ВЕЛИКАЯ
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
ВОЙНА

А.Б. Мартиросян

СТАЛИН
и Великая Отечественная война

Москва
Вече
2007

ББК 63.3(2)62
М29

Мартиросян А.Б.
М29 Сталин и Великая Отечественная война / А.Б. Мартиросян. — М.: Вече, 2007. — 480 с.: ил. — (200 мифов о Сталине).

ISBN 978-5-9533-2231-7

Еще в 1940-х годах И.В. Сталин заявил: «Я знаю, что, когда меня не станет, на мою голову выльют не один ушат грязи, на мою могилу нанесут кучу мусора. Но я уверен, что ветер истории все это развеет!» Смертельная схватка антисталинистов с «мертвым львом» продолжается и поныне. Его постоянно пытаются убить вновь и вновь, выдумывая всевозможные порочащие его имя и дела мифы, а то и просто стряпая грязные фальсификации. Но сколько бы противники Сталина ни стремились превратить количество своей лжи и клеветы в качество, у них ничего не получится. Человек, принявший страну в дымящихся руинах, а оставивший после себя величайшую державу мира, никогда не будет вычеркнут из истории. Автор уникального пятитомного проекта военный историк А.Б. Мартиросян взял на себя труд развеять 200 наиболее расхожих мифов антисталинианы, разоблачить ряд «документальных» фальшивок. Первая книга проекта — «Сталин и Великая Отечественная война».

ББК 63.3(2)62

ISBN 978-5-9533-2231-7

Я знаю, что, когда меня не станет, на мою голову выльют не один ушат грязи, на мою могилу нанесут кучу мусора. Но я уверен, что ветер истории все это развеет!

И.Б. Сталин

ОТ АВТОРА

В отличие от других людей Сталин прекрасно знал, что как раз ему-то двух смертей не миновать. Еще в юношестве в одном из своихстихотворений на грузинском языке он отлично предвидел свою физическую смерть и то, как она произойдет:

Шел он от дома к дому,
В двери чужие стучал.
Под старый дубовый пандури
Нехитрый мотив звучал.

В напеве его и в песне,
Как солнечный луч чиста,
Жила великая правда —
Божественная мечта.

Сердца, превращенные в камень,
Будил одинокий напев.
Дремавший в потемках пламень
Взметался выше дерев.

Но люди, забывшие Бога,
Хранящие в сердце тьму,
Вместо вина отраву
Налили в чашу ему.

Сказали ему: «Будь проклят!
Чашу испей до дна!..
И песня твоя чужда нам,
И правда твоя не нужна!»

Все так и произошло. Убили, «вместо вина отраву налили в чашу ему». В настоящее время это уже можно считать практически на 100 % доказанным. Убили за то, что Правда его уже тогда была не нужна.

А в зрелом возрасте Сталин с горечью предвидел, что и после физического убийства его вновь будут убивать. Морально. Из-за чего он сокрушался куда сильней. Известный современный историк М.И Труш обнаружил в дневнике знаменитой революционерки, а впоследствии посла СССР в Швеции А.М. Коллонтай удивительную запись о ее аудиенции у Сталина. Их встреча произошла накануне советско-финляндской войны 1939 г. Развивая в процессе беседы тему международной ситуации и стараясь заглянуть в более отдаленную перспективу, Сталин, судя по записям Коллонтай, сделал весьма примечательное заявление: «Многие дела нашей партии и народа будут извращены и оплеваны, прежде всего за рубежом, да и в нашей стране тоже. И мое имя тоже будет оболгано, оклеветано. Мне припишут множество злодеяний».

Спустя всего четыре года, почти в это же время — в начале декабря 1943 г. — только что возвратившийся с Тегеранской конференции глав государств — участников антигитлеровской коалиции Сталин в беседе с командующим авиацией дальнего действия, впоследствии Главным маршалом авиации А.Е. Головановым, внезапно для собеседника произнес: «Я знаю, что, когда меня не станет, на мою голову выльют не один ушат грязи, на мою могилу нанесут кучу мусора. Но я уверен, что ветер истории все это развеет!»

Очевидно, были и иные случаи высказывания Сталиным ясного предвидения будущего в отношении себя, но они, к сожалению, не известны. Но как бы там ни было, и эти два случая свидетельствуют о небывалой силе сталинского предвидения. Ведь все так и вышло. Его имя донельзя оболгано и оклеветано. На его голову действительно вылили не одну цистерну грязи. Ему приписали такое множество злодеяний, что в пору вспоминать известные пушкинские строки из монолога Бориса Годунова:

Кто ни умрет, я всех убийца тайный:
Я ускорил Феодора кончину.
Я отравил свою сестру царицу, —
Монахиню смиренную... все я!

Последнее пристанище Сталина тоже осквернили — из мавзолея вытащили и, обрезав даже позолоченные пуговицы на его посмертном мундире, перезахоронили под одиннадцатью бетонными плитами!

Хуже того. Поток проклятий в его адрес не прекращается. Смертельная схватка с «мертвым львом» продолжается и поныне. Как и прежде, его постоянно пытаются убить вновь и вновь, выдумывая всевозможные порочащие его имя и дела мифы, а то и просто грязные фальсификации. Както автор этих строк решил посчитать их общее количество. И знаете, сколько их получилось?! Свыше 1200! Включая и самые мелкие, а также малоизвестные. О чем это свидетельствует?

Да об очень простом. Не могут пигмеи одолеть «мертвого льва». Никак не могут. Вот и пыжатся тщетно. Но им ведь никакой урок не впрок. Один из них — троцкист-кукурузник Никита Хрущев — однажды уже попробовал помериться силами с «мертвым львом». И что же? Как говаривал У. Черчилль, «Хрущев ступил в схватку с мертвым львом, и вышел из нее побежденным »!

Почему не могут одолеть? Да потому, что при жизни «мертвый лев » был богатырем, потому как время, в котором он жил и творил, было богатырское. У того поколения вообще все было богатырское, скроенное по меркам самого этого великого времени. И достижения, и любовь, и вражда, и победы. И даже враги — в смысле их несметного количества. Ибо умом ни один из них даже на мгновение не блеснул. Только количеством. И потому они не могут понять простую истину, что, сколько бы они ни стремились превратить количество своей лжи и клеветы на Сталина в качество — в том смысле, чтобы окончательно вычеркнуть его из Истории, — у них никогда это не получится. Человек, принявший страну в дымящихся руинах и с сохой, но оставивший после себя величайшую и могуществен-

ную державу мира, никогда не будет вычеркнут из Истории. Сколько бы пигмеи ни старались. А всем нам должно быть стыдно, что

> Полвека Сталина хуля, не можем мы понять
> Да все аршином кукурузным резво мерим.
> История ж гласит — в делах его особенна была
> Державна Стать!
> И нам придется все-таки в нее поверить!

А чтобы поверить — необходимо знать. Ибо если знание —сила, то точное знание —несокрушимая мощь. В том была, есть и будет непобедимость Сталина!

ВВЕДЕНИЕ К ПЯТИТОМНИКУ

Перед вами первая книга из запланированного к публикации пятитомного проекта «200 мифов о Сталине» под названием «И.В. Сталин и Великая Отечественная война». Как и вся антисталиниана, комплекс мифов на эту тему являет собой круто замешанное на патологической ненависти к России и антисталинизме бездонное скопище тупой лжи, фальсификаций и мистификаций, злоумышленного передергивания или умолчания подлинных фактов истории. Это и есть «технологический базис» антисталинизма, в том числе, естественно, и на тему настоящей книги. Вот самый простой пример. У всех уже, наверное, уши отвисли от непрекращающейся фантасмагорической демонизации «Пакта Молотова—Риббентропа». Но никому и в голову-то не приходит, что ни в архивах бывшего советского МИД (ранее НКИД), а ныне российского МИД, ни где-либо еще такого документа нет! Потому как ни Молотов, ни Риббентроп никакого пакта не подписывали! Подписанный ими 23 августа 1939 г. документ назывался «Договор о ненападении»! Пактом же его прозвали западные газетчики в середине сентября 1939 года. Специализирующиеся на мистификациях фальсификаторы не могут даже правильно назвать то, что пытаются демонизировать! Правда, они дисциплинированно и сознательно повторяют то, что умышленно проделали еще в середине сентября 1939 г. западные СМИ. Дело в том, что Гитлер, как правило, заключал пакты. Так вот, столь своеобразным переименованием упомянутого документа ненавязчиво внушается мысль о том, что-де что Гитлер, что Сталин — все едино, если не того хуже. Вот так и дей-

ствует антисталинская пропаганда. В расчете на то, что никто ничего не знает и не сможет узнать, даже если и пожелает. А что уж говорить о более серьезных вещах, касающихся подлинных тайн мировой политики. Особенно если учесть, что

> Истина — как моря глубина.
> Под пеной притч порою не видна.

Именно поэтому для начала придется убрать грязную пену антисталинских притч — без этого крайне затруднительно понять, что в антисталиниане к чему.

...Мы живем в мире, не зная самых основ его существования. Соответственно не знаем основополагающих механизмов бытия человеческой цивилизации и взаимоотношений между Западом и Востоком. А не зная этого, мы обречены на благостное восприятие любой пропагандистской лжи. Между тем над всеми нами, над Западом и Востоком, Севером и Югом безраздельно правит **основополагающий Закон геополитического бытия человеческой цивилизации на Земле — Высший закон высшей мировой геополитики и политики.** И малейшее неосторожное обращение с его постулатами всенепременно и неумолимо приводит к кровавой трагедии, в том числе и во всемирном масштабе. Даже при абсолютном отсутствии злого умысла, чего, к слову сказать, в высшей мировой политике никогда не было и быть не может по определению, иначе испокон веку все жили бы в мире и согласии, любое неосторожное обращение с его постулатами с той же фатальной неизбежностью приводит к кровавой трагедии. Потому как от Сотворения мира этот суровый Закон (Dura lex, sed lex — Закон суров, но это закон!) гласит: **«Вне какой-либо связи с целями и причинами ее утверждения, но в прямой зависимости от методов ее обретения, монополия пути сообщения безальтернативно принуждает к автоматическому установлению также и своей монополии заселения в ареале действия первой, причем именно теми методами, которыми она и была установлена! Однако в прямой зависимости**

от целей, причин и методов ее утверждения, монополия заселения столь же безальтернативно принуждает к автоматическому установлению также и своей монополии пути сообщения в ареале действия первой, и именно теми методами, которыми она была установлена, но при соблюдении гарантии абсолютной незыблемости ее существования впредь!»

От Сотворения мира обе неотъемлемые части этого **Закона** являются абсолютно непримиримыми антагонистами. От того, какими методами была установлена та или иная монополия, и, самое главное, во имя чего она была установлена, напрямую зависят и последствия для другой. Над самим **Законом** никто и ничто не властно, но именно его «железная длань» управляет всей историей человечества, ибо неумолимо суровая логика этого **Закона** в самом прямом смысле в генетике основных геополитических инстинктов всех наций, народов и государств мира, тем более великих. Но и тривиальная земная корысть никогда не оставалась не у дел. Один из периодов в развитии земной цивилизации, к примеру, называется **«эпохой Великих географических открытий».** Но в действительности ее суть в банальной корысти. Только на уровне государств. Она была не чем иным, как эпохой ожесточенно свирепой борьбы за монополию пути сообщения (в основном за монополию морских коммуникаций, морскую гегемонию) не столько даже на Восток как таковой, сколько прежде всего к источникам его сказочных богатств, легенды о которых сводили с ума весь Запад. Естественно, что стремление к владению ими немедленно и автоматически превращалось в кровавый колониальный разбой. И ничего другого и быть не могло. Ведь новые земли открывались и захватывались, а затем и перехватывались грубой силой. Соответственно грубой же силой устанавливалась и «монополия заселения». Как за счет уничтожения аборигенов, так и за счет вывоза на новые территории колонистов.

Высший закон универсален. В своем функционировании он охватывает все без исключения сферы зем-

ной цивилизации. Его влияние на ход истории на Земле происходит автоматически и невидимо. И, как правило, человечество фиксирует только последствия его функционирования. Между тем оно таково, что запросто может привести к образованию новых национальных (этнических) сообществ, наций и народов, государств и их коалиций, империй и гегемонии, в том числе и всемирного масштаба. Функционирование Закона даже может положить начало новым эпохам в истории мировой цивилизации — от Великих географических открытий и порождения новых религий (учений) до новых видов транспорта и коммуникаций.

Но точно так же воздействие этого **Закона** на ход истории столь же запросто может снести с лица земли любые цивилизации, гегемонии, империи, государства, населявшие (населяющие) их народы и даже целые эпохи в самой истории человечества. Функционирование **Высшего закона** неумолимо. Сколько в истории погибло различных государств, империй и их коалиций — едва ли кто-либо сможет сосчитать. Если, например, обратиться к недавней истории, то в числе первых, естественно, следует привести пример целенаправленного уничтожения Российской империи, СССР и Югославии. Болтология о прогнившем царизме, тоталитаризме, коммунизме и т.п. — всего лишь дымовая завеса для сокрытия подлинных геополитических причин.

Не менее известны и факты полного исчезновения многих народов и этносов, а также цивилизаций как древности, так и недавней современности, в том числе и очень могущественных некогда. Главным образом вследствие геноцида различных народов. Прежде всего это «красный» геноцид — то есть физическое уничтожение ряда народов и племен. Из недавней истории известны факты массового физического уничтожения армян, евреев, цыган, американских индейцев, курдов и множества других европейских, азиатских, африканских, австралийских и американских племен. Это и так называемый «белый» геноцид, которым завершались «деяния» первого — то есть насильственная ассими-

ляция, в том числе и через религию. К примеру, кровавая «германизация» с последующим онемечиванием ряда народов Европы, прежде всего славян. Или насильственное окатоличивание части западных славян, исламизация некоторых некогда христианских народов или их определенной части и т.д. Ныне происходит еще более глобальный процесс — англицизация всего мира.

Такие постоянно происходящие в истории человечества глобальные процессы требуют соответствующего обоснования. Потому им и сопутствуют зарождение новых или ренессанс в силу каких-то исторических обстоятельств длительное время пребывавших в «консервации » религий, доктрин и учений. Это и протестантизм, и учения о капитализме, социализме и коммунизме, и бурный ренессанс масонства (как особой квинтэссенции тайных учений прошлого), и сионизм, и суннизм, и шиизм, и ваххабизм, и пантюркизм с панисламизмом, всевозможные *Pax Britannica, Pax Americana, Pax Germana, Pax Ottomana* и т.д. Нельзя не упомянуть и о современных «измах» — глобализме и антиглобализме. Все они оказали и по-прежнему оказывают исключительное воздействие на историю и современность мировой цивилизации.

От Сотворения мира у **Высшего закона** есть до чрезвычайности страшная своими кровавыми последствиями особенность. С седых библейских времен существуют как возможность, так и ничем не укротимый соблазн прочитать его, как бог (соответствующий) на душу положит! Образно говоря, не только от начала и до конца, или слева направо, но и справа налево, а также хоть по диагонали, хоть в порядке обратной логики. Короче говоря, как угодно. Но как только в высшей мировой геополитике и политике предпринимают попытки прочитать его так, как бог на душу положит, то даже если это происходит всего лишь на уровне мыслительного процесса, человечеству тем не менее уже гарантированы особо трагичные, кровавые последствия. А если от корыстных задумок еще и к «делу» перейдут, то человечество неизбежно погру-

жается в пучину столь коллапсовых и кровавых потрясений и катаклизмов, что просто диву даешься, как оно еще выживает! Потому как их масштабы носят, по сути дела, тектонический характер, а экономические, социальные, демографические и политические последствия столь ужасающие, что едва ли найдется хотя бы относительно точный термин, чтобы как-то их обозначить.

Исторически беспрецедентную роль в подобных последствиях проявления Высшего **закона** играют войны, которых к началу III тысячелетия насчитывалось уже без малого 16 тысяч (в рамках письменной истории человечества). Таковы, например, любые межрасовые, межэтнические и этноконфессиональные войны, столкновения и конфликты прошлого и настоящего. В их сути нет абсолютно ничего ни от рас или этносов в них участвующих — лишь бесчисленные человеческие жертвы, ни от религий, ими исповедуемых, кроме опять-таки бесчисленных человеческих жертв, приносимых на алтарь религиозного фанатизма. **Зато всегда в безмерном избытке глубинные геополитические причины, о которых абсолютное большинство жертв, как правило, даже и не догадывается.**

О Высшем законе высшей мировой геополитики и политики можно много и долго говорить. Однако из всего того, что связано **с** ним, для нас важно следующее.

Исторически так сложилось, что взаимоотношения между двумя неотъемлемыми частями этого Закона являют собой уникальный геополитический «перпетуум мобиле». Именно он от Сотворения мира непрерывно воспроизводит абсолютно непримиримое, основополагающее противоречие между Западом и Востоком, сконцентрировавшееся впоследствии в аналогичном противоречии, прежде всего между англосаксонским Западом (веками в лице Англии, ныне США и Англии) и Россией как единственной в мире единой, подлинно трансконтинентальной евразийской державой. Потому как если в соответствии с логикой Высшего закона принципиально схематизировать историю становления Запада и Востока, то увидим, что,

например, Запад складывался в прочные государственные образования, как правило, в рамках логики первой части Высшего закона. В абсолютном большинстве случаев это происходило от установления — как правило, в форме умышленного захвата вооруженным путем и соответствующими ему методами монополии пути сообщения, которая, в свою очередь, неизбежно автоматически вела к установлению теми же методами также и монополии заселения пришельцев. Коренное население захваченных территорий едва ли не в прямом смысле слова вырубалось под корень, особенно элита. Оставшихся в живых ожидала неизбежная в таких случаях участь — «белый » геноцид, то есть насильственная ассимиляция, в том числе и с помощью религии. В истории, например, Европы этим **«славились» германцы. «Метод»** так и называется в **истории — «общегерманский». На века «ославились»** и **многие представители Азии.**

Исторически эта схема была абсолютно неизбежна, ибо геополитические основы всего того, что теперь мы привычно называем Запад, создавали ближайшие потомки тех самых варваров (гуннов, готов и т.п.), что завоевали и разрушили Древний Рим, являвшийся, к слову сказать, таким же классическим проявлением первой части Высшего закона на рубеже эр. Однако возникшие на руинах древнеримской империи новые государственные образования имперского типа самым наглядным образом доказали, что произошла исторически беспрецедентно уникальнейшая гибридизация основных геополитических инстинктов разрушенного прошлого и воцарившегося на его обломках разрушительного нового. С тех пор все западные империи устанавливались рамках логики первой части Высшего закона, то есть огнем и мечом. В своей знаменитой книге «О Божьем граде» блаженный Августин назвал это весьма «изящно» — «Libido dominandi» («Страсть к властвованию»).

Но от продиктованной Высшим законом генетики никуда не денешься. Захватившие и разрушившие Древний Рим варвары действовали в рамках логики

первой части все того же **Закона,** то есть от установления вооруженным путем своей монополии пути сообщения на Запад к установлению тем же путем и своей монополии заселения на том же Западе. Более того, в кратчайшие же исторические сроки варваров настиг и **геополитический момент истины.** Столкнувшись с непреодолимым для них, тем более в начале первого тысячелетия нашей эры, барьером — Атлантическим океаном, они неминуемо оказались вынуждены повернуть свои взоры вспять, то есть на Восток, откуда и пришли их пращуры. Так зародился впоследствии до печальное™ пресловутый девиз **«Дранг нах Остен» — «Вперед, на Восток!». И,** несмотря на то, что в устах, например, того же Гитлера это звучало как плагиат, тем не менее оно было закономерно. Речь шла о продвижении далеко на Восток не просто сущности Европы, а именно **геополитической сущности Европы! А** она **— геополитическая сущность Европы (а затем и всего Запада)** — еще с тех далеких времен, а с периода империи Карла Великого, т.е. с конца VIII — начала IX вв. н.э., уже окончательно и безальтернативно на века воплотилась именно в **агрессии!** Ничего удивительного в том не было: **генетика — она и в геополитике генетика.**

В результате получилось, что в основе создания, а затем и созидания Запада **лежит агрессия** — она же и основополагающий фактор его бытия в целом, в чем легко убедиться из ежедневных сообщений СМИ.

Путь Востока, особенно континентального, принципиально иной, главным образом на последнем, финишном этапе Второго от Рождества Христова тысячелетия, т.е. в XX в. В прочные государственные образования Восток институционализировался в рамках логики второй части Закона. **То есть от утверждения, причем, как правило, в форме отстаивания, в том числе, а нередко и прежде всего, вооруженным путем, своей монополии заселения на своей же территории к установлению, в основном также вооруженным путем, своей монополии пути сообщения в ареале действия своей же монополии заселения. Если обобщен-**

но, то это прежде всего национально-освободительная борьба за провозглашение своего суверенитета, независимости и территориальной целостности.

Путь от непрерывного отстаивания вооруженной рукой своего права на жизнь к утверждению военной силой монополии собственного заселения как основы гарантии от физического уничтожения с последующим формированием своей государственности, как прямого воплощения своего права на свою же монополию пути сообщения в пределах границ действия своей же монополии заселения прошла и Россия. Изначальным импульсом к этой действительно непрерывной вооруженной борьбе, в первую очередь за право на жизнь, послужило предрешенное логикой первой части **Высшего закона** неоднократное кровавое «знакомство» оседлых восточных славян все с теми же гуннами, готами и другими степняками. Прорываясь **на** Запад, они далеко не единожды и не один век кряду волна за волной накатывались на земли восточных славян, опустошая их. **В переводе на язык Высшего закона это означает, что варвары огнем и мечом и, к сожалению, далеко не безуспешно, пытались установить свою монополию пути сообщения на Запад через земли восточных славян. Вследствие этого изначально осознававшаяся как вооруженная борьба за право на жизнь едва ли не мгновенно перетекла в плоскость отстаивания все тем же вооруженным путем, но уже монополии заселения оседлых восточных славян. Дойдя же впоследствии до возможной в те далекие времена высшей в своем развитии стадии, такая организационная база превратилась в краеугольный камень фундамента, опираясь, в свою очередь, на который и под воздействием логики второй части Высшего закона стали генерироваться зачатки основ будущей государственности восточных славян, в том числе и Руси изначальной.**

В принципиальной схеме этого пути и сокрыта тайна происхождения значения **безопасности как основы бытия, созидания и процветания России.** Организационные формы ее вооруженной борьбы за свою монополию заселения последовательно прошли стадии:

сопротивления внешней опасности, организовывавшегося сначала в рамках ареала проживания конкретного племени;

трансформации, по мере же расширения масштабов внешней угрозы и роста ее интенсивности, в борьбу уже племенного союза (т.е. союза родственных племен);

превращения, когда интенсивность и масштабы внешней опасности приняли характер постоянно действующей глобальной угрозы, в отстаивание своего права на жизнь и собственную монополию заселения при безусловной опоре на все силы и ресурсы союза союзов. Только этот вариант имел реальный шанс на успех в противостоянии постоянной глобальной угрозе.

Под прямым воздействием логики второй части Высшего закона с этого момента и начался процесс генерирования первых зачатков будущей государственности. Постоянно довлевшая глобальная задача обеспечения безопасности всех входивших в союз союзов членов автоматически стала основополагающим импульсом, положившим начало этому процессу. В части, касающейся нашей Родины, это означает следующее. В основу создания, а затем и созидания Руси изначальной, Киевской Руси, Русского централизованного государства и, наконец, России, в том числе и как имперского образования, вне какой-либо зависимости от существовавших (или существующих) в ней режимов, форм государственного и общественного устройства, изначально генетически была заложена безопасность как основополагающая базовая ценность!

Мудро подмечено, что «география — это судьба **народа»,** а «история **России есть история преодоления географии России».** Создавшие основы будущей Руси-России пращуры проживали в основном на территории Русской равнины, которая по своей основной характеристике является плоской. Именно с этим обстоятельством и связана природа происхождения основополагающего импульса к расширению Руси-России как к стремлению обезопасить себя. Потому что когда интенсивность и масштабы внешней опасности

приняли характер постоянно действующей глобальной угрозы, то отстаивать свое право на жизнь, собственную монополию заселения стало возможным не только при безусловной опоре на все силы и ресурсы союза союзов. В той географической ситуации и метод обороны был единственный — пращуры, а затем и Русь изначальная вынуждены были занять **круговую оборону. Потому как сам плоский характер Русской равнины делал ее уязвимой практически со всех сторон. И только опора** на **все силы союза** союзов **позволяла занять именно круговую оборону.**

Между тем в статусе испокон веку не оспариваемой аксиоматической истины в военном деле с седых библейских времен утвердился следующий принцип: **в условиях плоской равнины оборона должна быть не только круговой, но и активной. То есть вслед за парированием удара противника обороняющаяся сторона должна и сама делать выпад, контратаковать.** На уровне сугубо военных задач — это военное искусство. Однако на уровне геополитики и политики, тем более протоэмбриона будущего государства, зачатие которого происходило под непрерывным шквалом отличавшихся особой жестокостью войн и нашествий с разных сторон, выпад, контратака должны были означать и, естественно, означали, единственное — отодвигание рубежей обороны как можно дальше от центра обороны по всему ее периметру. До тех рубежей, с которых предположительно должна была начаться всегда ожидавшаяся следующая война (или нашествие). В военном деле это называется одним кратким словом — предполье. Однако в геополитике и политике это уже совсем иное — речь идет о наиболее безопасном варианте границ. Данное обстоятельство и стало тем самым основополагающим импульсом к продвижению Руси, а затем и России шаг за шагом вперед во всех направлениях, по всем азимутам. Ибо любой из всего-то четырех азимутов являл собой направление очередного главного удара очередного же агрессора. Нередко нападения происходили сразу с двух, а то и трех направлений.

Потому-то Русь-Россия и расширялась исключительно в силу все того же соображения безопасности — когда совершенно мирным путем, когда военным, но всегда во главе угла стояла именно безопасность, а не стремление к захвату как таковому. Эта особенность России давно подмечена. И действительно оно так и было в Истории, чему в немалой степени способствовали и чисто географические обстоятельства. Потому как оно могло происходить и происходило в действительности не в силу какого-то корыстного, тем более злого умысла, а только по соображениям Безопасности. Именно этим объясняется то обстоятельство, что ее расширение происходило только до естественных преград. То есть до морей и океанов, в том числе и в одинаковой степени в целях равноправного общения с внешним миром посредством морских коммуникаций, до непреодолимых для врагов гор и горных хребтов или до границ ареалов иных миров и цивилизаций. **Именно так, то есть сугубо по соображениям безопасности, Россия стала в итоге единственной в мире единой, трансконтинентальной, евразийской державой.**

Такова наиглавнейшая и принципиальнейшая особенность нашей Родины: **в основе созидания, бытия** и **процветания России лежит именно и только безопасность!** Именно в этом смысле ее исторический путь и является классикой пути Востока, особенно континентального. И, собственно говоря, именно поэтому-то в абсолютном большинстве случаев России и удается, с тем или иным успехом, находить общий язык с Востоком!

И еще об одной, едва заметной в толще минувших веков, но тем не менее имеющей столь же исключительное геополитическое значение детали. Хотя и в зачаточном по тем временам виде, но тем не менее проблема Безопасности изначально носила явный цивилизационный характер. Ведь кровавое «знакомство» восточных славян с прорывавшимися на Запад гуннами, готами и прочими степняками было нечем иным, как прямым столкновением зачатков будущих циви-

лизаций Запада и Востока: те оседлые, эти кочевники! Так оно и пошло впоследствии. Основополагающее **и** абсолютно непримиримое противоречие между Западом и Востоком (Россией прежде всего) — это не только беспрецедентно принципиальный, непримиримый антагонизм между **агрессией и безопасностью,** но и в абсолютно равной степени принципиально непримиримое, антагонистическое противоречие сугубо цивилизационного характера. Не случайно поэтому, что даже столь разные по своему значению звезды российской культуры — А. Пушкин и П. Чаадаев, — хотя и в разных формулировках, но абсолютно точно выражали одну **и** ту же, исторически же обоснованную мысль:

А.С. Пушкин — «Поймите же, что Россия никогда не имела ничего общего с остальною Европою, что история ее требует иной мысли».

П.Я. Чаадаев — «Мы не Запад... у нас другое начало цивилизации».

У России настолько иное начало цивилизации, что действительно требуется не просто другая, а четко выверенная историческими фактами принципиально иная мысль. Те же причины, что безальтернативно привели пращуров к мысли о необходимости слияния всех племенных союзов в один союз, а затем безальтернативно вынудили их занять также и круговую оборону, слившись воедино, привели также и к тому, что Русь осознанно избрала единственный возможный вариант будущей государственности — самодержавие! Потому как в условиях круговой обороны, опирающейся на все силы и ресурсы союза союзов, выбор формы власти предрешен самой целью, ради которой племенные союзы объединились. **Соображения Безопасности практически безальтернативно выдвинули в повестку дня вопрос о безусловной централизации** власти и **ее единоначалии. И вопрос этот был решен однозначно в пользу самодержавия.** Таким образом, централизация, единоначалие и неминуемое их последствие — беспримерно высокий уровень политической дисциплины всех классов и сословий тогдашнего общества, иначе круговая оборона с опорой на все силы и ресурсы союза союзов невозможна, — явились суровым ответом и пращуров, а затем и самой Моск-

вы на исторический вызов. «Необходимость централизации, — подчеркивал такой борец с самодержавием, как А.И. Герцен, — была очевидна, без нее не удалось бы ни свергнуть монгольское иго, ни спасти единство государства. События сложились в пользу самодержавия. Россия была спасена. Она стала сильной, великой...»[1] За многие столетия самодержавие претерпело различные изменения по форме и названию, но, заметьте, не по сути! Никому не дано безнаказанно нарушать Высший закон, тем более когда это касается сути основы державы.

Но здесь же сокрыта и великая «ахиллесова пята» России. Осознанно соглашаясь с выбором самодержавия как единственной формы власти, могущей гарантировать Безопасность каждого и всех, народ (народы) добровольно согласился (согласились) и с доминированием обязанностей перед государством вместо прав. Так вот беда в том и заключается, что испокон веку верховная власть в России абсолютно персонифицированная, и от специфики личностных характеристик конкретной персоны слишком многое зависит в судьбе государства и общества. Хорошо, если сия персона денно и нощно думает и эффективно заботится о державе и ее народах. Но дело-то в том, что выстраданное веками кровавой борьбы за физическое выживание народа самодержавие как система обеспечения Безопасности всех и каждого, так же как и любая монополия, подвержена коррозии со стороны алчности. Если, так сказать, изложить эту мысль в научных понятиях, то, пожалуй, придется обратиться к не столь уж и популярным ныне К. Марксу и Ф. Энгельсу. По их мнению, «вместе с возможностью удерживать товар как меновую стоимость или меновую стоимость как товар, пробуждается алчность» (в поэтическом понимании прошлого, например древнеримского поэта Вергилия, — пробуждается «auri sacra fames», то есть «проклятая жажда золота»). Власть — товар, ее возможности — меновая стоимость. Итоговый вывод понятен, надеюсь, без подсказки. Но это та самая алчность, которая ставит под угрозу исчезновения в Небытии тот самый народ, за безопасность которого власть вроде бы отвечает. Хуже того. В ситуации, когда Олимпом власти в государстве, созданным не про-

---

[1] *Герцен А.И.* Сочинения. Т. 3. М., 1956. С. 403—404.

сто по соображениям Безопасности, а именно в тех самых конкретных условиях, что были описаны выше, овладевает алчность в виде «Libido dominandi» — «Страсти к властвованию», то общество сталкивается как с деспотизмом, так и с разгулом коррупции, являющейся экономическим вариантом проявления «Libido dominandi». Дуэт же деспотизма и коррупции автоматически ведет к разрушению государства и уничтожению народа.

Деспотизм же, к слову сказать, характерен и для демократии. Однако «демократия... не нарушая своих принципов... может сочетать в себе все виды гнета политического, религиозного, социального. Но при демократическом строе деспотизм становится неуловимым, так как он распыляется по различным учреждениям, он не воплощается ни в каком одном лице, он вездесущ ив то же время его нет нигде; оттого он как пар, наполняющий пространство, невидим, но удушлив, он как бы сливается с **национальным** климатом. Он раздражает, от него страдают, на него жалуются, но не на кого обрушиться. Люди обыкновенно привыкают к этому злу и подчиняются. Нельзя же сильно ненавидеть то, чего не видишь. При самодержавии же, наоборот, деспотизм проявляется в самом, так сказать, сгущенном, массивном, самом конкретном виде. Деспотизм тут воплощается в одном человеке и вызывает величайшую ненависть»[1]. Вот ее-то очень легко эксплуатировать в разрушительных *целях* — ведь когда национальное и социальное объединяются с персонифицированной ненавистью религиозного (идеологического) экстаза, то возникают подземные толчки такой небывало чудовищной мощи, что, походя, крушат не только самые могущественные империи, но даже цивилизации и эпохи. Тоже можно и нужно сказать о коррупции. Коррупция в условиях самодержавия — ярко персонифицирована и потому легко вызывает всеобщую ненависть. В условиях демократии же источником коррупции является режим власти, на помощь которой приходит, как это не парадоксально, описанный выше деспотизм в условиях демократии.

Едва только — к концу первого тысячелетия от **Рождества Христова — завершилось еще и религиоз-**

---

[1] *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. М., 1991(репринт 1923 г.). С. 145, 146.

ное оформление цивилизаций, то основополагающее, глобальное, принципиально непримиримое, антагонистическое противоречие между Западом и Востоком (Россией) приобрело еще и все черты геополитического противоборства религиозно-цивилизационного характера и таким оно остается поныне.

В 1018 г. произошел первый серьезный раунд геополитического противоборства религиозно-цивилизационного характера — консолидированные силы католического Запада в лице объединенного саксонско-венгерско-польского войска под предводительством известного польского бандита, но князя, а, впоследствии, еще и короля — Болеслава Великого, напало на Русь и захватило Киев. Однако самым главным во всей этой истории является иное — то, что на тысячелетие вперед предрешило особую специфику проявления геополитического противоборства религиозно-цивилизационного характера между Западом и Русью. **Ведь это нападение произошло в буквальном смысле «по горячим следам» Крещения Руси! Спустя всего двадцать девять лет после официально признаваемой даты Крещения — 989 г.! То есть уже тогда прельстивший Запад девиз «Дранг нах Остен» обрел ярко выраженную религиозно-цивилизационную окраску геополитического характера! Все Второе Тысячелетие глобальный геополитический бандитизм Запада против России будет именно такой** и **в таком же виде перекочует даже в Третье.**

Но **с тех же самых пор и без того до** крайности специфичное **геополитическое противоборство религиозно-цивилизационного характера между Западом** и **Русью обрело еще одну черту. Тогда же сложилась и особо уникальная из-за своей феноменальной подлости «традиция» Запада нападать на Русь в период либо уже начавшихся, либо в канун крутых цивилизационных изменений в ее судьбе, в том числе и тех, что либо прямо, либо исподволь провокационно инспирировались самим Западом. Если хотя бы бегло схематизировать обстоятельства, например, всех крупнейших столкновений Руси с Западом, то без труда увидим все доказательства наличия у Запада именно этой подлейшей «традиции», которая пустила слишком уж глубокие корни. Всякий раз, когда гибли предшествовав-**

шие формы русской государственности, без труда можно обнаружить то или иное «содействие» Запада. Но точно так же и у истоков неизбежного на новом витке истории ренессанса русской цивилизации и государственности, тем более если они изначально были сориентированы на новые фундаментальные принципы, опять можно обнаружить прямое (нередко и силовое) или косвенное «содействие» (если это было выгодно) или противодействие (если это было невыгодно) Запада.

Вспомните историю XX в. Двукратное разрушение государства происходило в буквальном смысле на пороге новой эпохи не только в ее развитии и цивилизации, но и в целом земной цивилизации. К примеру, так называемая «февральская революция »1917 г. произошла не только в канун уже ни у кого не вызывавшей сомнения феерической победы России в Первой мировой войне, но и прежде всего как превентивно ликвидирующая грядущее объективное возвышение России над всем миром в качестве закономерно обретающей статус мирового центра державы. Собственно говоря, Запад для того и развязал ту войну, чтобы не допустить такого развития событий. И Вторую мировую войну в ускоренном темпе развязывали и усиленно провоцировали Гитлера на нападение на СССР прежде всего именно по этой же причине. В свою очередь и крушение СССР произошло в буквальном смысле на пороге новой эпохи в развитии не столько транспортных коммуникаций, в которой ведущая роль принадлежала бы Советскому Союзу, сколько в истории мировой цивилизации. То есть совершенно мирным путем глобальная монополия путей сообщения в мире объективно перешла бы в руки СССР со всеми вытекающими отсюда глобальными последствиями. Кстати сказать, то же самое имело место и в начале XX века.

Как обязательный атрибут вселенского бандитизма Запада всегда имело место его освящение испокон веку обагренными кровью людской католическим крестом и прочими «общечеловеческими ценностями», даже если на знаменах тех, кого в этих целях привлекал Запад, были начертаны отнюдь не христианские символы и уж тем более не резюме знаменитых десяти библейских заповедей! Как началось это с на-

падения на Киевскую Русь, так и продолжается до сих пор — меняются лишь формы да степень подлости, с которой Запад по-прежнему идет на это.

Вся дальнейшая история взаимоотношений Руси-России с Западом протекала именно в этом, обозначенном указанными выше вехами русле. Абсолютно ничем не отличается и современность. Ибо в основе этой истории и современности лежит основополагающее, глобальное, принципиально неустранимое, антагонистическое геополитическое противоречие религиозно-цивилизационного характера между АГРЕССИЕЙ — как сущностью ЗАПАДА — И БЕЗОПАСНОСТЬЮ — как сущностью и базовой ценностью РОССИИ!

С этим связана еще и такая «традиция» особой подлости Запада, как беспрерывное разыгрывание «русской карты» в мировом пасьянсе. То ей придают вид «русской угрозы» (в XX веке — «большевистской», а затем и «коммунистической » и, наконец, «советской угрозы »), то вид решающего козыря, но всякий раз Россия платит за это океанами крови людской и неисчислимыми иными потерями. Когда же Россия пытается избежать такого поворота событий, то ее начинают обвинять в некоем коварстве или, и того чище, что имеет место быть в наше время, в нарушении «демократии» и «прав человека ». Ну что еще можно ожидать от Запада?! Запад — он и есть Запад, мать его...

Под давлением многовековой толщи неоспоримых доказательств видный историк Запада Арнольд Тойнби вынужден был письменно признать факт беспрецедентной многовековой агрессивности Запада по отношению к России. В опубликованном в 1947 г. труде **«Цивилизации перед судом истории»** он прямо указал, что **«хроники вековой борьбы между двумя ветвями христианства, пожалуй, действительно отражают, что русские оказывались жертвами агрессии, а люди Запада — агрессорами»[1].** Более того, он открыто признал и то обстоятельство, **что на протяжении столетий АГРЕССИЯ является единственной формой**

[1] *Тойнби А.* Цивилизация перед судом истории. М., 1996. С. 106-107.

общения Запада с внешним миром и, как правило, носит характер геополитического противоборства религиозно-цивилизационного характера.

«Западный человек, — отмечал А. Тойнби, — который захочет разобраться в этой теме, должен будет хотя бы на несколько минут покинуть "свою кочку" и посмотреть на столкновение между остальным миром и Западом глазами огромного большинства человечества. Как бы ни различались между собой народы мира... на вопрос западного исследователя об их отношении к Западу, все — русские и мусульмане, индусы и китайцы, японцы и все остальные — ответят одинаково. Запад, скажут они — это агрессор... И, без сомнения, суждение мира о Западе определенно подтверждается в последние четыре с половиной столетия... За все это время мировой опыт общения с Западом показывает, что Запад, как правило, всегда агрессор»[1].

А. Тойнби сориентировался на британский вариант проявления сущности Запада — он-то как раз и очевиден уже более пяти веков. Маленькая ложь во имя Запада, естественно, не могла не породить и более существенную ложь в отношении России. Ни разу не дрогнувшей рукой А. Тойнби начертал, что-де «русские навлекли на себя враждебное отношение Запада из-за своей упрямой приверженности чуждой цивилизации»!?[2] Каково, а?! Кто дал право даже выдающемуся человеку оскорблять другой народ только из-за того, что он привержен своей собственной цивилизации?! Кто дал право Западу проявлять враждебное отношение к другому народу только из-за того, что он привержен своей собственной цивилизации?! Кто, наконец, дал право тому же Западу делать из русских врага лишь на том основании, что они привержены своей собственной цивилизации?! Разве русские лезут со своим уставом в западную цивилизацию?! Разве они рассматривают Запад как врага лишь на том основании, что там привержены иной цивилизации?! История однозначно зафиксировала, что в восприятии русских Запад является истинным врагом не из-за того, что там привержены иной цивилизации, а всего лишь потому, что Запад, в силу своей сущности — АГРЕССИИ, — постоянно пытается

---

[1] *Тойнби Л.* Постижение истории. М., 1991. С. 156—157.

[2] *Тойнби А.* Цивилизация перед судом истории. С. 107.

навязать свою цивилизацию русским! Какая-никакая, но разница есть, к тому же принципиальная!

В последние пять столетий специфика взаимоотношений между Западом и Россией, а на самом-то деле между **АГРЕССИЕЙ и БЕЗОПАСНОСТЬЮ** в том и заключается, что со стороны Запада она приобрела особо подлый и коварный характер. Говорить именно так принуждает вся тяжесть не столько даже многовековых, сколько прежде всего бесспорных доказательств и фактов. А тон этой специфике задал главный враг России на протяжении последних пяти столетий — Великобритания (ныне США и Великобритания).

Поэтому едва ли должно показаться странным, что замысел Второй мировой войны XX века существовал еще до наступления самого этого столетия, завершившего второе от Рождества Христова тысячелетие. Она была запланирована Западом еще в самом начале 70-х гг. XIX века, а о неизбежности же Второй мировой войны XX века нагло было объявлено Западом еще в 1890 году. Будущему Сталину — в то время всего лишь Иосифу Джугашвили —тогда исполнилось всего лишь 12 лет. На века же опозоривший Германию будущий ее фюрер — Адольф Гитлер — в то время еще мочился в пеленках под фамилией Шикльгрубер.

А план мировой войны уже существовал. И не просто мировой войны, а именно же Перманентной мировой войны. И не просто был план. А план, предусматривавший аж три мировых войны в XX веке. Хуже того. В плане был показан механизм зарождения оголтелого германского реваншизма на базе итогов Первой мировой войны, что всенепременно должно было привести ко Второй мировой войне. Оставалось только дождаться удобного повода, чтобы запустить этот человеконенавистнический механизм в действие. Подлинными авторами этого плана были наиболее мощные закулисные силы мирового уровня, сконцентрированные с последней трети XVIII века в ныне известном **Комитете 300.** Вдохновителем, а заодно и выразителем этого плана явилась Великобритания, точнее, наиболее мощные закулисные силы Британской империи.

Особо почитаемый в Англии основоположник «технологии» достижения «баланса сил», философ, видный масон конца XVI — начала XVII вв. и один из асов британского шпионажа того периода — Фрэнсис Бэкон — любил говаривать, что-де **«всегда нужно иметь поводы, чтобы начать войну». А** уж что-что, но до предела ожесточившаяся на рубеже XIX—XX вв. борьба за монополию уже сухопутных (железнодорожных) путей сообщения на всем пространстве Евразии в изобилии давала поводы к провоцированию всемирного мордобоя. Именно она-то и явилась главной причиной разработки и объявления плана Перманентной мировой войны. Потому, что его цель состояла в создании **«всемирной империи англосаксонской расы». И** когда в Великобритании было принято решение о провоцировании мировой войны, то весь посвященный в тайны глобальной мировой политики и заинтересованный в том мир был оповещен об этом **29 марта 1890** г. не только сугубо в масонско-разведывательной манере, но и прежде всего с явно выраженным железнодорожным оттенком. В зале одного из важнейших тогда железнодорожных вокзалов Берлина — Лертерском (ныне не существует) — **«чьи-то неведомые руки среди цветов поставили изображение земного шара, обернутого крепом»[1].** Разнесенные по всему свету средствами массовой информации сведения об этом факте в переводе с масонско-разведывательного языка означали: **Объявлена мировая война в целях пресечения как реализации идеи глобального трансконтинентального объединения Германии и России на базе их железнодорожных сетей, так и их первоочередного уничтожения как империй!**

В тот поистине трагический для судеб мира день с политической арены Германии, Европы и всего мира навсегда «убирали» великого «железного» канцлера Германской империи — Отто фон Бисмарка. Прежде всего как ярого приверженца хотя и корыстолюбивой, но тем не менее в главном последовательно принципи-

[1] *Э. Людвиг.* Последний Гогенцоллерн (Вильгельм II). М., 1991, С. 93.

альной политики, выраженной в его чеканной формуле **«на Востоке врага нет»! То есть Россия — не враг!** При всех своих чисто по-европейски двойственных маневрах Бисмарк все же упорно держался за свое «детище» — русско-германский Договор о перестраховке от 6 (18) июня 1887 г. (своего рода де-юре предтеча самой идеи объединения, а в будущем, уже в XX в., также и договоров о нейтралитете и ненападении между двумя державами). Подлинная причина отставки Бисмарка заключалась в следующем. Поддавшись уговорам, в основе которых была грязная британская провокация, полностью невежественный в делах мировой политики кайзер Вильгельм II отказался пролонгировать этот договор еще на шесть лет. Причем при совершенно ясно и четко обрисованной русской дипломатией перспективе перевести его в статус постоянного союза, но не ради столь страшившего Великобританию объединения, а в целях обеспечения взаимной безопасности. Вместо того чтобы сделать все от него зависящее для упрочения мира, кайзер посмел предложить Александру III «поделить мир между Россией и Германией», на что получил от российского самодержца характерный для него «зубодробильный» отказ.

А в сочельник того же **1890** г. принадлежавший видному британскому государственному политическому деятелю, журналисту, члену «Великой масонской ложи Англии » сэру Генри дю Прэ Лабушеру[1] еженедельный журнал **«The Truth» («Правда»)** опубликовал антимонархический памфлет **«Сон Кайзера»,** к которому была приложена соответствующая карта. И в памфлете, и на карте на редкость «провидчески» точно были показаны механизмы перекраивания Европы, ликвидации монархий, инспирирования Первой

[1] Подданные британской империи Лабушеры — абсолютно реальные лица. Являвшегося высокопоставленным сотрудником Северного Отдела МИД Великобритании сына сэра Генри втемную использовал выдающийся агент советской разведки, член знаменитой «кембриджской пятерки » Дональд Маклин. См. архивные дела Службы Внешней Разведки России: № 83791 и № 32826 (л. д. его куратора, нелегала Арнольда Дейча).

и Второй мировых войн, судьба России — вызывающе нагло и цинично указана как **«Русская Пустыня»,** а также расписаны впоследствии на 95—97 % совпавшие с реальностью «революционные» итоги Первой мировой войны[1]. **Это был историческо-геополитический Момент Истины, свидетельствовавший о том, что Perfidious Albion (Коварный Альбион) принял судьбоносное для мира решение о глобальном вооруженном противоборстве с континентальными державами ради перекраивания континентальной Европы и Евразии в своих корыстных интересах!**

В сочетании с демонстративной выходкой на Лертерском вокзале Берлина публикация антимонархического памфлета и карты явилась своего рода письменно-графическим подтверждением того, что по соображениям борьбы за глобальную гегемонию объявлена Перманентная мировая война!

Ее механизм был создан Великобританией во времена ее выдающегося премьер-министра Дизраэли с помощью мощных агентов стратегического интеллектуального влияния британской разведки и британского политического масонства — Карла Маркса и Фридриха Энгельса. В результате Великобритании удалось в 70-х гг. XIX в. сокрушить империю Наполеона III, выхватить у Франции контроль над Суэцким каналом, создать мощный противовес России в лице уже объединенной Германии (Германской империи) и, апробировав впервые этот механизм, заложить основы его перманентности в виде постоянно тлеющей идеи реванша. Речь идет о спровоцированной Великобританией — к сожалению, при крайне близоруком попустительстве царя Александра II — франко-прусской войне 1870—1871 гг. и... Парижской коммуне.

Именно тандемом войны и «революции » была уничтожена Французская империя во главе с Наполеоном III, в прошлом агентом влияния лично британского премьер-министра Пальмерстона. Наполеон III вышел из-под британского кон-

[1] Графические способы передачи информации, тем более с элементами аллегории, очень характерны для масонов. В свое время видный масон-«декабрист» П.И. Пестель отмечал, что **«ум сильнее приковывается к предметам, если они поражают зрение, и аллегории глубже запечатлеваются в нашей душе».**

троля и был жесточайше наказан. Франция была обложена столь непосильными репарационными платежами в пользу победившей Германии Бисмарка — пять миллиардов золотых франков того времени, что по нынешним временам составило бы не менее Пятисот миллиардов евро, — что у нее не осталось иного выхода, кроме как продать Суэцкий канал Великобритании. Только таким образом она и смогла выплатить огромную контрибуцию. А Великобритания решила свои геополитические задачи. Французский контроль над этой, сразу же ставшей важнейшей в мире, морской коммуникацией на пути в Индию был категорически неприемлем для уже упоминавшейся выше триады вечных принципов британской политики. Под это дело и суетился специально созданный К. Марксом и Ф. Энгельсом пресловутый 1-й Интернационал, успевший немало наследить и в России. И едва только задача была выполнена, его прикрыли... до следующей необходимости для Великобритании (кстати, незадолго до публикации Лабушера и масонского конгресса **1889** г. **Ф.** Энгельс реанимировал идею интернационала и состряпал уже II Интернационал).

Так был создан «перпетуум-мобиле» перманентной мировой войны в Европе. Катастрофическое поражение Франции обусловило мгновенное зарождение и развитие идеи французского реванша. Именно это-то в качестве побудительно-движущего мотива и привело к Первой мировой войне и поражению Германии, автоматически спровоцировав затем катастрофически мгновенное зарождение и развитие не только идеи германского реванша, но и нацизма, к чему, как и ко всему остальному, весьма деятельно приложила свои лапы все та же «старая, добрая» сволочь по имени **Perfidious Albion (Коварный Альбион).** На том и был построен объявленный в 1890 г. План Перманентной мировой войны в тандеме с социальными потрясениями в Европе, разработанный лично Ф. Энгельсом и ориентированный в первую очередь на уничтожение России через ее втягивание в крайне чуждые для нее внутриевропейские разборки. Русофобия и славянофобия «классиков научного коммунизма» никогда не знали предела.

В годы Второй мировой войны с подачи У. Черчилля англосаксы вновь хотели запустить в действие этот же механизм за счет жесточайшего территориального обрезания, урезания

и расчленения территории собственно Германии после победы над ней. Однако на их пути встал легендарный советский разведчик-нелегал Исхак Абдулович Ахмеров, своевременно документально разоблачивший замысел англосаксов. И не вина Сталина, что послевоенная Германия была разделена на две части — он-то как раз в конце войны этого не планировал, что легко доказуемо. Разделение получилось в результате односторонних действий Запада, в ответ на которые ему пришлось создавать Германскую Демократическую Республику. Сталин настаивал на создании единого, но демократического германского государства. Но, увы — Запад есть Запад...

Точность приведенной выше расшифровки гарантируется следующим. **Во-первых,** самим «символом». Изображение земного шара в крепе (креп, как известно, материал черного цвета, применяемый в траурных церемониях) на масонском языке означает мировой траур, сиречь, на том же языке, мировую войну. **Во-вторых,** местом и временем выставления такого символа — Германия, Берлин, салон 1-го класса Лертерского железнодорожного вокзала, что на масонском языке означало, что Германия зачинщик войны и она же ее жертва. Как указывалось выше, в тот день, 29 марта 1890 г., с Лертерского вокзала в свое поместье навсегда уезжал отправленный в отставку Отто фон Бисмарк. Эта выходка означала своего рода злорадные похороны восточной политики Бисмарка, указывавшего, что «на Востоке врага нет» («Россия не враг»).

Памфлет и карта «разъясняли» суть неизбежного будущего. Названный памфлет «Сон Кайзера», гласил о том, что как будто бы кайзер Вильгельм II Гогенцоллерн едет простым пассажиром на поезде в Англию, чтобы найти приют в английском работном доме, так как произошла революция, и он лишился престола в своей стране. Вместе с памфлетом была опубликована карта, которую обычно называют «фантастической».

То была карта Европы после неких кардинальных перемен, вследствие которых исчезли все монархии, а территории практически всех европейских государств указаны совершенно в иных, урезанных, границах. От Сотворения мира границы могут быть изменены только

силой, как правило, в результате войны (правда, за редчайшими исключениями, которые для того и предназначены, чтобы подтверждать основное правило). Следовательно, карта иллюстрировала запланированные последствия уже обязанной грянуть общеевропейской, а, по сути-то, мировой войны и одновременно призывала к ее развязыванию. «Методология » же свержения монархий графически разъяснялась как последствие масонских «революций», о чем свидетельствует парящий в сиянии света фригийский, он же якобинский красный колпак — якобы символ свободы со времен «Великой Французской революции» XVIII века. На масонском языке оба символа означают, что именно масоны должны были стать истинными организаторами этих революций, причем по «технологии» ордена Иллюминатов — главного виновника «Великой Французской революции». На это указывает именно сияющий, то есть освещающий (название ордена Иллюминатов происходит от слова «иллюминация», то есть освещение), иллюминирующий свет. Сочетание же возможных только в результате войны территориальных изменений в Европе и призыва к масонским революциям означало, что в действие запускается механизм тандема мировой войны и революции. Учитывая же, что на карте главный акцент в территориальных изменениях в Западной Европе был антигерманский — территория Германии показана в очень урезанном виде, в пользу в первую очередь Франции, а также Голландии и картографически воссозданной Польши (причем даже с Данцигским коридором, из-за которого и началась Вторая мировая война), — то фактически авторы этой карты показали и механизм перманентности мировой войны в лице неизбежного германского реваншизма. На момент публикации объединенная Германия насчитывала всего лишь два десятка лет. И любому было понятно, что ни при каких обстоятельствах немцы не смирятся с территориальными потерями и новым территориальным расчленением их Родины. Давно и хорошо известно, что **«когда Германии грозит опасность, немцы становятся однопартийными. Они превращаются просто в немцев».**

В итоге выходит, что памфлет и особенно карта четко показали неизбежность перманентности как мировой войны, так и революции, причем ориентированных на преодоление последствий таких изменений. В случае с Германией это означало, что расчеты анонимных «картографов » целенаправленно строились как на неизбежности возникновения агрессивного германского националистического реваншизма, так и на неизбежности его трансформации в некую иную революцию, ориентированную на преодоление последствий территориальных утрат, означавших также и экономические и демографические потери. Время показало, что целенаправленно инспирировалась «национал-социалистическая революция», проще говоря, впоследствии осужденный всем человечеством нацизм.

Необходимо иметь в виду, что ставка на германский национализм реваншистского толка возникла у наиболее могущественных сил мирового закулисья, едва только была создана Германская империя. Для того Великобритания и дала Бисмарку шанс воссоздать Германскую империю как противовес Российской империи. Ибо далее предусматривалось уничтожить их в смертельном столкновении. Не самой же Великобритании воевать против России. Для того и был создан «здоровый дурень всемирной истории» в лице Германской империи. Однако уничтожение Германией самое себя обязано было породить оголтело агрессивный германский националистический реваншизм, чтобы затем инициировать Вторую мировую войну. Она-таки понадобилась. Дело в том, что в процессе Первой мировой войны закулисные «мудрецы» на ходу решили, что удастся учинить России Вторую мировую в сценарии «с колес Первой», что и попытались сделать широкомасштабными интервенциями. Не вышло. Да и «революция» в России быстро превратилась в истинно русскую, чего Запад не предполагал. Хотя Д.Х. Макиндер еще в 1904 г. в опубликованной статье «Географическая ось истории» открыто предупреждал правящие круги англосаксонского Запада о том, что никакая социальная революция не изменит отношения России к ее великим географическим границам. Так оно и произошло. Потому-то и понадобилась вторая по счету «Вторая мировая вой-

на» — в хорошо известном из истории сценарии. Вот почему и было употреблено выражение «Она-таки понадобилась».

Сам же сценарий Перманентной мировой войны, в том числе и двух мировых войн XX века, фигурировал еще в 1871 году! В адресованном руководителю баварских иллюминатов Джузеппе Мадзини письме от 15 августа 1871 г. «Суверен-Гроссмейстер Шотландского круга Вольных Каменщиков » США Альберт Пайк описал весь сценарий грядущей Перманентной мировой войны. **По существу, это была программа установления «нового мирового порядка», рассчитанная на очень длительный период. В частности, там четко была предусмотрена Первая мировая война, ориентированная на свержение царизма в России и превращение ее в зависимую от иллюминатов страну. Следующим шагом намечалась Вторая мировая война, зачинщиком которой должен был стать именно германский национализм.**

Но ведь чтобы стать такой силой, из обычного бытового явления он должен был превратиться в общенациональную политическую силу. Национализм же в моноэтнической стране может претендовать на такую роль и тем более на вершину Олимпа власти лишь в одном случае — в случае тотального поражения (лучшего всего в глобальной войне), чрезвычайно резко усугубленного крайне жестоким обращением победителей с побежденным и особым унижением его национального достоинства. Немцы в этом смысле — просто-таки идеальный материал, ибо действительно, **«когда Германии грозит опасность, немцы становятся однопартийными. Они превращаются просто в немцев».** Поэтому «взрыхление » социально-политической почвы для проращивания ядовитых семян оголтелого национализма и началось задолго до того, как мир был подведен к порогу еще Первой мировой войны, чему способствовало воцарение в системе государственной политики кайзеровской Германии идеи о натиске тевтонов на славян. Осуществлялось оно в форме «volkisch» (националистической) пропаганды.

Однако на англосаксонском Западе прекрасно понимали, что до поры до времени такое «взрыхление » не сможет развиться до необходимого уровня, но будет подыгрывать «ура-тевтонскому патриотизму» на вспомогательных ролях, что было выгодно для провоцирования Первой мировой войны.

Так происходило вплоть до тотального поражения Германии в той войне. Переварив в процессе «дружественного поглощения» пантевтонские идеи, «volkisch» идея отрыгнула невиданный сплав чудовищной геополитической преступности — оголтело агрессивный германский националистический реваншизм, по соображениям царившей тогда в мире политической моды обозванный «национал-социализмом». То есть как бы в пику «интернационал-социализму», воцарившемуся в России. Что и нужно было мировой закулисе. И что она планировала еще тогда, когда Адольфа Гитлера не было даже в проекте. В свом блестяще аргументированном исследовании «Оккультные корни нацизма. Тайные арийские культы и их влияние на нацистскую идеологию» авторитетный английский историк, доктор философии Оксфордского университета Николас Гудрик-Кларк указывает, что «...позыв к неоромантическому оккультному возрождению возник не в Германии. Его скорее следует связать с реакцией на засилье материалистических, рационалистических и позитивистских идей в практических и промышленных культурах Америки и Англии. Немецкое оккультное возрождение многим обязано популярности теософии в англосаксонском мире в 1880-е годы. Здесь она имела выход на международное движение тайных обществ »[1].

Особое значение имеет железнодорожный аспект причины объявления Перманентной мировой войны. Обратите внимание, что «сон »- то у кайзера выходит вещим — он на поезде едет в Англию! А там, у дверей английского работного дома, уже толкутся — русский и австро-венгерский императоры, а также болгарский царь (царская династия этой страны была представлена выходцами из германской династии Кобургов) и турецкий султан! И это тоже более чем вещий сон! Германия в то время только-только начала втягиваться в реализацию глобального железнодорожного проекта, который вошел в мировую историю как проект Багдадской железной дороги или «Дороги трех "Б"» [Берлин — Бизантиум (Константинополь) — Багдад]. Ее трасса должна была пройти по территориям европейских империй (Германской и Австро-Венгерской), одного царства (Болгар-

[1] ***Гудрик-Кларк*. Оккультные корни нацизма. СПб., 1996, С. 26.**

ского), а также трансконтинентальной Османской империи. Россия в тот момент только-только приняла решение о возможности строительства Транссибирской магистрали. А мировая война уже объявлена! В точном соответствии с решениями Парижского масонского конгресса 1889 года! Но, конечно же, Перманентная мировая война Перманентной мировой войной, хотя бы и в тандеме с перманентной масонской революцией, однако же главная-то цель этого плана — уничтожение Российской империи, России и как державы, и тем более как страны — единственной в мире единой подлинно трансконтинентальной евразийской державы. И эта цель показана беспрецедентно откровенно, с наглой циничностью — **«РУССКАЯ ПУСТЫНЯ»!**

То есть своим, европейцам-то, хотя и крах монархий, но все же не уничтожение дотла — взамен «конфетка» в виде «республик». Участь же России показана с агрессивно наглой циничностью — **«РУССКАЯ ПУСТЫНЯ»!** Насколько же прав был выдающийся деятель русской культуры И.С. Аксаков, еще в 1882 г. прямо указывавший, что «кривде и наглости Запада по отношению к России и вообще Европе Восточной нет ни предела, ни меры. На просвещенном Западе издавна создавалась двойная правда: одна для себя, для племен германо-романских или к ним духовно тяготеющих, другая для нас, славян. Все западные европейские державы, коль скоро дело идет о нас и о славянах, солидарны между собой. Гуманность, цивилизация, христианство — все это упраздняется в отношении Западной Европы к Восточному Православному миру».

Когда Первая мировая война официально завершилась подписанием Версальского якобы мирного договора 1919 г., то один из главных «версальских мудрецов»— французский маршал Фердинанд Фош — так и сказал, что «это не мир, а перемирие. На 20 лет». Как в воду глядел! А, быть может, и точно знал... Пойди, пойми этих западных «козлов». Зато другие уже с пафосом абсолютного знания истины на вопрос о том, где родился Гитлер, впоследствии отвечали кратко, но исторически емко: «В Версале!»

Не следует полагать, что все выше, приведенное — некие конспирологические выдумки автора. К глубо-

кому сожалению, это более чем горькая правда. Американские эксперты-политологи летом 2006 г. официально подтвердили реальность этого плана, исполнение которого продолжается и поныне. В настоящее время реализуется его третий этап — глобальное столкновение политического сионизма с исламом, в которое постепенно втягивают весь мир. Воистину,

> Миром правят насилие, злоба и месть.
> Что еще на земле достовернее есть?

После Второй мировой войны стало очевидно, что в предвоенной истории дипломатии западных стран, увлеченных западной демократией, столь легко проступал список сплошных преступлений, безумств и несчастий человечества, что возникла глобальная стратегическая задача по облагораживанию грязного облика подлого Запада. Однако черного кобеля, как известно, не отмыть добела. Тем более что «кобель» этот, еще не дождавшись окончания войны, опять стал превращаться в подлого шакала, готового вновь броситься на Россию (СССР). В самый разгар Второй мировой войны из-под пера тесно связанного с Британским Королевскими институтом международных отношений и британской разведкой директора Лондонской экономической школы, члена Комитета **300** состава 30—40 гг. XX в., влиятельнейшего геополитика англосаксонского Запада, на идеях которого базируются все западные концепции по установлению мирового господства — Джона Хэлфорда Маккиндера, — вышла уникальная по беспрецедентной агрессивности по отношению к фактически в одиночку ведшему смертельную борьбу с нацизмом СССР статья под названием **«Круглая Земля и выигрыш мира».**

От имени еще ничего существенного не сделавшего для разгрома нацизма англосаксонского Запада, в том числе, естественно, и Великобритании, Маккиндер открыто указал: **«Наш следующий враг — Советский Союз»!** По сути дела, статья была нечем иным, как выдающейся по своему коварству геополитичес-

кой инструкцией всей правящей элите англосаксонского Запада по вопросу, что и как делать дальше, так как, по его мнению, «грядущая борьба должна быть решающей для мирового господства, ибо конечная цель — доминирование над Евразией. Поэтому грядущая неумолимая схватка за власть над этим решающим геополитическим пространством является решающей схваткой современной эпохи».

Лидеры англосаксонского Запада — Рузвельт и Черчилль — услышали эти «рекомендации» и по старинке попытались было договориться между собой насчет третьего по счету в XX веке запуска в действие «механизма приводного ремня», обеспечивающего перевод Перманентной мировой войны в «горячее состояние». Не вышло. Обложивший своей агентурой всю администрацию Белого дома и ведущие министерства США выдающийся советский разведчик-нелегал Исхак Абдулович Ахмеров сумел своевременно и документально известить Сталина об этой попытке. Добытый им текст совершенно секретного Меморандума № 121 (август 1943 г.) свидетельствовал о том, что лидеры англосаксонского Запада всерьез рассматривали идею еще времен Первой мировой войны — повернуть всю оставшуюся мощь пока еще нацистской Германии против СССР и дать ей возможность окончательно разгромить СССР, чтобы затем уже напасть на Германию и прийти в Россию в ипостаси «спасителя-освободителя». И это в 1943 г., когда советская армия уже сломала хребет вермахту!? В общем-то эта была судорожная попытка на ходу изменить уже тогда очевидную послевоенную конфигурацию в Европе. Прежде всего, для изъятия из орбиты влияния СССР Восточной Европы в целях последующего установления там своего господства. Думы о послевоенном господстве в Восточной Европе как о прологе-плацдарме к мировому господству их не оставляли.

Не ударив даже палец о палец, чтобы открыть второй фронт и помочь Советскому Союзу в крайне кровопролитной борьбе с германским нацизмом, а, по сути-то, с консолидировавшейся в общеевропейском

масштабе всей западной сволочью, они размышляли о своем будущем мировом господстве. Естественно, что ничего из всего этого не вышло по той простой причине, что и выйти-то не могло по определению. Прекрасно вооруженный благодаря разведке точным знанием Сталин так прижал Рузвельта (а затем и Трумэна) и Черчилля, а, в сущности-то, так пообломал им бодливые рога, что на десятилетия вперед обеспечил относительно безопасное существование Советского Союза!

За этот беспрецедентный проигрыш с Рузвельтом жестоко расправились — он был убит выстрелом в голову. А Черчилль, чтобы избежать такой же участи, санкционировал срочную разработку операции **«Немыслимое» (Unthinkable),** целью которой было нападение на СССР совместными англо-американскими силами уже 1 июля 1945 года. Однако и на этот раз Сталин был предупрежден своей разведкой — «кембриджская пятерка» лучших агентов советской разведки не дремала. Не без элегантного «содействия» Сталина Черчилль вылетел с поста премьер-министра прямо во время Потсдамской конференции. Потерпев сокрушительное поражение даже в личном плане, но по-прежнему опасаясь за свою шкуру — это посмертно ему воздают едва ли не королевские почести, а тогда запросто могли убить, как и Рузвельта, — Черчилль во спасение своего реноме «защитника истинных ценностей» Сити и Уолл-стрит вынужден был согласиться на исполнение унизительной роли «всемирного забияки». В знаменитой речи, произнесенной 6 марта 1946 года в Фултоне (США), У. Черчилль от имени всего Запада объявил Советскому Союзу холодную войну и с грохотом опустил «железный занавес»[1].

Началось великое противостояние Запад—Восток, добычей в котором, по мнению того же Маккиндера,

[1]К слову сказать, который-то раз за многие века! Черчилль, надо полагать, даже и не ведал, что это уже было. Еще при Петре I, который в одном из писем своему сыну прямо указывал, что Европа преднамеренно опустила «железную завесу» пред Россией!

должен был стать **«Хартленд»**[1], ибо, как он сам же и провозглашал, **«кто правит Восточной Европой, господствует над Хартлендом; кто правит Хартлендом, господствует над Мировым островом; кто правит Мировым островом, господствует над миром».** А господство в Хартленде, согласно геополитическим выкладкам англосаксонского Запада, немыслимо без господства в Восточной Европе. Как никто из его преемников, Сталин превосходно понимал, на добычу какого приза нацелился Запад. Еще в 1947 г. в беседе с известным тогда югославским коммунистом М. Джиласом Сталин, проведя рукой по карте мира, на которой СССР был обозначен красным цветом, воскликнул в адрес англичан и американцев: **«Никогда они не смирятся с тем, чтобы такое пространство было красным — никогда, никогда».** Дело, конечно, не в красном цвете, а в том, что Запад принципиально не смирился со своим проигрышем.

По каналам главного «инструментария» **Комитета 300 — Королевского института международных отношений** — были поданы соответствующие импульсы. И в 1947 г. главе внешней контрразведки МИ-6 Валентайну Вивьену **«пришла в голову мысль»** о необходимости разработки плана долгосрочной операции. Ее целью должно было стать достижение Западом победы в геополитическом противоборстве с СССР в результате постоянного целенаправленного инспирирования по нарастающей его «внутренней слабости» и «потрясений, которые бы проникли до самого сердца страны». Запад взял на вооружение хорошо известный вывод К. Клаузевица о том, что **«Россия не такая страна, которую можно действительно завоевать, т. е. оккупировать... Такая страна может быть побеждена**

[1] Mackinder H. Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction. Wash. DC, 1996, p. 186 (впервые этот труд был опубликован еще в 1919 г.). N.B. В связи с тем, что здесь использованы специфические термины, применяемые в геополитике, необходимо небольшое пояснение: «Хартленд» (Heartland) - **«Сердцевинная Земля» («Земля-Сердце»)** - есть подавляющая часть территории России. **«Мировой Остров»** (World Island) — это Евразия, на большей части которой сосредоточена Россия.

лишь внутренней слабостью и действием раздоров. Достигнуть же этих слабых мест политического бытия можно лишь путем потрясения, которое проникло бы до самого сердца страны». Так зарождался формально засекреченный до 2017 г. план **«Операция Лиотэ».** И хотя прототип плана появился еще в 1947 г. и тогда же были утверждены его отдельные стратегические компоненты, например стратегический план **«Пропаганда третьей силы»,** официально план **«Операция Лиотэ»** был принят лишь **29 июля 1953 года.**

Конечно, советская разведка своевременно узнала о начале его разработки, однако вследствие начавшейся цепной реакции провалов ее выдающихся агентов — членов «кембриджской пятерки», в том числе и отстранения К. Филби **с** поста руководителя советского отдела МИ-6, полный текст плана **«Операция Лиотэ»** попал в СССР чуть позже. Он был добыт одним из ценнейших агентов советской нелегальной разведки в Англии **«Вано»,** которым руководили выдающиеся советские разведчики-нелегалы послевоенного периода **супруги Галина Ивановна и Михаил Владимирович Федоровы.** С разрешения руководства разведки в 1994 г. они вышли из тени обязательной конспирации и тогда же впервые опубликовали свои очень скромные, но очень емкие мемуары под столь же скромным названием **«Будни разведки». В 2001** г. на канале ОРТ был показан и подготовленный СВР документальный фильм о них. И вот что тогда писал опытнейший, не раз державший руку на пульсе планеты ас нелегальной разведки: **«"Операция Лиотэ" — это непрерывно действующая операция, главной задачей которой является выявление и использование трудностей и уязвимых мест... внутри стран советского блока. В ходе операции должны использоваться все возможности, которыми располагает английское правительство, для сбора разведывательных данных и организации мероприятий.** Планирование и организация операции поручены специальной группе, возглавляемой представителем министерства иностранных дел, которая создана на основе решения Комитета кабинета министров по вопросам коммунистичес-

кой деятельности за границей, принятого 29 июля 1953 года[1]. Организация работы по сбору и анализу разведывательных данных и их дальнейшему использованию в свете поставленных задач возлагается на "Интеллидженс Сервис". **Эта непрерывно действующая операция состояла из трех постоянно повторяющихся циклов: "всасывание", т.е. получение данных, "дистилляция" — обработка и искажение добытых материалов до высшей степени ядовитости и "излияния" — доведение до нужных адресатов. Прежде всего ценилась информация, которая могла бы служить подрыву престижа правящих партий и парализации деятельности правоохранительных органов, армии и органов безопасности....** Даже самая незначительная информация, не представляющая при отдельном рассмотрении какого-либо интереса, может, как камешек мозаики, внести значительный вклад в воссоздание общей картины». Далее говорится, **что в ход идут слухи и сплетни, искажения исторической правды, сосредоточение внимания только на негативных этапах истории государств восточного блока. Все это позволит избавить жителей Восточной Европы от патриотических настроений, возбудить недовольство одной группы населения против другой, если возможно натравливать большинство против меньшинства, поддержать тех, кто находится в оппозиции к законным органам власти, помочь оппозиционерам стать у государственного руля, пока полностью не расстроится способность управлять страной.**

Поздним к этому плану было присовокуплено секретное приложение к секретному же документу английской разведки **№ 2279/НВ** от **17** февраля **1953** г., в котором были конкретизированы основные оперативные цели в отношении государств советского блока. **Одна из главных — создать в этом блоке внутреннюю оппозицию против СССР по той же схеме: «вса-**

[1] Первым председателем этого комитета стал Глэдуин Джебб, по фамилии которого он так и назывался — **Комитетом Джебба.** Впоследствии он был заменен консультативным комитетом по вопросам психологической войны - **Комитетом** Додса-Паркера.

сывание» — «дистилляция» — «излияние», поддержка инакомыслия, затем постинакомыслия и так, видимо, до исчезновения способности мыслить вообще» (конец цитаты из мемуаров советского разведчика-нелегала).

Генеральная же идея плана **«Операция Лиотэ»,** его основной лейтмотив были четко указаны в преамбуле и даже в самом названии, что, из-за вложенного в них особого смысла, заслуживает внимания. Операция была названа по имени французского колониального разбойника — маршала Лиотэ. Чем же маршал заслужил такое расположение у страдающей врожденной франкофобией британской разведки?! В истории колониального разбоя Франции до сих пор гуляет история о том, что когда-то, на заре XX века, командующий французскими колониальными войсками в Алжире и Марокко маршал Лиотэ направлялся со своей свитой во дворец. Стоял полдень, нещадно палило африканское солнце. Изнывавший от жары маршал распорядился по обе стороны дороги посадить деревья, которые давали бы тень. **«Деревья вырастут ведь только через 50 лет», — заметил один из приближенных. «Именно поэтому, —прервал командующий, —работу начните сегодня же».** Столь образно высказанная мысль о стратегической работе на дальнюю перспективу до того понравилась англичанам, что даже министерство финансов — по определению скупое ведомство — и то без каких-либо претензий утвердило колоссальные расходы на эту операцию, настолько заманчивы были конечные перспективы в борьбе с веками ненавистной Великобритании Россией, хотя бы и Советской.

Организационная работа по плану **«Операция Лиотэ»** началась еще в 1947 году. Уже тогда была проведена коренная реорганизация Отдела дезинформации МИ-6. Того самого, что накануне войны по прямому указанию У. Черчилля от 20 июля 1940 г. проводил мощнейшую стратегическую дезинформационную операцию по ускорению стравливания Германии и СССР в смертельной схватке, без чего Великобритания не выжила бы.

И с 1947 г. реорганизованный отдел в тесной координации с Управлением коммунистической информации Министерства иностранных дел Великобрита-

нии приступил к непосредственной работе. В конце 50-х гг. в соответствии с вышеупоминавшимся документом № **2279/НВ от 17 февраля 1959** г. в структуре МИ-6 было создано новое подразделение под названием **Специальные политические акции (СПА),** внутри которого была создана секция **Проп,** то есть пропаганда. Главной задачей отдела стала борьба с коммунистическим влиянием по всему свету. А поскольку на МИ-6 были возложены функции головного подразделения разведывательного сообщества Североатлантического союза по координации усилий всех западных спецслужб государств — членов НАТО на этом направлении, то, естественно, операции стратегического влияния, в том числе и пропагандистского характера, проводились ею не только в интересах верхушки элиты британской олигархии, но и всего Запада в целом. Основное направление деятельности состояло в оказании непрерывного разлагающего влияния на общественное мнение стран советского блока.

Много натворили бывшие «союзнички» по антигитлеровской коалиции при выполнении плана **«Операция Лиотэ».** Это и операция **«Юно»** — инспирирование восстания в Восточной Германии летом 1953 г. Это и инспирирование печально известных венгерских событий 1956 г., которые, вплоть до фактов прямого обучения венгерских террористов британской разведкой, разоблачил британский специалист по разведке Майкл Смит в книге **«Новый план, старый кинжал»**[1]**.** Это и провоцирование чехословацких событий 1968 г. Это и безумие польской «Солидарности» во главе с дурным на голову Лехом Валенсой[2] — правда, с этой конторой

[1] Прежде чем праздновать 50-летие того восстания, тем же венграм, например, следовало бы чмокнуть британскую, а заодно и американскую разведки в известное место, ибо на их совести кровавые жертвы того восстания.

[2] Любопытно, что, вылетев с поста президента Польши, Лех Валенса в одном из недавних интервью прямо заявил, что считает резкое ухудшение отношений с Россией и вообще разрыв с прошлым большим несчастьем для Польши. Бывает, что и слесари умнеют. Правда, как оказалось, ненадолго: слесарь — он и в Польше слесарь...

МИ-6 занималась совместно с ЦРУ, и т.д. и т.п. А уж о количестве всевозможных печатных фальшивок и говорить не приходится — несть им числа.

Из всего того, что за полвека МИ-6 натворила во исполнение плана **«Операция Лиотэ»,** для нас интересно следующее. Прежде всего обратите внимание на дату окончательного утверждения правительством Великобритании наиболее полного текста плана — 29 июля 1953 г. Со дня смерти Сталина минуло всего три с небольшим месяца, а борьба за умы в постсталинском СССР вышла на высший правительственный уровень Запада. Конечно, и при Сталине Запад вел против Советского Союза психологическую войну, но тогда все-таки он побаивался переходить грань — Сталин был Сталиным и запросто мог так ответить, что мало не показалось бы. К тому же, он обладал колоссальными рычагами влияния на тот же Запад и при необходимости в ответ мог предпринять очень крутые меры.

К тому же это произошло через три дня после убийства Берии, что означало не только разгром сильнейших на тот момент органов госбезопасности в мире, но и то, что в Кремле окончательно воцарился недобитый вовремя троцкист Хрущев. А уж что он собой представлял, в МИ-6 знали не понаслышке: «старая лиса» заблаговременно располагала весьма пухлым досье на «дорогого Никиту Сергеевича»[1]. Короче говоря, в МИ-6, как, впрочем, и на всем Западе, прекрасно поняли, что противостоять их плану **«Операция Лиотэ»** некому.

[1] Автор книги «Загадка гибели СССР» (М., 2003) А.П. Шевякин на стр. 29 своего труда привел весьма любопытный пример: «В конце ноября 1964 г. в парламенте Англии на праздновании 90-летия У. Черчилля был предложен за него тост как за самого ярого врага России. Он в ответ сказал: "К сожалению, сейчас имеется человек, который нанес вреда стране Советов в 1000 раз больше, чем я. Это Никита Хрущев, так похлопаем ему!"» Бедолага Черчилль не ведал, что уже подрастает Горбачев, который принесет в тысячу раз больше вреда, чем Хрущев, а ему на смену подрастает другой «рекордсмен» политического клонирования—Ельцин, последствия «деяний» которого даже на Западе сравнивают с преступлениями нацистов!

Во исполнение плана **«Операция Лиотэ»** еще в 1947 г. МИ-6 приступила к выполнению программы публикаций различных мемуаров, в том числе и советских перебежчиков, воспоминаний нацистов и т.п., пропагандистское острие которых было направлено против СССР. Все они сыграли свою роль и немалую, особенно в создании «черной истории» Советского Союза. Были среди них и так называемые «гвозди программы». **Одним из таких «гвоздей» в середине 1950-х гг. стали «мемуары Шелленберга».** На них тогда сделало ставку демоническое бешенство Великобритании и Запада в целом в попытках отомстить СССР за то, что во имя безопасности руководимого им государства и его народов Сталин жестко поменял расписание Второй мировой войны, а, следовательно, и послевоенную конфигурацию мироустройства, особенно европейского! За то, что сделал невозможным для англосаксов войти в Восточную Европу как в начале войны, ибо поставил их в ситуацию острой необходимости оборонять Западную Европу, так и после победы для ее изъятия из орбиты СССР. Ибо Восточная Европа — ключ к мировому господству. Еще раз подчеркиваю, что **«кто правит Восточной Европой, господствует над Хартлендом; кто правит Хартлендом, господствует над Мировым островом; кто правит Мировым островом, господствует над миром»!** Проще говоря, с помощью этого «гвоздя программы» британская разведка рассчитывала поквитаться за крупнейший провал британской стратегии за весь XX век. За тот самый крупнейший провал британской стратегии за весь XX век, от которого на протяжении всех предвоенных лет Сталин всеми силами пытался удержать Великобританию. **За советско-германский Договор о ненападении от 23 августа 1939 года! И за то, что Великобритания по собственной дурости первой вляпалась во Вторую мировую войну!**

Тщательно «всосанные, отдистиллированные и излитые» в соответствии с требованиями плана «Операция Лиотэ » всевозможные отрывки из протоколов допросов Шелленберга и каких-то иных его отрывочных записей были превращены в

«мемуары Шелленберга». Их «крестным отцом» стал ныне хорошо известный сотрудник Отдела дезинформации МИ-6, а теперь «историк в штатском» — Роберт Конквест. Проработав в этом отделе с 1947 по 1956 г., на волне невероятного успеха «мемуаров Шелленберга» он покинул разведывательно-пропагандистскую «альма-матер», чтобы стать профессионально специализирующимся на русофобии и антисоветизме историком от МИ-6, дабы впоследствии «осчастливить наших демократов» тупой книгой «Большой террор». Успех первого издания «мемуаров Шелленберга» был оглушительный. Книга была переведена на многие языки мира и издана громадными тиражами. О ней шумела вся западная пресса. Ущерб же, прежде всего моральный, который нанесла эта книга СССР как главному победителю гитлеровской Германии, и вовсе был фантастический. Самым искуснейшим образом МИ-6 создало ситуацию якобы автоматического подтверждения «версии Шелленберга» лично... Хрущевым! Прекрасно зная о предстоящем в феврале—марте 1956 г. XX съезде КПСС и о происходящем в стране спонтанном процессе реабилитации, в связи с чем Хрущев уже не мог избежать этой темы на съезде, верная своим традициям бить на упреждение МИ-6 пошла ва-банк. Упреждающими публикациями отдельных частей из «мемуаров Шелленберга» МИ-6 фактически спровоцировала Хрущева на выступление на съезде с тем самым сумбурным докладом, полувековой «юбилей» которого с помпой недавно отмечала «вся прогрессивная» сволочь! В итоге был обеспечен фантастически гениальный результат. К августу 1956 г., когда «мемуары» уже вышли в виде отдельной книги, по всему миру, в том числе и Европе, обрастая различными нелепицами, вовсю гуляли всевозможные версии якобы разоблачавшего Сталина доклада Хрущева на XX съезде КПСС!? То есть получилось, что спонтанный доклад Хрущева и «мемуары» как бы взаимно подтверждали «правдивость, объективность и достоверность» друг друга. Вы только вдумайтесь, что же сделала британская разведка, сварганив «версию Шелленберга» и выпустив ее накануне идиотского XX съезда КПСС. Используя всего лишь разработанные подконтрольным Комитету 300 Тавистокским институтом человеческих отношений особые «технологии» ведения психологической войны, СИС в апогее «холодной войны» сумела ненавязчиво

вынудить жаждавшего помериться силами с «мертвым львом» Хрущева добровольно подтвердить достоверность состряпанной ею фальшивки под названием «версия Шелленберга»! Более того, как бы в опережение публикации «версии» в полном объеме не только подтвердить, но и фактически гарантировать на редкость глупой фальшивке долгую русофобскую жизнь в статусе едва ли не истины в последней инстанции! И не просто достичь такого, без преувеличения, гениального результата, но и вынудить Хрущева собственными руками создать одну из самых мощнейших дубин для разрушения не столько даже СССР, сколько именно России! Атака против Сталина была основополагающим элементом этого плана. Потому что для того, чтобы отомстить СССР за то, что во имя безопасности руководимого им государства и его народов подписанием Договора о ненападении Сталин жестко поменял расписание Второй мировой войны, а, следовательно, и послевоенную конфигурацию мироустройства, особенно европейского, за то, что сделал невозможным для англосаксов войти в Восточную Европу как в начале войны, ибо поставил их в ситуацию острой необходимости оборонять Западную Европу, так и после победы для ее изъятия из орбиты СССР, прежде всего необходимо было вдребезги скомпрометировать самого Сталина! Только в этом случае было возможно перейти ко второму этапу операции — глобальному пересмотру геополитических итогов Второй мировой войны.

Мысль проста до примитивности, как и пресловутый английский завтрак из овсянки: мол, если бы Сталин не клюнул на фальшивку гестапо, то расстрелянные в 1937 г. высокопоставленные военачальники генералы были бы живы и соответственно не было бы той трагедии, которая, начиная с 22 июня 1941 г., разыгралась на просторах России. В стране, где в войне погиб практически каждый седьмой ее гражданин, а в некоторых ее регионах, например в Белоруссии, так и вовсе каждый четвертый, столь прицельно бить по такой болезненной ране народной памяти — это не просто зверство. Это бешеное цивилизационно-геополитическое противоборство ради безусловного уничтожения России как таковой, как бы она при этом ни называлась. И расчет здесь сколь гениален, но столь же подл в изначальной предопределенности сознательно запланированных на отдаленное будущее результатов:

отупев в конце концов от этой боли, общество, в момент смены поколений, самостоятельно разрушит ненавистное Западу государство, а заодно и страну. Что и произошло в 1991 г.! Ведь вся пропаганда «либеральных» подонков от «демократии» только и строилась на том, что-де Сталин перестрелял таких умных, как Тухачевский и К°, потому и столь невиданная трагедия!? Не говоря уже о диких, просто немыслимых цифрах репрессированных, и особенно о наиподлейшем тезисе, что-де войну выиграли, лишь забросав противника трупами. Только-только до общества наконец-то стало доходить, что так нельзя. И не потому, что-де нельзя, а потому, что так убивают настоящее и будущее самого этого общества. Воистину, пока жареный петух не клюнет не то, чтобы в глаз, но и аккурат пониже спины, ничего не понимают. Все у нас происходит, как будто специально по Шекспиру:

Развесьте уши. К Вам пришла Молва.
А кто из Вас не ловит жадно слухов!
Я быстро мчусь с востока на закат,
И лошадью в пути мне служит ветер.
Во все копии земли я разношу
Известья о делах земного шара.
Я сшила плащ себе из языков,
Чтоб ими лгать на всех наречьях мира.
Нет выдумки такой и клеветы,
Которой я б ушей не засорила.
Я говорю про мир в канун войны,
И я вооруженьями пугаю.
В дни тишины, когда земля полна
Какой-нибудь совсем иной заботы.
Молва — свирель. На ней играет страх,
Догадка, недоверчивость и зависть.

Вначале 1960-х гг. «гвоздем программы» стали писания А.И. Солженицына. Посол США в СССР на рубеже 1960—1970-х гг. Дж. Бим, хорошо знавший весь механизм работы ЦРУ с этим искусственно выращенным «гуру» части российской (тогда советской) интеллигенции, без обиняков написал в своих мемуарах: **«Солженицын создавал трудности для всех, имев-**

ших с ним дело... Первые варианты его рукописей были объемистой, многоречивой сырой массой, которую нужно было организовывать в понятное целое... они изобиловали вульгаризмами и непонятными местами. Их нужно было редактировать» (J. Beam. Multiple Exposure. N.Y. 1978, pp. 232—233). Вот ЦРУ и «отредактировало», приведя всю эту «объемистую, многоречивую, сырую массу в понятное целое». За что этому писателю дали Нобелевскую премию — не понятно. Ее должны были получить безвестные «мастера» ЦРУ — ведь это их заслуга, а не его. Но ЦРУ прекрасно знало, что оно делает, а самое главное, зачем. В структуре антисоветской пропаганды писания Солженицына занимали серьезное место.

Однако к середине 1970-х гг. всего этого было уже недостаточно. Западу окончательно стало ясно, что военной силой победы над Россией (СССР) ни при каких обстоятельствах не достичь — ракетно-ядерный паритет между СССР и США буквально вынуждал даже самых твердолобых на Западе уяснить эту истину. Тем более стало понятно, что никаким идеологическим натиском в духе кавалерийских атак победы тоже не достичь. Сколь это ни парадоксально, но непробиваемая железобетонность Агитпропа ЦК КПСС играла и положительную роль.

В то же время на Западе хорошо понимали, что до истечения XX столетия оставалась всего лишь четверть века, а уничтожить Россию-СССР никак не удавалось. А не за горами было и 100-летие принятия Плана Перманентной мировой войны. Грядущий вековой (точнее, многовековой!) юбилей особой подлости Запада следовало отметить грандиозным успехом, которого он не смог достичь ни в ходе Первой мировой войны, ни в процессе «русской революции», Гражданской войны и многочисленных интервенций, ни с помощью Гитлера, ни даже с помощью писаний всевозможных графоманов.

И в высшем эшелоне руководства Запада, прежде всего в его закулисном эшелоне, вызрел план решающего геополитического сражения со столь ненавистной ему Россией, хотя бы и в лице СССР. Как главному

координатору психологической войны против СССР в рамках НАТО, британской разведке было поручено разработать план решающего удара по Советскому Союзу. МИ-6 выполнило задание. Представленная разработка МИ-6 была планом многоцелевой, многоходовой, долговременной стратегической операции влияния планетарно-цивилизационного уровня, замысел которой сводился к следующему. Тотальным, всепроникающим и всеобъемлющим влиянием на мировое общественное сознание, особенно в Европе, прежде всего в Восточной, в том числе и СССР, основанным на сфальсифицированно-мистифицированном «переосмыслении» природы происхождения Второй мировой войны, осуществить глобальный пересмотр ее главных геополитических итогов решающим образом в пользу Запада. То есть решений прежде всего Ялтинской и Потсдамской конференций 1945 года. Наиглавнейшая цель и одновременно средство — тотальное перекладывание всей исторической ответственности за Вторую мировую войну на Сталина и СССР (а на самом-то деле на Россию). **Конечная геополитическая цель — полное разрушение и уничтожение сначала противовеса НАТО в лице Организации Варшавского договора, глобальный вывод восточноевропейских стран социализма из-под влияния Советского Союза, после чего тотальное уничтожение самого СССР!**

Главный метод — прямо по Клаузевицу: **такая страна, как Россия, может быть побеждена лишь собственной слабостью и действием внутренних раздоров, а достигнуть этих самых слабых мест политического бытия можно лишь путем потрясения, которое проникло бы до самого сердца страны.**

Однако на Западе хорошо понимали, что фронтальные кавалерийские атаки на идеологическом фронте в данном случае бессмысленны, ибо немедленно наткнутся на непробиваемую железобетонную стену советского Агитпропа. Все уперлось в то, как сделать так, чтобы, никоим образом не выдавая своей прямой причастности, якобы объективно создать якобы очевидную видимость якобы собственной (в том числе и

России) якобы слабости. А после того как в результате будут порождены якобы объективно проявившиеся внутренние раздоры, перевести неминуемо неизбежные в таком случае решительные действия и потрясения в русло якобы самостоятельного демонтажа советского государства. И поскольку конечная цель — сугубо глобально геополитическая, то средством ее достижения должна была стать именно же глобально стрессовая встряска и полная перетряска глубин народной памяти о той страшной войне. Ведь память о той войне в иерархии нравственных ценностей СССР (России) была практически тождественна памяти всего христианского мира о Христе!

И это, между прочим, наряду с уже намеченной Западом проклятой перестройкой, метко переименованной в народе в «катастройку». В рамках этой операции глобально должны были быть соединены, как говаривал еще выдающийся австрийский писатель Стефан Цвейг, ненавистью идеологического экстаза национальное и социальное, ибо только в этом случае возникают подземные толчки столь чудовищной силы, которые не только потрясают мир, но и прежде всего разрушают его. То есть были откровенно спровоцированы межнациональные конфликты на социальной почве, и социальные конфликты на почве заново инспирированных межнациональных конфликтов.

Кстати говоря, основные положения будущей «катастройки» главному пропагандисту ЦК КПСС А.Н. Яковлеву вдолбили еще в его бытность послом СССР в Канаде. Этим с успехом занимался важный персонаж не только спецслужб Израиля, но и прежде всего спецслужб англосаксонских стран — Давид Голдштюкер. Именно он разработал атлантическую, прозападную стратегию будущей «катастройки», приведшей к краху великой державы. В соответствии именно с этой атлантической, прозападной стратегией А.Н.Яковлев, в руках которого и была сосредоточена вся пропагандистская машина КПСС и Советского Союза, с санкции Горбачева цинично расстрелял весь народ из информационного оружия всех калибров, подорвав как экономику, так и основы межнационального и социального мира. Хуже того. Одновременно были подавлены любые попытки защитить народ и всякие защит-

ные реакции в самом народе. Страна не обладала никакими средствами защиты от ударов из своего властно-идеологического центра. Соединившись воедино, национальное, точнее, националистическое и социальное превратились в невероятной мощи гремучую смесь, которая вдребезги и разнесла могучую державу. Образно говоря, Запад действовал как чрезвычайно опытный подрывник, который всего лишь несколькими, но очень мощными зарядами, установленными в самых уязвимых точках опор, в данном случае государства, уничтожил его за счет якобы собственно внутреннего взрыва.

Помимо того, что история войн вообще очень «благодатная » тема для всевозможных инсинуаций и фальсификаций, эта тема имела еще и совершенно ясно осознававшийся Западом конкретный геополитический смысл. Дело вот в чем. Решениями Ялтинской (особенно) и Потсдамской конференций 1945 г. Сталин сумел чрезвычайно жестко, и к тому же чисто международно-правовыми методами и средствами, закрепить за СССР как довоенные, так и послевоенные территориальные приобретения, которые в действительности были нечем иным, как законным возвратом территорий законному же владельцу[1]. По совокупности всего этого, тем более в ореоле заслуженной славы **главного победителя** в той войне, упомянутыми международно-правовыми средствами Сталин закрепил и факт воссоздания для СССР законного, исторически объективно сложившегося статуса **единственной в мире подлинно трансконтинентальной, единой евразийской великой державы.** На том, собственно говоря, и держался весь мир с 1945 по 1991 г., да еще и удерживается до сих пор. Но открыто посягнуть на незыблемость решений тех конференций Запад не мог рискнуть. Даже гипотетическая попытка была бы об-

[1] **Для сведения. Практически вся Прибалтика перешла в вечное и неотчуждаемое владение России еще по Ништадтскому договору 1721 г., гарантированному, кстати говоря, Великобританией и Францией. «Эвакуирована» из состава Российского государства усилиями британского агента — адмирала Колчака. С 30 декабря 1917 г. Колчак официально находился на службе у английского короля, который лично удовлетворил его прошение о приеме на британскую службу.**

речена на сокрушительный провал. У СССР было предостаточно сил, чтобы на корню задушить даже тень намека на какую-либо попытку в подобном духе. Нужен был абсолютно не тривиальный ход.

Возник замысел вспомогательной операции, персонаж которой уже в наше время стал очень хорошо известен — «Виктор Суворов», он же, к сожалению, до сих пор еще живой Владимир Богданович Резун. Перебегая к англичанам, этот ныне незаслуженно широко известный под указанным псевдонимом предатель, судя по всему, до сих пор не слишком-то и осознает, сколь же мерзко судьба обошлась с ним. Факт предательства и побега к англичанам — это «всасывание», то есть первая фаза вспомогательной операции в рамках «Операции Лиотэ». Затем предателя **«отдистиллировали»**, то есть напрочь отшибли способность самостоятельно, без заботливо подсовываемых ему из МИ-6 тезисов мыслить и анализировать, доведя его тем самым до степени хорошей дрессированности. Ну, а затем, как и предписывается планом «Операция Лиотэ», наступила финальная стадия — **«излияние»**. Всему миру был явлен «излитый» из Управления психологической войны МИ-6 некто «Виктор Суворов» и его чумовая книжонка «Ледокол». Кстати, поскольку и на Западе есть вполне порядочные и честные люди, а среди них немало и тех, кто всегда с симпатией относился и относится к СССР и России, то было принято решение на корню заглушить распространение этой «продукции» на самом Западе. Потому что симпатизирующие СССР и России люди подняли бы шум и протест против осквернения выдающегося подвига Советского Союза, его великих народов и доблестной армии в борьбе против фашизма. В итоге «ледокольный» бред хотя и был издан, но только в Англии и тиражом всего в... пять тысяч экземпляров, который, естественно, никто и не заметил. Зато в СССР, а затем и в России тираж этой омерзительной лжи превысил **пятнадцать миллионов экземпляров!**

Пускай и с серьезным опозданием, но мы обязаны честно признать, что в главном операция «Виктор Су-

воров»/«Ледокол», осуществлявшаяся МИ-6 в рамках глобального плана «Операция Лиотэ», англичанам удалась. Цель операции «Ледокол» заключалась в следующем. Внешне отрешенно от методов спецслужб при осуществлении психологической войны, но умышленно наукообразной историко-документальной публицистикой инициировать в массовом общественном сознании Европы, особенно Восточной, на первый взгляд невинное стремление к переосмыслению «в свете новых фактов» природы происхождения Второй мировой войны и соответственно Великой Отечественной войны.

В этой операции основная ставка была сделана строго по канонам психологической войны. Все дело в том, что, как считают специалисты по психологическим войнам, для общества временной лаг, отделяющий историческое прошлое от современного ему настоящего, составляет примерно сорок лет. Укладывающиеся в рамки этого периода события более или менее, но доступны непосредственному восприятию обществом в целом. А все, что за его пределами, — исчезает за горизонтом. К тому же к концу этого срока общество в целом утрачивает способность, а главное, навыки точного анализа и обобщения своего же исторического прошлого, особенно если насильственно прервана преемственность поколений — например, войной, разрушением государства или тотальным оболваниванием населения в этот период.

Операция была обусловлена одним крайне жестким параметром, предыстория которого такова. В 1975 г. тогда еще дружественная СССР разведка Чехословакии установила очень интересный факт. Оказалось, что сразу после подписания Хельсинкского акта по безопасности в Европе, в том числе и его «третьей корзины», положения которой затрагивали свободу обмена информацией, по всем ведущим психологическую войну против СССР инстанциям Запада был отдан согласованный в рамках разведсообщества НАТО приказ о следующем. Всем категорически запрещалось использовать собственную информацию из стран социалистического содружества для ведения пропаганды против них, особенно против СССР, до тех пор, пока она не будет использована другими, внешне не имеющими отношения к спецслужбам средствами

массовой информации или авторами. То есть, попросту говоря, до тех пор, пока кто-то третий, хотя бы внешне никак не связанный ни с разведками, ни с идеологическими центрами, не опубликует или не предаст огласке ту же информацию. Вот именно для всего этого-то и понадобился бывший сотрудник советской военной разведки. На него, точнее, на придуманный для него псевдоним и планировалось списать «авторство » мифа о «Ледоколе ». В операции «Ледокол » ставка была сделана на целенаправленное выдергивание по заранее заданной схеме цитат из различных мемуаров советских военных и государственных деятелей, открытых публикаций в советских газетах и журналах, которые после нехитрой перековки в «аргументы » превращали миф «Ледокола » в непотопляемый. Тем более что был использован жанр якобы историко-документальной публицистики, который чрезвычайно легок в пропаганде — его можно забивать в сознание как гвоздь в доску. Он совершенно не поддается критическому анализу с позиций академической исторической науки, поскольку попросту пребывает вне ее системы координат. Таким образом, любые попытки, даже хорошо аргументированные с позиций академической науки выпады против авторов этого жанра, изначально обречены на провал. Тем более что отношение к истории как к науке, ко всем чванливым академикам в СССР было крайне презрительным в широких народных массах. Именно на это-то и был расчет в операции «Ледокол». Изголодавшиеся по гонорарам, а главное, по возможности всенародно продемонстрировать свое «полное отсутствие всякого присутствия » там, чем от природы положено думать, историки финального советского этапа начали ломать копья в борьбе с мифом «Ледокола », далеко не сразу осознав, что миф попросту не чувствителен к любым их рациональным аргументам. Многие не осознают и до сих пор. Но не это главное. Главное то, что постоянные выступления «за» и «против» версии «Ледокола» создавали и создают невероятный ажиотаж, приведя и приводя в итоге действительно к глобальной встряске и глубокой перетряске народного сознания. В итоге на длительное время прекрасный лик Великой Победы поблек. Положенное тем самым начало глубинно стрессовому инакомыслию по важнейшему вопросу истории, который представляет собой предмет особой национальной гордости (СССР) России, спро-

воцировало резкое, едва ли не до состояния полной дебильности ослабление исторической памяти общества. Конечный результат не заставил себя ждать. Объединенные ненавистью идеологического экстаза и глубинным презрение к своему историческому прошлому националистическое и социальное возымели утроенную чудовищную силу взрыва, в результате которого СССР не стало. Россия же без малого пятнадцать лет пробултыхалась в дерьме беспамятства.

Формальный повод для переосмысления был. Война началась 1 сентября 1939 г., а 23 августа был подписан Договор о ненападении между СССР и Германией. МИ-6 особенно стремилась обыграть именно это обстоятельство по следующим двум причинам. Решения Ялтинской и Потсдамской конференций 1945 г. закрепляли незыблемость границ СССР, особенно западных, по состоянию на 4.00 утра 22 июня 1941 г., а они-то появились у СССР только в сентябре 1939 г., чего Запад до Ялты никак не хотел признавать юридически. Принятые же в Ялте и Потсдаме решения напрямую затрагивали и без того чрезмерно иррациональную, болезненно чувствительную память некоторых народов Восточной Европы, особенно Польши с ее патологическим русофобством, а также прибалтов. У этих персонажей нижних подмостков Европы вечно Россия виновата. Дай им малейший повод — и они будут вопить столь истошным воплем, что и на Марсе станет тошно. Им и дали этот повод. По случаю 100-летнего юбилея формирования замысла Перманентной мировой войны, «прораб перестройки» А.Н. Яковлев — спровоцировал в 1989 г. глобальный пересмотр советско-германского Договора о ненападении от 23 августа 1939 г., дезавуировав тем самым законность общепризнанных в международно-правовом порядке границ Союза Советских Социалистических Республик и даже непосредственно России. Что и завершилось глобальной катастрофой Величайшей Державы Мира. Но это еще было полдела для Запада.

Главное заключалось в том, чтобы никоим образом не допустить ни возрождения России, ни тем более даже подобия Советского Союза. А для этого не-

обходимо было начисто, вдребезги разнести на мелкие атомы даже осколки исторического сознания и памяти населения, не допустить прорастания из этих осколков подлинного национального самосознания, особенно у молодого поколения. Именно этой цели и служит антисталинская мифология.

Главной ее особенностью является следующее. Для того чтобы целые общества из поколения в поколение держать в абсолютном неведении по заранее определенному кругу вопросов, необходимо весь круг этих вопросов держать на виду у всех, предварительно распылив все основные элементы правдивой информации о них как во времени, так и в пространстве, а затем, также у всех на виду, устраивать вакханалии мистификаций и фальсификаций вокруг отдельно взятого вопроса, потом — вакханалии мистифицированных разоблачений этих фальсификаций и т.д. Достаточно двух-трех раз, чтобы с толку было сбито все общество — от млада до стара. Но не нужно семи пядей во лбу, чтобы уяснить простую истину. Если информация была целенаправленно распылена во времени и в пространстве, многократно подвергалась мистификациям и фальсификациям, а затем еще и мистифицированным разоблачениям этих фальсификаций, да к тому же в условиях чехардой менявшихся политических режимов, то за недоступный для восприятия горизонт она угодит куда ранее, чем по истечении тех же сорока лет.

Следовательно, для восстановления исторической правды у нас только один путь —воссоединить из пространства и времени умышленно разрозненные бесчисленные крупинки информации, очистить их от мистификаций и фальсификаций и представить подлинную правду истории в ее первозданном виде. Иного не дано. Вот ради этого и был задуман пятитомник **«200 мифов о Сталине»,** первая книга которого — **«Сталин и Великая Отечественная война»** — у вас в руках. Конечно, на ее страницах удалось представить критических анализ далеко не всех мифов. Кстати, это касается и всего пятитомника тоже. Прежде всего, это

невозможно по сугубо техническим причинам. Но даже тот небольшой объем, который представляется на суд читателей, — уже важная веха на пути восстановления исторической правды. А насколько это получилось у автора — судить, естественно, читателям.

Миф № 1. **Сталин помог Гитлеру прийти к власти**.

«Основа» этого мифа появилась еще во время предварительного следствия Нюрнбергского трибунала, расследовавшего преступления главных нацистских преступников. Спустя полвека после тех событий в абсолютно злоумышленно извращенном виде эту «основу» использовал беглый предатель из советской военной разведки В.Б. Резун, печально известный под псевдонимом **«Виктор Суворов».** В его извращенной «интертрепации»[1] она стала едва ли не краеугольным камнем его пресловутого и уже вдребезги развенчанного мифа «Ледокол».

Что же до существа мифа № 1, то в первую очередь следует отметить, что он двухуровневый. Первый уровень связан с ответом на вопрос о том, «каким образом Гитлер оказался у власти?». Однако, и прежде всего, не «оказался у власти» и не «пришел к власти». Гитлер был именно «приведен к власти»! Он был назначен на пост рейхсканцлера волевым решением не без содействия британской разведки намертво припертого к стенке мощным компроматом президента Гинденбурга. И только потом, на последовавших мартовских выборах 1933 г., он и его партия на полную мощность использовали обретенный 30 января 1933 г. «административный ресурс».

Десятилетиями на Западе это объясняют якобы изъянами несовершенной демократии Веймарской Германии! У нас же, как правило, талдычили о классовых интересах капиталистов. Отчасти все это так, но

---

[1]**На профессиональном сленге журналистов этим «термином» иронично называют неадекватные реальности интерпретации чего-либо.**

не более того. С подачи же британской разведки в последние пару десятилетий широко загулял миф о том, что-де Сталин «подсобил» Гитлеру. В действительности же ни мифа, ни тем более никакой загадки нет и в помине. Какие главные политические силы противостояли друг другу в Германии в начале 30-х гг. прошлого столетия? Вспомнили?! Правильно, нацисты и коммунисты. В каком случае был бы наиболее вероятен (геополитический) альянс и так неплохо сотрудничавших между собой Веймарской Германии и СССР, причем альянс, сцементированный также и мощными идеологическими узами? В случае прихода к власти коммунистов. В каком же случае можно было бы спокойно похоронить нормальные межгосударственные отношения? В случае если у власти окажутся нацисты. Что, между прочим, и случилось в точном соответствии с этой схемой. Экс-канцлер Германии Фриц фон Папен именно в этом и убеждал 6 декабря 1932 г. британского посла в Берлине Винсента д'Абернона. Вот и вся разгадка.

Второй же уровень лжи в этом мифе связан с ответом на вопрос — **«почему именно Гитлер?».** Наиболее точно и информативно на этот вопрос ответил **Христиан Георгиевич Раковский** (1873—**1941).** Во время допроса в НКВД СССР 26 января 1938 г. этот опытнейший мастер закулисных интриг, видный масон высокой степени посвящения, давний агент германской и австро-венгерской разведок, а впоследствии еще и британской разведки показал: **"Они"[1], в конце концов увидели, что Сталин не может быть низвергнут путем государственного переворота, и их исторический опыт продиктовал им решение повторения со Сталиным того, что было сделано с царем. Имелось тут одно зат-**

[1] Под этим местоимением **«Они»** (и соответствующими его вариациями в зависимости от падежа - «Им», **«Ими»** «Их») Раковский подразумевал высших иерархов мировой закулисы, чьи имена не принято упоминать всуе, особенно самими «вольными каменщиками »(масонами). На масонском языке так обозначают прежде всего **членов Комитета 300 — самой могущественной, высшего мирового уровня закулисной структуры.**

руднение, казавшееся нам непреодолимым. Во всей Европе не было государства-агрессора. Ни одно из них не было расположено удобно в географическом отношении и не обладало армией, достаточной для того, чтобы атаковать Россию. Если такой страны не было, то "Они" должны были создать ее».

Они и создали ее — нацистскую Германию. А на это был способен лишь Гитлер и его НСДАП. Однако предварительно, чтобы привести Гитлера к власти, Запад должен был резко ослабить влияние коммунистов в Германии. К несчастью для всего мира, а Советского Союза и Германии особенно, Троцкий и К° сильно в этом помогли Западу. Речь идет о так называемом деле Витторфа и Тельмана. Витторф, бывший руководитель гамбургских коммунистов, был обвинен в растрате партийный кассы и исключен из КПГ. Воспользовавшись дружескими связями Витторфа с Тельманом, который в преступлении первого никак замешан не был, оппортунистически настроенные деятели ЦК КПГ развязали травлю вождя немецких коммунистов. Это было в конце 1928 — начале 1929 гг., когда компартия Германии находилась на «взлете » и представляла основную силу, противодействовавшую рвавшимся к власти нацистам. Без санкции Исполкома Коминтерна, что явилось грубейшим нарушением тогдашних канонов партийной дисциплины, они публично ошельмовали Э. Тельмана. Авторитету компартии был нанесен колоссальный урон. Избиратели во многих округах отвернулись от коммунистов. Огромное количество голосов этих избирателей перешло сторонникам Гитлера.

Выполняя указания Троцкого, Бухарин, которому по линии Коминтерна было поручено расследование инцидента, встал на сторону немецких оппортунистов. Он припомнил Тельману и критику его собственных, бухаринских, оппортунистических взглядов, и потребовал от ЦК КПГ еще раз осудить Э. Тельмана и голословно признать его виновным, прекрасно сознавая, что после подобного вторичного удара Компартия Германии не оправится уже никогда, а дорога Гитлеру

будет окончательно расчищена. Игнорируя директивы VI конгресса Коминтерна о борьбе с оппортунистическим течением (известным под названием «примиренчество»), узурпируя в качестве руководителя Коминтерна исполнительскую власть, Бухарин взял под свою защиту правый уклон в КПГ, санкционировал отстранение Э. Тельмана от руководства Компартией, фактически сыграв на руку махровой германской и международной реакции. Одновременно с подачи Бухарина VI Конгресс Коминтерна запустил в активный пропагандистский оборот термин **«социал-фашисты»,** которым обозначались германские социал-демократы. Нет ни малейшего сомнения в том, что социал-демократические подонки Германии заслуживали даже еще более резкого эпитета. Но не в то время, когда необходимо было любой ценой создавать единство левых сил. Использование этого эпитета лишь разобщило социал-демократов и коммунистов.

В конечном итоге справедливость в отношении Э. Тельмана была восстановлена, однако до конца последствия этой неслыханной, предательской интриги так и не удалось преодолеть. А на это наложилась и другая склока, известная в истории Компартии Германии как связанное с троцкистами «дело Ремелле — Неймана», что тем более не способствовало укреплению сил коммунистов, в том числе и в союзе с иными левыми.

После войны один из ближайших соратников Гитлера **Р. Лей не без смеха поведал на одном из допросов о том, как Бухарин, нейтрализовав Эрнста Тельмана, помогал Гитлеру прийти к власти!** Конечно, Сталин не оставил без ответа столь подлую выходку Бухарина, действовавшего по указаниям Троцкого.

Об этом стало известно в результате специальной операции советской разведки по тотальному контролю тайной переписки Троцкого со своими сторонниками в КПГ и с Бухариным. Операцию осуществлял один из самых выдающихся разведчиков 20-х — 40-х гг. Борис Аркадьевич Рыбкин (Рывкин Борух Аронович) — муж легендарной советской разведчицы Зои Рыбкиной (Воскресенской).

Эту гниду, естественно, не только выкинули из Коминтерна, но и вдребезги раскритиковали на апрельском (1929 г.) пленуме ЦК ВКП(б). Однако свое подлое, за двенадцать лет до трагедии 22 июня 1941 г. положившее ей начало дело он сделал: **после этого Гитлер быстро пошел «в гору» и вскоре стал рейхсканцлером на горе всему миру, а Германии и СССР** — особенно.

Привод Гитлера не удалось предотвратить даже по каналам разведки. Близкий знакомый отца автора — высокопоставленный в прошлом сотрудник личной разведки Сталина Константин Мефодиевич еще при жизни поведал автору этих строк об уникальной особо секретной операции мобильной нелегальной резидентуры личной разведки Сталина по предотвращению привода Гитлера к власти.

«К концу 1932 г., — говорил старый разведчик-нелегал, — популярность нацистов в Германии резко упала. Нацисты последовательно получали все меньше и меньше голосов на выборах. Законным, парламентским путем прийти к власти они не могли. Настроение в руководстве нацистской партии было отчаянно пессимистическое. В начале декабря 1932 г. были зафиксированы тайные контакты между экс-канцлером Германии Францем фон Папеном, крупнейшим в те времена германским банкиром Куртом фон Шредером[1] и личным советником Гитлера по экономическим вопросам Вильгельмом Кепплером. Удалось также перехватить и датированное 10 декабря того же года письмо В. Кепплера будущему фюреру, в котором говорилось, что **"господин фон Папен считает скорое изменение политической ситуации возможным и необходимым и полностью выступает за Вашу кандидатуру в рейхскан-**

---

[1] Банкир Курт Шредер был тесно связан с англо-американским капиталом и олицетворял собой его непреклонную волю во что бы то ни стало привести Адольфа Гитлера к власти. Дочерние предприятия банка Шредера—лондонская компания «Дж. Генри Шредер энд Ко » и нью-йоркская «Дж. Генри Шредер бэнкинг Корпорэйшн» —- специализировались на кредитовании германской тяжелой промышленности, в операциях по осуществлению которого участвовал весь так называемый «цвет» Сити и Уолл-стрит.

цлеры". Поразительно безапелляционный тон и содержание письма ободряюще подействовали на главарей нацистов. По наблюдениям агентуры группы в ближайшем окружении руководства нацистской партии, даже у пребывавшего в глубокой депрессии из-за резкого падения популярности НСДАП с ноября 1932 г. Йозефа Геббельса и то сильно улучшилось настроение».

Как отмечал Константин Мефодиевич, организационный и финансовый кризис в НСДАП был настолько силен, что даже за десять дней до назначения Гитлера рейхсканцлером статс-секретарь МИДа Германии фон Бюлов счел необходимым письменно известить об этой ситуации посла США в Берлине. В перехваченном нашими разведчиками его письме от 19 января 1933 г. высказывались самые серьезные опасения насчет возможного краха нацистской партии и массового выхода ее членов из рядов партии. Даже рейхсканцлер Шлейхер еще 15 января 1933 г. в конфиденциальной беседе с австрийским политическим деятелем Шушнингом — ее подробная запись в тот же день была в руках группы — заявил, что-де «Гитлер не является более политической проблемой, нацисты не представляют более политической опасности...»!? Как же можно было не понимать, что многомиллионные, в том числе и заокеанского происхождения, «инвестиции» в Гитлера не могли быть выброшены на ветер. Ни при каких обстоятельствах Запад не пошел бы на это. Он и не пошел на это — добился-таки того, что Гитлер был назначен рейхсканцлером Германии. Не считавшего же Гитлера политической опасностью Шлейхера нацисты застрелили во время «ночи длинных ножей».

«Немедленно проведенным всеми имевшимися в распоряжении группы силами глубоким расследованием удалось установить подлинную причину столь безапелляционной уверенности фон Папена. Одновременно была прояснена ситуация с появлением в одном из ответных писем Кепплера к Шредеру указания на необходимость и важность убеждения президента Гинденбурга в том, что **после создания нового правительства во главе с Гитлером можно и нужно проводить парламентские выборы.**

«Перелистав» конфиденциальный дневник британского посла в Берлине — Эдгара Винсента д'Аберно-

на — группа установила, что 6 декабря 1932 г. посол имел конфиденциальную встречу с фон Папеном, который заявил британскому дипломату[1] следующее: «Было бы катастрофой, если бы гитлеровское движение развалилось или было разбито, ибо нацисты — последний оплот против коммунизма в Германии».

Поразительно, но о том же самом со своих страниц 6 декабря 1932 г. возопила и имевшая социал-демократическую направленность газета «Дойче альгемайне цайтунг ». Затронув вопрос о возможном в ближайшем будущем крахе нацистов, газета едва ли не теми же словами заявила: «Это было бы национальным бедствием.Она (тоестьНСДАП. — *А.М.)*еще не выполнила своей задачи. Государство нуждается в ней как в защите от большевизма»! Вот кого в первую очередь мир должен благодарить за коричневую чуму и ужасы нацизма — социал-демократическую сволочь! Именно она более всего повинна в этом!

«В результате предпринятых мер было установлено также, что следующая встреча между Кепплером, Папеном и Шредером состоится 4 января 1933 г. на кёльнской вилле банкира. В связи с этим по прямому указа-

[1] Д'Абернон (Эдгар Винсент) был одним из самых опытных британских послов того времени. Его опыт был уникальнейший — он являлся непревзойденным мастером по части «ненавязчиво»-принудительного проведения чужими руками британской политики в финансово и политически закабаленных той же Великобританией странах. Родившись в 1857 г., д'Абернон после получения высшего образования некоторое время служил офицером. Но уже с 1883 г., то есть в 26-летнем возрасте, стал финансовым советником в Египте при лорде Кромере. Пробыв на этом посту до 1889 г., затем, до 1897 г., был директором Оттоманского банка в Османской империи. С 1899 г. — член британского парламента от консервативной партии. С 1920 г. и до привода Гитлера к власти был бессменным послом Великобритании в Германии. Отличался особо звериной русофобией и зоологическим антисоветизмом, в силу чего еще в период советско-польской войны 1920 г. был направлен английским правительством в Варшаву для консультаций польского правительства. Именно д'Абернон еще на ранних стадиях попыток улучшения советско-германских отношений активно противодействовал им. Более того, именно он еще в 1922 г. начал создавать все необходимые предпосылки, которые всего три года спустя привели к пресловутым Локарнским соглашениям 1925 г., открывшим в итоге дорогу Второй мировой войне.

нию Сталина была разработана и проведена акция по разоблачению факта этой встречи. В директивной шифровке из Москвы указывалось, что т. Иванов[1] расценивает факт предстоящей встречи как "решающие смотрины" Гитлера перед его назначением рейхсканцлером волевым решением президента, так как избирательный ресурс нацистов резко упал после ноябрьских выборов 1932 г., а иного варианта в рамках существовавшей тогда Веймарской конституции Германии не существовало.

Этой же шифровкой предписывалось срочно установить, какие конкретно компрометирующие президента Гинденбурга обстоятельства и факты могут быть использованы для оказания на него мощного давления в целях принуждения его к согласию на назначение Гитлера рейхсканцлером. Гинденбург на дух не переносил "ефрейтора" Гитлера, и сломить его сопротивление можно было только очень мощным компроматом. Потому-то Сталин и обратил наше внимание на сбор именно такой информации. И как только соответствующая информация появится, мы должны были немедленно представить конкретные соображения по организации максимально возможного противодействия планам нацистов и стоящих за ними сил.

Что касается самой встречи, то через входившего в ближайшее окружение последнего догитлеровского рейхсканцлера К. фон Шлейхера редактора газеты "Теглише рундшау" и журнала "Ди Тат" Г. Церера[2], с

[1] Псевдоним Сталина в шифрпереписке по вопросам разведки.

[2] После Второй мировой войны Г. Церер был редактором издававшейся в Гамбурге газеты «Ди Вельт». Во второй половине 1950-х гг. вместе с набиравшим тогда силу западногерманским медийным магнатом Акселем Шпрингером приехал в СССР, где попытался напомнить о себе. Однако из этого ничего не вышло, так как окружавшие Хрущева функционеры ЦК КПСС ничего не знали и не ведали, к кому надо обратиться по этому вопросу. А поклявшиеся свято хранить верность своему Великому Верховному Главнокомандующему бывшие сотрудники личной разведки Сталина не горели желанием хоть в чем-то помогать негодяю, посмевшему оскорбить Сталина. К тому же это было нецелесообразно еще и в связи с тем, что Г. Церер, как это было известно сотрудникам личной разведки Сталина, имел определенное отношение к Р. Зорге, расшифровывать которого в то время ГРУ не собиралось.

которым давно поддерживался "полезный контакт", за три тысячи марок удалось подкупить одного из телохранителей Гитлера. Именно через него были выяснены все детали организации и проведения тайной встречи, в том числе и предпринятые обеими сторонами меры конспирации ».

Ссылаясь на описания других сотрудников группы, Константин Мефодиевич со смехом рассказывал о разыгранной Гитлером комедии с конспирацией. Гитлер разыграл настоящий детективный фарс — глубоко надвинул шляпу на глаза, поднял воротник пальто, закутал лицо шарфом так, что были видны только его рыскающие во все стороны глаза и мясистый нос. Перед отъездом из Мюнхена главарь нацистов разыграл очередную комедию. На мюнхенском вокзале, куда он прибыл в сопровождении своей свиты и наших разведчиков, фюрер сел не на поезд, следующий в г. Детмольд, как было объявлено, а на кёльнский. Через три купе от него сидела группа сталинских разведчиков. В поезде дверь в купе все время была закрыта, и если кому-то надо было пройти в туалет, то сначала охрана Гитлера «зачищала » коридор, и только затем проходил тот, кому нужно было. Занавески в купе были наглухо задернуты.

Комедия продолжалась на всем пути. Адольф сошел не в Кёльне, а в Бонне. Разведчики тоже. Адольф пересел в свой заранее доставленный туда окружным путем вместе с его личным шофером Кемпке автомобиль. Разведчики «сели ему на хвост». За три километра не доезжая Кёльна, Гитлер пересел в присланный Шредером «мерседес », на котором и добрался до его виллы. На этом этапе наружное наблюдение было снято из-за угрозы возможной расшифровки, тем более что конечный пункт и так был известен. Фон Папен, в свою очередь, и вовсе добрался до виллы на такси — естественно, в сопровождении «хвоста ». И как только вся «троица » оказалась в сборе, тут же защелкали фотоаппараты и в тот же день вечером снимки были переданы ничего не подозревавшему об этой встрече рейхсканцлеру Курту фон Шлейхеру. А на следующий день, 5 января 1933 г., снимки появились на первых полосах едва ли не всех печатных изданий Германии, а затем и за рубежом.

«В результате, не взирая ни какие усилия Гитлера, фон Шредера и фон Папена по сохранению в тайне

предстоящей встречи, у входа на виллу Шредера их ждала группа заранее подвезенных и должным образом взбудораженных сильнейшим предвкушением невероятной сенсации фоторепортеров, которые засняли факт их встречи во всех ракурсах. Эту часть операции по согласованию с Москвой обеспечивал выдающийся коминтерновский специалист по пропаганде, знаменитый Вильгельм (Вилли) Мюнценберг, глава так называемого «Треста Мюнценберга» — гигантского пропагандистского спрута Коминтерна, раскинувшего свои «щупальца» и людей по всему свету. В. Мюнценберг был воистину непревзойденным мастером пропаганды, талантливейшим организатором пропагандистских акций.

Эта акция нанесла мощный удар по Гитлеру и его партии, стимулировала усиление брожения и недовольства в ее рядах. Однако, к глубокому сожалению, в отношении воспрепятствования использованию компромата на Гинденбурга в целях предотвращения его принуждения к согласию на назначение Гитлера рейхсканцлером у нас тогда вышли серьезные осложнения. При всей своей солдафонской тупости и откровенно реваншистских настроениях, страдавший неизбежными в его возрасте проявлениями 80-летний германский монархист и ярый русофоб Гинденбург,тем не менее изрядно недолюбливал выскочку «ефрейтора», который всего лишь менее года назад стал гражданином Германии, хотя и разделял некоторые из его взглядов. Гинденбург хотя и разделял некоторые из взглядов Гитлера, тем не менее не желал видеть рядом с собой на посту рейхсканцлера этого многолетнего «бомжа».

Мало кому известно, что лидер одной из крупнейших политических партий Веймарской Германии — партии, которая, отличаясь оголтелым политическим и уголовным бандитизмом, претендовала на лидерство и в парламенте, и в государстве, — почти до конца февраля 1932 г. не имел германского гражданства! Правда, некоторое время Гитлер считался гражданином Австрии, но затем — опасаясь, что его могут выслать, — отказался от австрийского гражданства и стал апат-

ридом, то есть лицом без гражданства. И при этом нагло заявлял, что никогда не унизится до просьб о предоставлении ему немецкого гражданства. Что, однако, не мешало ему тайно подавать слезные челобитные баварскому правительству. До 1932 г. все эти прошения оставались без ответа. Нацист № 1 — Адольф Гитлер — был заурядным «бомжом»! Воистину такое возможно только в западных демократиях! Однако не менее красноречиво и то, как он схлопотал-таки германское гражданство —тоже ведь «перл» западной демократии. Едва ли хоть один немец ныне вспомнит, что в начале 30-х годов прошлого века было такое сверхмалюсенькое немецкое государство Брюнсвик (Брунсвик). А в нем МВД, глава которого, являясь членом нацистской партии, по «доброте душевной» назначил Гитлера атташе в представительство Брюнсвика в Берлине — уголовник и бандит стал полицейским атташе! Все дело в том, что это автоматически давало право на германское гражданство. 25 февраля 1932 г. Германия получила нового гражданина — Адольфа Гитлера, на века опозорившего эту страну!

«Потому на все предложения назначить Адольфа Гитлера на этот пост или же поручить ему формирование нового германского правительства, что, по сути-то, одно и то же, он отвечал со всем "изяществом" прусского казарменного юмора. Гинденбург соглашался пойти на это, но при условии, что Гитлер сформирует новое правительство, опираясь на большинство в парламенте, которого у него, естественно, не было и достичь которого, не менее естественно, законным путем он так и не смог. Тем самым все разговоры о назначении Гитлера рейхсканцлером попросту сводились на нет.

Вполне возможно, что так оно и продолжалось бы, если бы на другой чаше весов не было бы смертельно убойного компромата на Гинденбурга как на президента Германии. Он всерьез был запачкан в грязи афер по крупномасштабному разворовыванию громадных денежных средств из так называемой «восточной помощи», которую правительство Германии оказывало крупным землевладельцам Восточной Пруссии. В одной из комиссий рейхстага (парламента) с подачи социал-демократов было начато парламентское рассле-

дование этой аферы. Гитлер и К° прекрасно знали об этом, ибо и им самим немало перепадало из этого же "корыта", правда, через лидеров восточно-прусского юнкерства — Ольденбурга-Янушау, Берга и Остен-Верница, открыто ратовавших за Адольфа. Понимая, что Гинденбургу явно не хотелось угодить на скамью подсудимых за разворовывание громадных государственных средств, эти выдвинули даже ультиматум с требованием назначить Гитлера, который, естественно, прихлопнул бы все это расследование.

У руководства нашей мобильной нелегальной резидентуры были серьезные сомнения в искренности намерений инициировавших это расследование социал-демократов. Поступавшая информация свидетельствовала о том, что они намерены использовать это для последующего торга как с Гинденбургом, так и с Гитлером. Тем не менее руководство решило пойти на риск и использовать сам факт начавшегося парламентского расследования как предмет торга с самим Гинденбургом через третьих лиц. Смысл этого торга сводился к следующему: если Гинденбург, как президент, гарантирует на 100%, что ни при каких обстоятельствах не назначит Гитлера рейхсканцлером, то расследование будет плавно спущено на тормозах. И, следовательно, его авторитет никак не пострадает. Гинденбургу, в частности, разъяснили, что более всех инициации этого парламентского расследования обрадовались сами нацисты, несмотря на то, что формально-то ничего хорошего оно сулить им не могло. Ведь они сами были сильно замешаны в этой афере. Тем не менее их восторг в связи с этим был неподдельно искренним. Они прямо исходили красноречием по этому поводу. Вследствие этого руководство нашей группы всерьез заподозрило социал-демократов в проведении какой-то закулисной игры под видом демократии. Ну что еще можно было ожидать от этих негодяев?!»

Германские социал-демократы и в самом-то деле были отпетыми негодяями. Едва только Гитлер был назначен на пост рейхсканцлера, как социал-демократы горячо приветствовали это. Центральный печатный орган социал-демократической

партии Германии газета «Форвертс» в номере от 31 января 1933 г. так и написала, что социал-демократия с глубоким удовлетворением приветствует приход к власти нацистской партии. 2 же февраля 1933 г. эта же газетенка обратилась с прочувственными словами лично к Гитлеру: **«Вы называете нас ноябрьскими преступниками (имелось в виду участие социал-демократов в ноябрьской 1918 г. "революции" в Германии. —*А.М.*), но могли ли вы, человек из рабочего сословия, без нас сделаться рейхсканцлером? Именно социал-демократия дала рабочим равноправие и уважение. Только благодаря нам, Вы, Адольф Гитлер, могли стать рейхсканцлером!»** Какими же подонками надо было быть, чтобы произвести Гитлера в представители «рабочего сословия» и во всеуслышание хвастать тем, что Гитлер стал рейхсканцлером благодаря социал-демократам!? Даже такой неисправимый реакционер, как люто ненавидевший социал-демократов и коммунистов, но помогавший Гитлеру в начале 20-х гг. генерал Людендорф, и тот на время просветлел разумом. Уже 31 января 1933 г. он направил своему бывшему главнокомандующему письмо, в котором указал: **«Назначив Гитлера рейхсканцлером, Вы выдали наше немецкое отечество одному из наибольших демагогов всех времен. Я торжественно предсказываю Вам, что этот человек столкнет наше государство в пропасть, ввергнет нашу нацию в неописуемое несчастье. Грядущие поколения проклянут Вас за то, что Вы сделали».** 22 июня 1933 г. социал-демократическая партии Германии была запрещена как изменническая и не заслуживающая иного обращения, чем коммунистическая, против которой социал-демократические подонки отчаянно боролись. А «масла в огонь » этой яростной междоусобицы левых подливал Бухарин, первым обозвавший социал-демократов «социал-фашистами». 7 июля 1933 г.полномочия депутатов от СДПГ в рейхстаге были объявлены недействительными. Некоторые лидеры и видные функционеры СДПГ были убиты, часть расфасована по концлагерям, некоторые перебежали к нацистам, а некоторые отошли от политики и со всей присущей только социал-демократической сволочи «порядочностью» с удовольствием получали пенсии от гитлеровского правительства! Любопытно, что после 1945 г. те же социал-демократические подонки платили пенсии нацистам. Западная «демократия»,однако...

«Будучи не в силах открыто сотрудничать с нацистами, социал-демократы фактически сознательно создали нацистам рычаг давления на Гинденбурга в целях его шантажа. Основанием для такого вывода послужило то обстоятельство, что вместо того, чтобы брать быка за рога, то есть бить по верхушке прусских юнкеров — Ольденбургу-Янушау, Бергу и Остен-Верницу — социал-демократы инициировали парламентское расследование только в направлении расследования частных афер какого-то прусского помещичьего семейства юнкеров, соседствовавшего с Гинденбургом по землевладению.

В порядке упреждения негативных последствий такого шантажа было решено перехватить инициативу и использовать уже фактически сложившуюся ситуацию шантажа только в целях предотвращения привода Гитлера к власти. По соответствующим каналам Гинденбургу дали ясно понять, что ему-то, национальному герою Германии времен Первой мировой войны, 80-лентнему президенту и фельдмаршалу на пороге вечности едва ли может улыбаться быть ославленным на века в качестве тривиального вора и афериста! Начался напряженный торг. На какое-то время разведгруппе удалось нейтрализовать давление и группировки Ольденбурга-Янушау — Берга — Остен-Верница, а также Гитлера и К° и стоявших за ними сил.

Однако по ту сторону баррикад, естественно, не дремали... — ставки были уже запредельно высоки. От агентуры стало известно, что В. Кепплер подал идею "прижать" Гинденбурга его якобы причастностью к нашумевшей в 1931 г. громкой финансовой афере известного магната Флика, который в "экстазе" псевдопатриотизма... финансового характера с невероятной наглостью убедил германское правительство в необходимости разрешить ему, Флику, ограбить государственную казну Германии ».

Афера была фантастическая. Ее суть заключалась в следующем. Путем различных махинаций в 20-х гг. Флик вырвал из рук одного из своих давних конкурентов — Фридриха Айхберга — стальной концерн «Линке-Хофман». Однако из-

за мощного противодействия постоянно враждовавшего с ним Тиссена, также стремившегося завладеть этим же концерном, Флик к 1931 г. стал терпеть колоссальные убытки. Из-за этого Флик запросил у своего друга — шведского «короля»спичек Кройгера — финансовую помощь. Однако под давлением Тиссена Кройгер отказал Флику. С помощью своих асов промышленного шпионажа Флик выяснил, что столь непреклонное желание Тиссена удавить его, Флика, объясняется прежде всего тем, что сам Тиссен был креатурой мощного концерна голландских и французских банков, в числе последних из которых был и один из крупнейших банков Франции — «Креди Лионэ », принадлежавший Ротшильдам. Опираясь на эти сведения, Флик организовал во Франции «утечку» информации по данному вопросу. Одновременно в Германии, в том числе и с помощью нацистской партии, устроил пропагандистскую шумиху на тему о **«неслыханном коварстве Парижа и связанных с ним кругов еврейской финансовой олигархии Запада, которые намеревались в очередной раз нажиться на страданиях немецкого народа».** Банальная грызня между стальными «королями» превратилась в большую политику, которая завершилась тем, что правительство Германии, уступая внутриполитическому давлению, якобы из патриотических соображений аж за 100 млн марок выкупило у Флика акции концерна «Линке-Хофман», которые тогда не стоили даже и 2,5 млн марок! Нацисты сорвали тогда солидный куш от этого гешефта — из составлявшей 40-кратную разницу суммы Флик выделил им пару десятков миллионов. Президентом Германии в то время был все тот же Гинденбург. И решение о выкупе акций у Флика принималось именно при его участии.

«Факт этой невероятной аферы было решено использовать в подтверждение якобы того, что-де Гинденбург умышленно способствовал принятию правительством Германии такого решения, явно, мол, рассчитывая на "ответную благодарность" Флика. Зная о сильном брожении в рядах нацистской партии, в том числе и по поводу того, что верхушка партии нагло присваивает львиную долю всех финансовых поступлений в ее казну, а рядовым членам партии ничего не остается, разведгруппа решила отпарировать. Гитлеру было

дано понять, что если он и его пропагандисты не прекратят попытки использования против Гинденбурга карты аферы Флика, то во всемирном масштабе через прессу будет высмеяна, причем с приведением конкретных документов, его идиотская борьба с так называемой "еврейской финансовой плутократией", от которой он беспрерывно получал громадные деньги. Угроза была нешуточная, ибо после этого он стал бы политическим трупом. Особенно, если учесть, что, во-первых, с середины 1929 года по миру расползались постепенно получавшие подтверждения слухи о прямом финансировании Гитлера влиятельными американскими финансистами еврейского происхождения — Уорбургами.

А, во-вторых, что главарь штурмовиков Э. Рем, а также его ближайшие соратники в то время уже откровенно "точили зубы" на Гитлера. Короче говоря, тогда удалось загнать нацистов в угол. Не зная, с кем имеют дело, нацистские главари притихли, боясь огласки своих финансовых афер, в том числе и с сионистским капиталом. Но в то же время, в сущности-то, сложилась патовая ситуация — ни одна из сторон не имела перевеса. Гитлер в те дни отсиживался в укромных местах под охраной своей личной гвардии и все время тихо мычал одну и ту же фразу: «Или все, или ничего!» Разведгруппа начала готовить операцию, чтобы окончательно загнать их в гроб политического небытия.

Но именно в этот момент в дело открыто вмешалась резидентура британской разведки и посольство Великобритании в Германии. Они отчетливо видели, что авторитет нацистской партии стремительно падает, что в ее рядах, в том числе и в руководстве, откровенно царят неразбериха и паника, что никакого выхода из патовой ситуации не проглядывается. Именно поэтому они пошли на беспрецедентно уникальную по своей подлости, а, главное, по своим последствиям для всего мира акцию. Под конец января 1933 г. по Берлину был пущен слух, что-де рейхсканцлер К. фон Шлейхер планирует военный переворот, включая и арест самого Гинденбурга, причем с использованием сил

"Стального шлема" — военизированной организации, почетным председателем которой был сам Гинденбург.

Естественно, что наша резидентура немедленно всполошилась и тут же стала выяснять, "откуда растут ноги" у этой провокации. Далеко ходить не пришлось. "Покопавшись" в информационных материалах, направлявшихся в те дни в Лондон британским разведчиком Сефтоном Делмером[1], мы установили, что к чему. Оказалось, что эта идея была подана британской разведкой по согласованию с британским послом д'Аберноном. Сам же факт появления такой идеи у британской разведки был тоже не случаен. С. Делмер еще с августа 1932 г. знал о бродившей в умах ряда руководящих нацистов идее военного переворота. Он знал об этом еще с 10—12 августа 1932 г. непосредственно от самого главаря нацистских штурмовиков Э. Рема и его заместителя Арнима. С. Делмер прекрасно знал, что эта идея чрезвычайно пугала Гинденбурга вне зависимости от того, от кого она исходила. Для разрядки патовой ситуации в пользу британских интересов он решил использовать эту идею. Правда, в слегка измененном виде — приписав ее тогдашнему рейхсканцлеру К. фон Шлейхеру. Шлейхер в то время активно интриговал против Гитлера и пытался заигрывать также и с Ремом, а заодно и с другими политическими организациями, в том числе и обладающими военизированными отрядами.

[1] Сефтон Делмер был одним из сильнейших и проницательных британских разведчиков того времени, специализировавшихся по Германии. Благодаря своему прикрытию — он был «журналистом» — С. Делмер был вхож практически во все круги и правительственные учреждения Германии, располагал обширными и блестяще информированными связями, имел на связи прекрасно осведомленную агентуру. Обладая, очевидно, незаурядными интеллектуальными данными, С. Делмер прекрасно ориентировался не только в вопросах политики, экономики, финансов и т.п. Мало кому даже в разведывательном сообществе известно, что именно он, С. Делмер, первым обратил пристальное внимание на Вернера фон Брауна, в будущем известного ракетчика гитлеровской Германии, а впоследствии и США. Обратил внимание еще в конце 1932 г., когда В. фон Браун проводил свои эксперименты в обыкновенном сарае на окраине Берлина. Ничего не скажешь, проницательный был сотрудник разведки.

Непосредственное исполнение задуманной операции С. Делмер возложил на своего агента — давно сочувствовавшего нацистам Вернера фон Альвенслебена-Нейгаттерслебена, являвшегося тайным связником между Гитлером и Шлейхером и постоянно "сливавшего" нацистам всю информацию о действиях Шлейхера. Кстати говоря, оцените уровень его агента — выражаясь профессиональным языком, С. Делмер буквально "оседлал" один из важнейших каналов получения сверхактуальной и секретной информации о развитии внутриполитической ситуации в Германии того времени. Сам слух о возможном военном перевороте в дело запускал родной брат Вернера, являвшийся в то время председателем печально знаменитого в то время "Клуба Господ", членом которого был также и фон Папен. Каналом же доведения этого слуха непосредственно до ушей Гинденбурга в целях последующего оказания давления на него стал также находившийся на коротком поводке С. Делмера статс-секретарь президента — Мейсснер. Этот тоже давно уже "подписался" оказывать всевозможную помощь Гитлеру (правда, торговался он с нацистами, как на базаре, но все-таки выторговал себе теплое местечко и при них стал статс-секретарем МИДа). Четко скоординированными во времени и очередности действиями сразу по нескольким направлениям британской разведке удалось решить поставленные задачи. С одной стороны, по цепочке — "авторитетный первоисточник", который якобы озабочен, видите ли, соблюдением конституционной законности, «авторитетный звонивший» (все было оформлено звонкбм брата Альвенслебена-Нейгаттерслебена к Мейсснеру), влиятельный статс-секретарь президента, этакий Фуше Веймарской Германии, — до сведения Гинденбурга был доведен пугавший его слух. Мейсснер прекрасно знал, как необходимо воздействовать на туповатого старика-президента, которого к тому же ненавязчиво изолировали от каких бы то ни было источников информации. С другой:

— целенаправленным нагнетанием слухов по всему Берлину, причем не только о якобы планируемом Шлейхером перевороте, но и о его намерении судить Гинденбурга за эту аферу;

— жесткой обработкой Гитлером и К° сына президента — Оскара Гинденбурга, которого угрозами уламывали уговорить отца назначить Гитлера рейхсканцлером (22 января 1933 г. на квартире Риббентропа Гитлер в течение двух часов уламывал Оскара Гинденбурга и «уломал»-таки, поскольку впоследствии, уже при нацистах, Оскар получил звание генерал-майора);

— параллельным нашептыванием самому Гинденбургу о якобы существующей реальной угрозе жизни Оскара (этим занимался лично Мейсснер);

— массированным давлением крупного капитала и крупных землевладельцев ситуация в итоге была доведена до того, что отупевший от возраста, внезапно обрушившейся на него мощной круговерти «достоверных» слухов, сплетен и угроз старый солдафон изрядно дрогнул. И согласился на переговоры фон Папена с Гитлером при условии немедленного доклада себе их результатов. Переговоры прошли 10,18,22 и 25 января 1933 года.

Короче говоря, горстке разведчиков-нелегалов из состава личной разведки Сталина, до конца противостоявшей самым могущественным силам Запада, невзирая на все усилия, не удалось предотвратить откровенно надвигавшуюся на весь мир коричневую чуму. 30 января 1933 г. волевым решением Гинденбурга Гитлер был назначен рейхсканцлером Германии. Великобритания и США сделали все возможное, чтобы коричневая мразь вошла бы в историю».

Через шесть лет, 2 января 1939 г., американский журнал «Тайм», всего за два года до этого начавший долгосрочный и продолжающийся по сей день проект с избранием каждый год «Человека года», обозвал Гитлера «Человекомгода» по итогам 1938 года! То есть за Мюнхенскую сделку, за дико варварский антиеврейский погром по всей Германии, вошедший в историю под названием «Хрустальная ночь» и т.д. Хуже того. Журнал оказался столь уж любезен, что пожелал герру

Гитлеру и «1939 г. сделать таким, о котором еще долго вспоминать будут». Адольф так и сделал — уже без малого 70 лет, как каждое 1 сентября весь мир судорожно икает, вспоминая начало Второй мировой войны.

Тем не менее, несмотря на привод Гитлера к власти, Сталину все же удалось добиться очень важного для безопасности СССР результата. Под инициированным им давлением по дипломатической линии Гитлер вынужден был пойти на ратификацию протокола о пролонгации советско-германского Договора о нейтралитете и ненападении от 24 апреля 1926 г. еще на пять лет — до лета 1938 года. Парафирование этого протокола состоялось еще 24 июня 1931 года. Причем в парафированном тексте протокола не содержалось временного ограничения — договор пролонгировался на неопределенный срок. Однако за время последовавшего после парафирования этого протокола правления трех рейхсканцлеров — Брюнинга, фон Папена и фон Шлейхера — он так и не был ратифицирован. Удалось это сделать, да и то только на пять лет, лишь летом 1933 г.

Миф № 2. Еще в 1930-е годы Сталин пытался вступить с Гитлером в тайный сговор, для чего направил в Берлин в качестве торгпреда своего земляка Д. Канделаки (так называемая «тайная миссия» Канделаки).

В возникновении этого мифа повинно столь громадное количество различных деятелей, что всех перечислить просто невозможно. Вполне достаточно будет ограничиться упоминанием имени главного реаниматора этого мифа в позднесоветское и первое постсоветское время. Это известный историк-германист и публицист Лев Александрович Безыменский. Именно он реанимировал этот миф на страницах своих многочисленных публикаций и книг, хотя как специалист прекрасно знал всю его подноготную, которая, к слову сказать, в случае ее серьезного, профессионального освещения, не давала оснований для крупномасш-

табных пропагандистских спекуляций. Увы, но Л.А. Безыменский не удержался. А вслед за ним не удержались и многие другие, профессионально не желающие «зрить в корень». И поскольку нам с ними не по пути, то в корень-то мы все-таки заглянем.

Итак, едва только Великобритания привела Гитлера к власти, как тут же, несмотря на пролонгированный Гитлером еще на пять лет Договор о нейтралитете и ненападении от 24 апреля 1926 г., началось резкое ухудшение германо-советских отношений. За 11 месяцев только 1933 г. советское посольство в Берлине направило МИДу Германии 217 нот протеста. Иные посольства за всю историю своего существования не представляли ни одной такой ноты, а тут — целых 217 всего за одиннадцать месяцев одного года. То есть по 20 нот ежемесячно, а за вычетом выходных и праздничных дней обоих государств, едва ли не каждый день.

Очень сильно пострадали торгово-экономические отношения между двумя государствами. Только за первую половину 1933 г. советский экспорт в Германию сократился на 44 %. То же самое происходило и далее, причем в еще больших размерах. Одновременно резко сократился и германский экспорт в СССР. Торговое соглашение между Германией и СССР от 2 мая 1932 г. было объявлено гитлеровским правительством недействительным. А ведь торгово-экономические отношения СССР с Германией были едва ли не стержнем всей системы внешнеэкономических связей Советского Союза того времени.

Образовавшийся вакуум в торгово-экономических отношениях Германии с СССР стремительно и целенаправленно заполняли Англия и США. В апреле 1933 г., а также 10 августа и 1 ноября 1934 г. были подписаны новые англо-германские соглашения — об угле, валютное, торговое и платежное. Последнее соглашение, кстати говоря, очень любопытно. Дело в том, что по нему Англия взяла на себя обязательство, в ответ на каждые 55 фунтов стерлингов, затраченных Германией на покупку товаров Англии, покупать в Гер-

мании товаров на 100 фунтов стерлингов и оплачивать их валютой. Проще говоря, Англия стала усиленно накачивать гитлеровскую Германию, чтобы направить ее вооруженную экспансию на Восток, против СССР. А вскоре начались и массированные поставки продукции двойного назначения, в том числе вооружений.

К слову сказать, совершенно неизвестно, что уже после привода Гитлера к власти германские военные проходили стажировку в британской армии, в том числе и в британских ВВС. Советы же прекратили всякое сотрудничество в военной сфере сразу же после привода Гитлера к власти, а вот Великобритания — распахнула все двери для этого. Франция, в свою очередь, «любезно» поставляла свои танки «Рено» Адольфу Гитлеру. Причем в таких количествах, что просто торговлей оружием это не назовешь. Только в 1935 году в Германию было поставлено более 400 французских танков. Великобритания и США поставляли различные типы военных самолетов и авиадвигатели, всевозможные технологии двойного назначения и т.п. Не отставали и другие «светочи демократии ». Так что тем, кто сдуру-то «выковал фашистский меч в СССР», надо внимательней изучать историю.

Однако все это «цветочки». «Ягодки» пошли чуть позже. Первым делом и в срочном же порядке из Германии, точнее, с ее топливного рынка вышибли СССР. На Западе уже давно поняли, что будущая война — **«война моторов»,** а моторам требуются нефть и нефтепродукты. Так вот, если советско-германские смешанные общества «Дерунафт» (поставки нефти) и «Дероп» (поставки бензина и керосина) практически полностью покрывали потребности Германии в нефти и нефтепродуктах, то в какую сторону могли полететь германские самолеты, пусть даже и сделанные в Англии и в США, и куда могли двинуть импортные «германские» танки?! Причем без какого-либо влияния Кремля. Едва ли не до умопомрачения устрашая себя однозначным в ее понимании ответом на этот вопрос, Великобритания предприняла отчаянную акцию по вышибанию СССР с германского топливного рынка. 3 марта 1933 года в Москву из советского посольства в Берлине поступила срочная телеграмма, в которой

говорилось: **«Получены сведения об инспирации поджога рейхстага Детердингом, надеющимся в результате обострения борьбы с коммунизмом и СССР в Германии добиться изгнания "Дероп" и осуществления нефтяной монополии. Предполагаются участниками его агенты. Детердинг действовал совместно с Герингом».** Это тот самый **Детердинг** — всемирно известный нефтяной «король», глава международного нефтяного концерна «Ройял Дач Шелл», **член Комитета 300,** который еще в 1926 г. пытался организовать вооруженное нападение на Советский Союз консолидированными силами Запада и всевозможной уголовной падали из числа эмигрантов.

Детердинг оказался настолько **«способен взять на себя осуществление британской нефтяной политики»,** что устроил поджог рейхстага как прелюдию к антикоммунистическому погрому в Германии! Потому как это был единственный способ вышибить СССР с топливного рынка Германии. Ибо, мягко говоря, из-за неумных действий Коминтерна и советской бюрократии (точнее, партократии) едва ли не на каждой бензоколонке Германии сидели дармоеды — постоянно вмешивавшиеся в ее внутренние дела и сильно раздражавшие местную полицию агенты Коминтерна, не говоря уже о членах Компартии Германии. Спровоцировав в результате поджога рейхстага антикоммунистическую истерию в Германии, **Детердинг** добился того, что руками гитлеровских штурмовиков в кратчайшие сроки были разгромлены как «Дерунафт», так и «Дероп». Германский нефтяной рынок перешел под контроль западных монополистов, прежде всего «Ройял Дач Шелл». Чуть позже,с третьих плацдармов подтянулись и американские «акулы» нефтяного бизнеса. **В сущности всеми сторонами выполнялся приказ Комитета 300.**

В результате проведенной Детердингом крупномасштабной блицоперации по вышибанию СССР с германского нефтяного рынка, Великобритании удалось решить глобальные задачи по предотвращению скорого выравнивания Советским Союзом своего платежного

дисбаланса и перехода на положительное сальдо во внешнеторговом обороте с Германией. Но самое главное, что тогда удалось сделать Великобритании, так это предотвратить дальнейшее тесное переплетение германской и советской экономик за счет практически полного подрыва нефтяной политики СССР в Германии, а тем самым и лишить Советы возможностей какого бы то ни было влияния на фюрера по торгово-экономическим каналам. Экономический союз между СССР и Германией пугал Великобританию куда больше, чем и без того полностью иллюзорный призрак якобы возможного стратегического союза между двумя государствами. По настоянию экономического отдела МИДа Великобритании во главу угла была поставлена задача категорического недопущения опасного в ее понимании сближения Германии с Россией на почве торгово-экономического сотрудничества. В обычно именовавшихся «Экономический аспект внешней политики» докладах упомянутого отдела британского МИДа из года в год эта задача фигурировала не просто как приоритетная, а как основополагающая, что подчеркивалось в каждом документе. На языке МИДа Великобритании это называлось «экономическим умиротворением» Гитлера.

На передовые позиции в торгово-экономических отношениях Германии с внешним миром вышли Великобритания и США. Цель — в срочном порядке подготовить нацистскую Германию к вооруженной экспансии на Восток, против СССР. Сталин прекрасно это видел и понимал. И когда после успешных англо-германских переговоров в марте месяце 1935 г. в Москву пожаловал участвовавший в них лорд-хранитель печати Антони Иден, а Сталин, к слову сказать, документально точно знал, что там наобещала Гитлеру Великобритания, то, встретившись с посланцем Лондона, Иосиф Виссарионович достаточно резко «отстегал» бриттов. В ответ на ерническое заявление Идена о том, что-де Англия совсем маленький остров, а соответственно от него мало что зависит, Сталин ответил следующее: «Да, маленький остров, но от него

многое зависит. Вот если бы этот маленький остров сказал Германии: не дам тебе ни денег, ни сырья, ни металла — мир в Европе был бы обеспечен». В ответ Иден как воды набрал в рот. А что ему оставалось делать — ведь Сталин был абсолютно прав. Иден это прекрасно понимал.

С описанной выше ситуацией в советско-германских торгово-экономических отношениях и связано направление в Берлин на важный пост торгового представителя СССР старого приятеля Сталина —Давида Владимировича Канделаки. Как правило, банальной служебной командировке Канделаки буквально навязывают таинственный смысл некой миссии в целях достижения некоего тайного сговора с Гитлером. Однако это полнейшая чушь. Если уж и усматривать в чем-то миссию, то реальный, без подделок и фальсификаций смысл его банальной служебной командировки в Берлин лежит на поверхности — положить-таки начало нормализации торгово-экономических отношений между двумя государствами, ранее вполне неплохо сотрудничавших на этой стезе. Потому-то Сталин и выбрал своего земляка и старого знакомого, чтобы в Берлине быстрее бы сообразили, что если торгпредом приехал человек Сталина, то, следовательно, все вопросы нормализации торгово-экономических отношений будут решаться по-сталински, в ударном темпе. В таком смысле Канделаки можно считать порт-паролем Сталина, то есть его неофициальным посредником в официальном статусе. Но в Берлине этому дали, к сожалению, совсем иную трактовку. Хуже того. Стали использовать это обстоятельство не только в антисоветских целях, но и даже в ущерб собственным же интересам. В результате с «миссией» Канделаки до сих пор увязывают предысторию Договора о ненападении от 23 августа 1939 г., выставляя ее, как пролог к нему, а также как якобы предтечу якобы незаконной ликвидации заговора Тухачевского.

Секрет же превращения банальной служебной командировки Канделаки в некую **тайную миссию** состоит в следующем. **Во-первых,** еще до того, как Бер-

лин положительно ответил на агреман Москвы о назначении Канделаки новым торгпредом, все, что надо и не надо было, сообразила узкая каста советских дипломатов-германофилов, которая с давних времен занимала руководящие позиции в наркомате иностранных дел. Причем эта каста была разделена как бы на два лагеря: на ярых сторонников Троцкого — эту группу возглавлял заместитель наркома иностранных дел Н.Н. Крестинский, и просто сторонников безоглядного германофильства без какой-либо политической ангажированности. Во-вторых, еще одну трактовку задач Канделаки на-гора выдала каста наркоматовских западников англофильской ориентации во главе с наркомом иностранных дел СССР М.М. Литвиновым, хотя соображать тут было нечего. Сталин специально направил новым торгпредом своего земляка и давнего знакомого, чтобы не замыленным старинным германофильством, а свежим взглядом он проанализировал бы ситуацию. И далее, отметая как германофильство, так и характерное для англофильствовавшего Литвинова злобное германофобство, по мере возможности определить, что и как можно сделать для улучшения торгово-экономических отношений между двумя странами. Ведь Канделаки был свободен от игравших тогда колоссальную роль этноидеологических наслоений.

Как известно, с первых дней советской власти и практически до начала мая 1939 г. в советских дипломатическом и внешнеторговом ведомствах работало большое количество евреев. Конечно, нет ничего плохого в том, что евреи были массово задействованы в этой сфере. Если уж начистоту, то у них действительно немалые таланты в этой сфере. Плохо было то, что их этнические соображения, к тому же нередко навеваемые извне, зачастую брали безальтернативный верх над государственными интересами. Прикрытые же еще и социалистической пропагандой того времени, они практически не поддавались какой-либо нейтрализации, хотя, как известно, во внешней политике и внешней торговле нет и быть не может места этничес-

ким эмоциям. Иначе это не дипломатия и не внешняя торговля, а примитивный базар с беспрерывной руганью и оскорблениями.

Но каста есть каста. Потому и неудивительно, что при выработке политики СССР в отношении Германии, а ее стержнем в то время были торгово-экономические отношения, ибо в политическом плане сотрудничать с нацистами Сталин и так не собирался, в формально именовавшемся Максимом Максимовичем Литвинове практически всегда безальтернативно верх брал смотревший на эти проблемы с узко местечковых позиций Мейер Баллах Финкельштейн. А если учесть еще и его дореволюционные связи с англосаксонским Западом, в том числе и с некоторыми тайными структурами последнего, то нередко получалось, что он исполнял функции информирующего агента стратегического влияния Запада. Литвинов практически постоянно «сливал» на Запад всю информацию, касавшуюся советско-германских политических и особенно торгово-экономических отношений, причем зачастую не только конфиденциальную, но и попросту секретную.

В анналах британской разведки фигурирует некий агент под псевдонимом «Д-57», поставлявший в 20—30-е гг. прошлого века англичанам исключительно важную информацию внешнеполитического характера. По оценкам самих же британских историков СИС, она должна была исходить по меньшей мере из ближайшего окружения наркоминдела М. Литвинова либо от него самого. А в этой связи придется вспомнить, что в свое время Литвинов не только женился на англичанке. Это, так сказать, любовь, к этому не придерешься. Он ведь еще и сидел у англичан в тюрьме. Но не просто сидел, а обеспечивал, как отмечает один из лучших современных историков Н.А. Нарочницкая, в РСДРП «англосаксонскую связь » в годы Первой мировой войны и немало потрудился в Лондоне и США, чтобы война вплоть до революции была успешной для Антанты и во всех аспектах разрушительной для России. Кстати, он обеспечивал не только «англосаксонскую связь», но и поддержание контактов с британскими сионистами, поскольку весь период своего пребывания на британских островах очень тесно общался с наиболее влиятель-

ными представителями еврейской общины Англии. В свое время не без их помощи М. Литвинов был выслан, несмотря на требования царского правительства, именно в Англию после того, как был арестован в Париже за попытку легализации «экспроприированных» в России 250 тысяч царских рублей. Впоследствии его обменяли на арестованного в Москве известного по истории британского шпиона Б. Локкарта. Со времен той отсидки у него сложились особо доверительные отношения с сотрудником Форин офис Реджинальдом Липером, впоследствии возглавившим дипломатическую разведку МИДа Великобритании.

Между тем, и это вновь следует особо подчеркнуть, именно специализирующиеся на изучении истории своей разведки британские историки отмечают чрезвычайно высокий уровень попадавшей в Лондон разведывательной информации из СССР. Конечно, с абсолютной уверенностью утверждать, тем более прямо идентифицировать «Д-57» с М.М. Литвиновым пока невозможно, но именно пока. В основном из-за того, что СИС не рассекречивает архивные данные, по которым срок давности уже давно минул. Молчит и наша Служба внешней разведки, хотя в материалах великолепной «кембриджской пятерки» лучших агентов советской разведки наверняка найдется нечто любопытное и на этот счет. Да и не только там. Могу сказать лишь одно. По опубликованным ныне материалам Форин офиса и Комитета имперской обороны Англии виден поразительно высокий уровень точнейшего знания многих нюансов советской внешней политики 20-х — 30-х гг., причем именно на тех направлениях, которые более всего болезненно интересовали Великобританию. Какими бы проницательными ни были британские дипломаты и шпионы, но без хорошо информированной агентуры такой уровень точнейшего знания не обеспечить. А ведь, к слову сказать, на базе такого точного знания Великобритания совершенно уверенно действовала на четкое упреждение советских внешнеполитических шагов вне зависимости от того, предпринимались ли они по линии НКИД (МИД), Коминтерна или разведки. Она действовала именно так, как действуют лишь блестяще информированные о действиях противной стороны государства. Только одно это уже вынуждает более чем серьезно отнестись к мнению британских историков.

Немалую роль в превращении банальной служебной командировки Канделаки в некую тайную миссию сыграла и особая специфика поведения отечественных дипломатов в загранкомандировках. Она вообще не зависит от политического режима. Это сугубо профессиональная специфика. Дело в том, что по указанию Сталина Канделаки опекали резидентуры НКВД и ГРУ, что было оправдано, ибо в противном случае он долго входил бы в курс дела. Но кто хоть раз бывал в долгосрочной загранкомандировке хоть при Советах, хоть после, прекрасно знает, что за «любовь» царит между обычным персоналом загранучреждений и теми, кто находится под опекой разведывательных резидентур. А тут на это накладывался еще и факт того, что это человек Сталина. Поэтому неудивительно, что одним из «первоисточников» мифа о «тайной миссии» Канделаки стали сплетни в самом полпредстве СССР в Берлине. А уж как они дошли до ушей соответствующих инстанций того же нацистского руководства, и вовсе не секрет: в любом государстве мира контрразведка внимательно слушает, что болтают в посольствах и торгпредствах других стран, а уж гестапо-то тем более слушало. Правда, все эти отчеты о прослушивании своевременно попадали в руки советской разведки, так как ценный агент советской разведки «Брайтенбах» с давних пор аккуратно отслеживал всю ситуацию вокруг советской колонии в Берлине. Но за этим же внимательно следили и резидентуры британской и французской разведок.

Своим рождением миф о тайной миссии Канделаки в немалой степени обязан и не в меру длинному языку Н.И. Бухарина. Этот безмозглый и трусливый «ленинский гвардеец» решил, очевидно, «тряхнуть стариной» и встал на скользкий путь тривиального инициативного шпионажа. По свидетельству Оффи, помощника американского посла в Москве (тогда им был У. Буллит, вскоре переведенный в Париж), именно «Коля Балаболкин» (так Троцкий презрительно называл Бухарина) в 1935 г. сообщил им обоим, что Сталин якобы ведет секретные переговоры с немцами и

«тянет в сторону союза с Германией». «Балаболкин» в то время был лишен доступа к секретной информации и сам знал только с чьих-то третьих слов. Но он настолько был пустобрех, что попросту не понимал, что не надо было изобретать велосипед. В наличии имелся пролонгированный до середины 1938 г. советско-германский Договор о нейтралитете и ненападении от 24 апреля 1926 г. Но ведь это же был широко известный факт, а «Балаболкину» надо было сделать перед американцами вид, что-де он хорошо информированный человек. Вот и набрехал с три короба, даже не понимая простой истины, что пока два государства ведут переговоры по каким-либо вопросам, информация об этих переговорах по определению закрытая. Это не обусловлено особенностями политических режимов в ведущих переговоры государствах. Это обычная, испокон веку существующая практика. И обусловлена она лишь одним — слишком много в мире желающих стать третьим, вставляющим палки в колеса. Вот и все.

В следующем, 1936-м году «Балаболкин» вновь настучал тем же американцам по этому же вопросу, а при выезде в том же году в Париж за архивом Маркса разболтался на эту же тему и в кругах русской эмиграции. А уж эта-то была нашпигована не только агентурой НКВД, но и всех основных разведок Европы, особенно английской, французской и германской. Трезвон пошел по всем разведывательным каналам. Ну, не идиот ли?!

Однако наибольшее значение имеет то, что, **в-третьих.** В этом третьем факторе в мгновение ока в единое целое слилось такое, что и вовсе не приходится удивляться появлению мифа о некой тайной миссии Канделаки.

Потирая руки в связи с практически полным изгнанием СССР с нефтяного рынка Германии, **Детердинг** в начале 1935 г. договорился с Гитлером о поставке нефтепродуктов производства «Ройял Дач Шелл» в объеме годового рейхс-потребления! Вы только вдумайтесь, что он предложил и о чем договорился с фю-

рером! Вся и без того крайне резко ускоренными темпами милитаризировавшаяся экономика Германии, все ее вооруженные силы, в том числе даже еще и не созданные как таковые соединения и рода войск сажались на британскую нефтяную «иглу»! Не надо быть ни политиком, ни экономистом, чтобы понять, что за этим последовало бы. Особенно для СССР. Управление всей агрессией Германии в эпоху «войны моторов» было бы сосредоточено в руках даже не самой Великобритании, что само по себе было бы уже очень плохо. Оно было бы сосредоточено в руках именно свихнувшегося на зоологическом антисоветизме и русофобии члена Комитета 300 — Генри Детердинга! Немалую лепту внес и Английский банк — этот со своей стороны взялся гарантировать обеспечение нацистскому рейху кредитов на закупки стратегических материалов, в частности меди, алюминия, никеля, хрома и марганца. Между тем глава Английского банка того времени — Норман Монтегю — также являлся членом Комитета 300.

Именно в этот момент масла в огонь подлили еще и лично Гитлер, а также глава Рейхсбанка Яльмар Шахт. Да так, что вся Европа встревоженно загудела. Дело в том, что достаточно быстро Гитлер вынужден был осознать, что в такой ситуации вся его антиверсальская политика не трещит по швам, а попросту лопнула. Ну, о какой антиверсальской политике он мог говорить, если экономика Германии держалась только на крупномасштабных экономических «инъекциях» версальского недруга Германии?! И сугубо по конъюнктурным соображениям Гитлер сделал вывод о том, что в своем антикоммунизме и антисоветизме он не только сильно перегнул палку. Односторонняя торгово-экономическая ориентация на версальских недругов ставила его в остро зависимое положение от унизивших Германию бывших победителей в Первой мировой войне.

Гитлер протрубил конъюнктурный отбой. Уже 20 марта 1935 г. торговое представительство СССР и Рурский комитет германской экономики подписали

соглашение об общих условиях поставок товаров из Германии в Советский Союз, а 9 апреля было подписано и соглашение о кредите в 200 миллионов марок сроком на пять лет. Кредит предоставлялся на приобретение **«оборудования фабрик, всевозможных машин, аппаратов, оборудования для нефтепромышленности и химической промышленности, продуктов электротехнической промышленности, судов, средств передвижения, транспортных средств, измерительных приборов, лабораторного оборудования, запасных частей». В обмен — поставки советского сырья, в том числе железной руды, нефти, марганца, некоторых цветных металлов и т.п.**

Едва только это кредитное соглашение вступило в действие, Гитлер, судя по всему, решил пойти дальше и еще более сбалансировать торгово-экономические отношения Германии с внешним миром по географическому признаку, в том числе и с СССР. Во время одной из весенних (1935 г.) встреч с Д. Канделаки глава Рейхсбанка Я. Шахт по поручению фюрера предложил, а чуть позже подтвердил свое предложение о готовности Германии предоставить СССР кредит в размере уже **одного миллиарда марок!!!** По тем временам просто неслыханный объем кредита. Для сравнения: по своему принципиальному значению это примерно то же самое, что и кредит в **100 миллиардов марок!** А если учесть, что кредит в таком объеме предлагался сроком на 10 лет, то, очевидно, нет необходимости специально пояснять, что до 1945 г. войны точно не было бы! Но разве Запад, особенно Великобритания, были заинтересованы в этом?!

Едва только предложение о кредите поступило, Литвинов и К° немедленно перешли в контратаку и, без преувеличения, всеми силами стремились помешать его практической реализации. Литвинов устроил форменный разнос торгпреду СССР в Германии Канделаки и советскому послу в Берлине Якову Сурицу. В категорической форме потребовал прекратить всякую активность в этом направлении — в его инструкции по данному вопросу прямо говорилось: **«От даль-**

нейших разговоров на тему о кредитах уклониться и письменного подтверждения не добиваться»!

Более того. Литвинов поступил как истинный информирующий агент стратегического влияния Запада. Во-первых, тут же «слил» информацию о предложении Шахта насчет миллиардного кредита французскому послу в Москве Альфану! А ведь это была секретная информация! И касалась она внешнеэкономических интересов СССР! Во-вторых, в письме от 27 июня 1935 г. послу СССР в Чехословакии Александровскому Литвинов очень вежливо, но, по сути, приказал первому сообщить об этом президенту Чехословакии Э. Бенешу. Так и написал: **«...Было бы полезно официально сообщить Бенешу о предложении германского правительства касательно предоставления нам финансового кредита в миллиард марок сроком на десять лет с тем, чтобы мы расплачивались рудой, нефтью и марганцем. К этому нужно добавить, что, заподозрив в этом предложении германский маневр и не нуждаясь в предлагаемом кредите, мы это предложение отклонили...»** То есть Литвинов вторично разгласил секретную информацию и потребовал от посла в Чехословакии передать ее президенту этой страны. Да еще и попутно подчеркнуть, что-де СССР заподозрил что-то и потому отклонил это предложение.

Однако нет никаких данных, что руководство СССР заподозрило что-либо. Нарком иностранных дел СССР Мейер Баллах Финкельштейн, он же Максим Максимович Литвинов, взял на себя слишком много. Ни в ЦК, ни в Политбюро этот вопрос не обсуждался. Следовательно, отказ от такого предложения — это сугубо его, узко местечковая реакция агента стратегического влияния англосаксонского Запада. Ко всему прочему следует иметь в виду, что 5 мая 1935 г. Канделаки было передано одобренное Сталиным указание, как далее развивать тему об этом кредите. С учетом данного факта получается, что Литвинов противопоставлял себя не только трезвой политике Сталина, но и интересам СССР. Без санкции советского правительства сообщить такую секретную информацию главам Фран-

ции и Чехословакии — значит сознательно разгласить ее перед всем Западом, а, следовательно, преднамеренно нанести серьезный ущерб внешнеполитической и внешнеэкономической безопасности СССР! Ведь советский посол в Берлине — **Яков Суриц** — прямо писал ему, что **«единственным средством смягчения антисоветского курса является заинтересованность Германии в установлении нормальных экономических отношений с нами. Нам, по-видимому, ничего другого действительно не остается, как терпеливо выжидать и продолжать усиливать и развивать нашу экономическую работу. Усиление ее на базе последних предложений Шахта выгодно обеим сторонам. Этим и только этим объясняется благословение, данное Шахту Гитлером...».**

Как и Литвинов, ЯКОБ Суриц был евреем, но ведь совершенно очевидно, что он мыслил и действовал как действительно компетентный и сознающий свою высокую ответственность посла человек и советский гражданин, озабоченный обеспечением интересов своей Родины. Литвинов же, напротив, действовал именно так, как будто постоянно получал зарплату и соответствующие инструкции по меньшей мере из экономического отдела МИДа Великобритании. В таких условиях достичь своего «миттельшпиля» ситуация с Канделаки была не просто обязана, а именно же в кратчайшие сроки. Так оно и случилось.

Вот тут-то как раз и получилось, что факт недавнего вступления в должность нового советского торгпреда и сыграл свою роль, в чем непосредственно повинен уже Шахт. Намереваясь узнать от Канделаки реакцию советского правительства на предложение о миллиардном кредите, Шахт, по сути дела, лично сгенерировал первый импульс, который мгновенно привел к возникновению мифа о некой тайной миссии Канделаки. Во время беседы с Канделаки на одном из приемов Шахт заявил, что он будет и впредь твердо держаться курса на углубление хозяйственных отношений с СССР, создав тем самым полностью ложное впечатление, что речь якобы идет о продолжении ка-

кого-то курса, хотя речь-то шла только о реакции на предложение об этом кредите, что было понятно обоим. Но не тем, кто это слышал. А раз непонятно, но речь идет о чем-то очень значительном, то, естественно, пойдут слухи.

Вот как раз это и надо было Шахту. Потому что параллельно он решил обыграть сильные опасения Великобритании и легким шантажом по поводу возможного возобновления экономического сотрудничества Германии и СССР сбалансировать-таки одностороннюю зависимость Германии от финансово-экономических инъекций Запада. Вполне естественно, что заявления Шахта не остались незамеченными, в том числе и со стороны британской разведки. Представленная тогда в Берлине лучшими своими асами, она зафиксировала как сам факт такой встречи и беседы, так и факт удивительных высказываний Шахта. Ну, а после того, как с подачи Литвинова по Европе пошел трезвон насчет **миллиардного кредита,** бритты и вовсе стояли едва ли не в прямом смысле на ушах. **Вот так и было положено начало мифу о якобы тайной миссии Канделаки.**

Реакция со стороны Великобритании последовала незамедлительно — в мае 1935 г. в деловой прессе Великобритании прозвучал следующий мотив: **«Без Англии в качестве платежного учреждения и без возможности продлить сроки кредитов, Германия не смогла бы осуществить свои планы... Снова и снова Германия отказывается от своих обязательств, публичных и частных, но она продолжала покупать шерсть, хлопок, никель, каучук, нефть, пока ее потребности не были удовлетворены, а финансирование закупок проводилось прямо или косвенно через Лондон».** Проще говоря, Берлину откровенно погрозили пальцем — мол, не дури, коричневая собака, коли столько имеешь от нас!

Более того. Зафиксированный британской разведкой диалог между Шахтом и Канделаки произошел на фоне только что состоявшегося — 2 мая 1935 г. — подписания между Советским Союзом и Францией договора о взаимопомощи в отражении агрессии. В со-

четании с пролонгированным два года назад советско-германским договором о нейтралитете и ненападении сложившаяся ситуация не могла не вызвать у Лондона подозрений в том, что происходит некая реанимация событий почти полуторадесятитлетней давности. Ведь в свое время и советско-германскому договору 1922 г., более известному как Рапалльский, предшествовало, к слову сказать, франко-германское Висбаденское соглашение от октября 1921 г. Тогда по факту все выглядело как создание некой неподконтрольной Великобритании геополитической конструкции, не укладывавшейся в рамки британских интересов. Тогда министра иностранных дел Германии Вальтера Ратенау из-за этого убили, а Ленина на редкость «своевременно» хватила сильнейшая кондрашка. Аналогичная ситуация создалась и в мае 1935 г. — Великобритания всерьез заподозрила то же самое. Тем более что развитие этой ситуации дополнялось еще и подписанием сопряженного с франко-советским договором аналогичного по содержанию советско-чехословацкого договора от 16 мая 1935 г. Тут уж всякое лыко было в строку. Великобритания всерьез стала подозревать конструирование некоего трансевропейского геополитического альянса с участием ведущих стран Западной, Центральной и Восточной Европы, в котором Великобритания уже не сможет играть привычной для нее роли суперарбитра в европейских делах.

В этот же момент подсуетился еще и Гитлер. 21 мая 1935 г. фюрер произнес свою пресловуто знаменитую речь о миролюбии, в которой предложил всем странам заключить с нацистской Германией договора о ненападении. В той конкретной ситуации это могло способствовать только укреплению британских подозрений о том, что речь действительно идет о конструировании некоего трансевропейского геополитического альянса. Как само собой разумеющееся, из подобных подозрений вытекал вывод о бесперспективности ее потуг по устроению Второй мировой войны! В результате и без того, в представлении Лондона, якобы не беспочвенные слухи о какой-то тайной миссии Кан-

делаки сами собой стали приобретать некое якобы убедительно зловещее значение. Ну, а дальше произошло то, что и должно было произойти. При содействии британской разведки и дипломатии по всей Европе покатился тайфун различных домыслов, слухов, сплетен, догадок и т.п., которыми до беспредела были забиты все информационные каналы разведок и посольств. Короче говоря, все получилось прямо по Шекспиру: «**Развесьте Уши. К Вам пришла Молва. А кто из Вас не ловит жадно слухов?» Особенно, если это касается Германии и России, хотя бы и Советской. В глазах Запада Москва всегда виновата.**

Вот так родился и зажил собственной жизнью совершенно беспочвенный миф о некой «тайной миссии » Канделаки, на базе которого слепить миф о некоем тайном сговоре, при его же содействии, между Сталиным и Гитлером оказалось проще пареной репы. Британская разведка — невероятный мастак на подобные штучки. А тогда она совместно с британским МИДом психовала, пытаясь предотвратить материализацию даже тени намека на нормализацию советско-германских торгово-экономических отношений.

Потому как в действительности-то в соответствии с ранее секретным советским документом от 12 марта 1935 года речь шла о намерении поддержать и использовать выражавшего интересы наиболее трезвомыслящих могущественных финансовых, деловых и военных кругов Германии Я. Шахта против Гитлера. То есть, в сущности-то, не без активного содействия Литвинова и К° британская разведка предотвратила мирное удаление А. Гитлера с политической сцены Германии и Европы.

Миф № 3. — Сталин «ковал фашистский меч» в СССР.

Данный миф был порожден самим названием книг Ю.Л. Дьякова и Т.С. Бушуевой «**Фашистский меч ковался в СССР»** (М., 1991). Между хлестким названи-

ем книги и ее содержанием — гигантская пропасть. Потому, что все ее содержание свидетельствует о том, что выгодоприобретающей стороной в период секретного военно-технического сотрудничества между РККА и германским рейхсвером был именно Советский Союз. Для того чтобы убедиться в этом, вполне достаточно просто перелистать эту книгу. Как советским историкам, авторам этой книги хорошо было известно, что в Советском Союзе вплоть до окончания первой пятилетки попросту не было настоящей тяжелой промышленности и машиностроения, как, впрочем, в помине не было даже тени намека на военно-промышленный комплекс. **Соответственно на какой же «наковальне» Советский Союз мог «ковать фашистский меч»?!**

Главное же, никакого военно-технического сотрудничества Советского Союза как такового именно с нацистской Германией не было и в помине. Едва только Гитлер был приведен к власти в Германии, как тайное военно-техническое сотрудничество между РККА и рейхсвером, имевшее место в 1920-х — начале 1930-х гг., было свернуто по инициативе именно же Советского Союза. **Уж если кто-то кому-то и «ковал меч», то не Советский Союз нацистской Германии, а нацистская Германия Советскому Союзу! И не только нацистская Германия, но и Веймарская Германия тоже.**

Сейчас уже мало кому известно, что, начиная с середины первой пятилетки, то есть с 1931 г., около одной трети мирового экспорта машин и оборудования направлялось в СССР. Между тем основным поставщиком машин и оборудования на мировом рынке являлась именно Германия. В завершавшем первую пятилетку 1932 году практически половина мирового экспорта указанной номенклатуры шла в Советский Союз. При этом в 1932 г. СССР поглощал уже 1/3 всей германской машиностроительной продукции, в том числе почти весь объем производившихся там паровых и газовых турбин, прессов, локомобилей, 70 % станков, 60 % экскаваторов, динамо-машин и метал-

лических ферм, половину никеля, сортового железа воздуходувок и промышленных вентиляторов и т.д. Основа советской тяжелой промышленности и машиностроения как фундамента военно-промышленного комплекса СССР, а также непосредственно базис самого советского ВПК были созданы не просто, в том числе и с помощью Германии, а именно же преимущественно за счет поставок машин и оборудования из Германии.

При анализе мифа № 2 говорилось о заключенном советско-германском кредитном соглашении от 9 апреля 1935 года. Напомним, что кредит в 200 миллионов марок предоставлялся Советскому Союзу сроком на пять лет на приобретение **«оборудования фабрик, всевозможных машин, аппаратов, оборудования для нефтепромышленности и химической промышленности, продуктов электротехнической промышленности, судов, средств передвижения, транспортных средств, измерительных приборов, лабораторного оборудования, запасных частей». В** обмен — поставки советского сырья, в том числе железной руды, нефти, марганца, некоторых цветных металлов и т.п.

Аналогичное произошло и в 1939 г. Прежде чем подписать Договор о ненападении с Германией, Сталин обусловил согласие СССР на это необходимостью эвентуального, то есть упреждающего, подписания германо-советского договора о торгово-экономическом сотрудничестве. При этом однозначно потребовал по этому договору предоставления Советскому Союзу кредита в размере **200 млн марок.** Причем кредита именно несвязанного, чтобы советские торговые представители могли закупать все, что им было нужно, что они и сделали, закупив массу новейшего промышленного оборудования двойного назначения, образцы новейших вооружений и боевой техники вермахта и т.д. и т.п. Кроме того, обусловил оплату по этому договору именно так, что СССР поставлял в Германию главным образом отходы в самом прямом смысле слова: пух, перья, рыбий пузырь, жмыхи и железную руду из отвалов, потому как поставки, например, руды с

38 %-ным содержанием железа по-другому назвать нельзя! С таким содержанием железа руду в черной металлургии не используют, ибо сначала ее надо еще и обогатить, хотя бы до 50 %! Чуть позже гитлеровцы все же спохватились. Однако Сталин невозмутимо ткнул им текст договора, где никак не оговаривалось содержание железа в поставляемой руде, а затем столь же невозмутимо объяснил, что у СССР якобы нет возможности поставлять обогащенную руду, так как он якобы не имеет обогатительных предприятий! Тевтоны убрались восвояси, что называется, несолоно хлебавши. Сталин был Сталиным!

Сугубо дипломатическими методами Сталину удалось в очередной раз «обескровить» германскую экономику на 200 млн марок, за счет которых была проведена коренная модернизация советской (тяжелой) промышленности, особенно оборонной, а также тщательно изучены новейшие методы промышленного производства Германии, новейшие образцы ее вооружений и боевой техники.

В соглашении о кредите говорилось следующее: «...исключительно поставки для инвестиционных целей, т.е. преимущественно устройство фабрик и заводов, установки, оборудование, машины и станки всякого рода, аппаратостроение, оборудование для нефтяной промышленности, оборудование для химической промышленности, изделия электротехнической промышленности, суда, средства передвижения и транспорта, измерительные приборы, оборудование лабораторий... Сюда относятся также обычные запасные части для этих поставок. Далее сюда включаются договоры о технической помощи и о пуске в ход установок, поскольку эти договоры заключены в связи с заказами, выдаваемыми на основании настоящего соглашения...».

Советское торгпредство бесконтрольно производило заказы. Предоставивший кредит «Die Deutsche olddiskontbank» не имел права (это было прямо оговорено в тексте соглашения) требовать от германских фирм-поставщиков никакой ответственности за этот кредит, то есть при общей инвестиционной направленности он не был «связанным» — германское правительство не могло нам «впарить» что-то по

своему усмотрению. И вот как в итоге выглядел «список отдельных видов оборудования, подлежащих поставке германскими фирмами»: «Токарные станки для обточки колесных полускатов. Специальные машины для железных дорог. Тяжелые карусельные станки диаметром от 2500 мм. Токарные станки с высотою центров 455 мм и выше, строгальные станки шириной строгания в 2000 мм и выше, кромкострогальные станки, расточные станки с диаметром сверления свыше 100 мм, шлифовальные станки весом свыше 10 тыс. кг, расточные станки с диаметром шпинделя от 155 мм, токарно-лобовые станки с диаметром планшайбы от 1500 мм, протяжные станки весом от 5000 кг, долбежные станки с ходом от 300 мм, станки глубокого сверления с диаметром сверления свыше 100 мм, большие радиально-сверлильные станки с диаметром шпинделя свыше 80 мм. Прутковые автоматы с диаметром прутка свыше 60 мм. Полуавтоматы. Многорезцовые станки. Многошпиндельные автоматы с диаметром прутка свыше 60 мм. Зуборезные станки для шестерен диаметром свыше 1500 мм. Большие гидравлические прессы, фрикционные прессы, кривошипные прессы, разрывные машины, окантовочные прессы, ковочные молоты свыше 5 т. Машинное оборудование: вальцы, ножницы, гибочные машины, машины для плетения проволоки, отрезные станки и др.».

Что следует добавить к этому списку: в подавляющем числе закупаемых товаров стоимость собственно сырья (железа, меди, алюминия и т.д.) — мизерна Основная стоимость — это труд инженеров, техников и рабочих, причем очень высококвалифицированных. Подавляющее число товаров несерийное и делалось исключительно на заказ… В СССР в то время отсутствовали возможности его изготовления ».

Что касается военных заказов, то их номенклатура не менее впечатляющая: продукция морского судостроения (проще говоря, боевые корабли), материалы для судостроения, морская артиллерия, минно-торпедное вооружение, гидроакустическая аппаратура, гидрографическое вооружение, авиация (было закуплено несколько десятков самолетов различных типов), полевая артиллерия, оборудование лабораторий, радиосвязь, химическое имущество, инженерное вооружение, элементы выстрела, автотанковое вооружение, разное оборудование и т.д.

Погашение кредита предусматривалось... отходами. По торговому договору Советский Союз должен был в течение 2 лет поставить в Германию, в частности, следующее (в млн марок): «кормовых хлебов (22,00); жмыхов (8,40); льняного масла (0,60); леса (74,00); платины (2,00); марганцевой руды (3,80); бензина (2,10); газойля (2,10); смазочных масел (5,30); бензола (1,00); парафина (0,65); пакли (3,75); турбоотходов (1,25); хлопка-сырца (12,30); хлопковых отходов(2,50); тряпья для прядения (0,70); льна (1,35); конского волоса (1,70); обработанного конского волоса (0,30); пиролюзита (1,50); фосфатов (половина в концентратах) (13,00); асбеста (1,00); химических и фармацевтических продуктов и лекарственных трав (1,60); смол (0,70); рыбьего пузыря (Hausenblasen) (0,12); пуха и пера (2,48); щетины (3,60); сырой пушнины (5,60); шкур для пушномеховых изделий (3,10); мехов (0,90); тополевого и осинового дерева для производства спичек (1,50). Итого на 180 млн марок.

Что бросается в глаза сразу — СССР поставлял сырье в издевательски первоначальном его виде. Исключая нефтепродукты и масла, ничто не прошло даже первого передела. Что из земли выкопали или что с курицы упало, перед тем как курицу ощипав, отправить в суп, то и отправили немцам. Ни одной пары немецких рабочих рук немцам не сэкономили!

В конечном же итоге из-за начавшейся войны Сталину еще и удалось послать по известному всей России адресу вопрос о возврате не только этого кредита, но и заодно кредита 1935 года. Дело в том, что по условиям кредитного соглашения от 9 апреля 1935 г. начало погашения того кредита было отнесено на 1941 год.

Надеюсь, теперь понятно, кто кому «ковал меч»!?

Миф № 4. С санкции Сталина Советский Союз одобрил позорную Мюнхенскую сделку Запада с Гитлером.

Миф на эту тему появился день в день с заключением подлейшей Мюнхенской сделки Запада с Гитлером. 30 сентября 1938 г. официоз министерства иностранных дел Чехословакии «Прагер прессе» опубликовал сообщение парижского корреспондента этого

бюллетеня о том, что-де правительства Франции и Англии якобы регулярно информировали правительство Советского Союза о положении чехословацкого вопроса. Более того, якобы советские послы в указанных странах имели длительные аудиенции с их министрами иностранных дел. На основании этих якобы фактов корреспондент «Прагер прессе» сделал «ненавязчивый вывод» о том, что-де мюнхенская конференция «представляет собой не просто пакт четырех ». Что, собственно говоря, якобы и должно было означать некую причастность, в том числе и одобрение СССР Мюнхенской сделки.

Публикация была насквозь лживой. Ни в одном из своих аспектов она даже на полйоты не соответствовала действительности. Это была умышленная совместная провокация дипломатических ведомств Великобритании и Франции, а также их разведок. Потому что мировое общественное мнение, в том числе и этих стран, было до крайности возмущено подлым англо-французским предательством Чехословакии. И им необходимо было хоть как-то отмазаться от обвинений в потворстве гитлеровской агрессии. Более того, необходимо было хоть как-то объяснить общественному мнению, почему, несмотря на неоднократные призывы Советского Союза оказать сопротивление агрессивным гитлеровским амбициям, Лондон и Париж сделали все, чтобы предать Чехословакию и приблизить ретий Трейх к границам СССР.

Дело в том, что за предшествовавшие Мюнхенской сделке и оккупации гитлеровцами Судетской области Чехословакии полгода Советский Союз **десять раз** на весь мир заявлял, что он выполнит свои обязанности по советско-чехословацкому Договору о взаимопомощи в отражении агрессии между от 16 мая 1935 года. Советский Союз **четырежды** конфиденциально сообщил об этом Франции, четырежды — Чехословакии, трижды — Великобритании. Советский Союз прямо и открыто заявил, что готов выполнить свои обязательства по договору с Чехословакией, даже если Франция как союзная Чехословакии держава откажется от своих обязательств.

Советский Союз и вовсе пошел на неординарный шаг — открыто заявил о своей готовности вступить в войну с Германией, Польшей и Румынией, даже если воевать придется в союзе с одной только Чехословакией. В военном отношении Чехословакия по состоянию на осень 1938 г. была одним из сильнейших государств в Центральной Европе и потому даже в одиночку могла раздавить еще только формировавшийся тогда гитлеровский вермахт. **Но все оказалось тщетно! И именно же из-за заговора Тухачевского. Несмотря на его ликвидацию, правительства Великобритании, Франции и Чехословакии, а также их генеральные штабы демонстративно наотрез отказались иметь дело с СССР под тем предлогом, что-де невозможно доверять его вооруженным силам, высшее командование которых устраивает заговоры против центральной власти, да еще и в пользу Германии!**

Естественно, что Москва не могла не взвиться в яростном негодовании. Подряд последовали Сообщения ТАСС — от 2 и 4 октября 1938 года. В последнем, в частности, говорилось: «В официозе министерства иностранных дел Чехословакии "Прагер прессе" от 30 сентября под заголовком "Париж — Лондон — Москва" помещено сообщение парижского корреспондента названного органа, будто бы правительства Франции и Англии регулярно информировали правительство СССР о положении чехословацкого вопроса, причем между г. Бонне (министр иностранных дел Франции. — *А. М.)* и т. Сурицем (посол СССР во Франции. — *А.* М.), г. Галифаксом (министр иностранных дел Великобритании. — *А. М*.) и т. Майским (посол СССР в Англии. — *А.М.)* происходили будто бы длительные совещания по этому вопросу. Отсюда корреспондент "Прагер прессе" заключает, что мюнхенская конференция "представляет собой не просто пакт четырех".

ТАСС уполномочен заявить, что вышеприведенное сообщение корреспондента "Прагер прессе" совершенно не соответствует действительности. ТАСС уполномочен сообщить, что при встречах г. Бонне с

т. Сурицем и г. Галифакса с т. Майским, имевших место в последнее время, обоим полпредам СССР сообщалась лишь такая информация, содержание которой не выходило за рамки сведений, публикуемых в ежедневной прессе. Никаких совещаний и тем более соглашений между правительствами СССР, Франции и Англии по вопросу о судьбах Чехословацкой Республики и об уступках агрессору не происходило. Ни Франция, ни Англия не консультировались с СССР, а лишь сообщали правительству СССР о совершившихся фактах.

К конференции в Мюнхене и ее решениям, как было уже заявлено в сообщении ТАСС от 2 октября с.г., Советское правительство никакого отношения не **имело** и не **имеет».**

Миф № 5. С санкции Сталина Берия заключил в 11 ноября 1938 г. некое тайное соглашение с гестапо о борьбе с мировым еврейством.

Этот миф появился в конце XX века. К глубокому сожалению, к его распространению приложил руку уважаемый в России человек, фронтовик, Герой Советского Союза, в прошлом военный разведчик, ныне известный и авторитетный писатель Владимир Васильевич Карпов. Он использовал этот миф для обоснования другого, еще более чудовищного мифа, который изложил на страницах второго тома своей интересной и в целом объективной, хотя и не без перехлеста в «умеренном» антисталинизме книги **«Генералиссимус» (М., 2002).**

Суть второго мифа в следующем. Якобы по указанию Сталина советские разведчики 20 февраля 1942 г. провели в г. Мценске тайную встречу с представителями германской разведки. Будто бы во время этой встречи обсуждались вопросы установления сепаратного перемирия, а затем и заключения сепаратного мира между СССР и гитлеровской Германией, и даже совместной борьбы с мировым еврейством в лице США и Англии.

Мнимая встреча якобы произошла благодаря наличию некоего тайного соглашения с гестапо от **1938** года.

Книга В. Карпова издавалась в разных издательствах, общий тираж превышает уже 70 тысяч экземпляров. Автор этих строк в двух своих книгах «22 июня. Правда Генералиссимуса» (М., 2005) и «Трагедия 22 июня: блицкриг или измена. Правда Сталина» (М., 2006), которые разошлись также немалыми по современным меркам тиражами, самым детальнейшим образом проанализировал эти мифы. Кстати говоря, аналогичную же работу провел и признанный ас публицистики В. Бушин. Тем не менее в якобы дополненном очередном издании книги «Генералиссимус» эта фальшивка сохранена..

Прежде всего отметим, что В. Карпов, мягко говоря, неправ, заявляя, что-де он узнал об этих переговорах в Мценске и тайном соглашении между НКВД и гестапо из авторитетного источника. Разве является авторитетным источником печатный листок пресловутого, страдающего неизлечимой ксенофобией и антисемитизмом общества **«Память»** — одноименная газетенка за № **1 (26) от 1999** г. **(с.12—13)?** Но вот и автор книги **«Гильотина для бесов»** (СПб., 2001) Роман Перин чуть ли не весь свой труд построил на этом. Попалась на эту лживую мистификацию и газета **«Независимое военное обозрение»**. Грубо говоря, фальшивка стала гулять по информационным весям. А в апреле 2007 зазвучала и по радио и ТВ.

Как бы там ни было, но именно в указанном номере газетенки «Память » и была впервые опубликована эта фальшивка. Однако же вглядитесь в «шапки» приводимых ниже фотокопий одного и того же якобы документа: под № 1 то, что было напечатано в газетенке «Память » и в книге Р. Перина, под № 2 — то, что привел В. Карпов. А вглядевшись, попытайтесь хотя бы самим себе ответить на простой вопрос — как у одного и того же документа могут быть две разных «шапки»?! Но не торопитесь с ответом, ибо это еще «цветочки». Что же до «волчьих ягодок» фальсификации, то прежде всего необходимо отметить, что **ни в одном из международных документов в их названиях:**

«ГЕНЕРАЛЬНОЕ СОГЛАШЕНИЕ

О сотрудничестве, взаимопомощи, совместной деятельности.

гор. Москва 11 ноября 1938 г.

Народный Комиссариат Внутренних Дел Союза ССР, далее по тексту НКВД, в лице начальника Главного управления государственной безопасности, комиссара государственной безопасности 1 ранга Лаврентия БЕРИЯ, с одной стороны, и Главное управление безопасности Национал-Социалистической рабочей партии Германии, в лице начальника четвертого управления (ГЕСТАПО) Генриха МЮЛЛЕРА, на основании доверенности № 1-448/12-1, от 3 ноября 1938 г., выданной шефом Главного управления безопасности Рейсхфюрера СС Рейнхардом Гейдрихом, далее по тексту ГЕСТАПО, с другой стороны, заключили настоящее Генеральное соглашение о сотрудничестве, взаимопомощи, совместной деятельности между НКВД и ГЕСТАПО».

Соглашение состоит из девяти параграфов и двух протоколов.

Генеральное соглашение

О сотрудничестве, взаимопомощи, совместной деятельности между Главным управлением государственной безопасности НКВД СССР и Главным управлением безопасности Национал-Социалистической рабочей партии Германии (ГЕСТАПО).

(Дальше следует текст «Генерального соглашения» на 9 страницах, я его опускаю и привожу только последний лист. — *В. К.*).

Текст соглашения отпечатан на русском и немецком языках в единственном экземпляре, каждый из которых имеет одинаковую силу, скреплен подписями и печатями представителей НКВД и ГЕСТАПО. Русский текст соглашения остается в НКВД, немецкий в ГЕСТАПО.

Совершено в Москве, 11 ноября 1938 г. в 15 час. 40 мин.

Подписи сторон:

НАЧАЛЬНИК ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР КОМИССАР ГОСБЕЗОПАСНОСТИ I РАНГА

Л. Берия (Л. Б Е Р И Я)

НАЧАЛЬНИК ЧЕТВЕРТОГО УПРАВЛЕНИЯ (ГЕСТАПО) ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ ГЕРМАНИИ БРИГАДЕНФЮРЕР СС

(Г. М Ю Л Л Е Р)

— не перечисляются в порядке однородных членов предложения без (логического) завершения смысла названия сфер, на которые распространяется действие документов;

— тем более не указываются взаимопоглощающие синонимы.

Если уж кому-то и охота была сварганить эту фальшивку, то думать-то надо было тем, чем положено от природы, а не противоположным местом и соответственно обозвать эту грязную фальшивку, по крайней мере, следовало бы так: **«Генеральное соглашение о сотрудничестве, взаимопомощи** и **совместной деятельности».** Но на настоящем русском языке она должна была бы иметь следующий вид: либо **«Генеральное соглашение о сотрудничестве и взаимопомощи»,** либо **«Генеральное соглашение** о **взаимопомощи и совместной деятельности».** Перечисление же трех синонимов через запятую — бессмысленно, особенно если учесть, что слово **«сотрудничество»,** тем более в сочетании со словом **«взаимопомощь»,** полностью поглощает смысл термина **«совместная деятельность».**

Фальсификаторы вляпались и в другом вопросе. Они утверждают, что-де «Генеральное соглашение» состояло из 9 параграфов и двух протоколов. Неужели непонятно было, что фактически межгосударственное по характеру «Генеральное соглашение» — это, по сути дела, почти одно и то же, что и договор, и в нем не могут быть параграфы как основная структура текста?! В документах такого рода структура строится на постатейном принципе — это общемировое правило, известное любому студенту-первогодку юридического вуза! Сей якобы «документ» должен был бы состоять из статей, которые, в свою очередь, и также в соответствии с общемировой практикой, должны были бы иметь пункты, а, при необходимости, и подпункты, в роли которых могли, но отнюдь не в обязательном порядке, быть использованы также и параграфы. Но никак не в качестве несущей конструкции всего документа! Карпов же и вовсе ут-

верждает, что якобы текст «Генерального соглашения» имел девять страниц!? Но кто бы объяснил, как у одного и того же подлинного документа может быть два различных варианта главного параметра?! Ведь девять параграфов и два протокола не есть одно и то же, что и девять страниц!?

Вовсе не следует полагать, что люди прошлого были форменные идиоты. **Во-первых,** потому что, несмотря на грузинское происхождение, Сталин и Берия владели русским языком очень хорошо. **Во-вторых,** на Лубянке и в те времена были высококвалифицированные, в том числе и в сфере международного права, специалисты, чтобы не допускать столь дубовых ляпов. Ведь НКВД, а ранее и ОГПУ еще до войны осуществляли международное сотрудничество со спецслужбами Монголии, Турции и Чехословакии, причем осуществляли на основании соответствующих договоров. И соответственно там хорошо знали, что и как оформляется в письменном виде. Между тем даже по формальным, атрибутическим признакам нарушено буквально все, до чего дотянулись руки фальсификаторов.

Например, в названии должности Л.П. Берии имеется грубое искажение. Дело в том, что он указан как начальник Главного управления государственной безопасности — **ГУГБ НКВД СССР,** — в то время как его главная должность в тот момент, на которую, собственно говоря, он и был переведен из Грузии, называлась **Первый заместитель народного комиссара внутренних дел СССР.** Он был назначен на эту должность **22 августа 1938** г., а вот начальником ГУГБ Берия стал только **29 сентября 1938** г. и то по совместительству. Основная должность, тем более столь высокая, полностью поглощает вторую, которую он занимал по совместительству. Это правило тем более применяется особенно при подписании договоров и им подобных документов, в том числе и международных, когда указывается высшая должность подписанта. Это правило действует едва ли не с библейских времен.

Момент юридически сколь тонкий, столь же и важный. В фальшивке указано, что-де **«Народный Комиссариат Внутренних Дел Союза ССР, далее по тексту НКВД, в лице начальника Главного управления государственной безопасности, комиссара государственной безопасности I ранга Лаврентия Берии».** Однако так не писали ни в одном документе. Обычная формулировка состояла в том, что только слово **«Народный»** писалось с заглавной буквы. Остальные — с маленькой, кроме, конечно, СССР. Если НКВД в его лице, то юридически грамотным было бы указание, что **НКВД в его лице как Первого заместителя наркома внутренних дел! В** таком случае было бы понятно, что документ подписало действительно полномочное должностное лицо. Берия был педант в вопросах делопроизводства. Составлять бумаги умел, как никто другой. И ему-то уж точно не пришло бы в голову использовать журналистский штамп **«Лаврентий Берия»** в официальном документе международного характера!

Кстати, если уж так охота была в очередной раз растоптать Л.П. Берии, то сдвинули бы дату еще дней на 14. То есть до **25 ноября 1938** г., когда Лаврентий Павлович Берия официально был назначен народным комиссаром внутренних дел СССР. «Впаять» ему сие «Генеральное соглашение», начиная с этой даты, было бы куда резонней — хотя бы чисто внешне фальшивка приобрела бы куда более убедительный вид, не перестав, правда, быть фальшивкой. Ан нет, невтерпеж было «привязать » эту грязную фальшивку именно к 11 ноября 1938 г.! Почему?! На это есть вполне адекватный реалиям Истории ответ, о котором чуть ниже, а пока вот о чем.

Поражает безграмотность фальсификаторов, «перемудривших» с названиями учреждений и должности подписанта с германской стороны.В «шапке» так называемого **«Генерального соглашения»** германский подписант указан как **«Главное управление безопасности Национал-социалистической рабочей партии Германии (ГЕСТАПО)».** Как и полагается фальсификато-

рам, они и не ведали, что, во-первых, в соответствии с декретом Гитлера от 1 ноября 1938 г. Главное управление безопасности **НСДАП Германии,** а это прежде всего Служба безопасности (Sicherheitsdienst — SD), то есть СД, перестало быть Службой безопасности только **НСДАП. В** соответствии с этим декретом фюрера она официально была объявлена органом безопасности всего Третьего рейха!

3 ноября **1938** г. «папаша Мюллер» чисто юридически никак не мог получить якобы доверенность от имени ГУБ НСДАП. Тем более не мог он выступить от имени ГУБ НСДАП 11 ноября 1938 г. Уж что-что, но отточенный педантизм и аккуратизм в бумагах у немцев не отнимешь — они всемирно известные педанты по части делопроизводства.

Во-вторых, на самом же деле эта контора с 26 июня 1936 г. называлась Главное управление полиции безопасности и СД! В него и входили гестапо и крипо (криминальная полиция).

Соответственно уже в названии этого якобы **«Генерального соглашения»** не мог быть употреблен термин **«Главное управление безопасности Национал-социалистической рабочей партии Германии (гестапо)». В** том числе и потому, что такое написание означает полную тождественность того, что в скобках ,тому, что указано перед ними, чего в действительности не было. Гестапо было всего лишь одной из составных частей этой конторы. По состоянию на ноябрь 1938 г. уже как тайная политическая полиция— с 1 октября 1936 г. термин «гестапо» был распространен на всю политическую полицию рейха — гестапо являлось всего лишь одним из управлений Главного управления полиции безопасности и СД. **В-третьих,** особенно «восхищает» путаница фальсификаторов в вопросе о должности «папаши Мюллера», ибо они умудрились через шесть десятилетий «досрочно» повысить его в должности и звании!? По состоянию на 11 ноября 1938 г. Генрих Мюллер не являлся начальником IV Управления (гестапо) Главного управления Национал-социалистической рабочей партии Германии. В «шапке» этого «до-

кумента» **ГУБ НСДАП Германии** идентифицировано как **"гестапо",** а в преамбуле «соглашения» гестапо указано как **«4-е Управление ГУБ НСДАП»,** что уже бред.

Подобный бред мог возникнуть только из-за фактического незнания того обстоятельства, что **гестапо стало IV Управлением (АМТ-4) только *П* сентября 1939** г., когда было учреждено столь хорошо всем известное по роману и к/ф **«Семнадцать мгновений весны» РСХА (RSHA — Reichssicherheitshauptamt), то есть Главное Управление имперской безопасности.** По состоянию на **11 ноября 1938 г. Г. Мюллер** не мог подписаться под **«Генеральным соглашением» как начальник IV Управления, тем более ГУБ НСДАП.** И уж тем более ему не могли выдать доверенность как начальнику IV Управления ГУБ НСДАП! **По состоянию на 11 ноября 1938 г. он являлся всего лишь начальником реферата (отдела) II-1А Главного управления полиции безопасности и СД, занимавшегося борьбой с коммунистами, церковью, сектами, эмигрантами, масонами и евреями.** Г. Мюллер тем более не мог выетупить в роли фактического подписанта с германской стороны, потому как в это время по званию он был **штандартенфюрером СС, то есть всего лишь полковником.**

Берия же в этот момент по званию являлся комиссаром госбезопасности 1-го ранга, т.е. генералом армии, а по должности — Первым заместителем наркома (министра) внутренних дел. Всеобщее же юридическое правило гласит, что кто бы и что бы ни подписывал по вопросам международного сотрудничества, при любых обстоятельствах соблюдается полный паритет в должностях, полномочиях, а при необходимости и в званиях. Между тем паритет здесь не соблюден не только в принципе, но и даже чисто технически: статус Берии указан в преамбуле полностью, включая и его чекистское звание в тот момент, однако статус Г. Мюллера ограничен упоминанием, и то неточным, всего лишь его должности, без указания звания! И при этом Г. Мюллер якобы действовал на осно-

вании якобы доверенности, а Берия — неизвестно на основании чего! Просто НКВД в его лице!?

Однако никакие доверенности в этой сфере не действуют — это же не портянки со склада получить! В сфере межгосударственных отношений, но вне зависимости от того, на каком уровне они реализуются, действует незыблемое во веки веков правило, согласно которому обе стороны обязаны предъявить друг другу свои письменные полномочия, что затем находит соответствующее отражение в тексте межгосударственного соглашения. Полномочия например министра иностранных дел Германии И. фон Риббентропа для подписания Договора о ненападении с СССР от 23 августа 1939 г. подписал лично Гитлер. А нам предлагают поверить в глупую сказку!? К тому же фальсификаторы умудрились «выдать» Г. Мюллеру доверенность от одной организации, в то время как якобы «соглашение» он подписал от имени другой!?

Ведь это же полный бред **— «Главное управление безопасности Национал-социалистической рабочей партии Германии, в лице начальника четвертого управления (гестапо) Генриха Мюллера, на основании** (перед этим в фальшивке явно пропущено слово «действующего». — *А.М.)* **доверенности № 1—448/12—1 от 3 ноября 1938 г., выданной шефом Главного управления безопасности рейхсфюрера СС Рейнхардом** (правильно: Райнхард. — *А. М.)* **Гейдрихом»?!** Получается-то, что Г. Мюллер из одной конторы, а «доверенность» ему «выдали благодетели» из другой конторы! Да и слово «шеф» не юридический, а журналистский термин. Немцы в документах его не используют. Более того, Г. Мюллер указан как начальник IV Управления ГУБ НСДАП Германии, а доверенность от ГУБ рейхсфюрера СС Г. Гиммлера! Между тем никакого отдельного Главного управления безопасности рейхсфюрера, то есть Гиммлера, — не было и в помине!

Ни при каких обстоятельствах Берия даже и не сел бы за стол переговоров с таким, мягко выражаясь,

«представителем», который, мало того, что значительно ниже его и по званию, и по должности, так еще и невесть кого «представляет»! Не говоря уже о том, что с партийной службой безопасности НКВД СССР ни при каких обстоятельствах не стал бы иметь дело. В НКВД СССР, как, впрочем, и в спецслужбах Германии, было достаточно великолепно разбиравшихся в вопросах международного права и межгосударственной договорной практики профессиональных юристов, чтобы не допустить столь дубовых «ляпов»!

Едва ли кому-либо известно, за исключением, естественно, очень узкого круга специалистов, что, например, до Второй мировой войны штаб-квартира «Интерпола» находилась в Берлине и уже самим этим обстоятельством нацисты вынуждены были четко разбираться в вопросах международного сотрудничества спецслужб.

Не меньшее «умиление» вызывают и сами якобы подписи и, особенно, формат этих подписей под так называемых «Генеральным соглашением». Если, например, использовать ныне часто встреч ающуюся ёрническую формулу, то состряпать подписи, похожие на подписи Берия и Мюллера, а заодно и печати (вон сколько объявлений на столбах!), похожие на печати НКВД СССР и ГУБ НСДАП или даже всего «Третьего рейха » — легче пареной репы!

Документов в архивах уйма, в том числе и трофейных, соответствующих «умельцев», в том числе и особо высококлассных, — тем более предостаточно! Так что ничего сложного в этой части нет. Испокон веку неблаговидное дело стряпания «подметных писем» в России развито до уровня искусства. Да, собственно говоря, кто из современных читателей воочию видел подлинные подписи Берии или того же Мюллера?! Кто знает, как выглядят подлинные печати НКВД СССР или гестапо, или того же ГУБ НСДАП, или «Третьего рейха »?! Что угодно можно «нарисовать », изготовить и выдать за настоящее, и никто даже и не заподозрит фальсификацию, тем более что на всех фотокопиях печати умышленно смазаны. Однако мы все же заподозрим и не поверим.

СОВ. СЕКРЕТНО

СНЯТИЕ КОПИЙ ЗАПРЕЩАЕТСЯ,
ИЗ ЗДАНИЯ НЕ ВЫНОСИТЬ

ГЕНЕРАЛЬНОЕ СОГЛАШЕНИЕ

Сотрудничества, взаимопомощи, совместной деятельности между Главным управлением государственной безопасности НКВД СССР и Главным управлением безопасности Национал-Социалистической рабочей партии Германии (ГЕСТАПО).

Время подписания:

гор. Москва, «11» ноября 1938 г.
«15» час.

...ШНУРОВАНО, ПРОНУМЕРОВАНО
..., ОПРЕДЕЛЕНО ...
...ТЬ) ЛИСТОВ.
...РУССКОМ ЯЗЫКЕ.

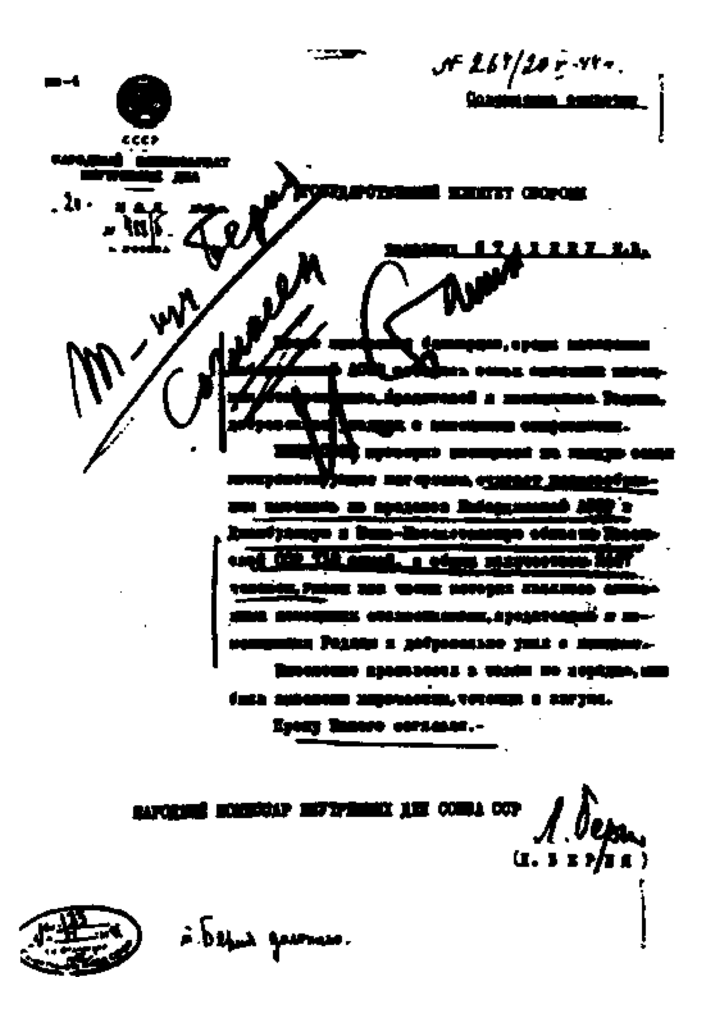
Л. Берия

11/VIII-37

Л. Берия 30/X-37

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
Союза ССР

Л. Берия
(Л. БЕРИЯ)

СССР

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ

товарищу СТАЛИНУ И.В.

(Л. БЕРИЯ)

Итак, на стр. 113 якобы подпись Лаврентия Павловича Берии под якобы подписанным им якобы «Генеральным соглашением», а на стр. 114 — несколько образцов подписи подлинного Берии в конце 30-х гг. — за 1937 и 1944 гг., взятые с различных документов. Естественно, что претендовать на лавры эксперта-графолога мы не имеем права. Потому и не будем этого делать. Предлагаю всего лишь невооруженным глазом

просто внимательней приглядеться к этим образцам. А приглядевшись, с удивлением обнаружить, что никаких признаков даже внешнего сходства — и то нет! Почему? Вопрос, конечно, интересный — ведь в принципе-то подпись Берии не есть что-либо сверхсекретное, ибо в архивах тысячи документов с его «автографами». Однако ответ на этот вопрос, как ни странно, весьма прост: за пример для подделки фальсификаторы взяли подпись Л.П. Берии как минимум образца 1944 г.!

Сравните: фальсификат и образец подписи Л.П. Берия за **1944** г. Хотя частичное сходство налицо, тем не менее фальшивку видно издалека. Потому как в качестве образца для подделки надо было использовать подпись Берии конца 30-х годов, а не конца 1944 г.! Что касается подписи Мюллера, то, к сожалению, вынужден констатировать, что пока не удалось разыскать не вызывающих сомнения образцов его подлинной подписи конца 30-х годов.

Но одно могу сказать совершенно определенно. Подпись Мюллера подделывал именно русскоязычный «умелец». Потому что начальная буква фамилии «Мюллер» — «М» — написана в русском стиле. Как, впрочем, и первая буква имени Генрих — «Н» (латин.). Немцы не пишут букву «Н» с большого разбега.

Во-вторых, над второй буквой в фамилии «Мюллер» на немецком языке — то есть над буквой — «и» — не поставлены точки, ибо должно быть «и». Ни один немец не допустит такой ошибки.

В-третьих, совершенно не видно латинского стиля в написании буквы«l» , а ведь в фамилии «Мюллер» их две. Зато превосходно видно, что латинская буква «l» написана по-русски — «л».

В-четвертых, совершенно не очевидно и латинское написание буквы «е» — предпоследней в фамилии «Мюллер».

В-пятых, абсолютно не очевидно и латинское написание буквы «г», чего ни один немец не допустит.

В-шестых, при рукописном написании буквы «г», даже если она и не заглавная, никак невозможен столь залихватский крючок в конце росписи.

В-седьмых, совокупность изложенного выше и без графологической экспертизы дает все основания считать подпись Мюллера поддельной!

Что же до иных аспектов фальшивки, то куда более важно, что в части, касающейся общепринятого международно-правового формата подписей, нарушено буквально все, что только возможно было нарушить. **Во-первых,** в соответствии с издавна установившимися и устойчиво действующими в международной договорной практике правилами, применявшимися и в те времена тоже, прежде всего указывается, что такой-то документ составлен (а не отпечатан!) в стольких-то экземплярах и на таких-то языках. **Анекдотично** указание на то, что-де **«отпечатано на русском и немецком языках в единственном экземпляре»!** Потому как выходит, что отпечатано сразу на двух языках **в** одном документе, но в единственном экземпляре?! **Анекдотично** и упоминание того, что-де документ еще и **«прошнурован»! В** соответствии с испокон веку действующей нормальной договорной практикой должно было быть указано следующее:

как минимум — «составлено в двух экземплярах, на немецком и русском языках, в Москве 11 ноября 1938 г.»; именно в такой последовательности, что есть непременный элемент обязательной протокольной вежливости принимающей стороны по отношению к иностранной;

как наиболее оптимальный вариант — «настоящее соглашение составлено в двух оригиналах, на немецком и русском языках, каждый из которых аутентичен, в Москве11 ноября 1938 г.».

Использование этих формул позволяет избегнуть идиотизма, указанного в выражении **«отпечатано на русском и немецком языках в единственном экземпляре»,** поскольку вводится нормальная формулировка — **«составлено в двух оригиналах на немецком и русском языках». В** ней и заключен как сам смысл составления документа, так и его печатания в единственном экземпляре на каждом из двух языков. Кстати, именно такой формулой завершался, например, Договор о ненападении между СССР и Германией от 23 августа 1939 г.

Во-вторых, никогда и ни при каких обстоятельствах двухсторонние договора и соглашения в международной практике не подписываются последовательно в столбик. Общепризнанный формат оформления подписей в таких случаях издавна и однозначно требует равноправного расположения подписей в одну линию, то есть на одном уровне.

Если бы сие «Генеральное соглашение» и впрямь имело место в истории, то подписи с указанием должностей подписантов должны были бы быть расположены следующим образом:

Начальник Главного Управления государственной безопасности, комиссар государственной безопасности 1 ранга	**Начальник 4 Управления Главного Управления безопасности Национал-социалистической рабочей партии Германии, бригаденфюрер СС**
Л. Берия	**Г. Мюллер**

Фальсификация нагло выпирает и из системы расположения самих подписей, а также печатей на русском и немецком оригиналах: в немецком — на первом месте в столбике подпись Г. Мюллера и соответственно германская печать, а в русском — наоборот. Так бывает только в глупых фальшивках.

В-третьих, технологически формат подписей в таких документах обязательно должен включать предваряющее условие в виде указания, во исполнение которого подписи должны были бы выглядеть следующим образом:

За НКВД СССР (точнее, за Народный комиссариат внутренних дел СССР) Начальник Главного Управления государственной безопасности, комиссар	**За Главное Управление безопасности Национал — Социалистической рабочей партии Германии** Начальник 4 Управления Главного Управления Национал-социалистической

государственной безопасности 1 ранга	рабочей партии Германии, бригаденфюрер СС
Л. Берия	Г. Мюллер

В-четвертых, между преамбулой и подписями грубый юридический диссонанс— «папаша Мюллер» якобы действовал на основании доверенности, а Берия неизвестно на основании чего. Выше об этом уже говорилось. Соглашение же между спецслужбами — вопрос, относящийся сугубо к компетенции высшего руководства любого государства. Следовательно, в обоих случаях должно было быть указано, что или **«по уполномочию правительства»** (советская формула тех времен), либо **«за правительство» («от имени правительства»)** — германская формула тех же времен.

Фальсификаторы упустили один нюанс из практики тех лет. В особо важных и тем более особо щепетильных случаях, а сотрудничество со спецслужбами иностранного государства именно из этой категории, предварительно принималось особо секретное решение Политбюро ЦК ВКП(б) по данному вопросу. В нем обязательно указывалось, что, рассмотрев такой-то вопрос, то есть предложение о сотрудничестве со спецслужбой такого-то государства, Политбюро постановляет признать таковое сотрудничество целесообразным и поручает такому-то (то есть руководителю соответствующей советской спецслужбы) решить данный вопрос в соответствии с действующим законодательством. В связи с чем наделяет его правом первой подписи, то есть поручает ему подписать такое соглашение.

Дело в том, что еще 14 апреля 1937 г. по инициативе Сталина Политбюро ЦК ВКП(б) приняло специальное постановление «О подготовке вопросов для Политбюро ЦК ВКП(б)». Согласно этому постановлению, для разрешения вопросов секретного характера, в том числе и внешней политики, была создана специальная комиссия в составе пяти человек[1]. Без соответствующего постановления этой комиссии ни один вопрос такого порядка не решался. Тем более это должно было

[1] **РГАСПИ, Ф.17. Оп.163. Д.1145. Л.62-63.**

бы быть в рассматриваемом случае, так как речь якобы шла о сотрудничестве со спецслужбой крайне одиозного и на редкость враждебного СССР государства — гитлеровской Германии. Без такого решения Политбюро ЦК ВКП(б) Берия не стал бы даже и размышлять на эту тему, не то чтобы обсуждать, тем более в 1938 г. Тем более когда он был всего лишь только что назначенным Первым заместителем народного комиссара внутренних дел СССР. Уж что-что, но сумасшедшим Л.П. Берия не был. Проявлять такую инициативу и брать на себя всю полноту ответственности за такой шаг он не стал бы ни при каких обстоятельствах.

Следовательно, с учетом всех вышеизложенных обстоятельств более или менее соответствующий устоявшимся и действовавшим тогда правилам международно-правовой практики формат подлинных подписей должен был бы иметь примерно следующий вид:

	(ориентировочно)
По уполномочию Правительства СССР	**По уполномочию Правительства Германии**
За Народный комиссариат внутренних дел СССР Первый заместитель Народного комиссара внутренних дел СССР, комиссар государственной безопасности 1 ранга	За Главное Управление полиции безопасности и СД Германии (а не только НСДАП!) Начальник II-IA отдела (Гестапо) Главного Управления полиции безопасности и СД штандартенфюрер СС
Л. Берия	Г. Мюллер

Как видите, в могущем более или менее соответствовать истине виде получилось острое несоответствие, особенно должностей и званий подписантов. От незнания нюансов горе-фальсификаторы взяли, да и досрочно повысили Г. Мюллера в звании до «бригаденфюрера СС», т.е. до генерал-майора, хотя в начале ноября 1938 г. он был всего лишь штандартенфюре-

ром СС, т.е. полковником. Звание бригадефюрера СС Г. Мюллер получил только 14 декабря 1940 г., то есть через год после вступления в НСДАП. А о том, что положено писать не «бригаденфюрер», а «бригадефюрер» — и не говорю.

В-пятых, в текстах соглашений никогда не указывают, что «пронумеровано» столько-то страниц, «прошнуровано» столько-то страниц, а сам документ «скреплен печатями». Сами себя, что ли, убеждали в весомости содеянного?!

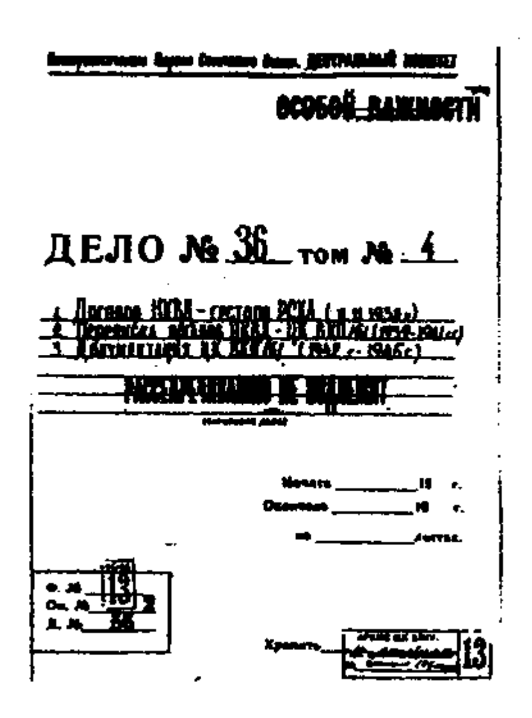
В-шестых, не соответствует даже советским правилам указание места и времени подписания: в советских документах такого типа никогда не писали на манер этого соглашения «гор.Москва, **"11"**ноября **1938** г.».В советских документах написали бы вот так: **«Москва, 11 ноября 1938 года».** Тем более не указали бы в столбик время подписания:

«15» **час.**

«40» мин.

На русском языке, если уж в подобном и была бы нужда, написали бы так — «15 час. 40 мин.», то есть в строчку, а не в столбик. А о том, что подобное не стали бы писать от руки, тем более в международном документе — и говорить не приходится, как, впрочем, и о том, что и в принципе-то время подписания, как правило, не указывается.

Поражает и топорная работа фальсификаторов при оформлении всего этого бреда с так называемая «Генеральным соглашением» в конкретное дело. В печати появились фотокопии обложек двух дел якобы из особого архива ЦК КПСС. Внимательно вглядитесь в фотокопию. Из наляпанных на обложке якобы **«Дела № 36** т. **4»** архивных штампиков вроде должен следовать однозначный вывод, что это обложка исконного дела, заведенного еще в 1938 г., потому как в нижнем правом углу, там, где указано слово «хранить», стоит штамп о переводе дела в архив ЦК КПСС. Это должно было означать, что в архивное состояние переводится дело в исконном, сиречь первозданном виде. А теперь вглядитесь в самую верхнюю строчку и с изумлением

ОСОБОЙ ВАЖНОСТИ

ДЕЛО № 36 том № 4

Хранить 13

обнаружите, что там типографским шрифтом отпечатано: **«Коммунистическая партия Советского Союза. Центральный Комитет»!** Но ведь до 1952 г. единственная и она же правящая в СССР партия называлась ВКП(б), то есть Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)! Никакой КПСС в 1930-х гг. не было!

Фигурирующие на страницах некоторых изданий и приведенные выше фотографии обложек — беспрецедентно тупая фальшивка. Потому как подлинная обложка дела из секретного архива ЦК партии имела следующий вид:

— вверху типографским способом, крупными буквами должно было быть напечатано следующее — «Ц.К. В.КЛ.(б)». Подчеркиваю, что именно так выглядела верхняя часть подлинного архивного дела из секретного архива ЦК ВКП(б)!

— в середине обложки размещалась типографским способом отпечатанная сетка следующего вида:

Содержание	Дата поступления	Подпись

— внизу также типографским способом отпечатано «Хранить_____лет». То есть ничего схожего с тем, что горе-фальсификаторы предъявили, нет и в помине!

Все это тем более важно, поскольку на обложке якобы исконного («первозданного») дела указано, что в этой папке сосредоточены следующие материалы:

1. Договор НКВД — гестапо РСХА (11.11.1938 г.)

2. Переписка органов НКВД — ЦК ВКП (б) (1939-1941 гг.)

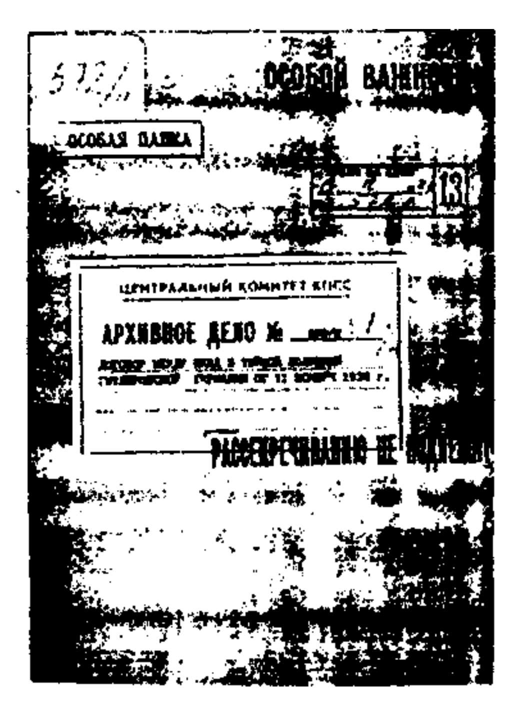
3. Документация ЦК ВКП(б) (1942 г.—1945 г.).

Секретариат Сталина отличался особым педантизмом, исключительной аккуратностью, логически осознанным ведением секретного делопроизводства. Сотрудники сталинского секретариата ни при каких обстоятельствах не сосредоточили бы совершенно разные документы в одной папке! Тем более переписка органов НКВД с ЦКВКП(б) за период 1939—1941 гг. никак не могла быть сосредоточена в одной папке с документацией самого ЦК ВКП(б) за период с 1942 по 1945 г.! Это полный нонсенс, ибо дураков в своем секретариате Сталин не держал. Столь разнохарактерные документы никогда не концентрируют в одном деле, тем более в одном томе.

Этого не могло быть еще и потому, что переписка НКВД с ЦК ВКП(б) — это прежде всего информационные сообщения органов безопасности по различным вопросам. А как правило, одно информационное сообщение НКВД в среднем составляло 1,5—2 стр. В принципе информация по различным вопросам направлялась ежедневно, но для большей объективности нижеследующих расчетов примем, что сообщения направлялись через день. Итого 182 сообщения, каждое из которых в среднем 2 страницы, в том числе и

неполная вторая. Следовательно, за год это составит 364 страницы, за два года — 728 страниц. Действовавшая в СССР во времена Сталина «Инструкция по секретному делопроизводству» ограничивала объем концентрации страниц в одном томе секретного дела в пределах 300—350 страниц. Как в один том № 4 дела № 36 фальсификаторы умудрились впихнуть только материалов переписки органов НКВД с ЦК ВКП(б) в объеме до 728 страниц — известно только им самим. А ведь там еще и документация самого ЦК ВКП(б) за 1942—1945 гг., то есть фактически за четыре года: 1942, 1943, 1944 и 1945 годы!

Даже если и принять, что объем каждого из этих документов был не более одной страницы, а сами они появлялись раз в четыре дня — для максимальной объективности расчетов специально допускаю именно такой вариант за четыре года, — то выходит, что только этих документов должно было бы быть не ме-

ОСОБОЙ ВАЖН...

ОСОБАЯ ПАПКА

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КПСС

АРХИВНОЕ ДЕЛО №

РАССЕКРЕЧИВАНИЮ НЕ ...

нее **365** страниц. Итого все вместе от **965 до 1065** страниц в одном томе! За такое ведение секретного делопроизводства в те годы можно было запросто вылететь с работы, не говоря уже о худшем исходе! И чтобы сотрудники секретариата Сталина так рисковали?!

Не менее нелепо выглядит и обложка уже якобы «архивного дела » — на ней «красуется » надпись **«ДОГОВОР МЕЖДУ НКВД И ТАЙНОЙ ПОЛИЦИЕЙ ГИТЛЕЮВСКОЙ ГЕРМАНИИ ОТ 11 ноября 1938** г.». А это как могло произойти?! Ведь не договор же якобы подписали Берия и Мюллер, а якобы «Генеральное соглашение». Да и название этого «Генерального соглашения » иное, нежели то, что указано на обложке. В высших партийных структурах делопроизводство было поставлено отменно, комар носа не подточит.

Но дело не только в протокольно-юридических тонкостях и особенностях делопроизводства. Из поля зрения всех, кто по разным соображениям попытался воспринять анализируемую фальшивку, как якобы «сермяжную правду» Истории, с невероятной легкостью выскальзывают четко зафиксированные Подлинной Историей важнейшие обстоятельства, связанные с особым значением даты этого якобы «Генерального соглашения» — **11 ноября 1938** года.

Прежде всего, следует указать, что 24 июня 1938 г. истек пролонгированный срок действия Договора о нейтралитете и ненападении между СССР и Германией от 24 апреля 1926 года. За 42 дня до якобы даты подписания «Генерального соглашения» была совершена грязная сделка Запада с Гитлером, более известная из истории, как Мюнхенская, против которой со всей решительностью протестовал Советский Союз. В том же 1938 г. в СССР позакрывали все германские консульства, оставив только консульский отдел в посольстве в Москве. И вот чтобы в таких условиях Сталин пошел на сотрудничество между спецслужбами двух государств?!

В международной практике сотрудничества спецслужб априори принято незыблемое правило — оно всегда, подчеркиваю, принципиально всегда базируется на общегосударственных договорах как минимум о парт-

нерстве или о сотрудничестве и взаимопомощи. Все без исключения известные факты сотрудничества органов госбезопасности и военной разведки СССР в довоенный период основывались только на этой базе. Так было с Германией в 20-х годах, когда в основе лежал Рапалльский договор 1922 года. Так было и с Монголией, сотрудничество со спецслужбами которой базировалось на соответствующих договорах 20-х гг. и особенно от 1936 г. — о взаимопомощи в отражении агрессии. Точно так же было и в сотрудничестве с турецкими спецслужбами в конце 20-х гг., ибо в его основе лежал Договор о дружбе и сотрудничестве между двумя странами от 1921 года. Наконец, абсолютно точно так же, в развитие советско-чехословацкого договора о сотрудничестве и взаимопомощи в отражении агрессии от 16 мая 1935 г., тогда же было заключено и секретное соглашение о сотрудничестве между разведками СССР и Чехословакии. Не имея основополагающей базы для нормальных межгосударственных отношений, никто в мире не пойдет на официальное сотрудничество спецслужб! Так это было тогда, так продолжается и сегодня!

Но, конечно же, главная причина, почему этого якобы «Генерального соглашения » не могло быть в принципе, заключается в следующем. В ночь с 9 на 10 ноября 1938 г. в Третьем рейхе была проведена кровавая операция «Красный Петух», более известная в мировой истории как «Хрустальная ночь». Произошли массовые антиеврейские погромы в нацистской Германии, сознательно устроенные нацистскими главарями в отместку за убийство еврейским семнадцатилетним юношей Хертелем (Гершелем) Гриншпаном (Грыншпан-Грюншпан) третьего секретаря германского посольства в Париже Эрнста фон Рата. Этой гнусной «операцией » руководил непосредственно Генрих Мюллер — именно за его подписью во все подразделения гестапо 9 ноября 1938 г. ушла телеграмма следующего содержания: «Секретно.

Всем органам и руководящим инстанциям государственной полиции.

Срочно вручить настоящую телеграмму начальникам или их заместителям.

1. В ближайшие часы по всей Германии (Австрия уже входила в состав Третьего рейха. *—А.М.)* состоятся выступления против евреев, особенно в отношении синагог. Не препятствовать.

2. При наличии в синагогах важного архивного материала обеспечить его сохранность принятием немедленных мер.

3. Подготовить по всей империи арест 20—30 тысяч евреев. Отобрать в первую очередь зажиточных. Дальнейшие указания поступят в течение ночи.

4. К проведению операции могут быть привлечены как части СС особого назначения, так и «Общие СС». Начальник II отдела Гестапо Мюллер».

10 и 11 ноября вместе с начальником Главного Управления полиции безопасности и СД группенфюрером СС Райнхардом Гейдрихом, начальник II отдела (точно П-1А) Генрих Мюллер «подводил итоги» этой кровавой операции.

Соответственно в указанный в тексте якобы «Генерального соглашения» день его подписания —11 ноября 1938 г. — Мюллер физически не мог находиться в Москве. У него и в Берлине хватало кровавых «забот». Как с евреями, так и с отчетами об их избиении и арестах, не говоря уже о «разборках» с мародерами из гестапо, откровенно норовившими под шумок спереть у евреев что-нибудь ценное, не сдавая, естественно, ценности в казну рейха!

И чтобы Сталин на следующий же день после прогремевших на весь мир антиеврейских погромов столь открыто солидаризировался бы с нацистами на уровне спецслужб?! Даже под завесой особой секретности, да еще и на столь грязной и недостойной выдающегося государственного деятеля стезе юдофобии, чем Сталин вообще никогда не страдал?! Уж на что ярые антисталинисты известные историки — братья Жорес и Рой Медведевы, но и они в один голос твердят, что этого за Сталиным не числилось!

Специально занимавшийся этой проблемой Жорес Медведев даже издал книгу «Сталин и еврейский вопрос» и как человек глубоко изучивший проблему,

совершенно однозначно и категорически заявил в одном из недавних интервью: **«Ни антисемитом, ни тем более юдофобом Сталин не был. ...У Сталина этого не было. Нет ни одного высказывания, ни в официальных его выступлениях, ни в архивных документах, которое можно было бы процитировать как антисемитское»!**

Между тем,подлая фальшивка с так называемым «Генеральным соглашением» жестко завязана именно на якобы имевшую место в числе черт характера, взглядов и склонностей ума Сталина ярую юдофобию. В ней приводится пропитанное злобной юдофобией содержание якобы § 2 «Генерального соглашения» и «Протокола № 1» к нему же. Ничтоже сумняшеся олигофрены-фальсификаторы изложили в «п. 1 § 2 Генерального соглашения» следующий бред сивой кобылы: «§ 2.

п. 1. НКВД и ГЕСТАПО будут развивать свои отношения во имя процветания дружбы и сотрудничества между нашими странами.

п. 2. Стороны поведут совместную борьбу с общими основными врагами:

— международным еврейством, его международной финансовой системой, иудаизмом и иудейским мировоззрением;

— дегенерацией человечества во имя оздоровления белой расы и создания евгенических механизмов расовой гигиены.

п. 3. Виды и формы дегенерации, подлежащие стерилизации и уничтожению, стороны определили дополнительным протоколом № 1, являющимся неотъемлемой частью настоящего соглашения».

Обратите внимание на построение фразы в п. 1 — это чистой воды бред, потому как ни дружбы, ни сотрудничества ни тогда, ни после не было и быть-то не могло. Использованный в этом пункте оборот речи пригож для тоста или какой-нибудь речуги, да и то после третьего стакана, но никак не для официального документа. Чтобы Сталин поручил НКВД в кооперации с Гестапо «развивать дружбу и сотрудничество»?! Уж и не знаю, насколько же сумасшедшим надо было быть, чтобы даже предположить подобное!

Что же до Протокола № 1, то прежде всего он почему-то назван как «Протокол № 1 — Приложение к соглашению от 11 ноября 1938 г. между НКВД и ГЕСТАПО». Во-первых, или протокол, или приложение. «И... и» не бывает! Либо в тексте соглашения прямо указывается, что к нему имеется приложение, и раскрывается, что под этим подразумевается. Либо не указывается, но в таком случае порядок оформления следующий — в верхней части листа указывается «Приложение к такому-то соглашению между тем и тем-то от такого-то числа такого-то года », а дальше, чуть ниже, название, в данном случае «Протокол №___».

Во-вторых, раз «документ» назван «Генеральным соглашением», то почему «протокол-приложение» просто к «соглашению»?! Как это понимать?! Разве непонятно, что «протокол-приложение» должен был быть к «Генеральному соглашению»?! Однако фальсификаторы опубликовали его в следующем виде:

«Протокол № 1

Приложение к соглашению

от 11 ноября 1938 г.

между НКВД и ГЕСТАПО

Кроме всего прочего, стороны определили, что в § 2 п. 3 подписанного соглашения речь идет о следующих видах квалификации дегенеративных признаков вырождения, как то:

— рыжие;

—косые;

—внешне уродливые, хромоногие и косорукие от рождения, имеющие дефекты речи: шепелявость, картавость, заикание (врожденное);

—ведьмы, колдуны, шаманы и ясновидящие, сатанисты и чертопоклонники;

—горбатые, карлики и с другими ясно выраженными дефектами, которые следует отнести к разделу дегенерации и вырождения; лица, имеющие большие родимые пятна и множественное кол-во маленьких, разного цвета кожное покрытие, разноцветие глаз и т.п.

Стороны дополнительно определят квалификацию типов (видов) дегенерации и знаков вырождения».

Даже при беглом взгляде на этот бред уже становится ясно, что фальсификаторы не в ладах с русским языком в сфере юридической лексики, ибо если уж так хотелось накалякать такую гнусность, то надо было писать так: «Стороны также определили, что под изложенным в п.3 § 2 Генерального соглашения признаками дегенеративного вырождения они понимают следующее...»

Однако дело в другом. В Советском Союзе всегда хватало высокопрофессиональных медиков различных направлений, чтобы и без внешних подсказок, и особенно куда в более приличной, объективной, гуманной форме, описать физические недостатки, на основании которых врачи могли бы сделать высокопрофессиональный вывод о непригодности тех или иных лиц к тем или иным профессиям. Но никак не глобальные выводы о дегенеративном вырождении наций или рас. Этим в СССР никто не занимался!

В России, а затем и в Советском Союзе всегда имелись свои высокопрофессиональные школы врачей, психиатров, специалистов по психоанализу, чтобы не прибегать к тайному сотрудничеству со зловещей организацией человеконенавистнического режима нацистской Германии. Подчеркиваю, что в СССР, тем более в конце 30-х гг., никто не занимался «борьбой с дегенерацией человечества во имя оздоровления белой расы и создания евгенических механизмов расовой гигиены»! Тогда за это можно был запросто схлопотать как минимум знаменитый «четвертак», то есть 25 лет колымских лагерей усиленного режима, или, что было бы еще более уместно и справедливо — натуральный «вышак», то есть расстрел за разжигание межнациональной розни в особо тяжких формах! Во времена Сталина на эту тему вовсе не церемонились.

В то же время было бы весьма неуместно отрицать тот факт, что, воспользовавшись революционным разгулом, в Институте экспериментальной биологии еще в 1920 г. был создан отдел, который так и назывался «Российское евгеническое общество ». Общество было создано под эгидой народного комиссара здравоохранения Н.А. Семашко, председателем был Н.К. Козлов, членами правления — психиатр Т.И. Юдин, антропологи В.В. Бунак, В.А. Богоявленский, А.С. Серебровский. В 1925 г. общество насчитывало уже 95 членов. А в

1921 г. профессором Петроградского университета Ю.А. Козловым и в рамках АН было создано «Бюро евгеники». Близкими проблемами занимался также и специально организованный в начале 20-х годов Институт крови. Схожими проблемами занимались и тогдашние советские психоаналитики.

Но все эти «научные» образования возникли задолго до воцарения нацистского расизма в гитлеровской Германии. Это — во-первых. Во-вторых, по мере становления советской науки и перехода к державно осмысленным научным изысканиям все это околонаучное шаманство было прикрыто, причем не без участия органов госбезопасности, поскольку многие исследования носили явно расистский характер, вступавший в резкое противоречие с Конституцией СССР, особенно 1936 г., провозгласившей полное и абсолютное равноправие всех народов СССР! К середине 30-х гг. подобные исследования были прикрыты полностью, а наиболее ретивых, склонных заниматься научным расизмом ученых «расфасовали» по «медвежьимуглам» необъятного ГУЛАГа, а кое-кого — и вовсе к стенке поставили.

И все же «миттельшпиль» особой политической подлости этой гнусной фальшивки сокрыт в «дате выдачи доверенности» Г. Мюллеру якобы для ведения переговоров с НКВД и подписания якобы «Генерального соглашения». Казалось бы, ну что в ней такого: 3 ноября 1938 г. — оно и есть 3 ноября 1938 г.?! Что тут такого сверхъестественного может быть?!

К глубокому сожалению, эта дата несет в себе громадный, чудовищный по своей подлости смысл. Как, впрочем, и дата подписания самого «Генерального соглашения» — 11 ноября 1938 г. Дело в том, что прежде чем польский еврей Хершель (Гершель) Гриншпан убил без вины виноватого третьего секретаря германского посольства в Париже Эрнста фон Рата, произошли имевшие широкий международный резонанс события, следствием которых, во всяком случае чисто внешне это так, и явилось само это убийство. А начало той череде событий, приведшей и к убийству Э. Рата, и к Хрустальной ночи, было положено еще в марте 1938 г.

Тогда, в марте 1938 г. польское правительство, воспользовавшись аншлюсом Австрии, объявило недействительными паспорта всех польских граждан,

если они не были в Польше более 5 лет, — польские чиновники боялись, что 20 тысяч евреев, имевших польское гражданство и живших в Австрии, после аншлюса кинутся в Польшу. Всякий владелец просроченного (по этому закону) паспорта должен был для въезда в страну получить отметку в польском консульстве. Этот закон, однако, коснулся и 50 тысяч польских евреев, десятилетиями живших в Германии. Большинство этих людей должны были остаться вообще без гражданства.

Юдофобия в Польше в 1938—1939 гг. резко превышала зоологический антисемитизм в нацистской Германии со всеми ее так называемыми Нюрнбергскими законами о расовой чистоте и массовыми юдофобскими выходками штурмовиков. Даже американский историк Хогган вынужден был признать в 1960 г., что до начала войны обращение с евреями в Германии было гораздо более мягким, чем в Польше. Если до 8 ноября 1938 г. из Польши бежало 600 тыс. евреев, то из Германии за то же время (т.е. с 30.01.1933 г. по 08.11.1938 г.) —только 170 тысяч. Многие исследователи совершенно справедливо подчеркивают, что царившая в те годы в Польше юдофобия еще должна получить соответствующую оценку...

Общая численность подпадавших под действие этого закона польских евреев составила 70 тыс. человек. «С другой стороны, и гитлеровское правительство лишилось возможности избавиться от восточных евреев, переправив их через польскую границу, так как они уже не были польскими гражданами. Польско-германские переговоры по этому вопросу ни к чему не привели, поляки решительно отказывались признать этих евреев своими гражданами. Гестапо же получило распоряжение в течение четырех дней выдворить всех польских евреев из страны и энергично принялось за дело. Стремление нацистов во что бы то ни стало выдворить евреев из страны в 1938 г. привело к так называемому Збонщинскому выдворению. Речь идет о том, что в октябре 1938 г., когда польские власти аннулировали паспорта польских евреев, проживавших в Германии и Австрии, для того чтобы препятствовать их возвращению назад, нацисты предприняли встречные шаги».

В соответствии с приказом Р. Гейдриха германская полиция арестовала тогда от 17 до 18 тысяч польских евреев и поездами доставила их к польской границе. По разным данным, далее произошло следующее: по одной версии, этих евреев перегнали на польскую территорию под дулами винтовок, по другой, в ночь с 28 на 29 октября эсэсовцы ударами плетей заставили первую партию депортируемых, успевших взять с собой только самые необходимые вещи, перейти границу. По одной версии, вслед за этим на польско-германской границе стали разыгрываться отвратительные сцены, когда обе стороны хотели избавиться от этих евреев, причем, как свидетельствуют зарубежные источники, по цинизму и бесчеловечности польские чиновники далеко превосходили гитлеровских.

По другой версии, та группа польских евреев, которую в ночь с 28 на 29 октября вынудили перейти на польскую территорию, попала под пулеметный огонь польских пограничников, а когда они, спасаясь от обстрела поляков, бросились назад, то попали под огонь уже германских пограничников. Среди этих евреев была и семья Гриншпанов (Грюншпанов), 17-летний сын которых — Хершель (Гершель) — проживал в Париже, где учился. По одной версии, в ходе этого обстрела погиб его отец — портной Гриншпан, проживавший в Ганновере с 1911 г. Однако, по другой версии, он получил от сестры открытку с описанием мытарств, которые его семья испытывала на границе. Значительная часть депортируемых лиц оказалась в приграничном польском селении Збонщин, где содержалась в крайне тяжелых условиях. Кстати, от названия этого селения и пошло название этого антигуманного инцидента. Узнав о трагедии, психически не совсем нормальный Гершель Грюншпан решил отомстить.

3 ноября 1938 г. он 5 раз выстрелил в 3-го секретаря германского посольства в Париже, члена НСДАП Эрнста фон Рата (тот погиб от ран). По иронии судьбы Эрнст фон Рат и его отец были убежденными противниками преследований евреев (последний, в частности, впоследствии оказывал евреям помощь в самые тяже-

лые времена). Не имевший, во всяком случае чисто внешне это так, каких-либо, тем более серьезных политических мотивов, Г. Грюншпан протестовал явно не по адресу — истинным инициатором Збонщинского инцидента была Польша. Геббельс же преподнес этот случай как якобы свидетельство мирового заговора евреев против Германии. Уже на следующий день главный официоз нацистской партии «Фелькишер Беобахтер» напечатала весьма многозначительную фразу: «Вполне очевидно, что немецкий народ сделает из этого события соответствующий вывод».

Шеф нацистской пропаганды Йозеф Геббельс весьма ловко обыграл тогда факт не единичности такого убийства. Еще 4 февраля 1936 г. венгерский (по другим данным, югославский) еврей, студент Давид Франкфуртер убил в швейцарском Давосе руководителя местной организации НСДАП — Вильгельма Густлоффа.

А 9 ноября 1938 г. «на традиционном сборище в Мюнхене в честь очередной годовщины "Пивного путча" в уже и без того наэлектризованной атмосфере Геббельс, лучший после Гитлера оратор в Третьем рейхе, произнес подстрекательскую речь». И в тот же вечер в Германии начался, как это явствует из приведенной выше директивы Г. Мюллера, заранее спланированный чудовищный антиеврейский погром, вошедший в историю под названием Хрустальная ночь.

Столь подробный анализ приведен вовсе не случайно. Ведь если бы фальшивка о якобы имевшем место так называемом «Генеральном соглашении» была бы укоренена в информационном обороте «демократической пропаганды », то получилось бы, что-де СССР в лице НКВД СССР более чем сознательно пошел на это якобы сотрудничество с гестапо «для борьбы с мировым еврейством»! Потому что и «дата выдачи доверенности » Г. Мюллеру — 3 ноября 1938 г., и тем более дата подписания «Генерального соглашения» должны были бы означать, что СССР в лице своего руководства все знал заранее и тем не менее сознательно пошел на такой шаг!

В Советском Союзе действительно прекрасно знали, что произошло на польско-германской границе. И, к сло-

ву сказать, для этого вовсе не нужно было пользоваться информацией разведки — об этом сообщали все информационные агентства и крупнейшие газеты Европы. Тем более что начало этой дурно пахнущей консульско-паспортной склоке Польша положила еще в марте 1938 г. Так что все перипетии этой неприглядной истории хорошо были известны и по открытой информации. Не говоря уже об информации разведслужб СССР, которые располагали очень сильными агентурными позициями как в Германии, так и Польше. И чтобы при наличии таких данных Сталин пошел бы на сотрудничество с гестапо?!

Однако чудовищная подлость фальшивки на этом не ограничивается. Судя по всему, ее главная цель все же заключалась в попытке спровоцировать зарождение в широких кругах «демократической общественности» крайне ложного впечатления о следующем. Что-де, пойдя на подписание такого якобы «Генерального соглашения », Советский Союз тихо одобрил грязную Мюнхенскую сделку Запада с Гитлером! Ту самую сделку, в результате которой Чехословакия была отдана на растерзание не только гитлеровцам, но и даже Польше, прямо под носом у Гитлера оккупировавшей Тешинскую область Чехословакии. На тот момент там проживало 156 тысяч чехов и всего 77 тысяч поляков, которые вовсе не жаждали угодить в «рай» под названием Польша!

Даты — **3** и **11 ноября 1938** г. — это даты, последовавшие за Мюнхенской сделкой. И коли в тексте «Генерального соглашения» фигурирует беспрецедентный маразм о якобы «сотрудничестве и процветании » между СССР и Германией, то, следовательно, должно выходить, что-де СССР негласно одобрил Мюнхенскую сделку!? Ту самую сделку, против которой он протестовал с невероятной яростью!

Наконец, вот о чем. По существовавшим тогда правилам, после **22** июня **1941** г. «Генеральное соглашение» должно было бы попасть в Особый архив НКВД, что в свою очередь должно было получить соответствующее документальное отражение как минимум в виде оттиска штампа, свидетельствовавшего о переводе дела именно в этот архив НКВД. Однако фальсифика-

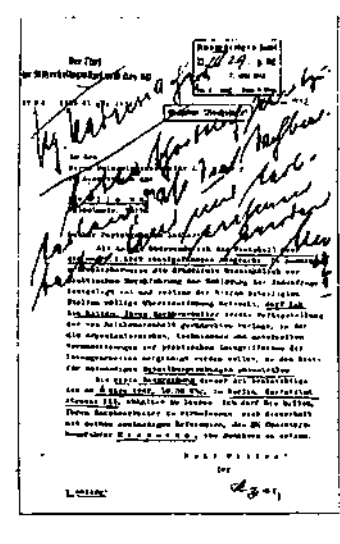
торы предъявили дурацкую обложку, на которой типографским способом отпечатано **«КПСС»,** хотя, если по их-то идиотской легенде, то должно было бы быть так: во-первых, на обложке дела должны были бы стоять опознавательные реквизиты НКВД СССР; скорее всего, реквизиты личного секретариата Берии уже как наркома внутренних дел СССР;

во-вторых, опознавательные реквизиты о переводе этого дела в Особый архив НКВД СССР;

в-третьих, опознавательные реквизиты перерегистрации архивного дела НКВД СССР в архивное дело сначала НКГБ СССР, а затем и МГБ СССР — ведь после войны было уже МГБ;

в-четвертых, опознавательные реквизиты о переводе этого архивного дела из Особого архива МГБ СССР в Особый архив ЦК КПСС после 1953 г. и т.д. и т.п. А поскольку ничего подобного нет, то столь красноречивое отсутствие обязательных атрибутов тем более свидетельствует о том, что мы имеем дело с фальшивкой.

Далее. Увязав датированную **11 ноября 1938** г. фальшивку с не менее фальшивыми «событиями» февраля 1942 г., Карпов фактически совершил столь же чудовищный подлог. Дело в том, что за месяц до начавшихся так называемые переговоров между советскими и германскими разведчиками в г. Мценске, т.е. 20 января 1942 г. в Третьем рейхе прошла хорошо известная по истории Второй мировой войны, но печально «знаменитая » Ванзейская конференция, на которой и был принят план уничтожения евреев в Европе! По сути дела, тут точно также, как и в случае с "Генеральным соглашением" 1938 г., очень коварно обыгран временной фактор: 20 января 1942 г. Ванзейская конференция, а 19 февраля 1942 г. — якобы предложения Сталина германскому командованию, в том числе и по борьбе с мировым еврейством. Дело в том, что в момент, когда стряпалась фальшивка, а происходило это явно в 1998—1999 гг., уже было известно, что в начале 1942 г. советское руководство точно знало о Ванзейской конференции и принятых на ней бесчеловечных решениях.

Итоговый документ Ванзейской конференции.

Адольф Эйхман — главный исполнитель решений Ванзейской конференции.

Здание, где прошла Ванзеиская конференция.

Следовательно, вне зависимости от того, понимал ли это сам Карпов или нет, но он, по сути дела, «ненавязчиво» формировал у читателей впечатление, что-де Сталин все точно знал и тем не менее, как и в 1938 г., вполне осознанно вступил в переговоры с гитлеровцами с позиций оголтелой юдофобии! Чем он на самом деле никогда не страдал и в помине, чего в действительности не было и быть не могло даже гипотетически. «Солидаризировав» же Сталина с бесчеловечной нацистской затеей по «окончательному решению еврейского вопроса», Карпов тут же рассыпался во всевозможных реверансах в его адрес!

Как же можно было подставлять, пускай уже и канувший в лету СССР, а также Сталина под обвинения в едва ли не прямом потворстве нацистским злодеяниям?! Ведь Россия, как известно, является правопреемником СССР на международной арене со всеми вытекающими отсюда последствиями! Неужели так трудно было проявить максимум осторожности в вопросах, подлинная подоплека которых неведома и которую, к сожалению, В.В. Карпов даже и не пожелал выяснить?!

Миф № 6. Настоятельно необходимо стыдиться Пакта Молотова—Риббентропа потому, что, подписав этот пакт, Сталин якобы вступил в тайный сговор с Гитлером в целях провоцирования с его помощью Второй мировой войны путем нападения на Польшу с последующим разделом как ее, так и других стран Восточной Европы.

Миф № 7. Подписав этот пакт и вступив в тайный сговор с Гитлером, Сталин превратил СССР в союзника гитлеровской Германии, принял обязательства о военном сотрудничестве с ней, включая осуществление военных акций в отношении государств, вошедших в их сферы влияния, на основании чего СССР воевал на стороне вермахта против Польши.

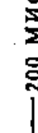
Миф № 8. При подписании в Кремле Пакта Молотова—Риббентропа Сталин создал такую атмосферу, что говорил о «дружбе, скрепленной кровью», применительно к нацистской Германии, а Риббентроп «чувствовал себя в Кремле, словно среди старых партийных товарищей».

Миф № 9. Подписав этот пакт, Советский Союз воевал против Польши на стороне вермахта. Советские офицеры вместе с германскими приняли участие в ее разделе и в ознаменование победы в этой войне, а также успешного раздела Польши провели совместный парад советских и германских войск в Бресте и Львове в сентябре 1939 г.

Несмотря на то, что эта мифология существует еще **с 1935 г.** (почему — см. ниже), современный вид этим глупейшим мифам придали ныне покойный А.Н. Яковлев и его присные (например, также ныне покойный В.М. Бережков) в координации с прибалтийскими сепаратистами еще в **1989** году.

Нам-то, России, в том числе и как правопреемнику СССР, стыдиться нечего. А уж если кому и стыдиться, так только Западу. А нам не стыдиться надо, а хохотать над мифами на эту тему, потому как они одни из наиболее глупейших и подлейших во всей антисталиниане. Как по смыслу, так и по антуражу. Не откажите себе в удовольствии и вдоволь посмейтесь над этими мифами, точнее, над теми, кто запускал их в пропагандистский оборот.

Вот самый простой повод. Выше уже говорилось, что у всех, наверное, уши уже отвисли от не прекращающейся фантасмагорической демонизация **Пакта Молотова—Риббентропа.** Но никому и в голову-то не приходит, что ни в анналах Истории, ни в архивах бывшего советского МИДа (ранее НКИДа), ныне российского МИДа такого документа просто нет и не было! Потому как ни Молотов, ни Риббентроп никакого пакта не подписывали! Подписанный ими 23 августа 1939 г. документ назывался Договор о ненападении!

Пактом же его прозвали западные газетчики в середине сентября 1939 года. Специализирующиеся на мистификациях фальсификаторы не могут даже правильно назвать то, что пытаются демонизировать! Но они дисциплинированно повторяют то, что умышленно проделали еще в середине сентября 1939 г. западные СМИ. Дело в том, что Гитлер, как правило, заключал пакты. Так вот, столь своеобразным переименованием упомянутого документа ненавязчиво внушается мысль о том, что-де и Гитлер, и Сталин — все едино, если не того хуже. Вот так и действует антисталинская пропаганда. В расчете на то, что никто ничего не знает и не может узнать, даже если и пожелает. А что уж говорить о более серьезных вещах, касающихся подлинных тайн мировой политики.

Ну, а что, например, кроме едко саркастического смеха, может вызвать тот факт, что демонизация Западом неуместно именуемого пактом советско-германского Договора о ненападении от 23 августа 1939 года началась задолго до подписания самого договора — еще в **1935** году! Да-да, не удивляйтесь, именно в **1935** году. Потому что именно тогда, впервые со времени привода Гитлера к власти, британская разведка при помощи Троцкого осуществила первую операцию подобного типа. Как признал уже в 1960 году бывший руководящий работник довоенной польской разведки **Рышард Врага, в 1935** г. к нему обратился некто — он не назвал его имени — с предложением купить секретные советские документы, в основном тексты постановлений Политбюро ЦК ВКП(б), а также некоторые документы народного комиссариата иностранных дел СССР. Предложенные материалы содержали в том числе **и сведения, касавшиеся Польши, прежде всего о якобы намечаемом Советским Союзом и гитлеровской Германией «четвертом разделе» этой страны.** Детально ознакомившись с этими документами, сотрудник одной из наиболее яро антисоветски настроенных спецслужб мира того времени, априори злобный русофоб Р. Врага пришел к однозначному выводу, что это фальшивки. Кстати, благодаря разведке Сталин узнал об этой фаль-

шивке и, воспользовавшись визитом А. Идена в Москву в конце марта 1935 г., как следует «выдал» Великобритании «на орехи»...

Но самое смешное в этой истории состоит в следующем. То, что было совершенно ясно и понятно сотруднику одной из наиболее яро антисоветски настроенных спецслужб мира того времени и априори злобному русофобу Р. Врага еще в 1935 г., до сих пор непонятно ни «демократической общественности», ни «авторитетным историкам», узко специализирующимся на особо злобной критике Договора о ненападении. Ну, да и Бог с ними. Лучше посмеемся над следующим.

Когда эта подлая провокационная затея сорвалась, Запад пошел другим путем. Опытнейший мастер закулисных интриг, видный масон высокой степени посвящения, давний агент германской, австро-венгерской и британской разведок, «кристально подлый ленинский гвардеец» Христиан Георгиевич Раковский во время допроса в **НКВД** СССР 26 января 1938 г. заявил, что-де для того, **чтобы обезопасить себя, Советскому Союзу (Сталину) необходимо совместно с Гитлером разделить Польшу!? Так и сказал, что лучше всего разделить именно Польшу. Мол, Гитлер все равно не поверит угрозам западных демократий. И потому спокойно пойдет на такой шаг.**

Обратите внимание на то, что это было сказано 26 января 1938 г. Еще нет ни Мюнхенского сговора Запада с Гитлером, ни западных гарантий Польше — они будут выданы только в самом конце марта 1939 г. А Раковский уже говорил, в частности, о них — что-де Гитлер все равно не поверит угрозам Запада. Правильно. Так оно и было впоследствии. Истинное предназначение гарантий Польше, как совершенно справедливо отмечал один из самых авторитетных британских «историков в штатском», специализировавшихся на истории Второй мировой войны — Б. Лиддел-Гарт, — состояло в том, что так называемые гарантии безопасности Польше были выданы Великобританией лишь с одной целью — **«гарантии были наиболее верным способом ускорить взрыв и мировую войну... подстрекали Гитлера»!** Гитлер им не поверил, потому и поддался на это подстрекательство. Потому что, как отмечает в недавно изданных

книгах **«За что и с кем мы воевали» и «Россия и русские в современном мире»** известный современный ученый-историк Наталья Алексеевна Нарочницкая, **«Британия рассчитывала... подтолкнуть его** (Гитлера. — *А. М.) к* **дальнейшей экспансии, и в принципе англосаксонский расчет на необузданность амбиций и дурман нацистской идеологии был точным... Британии нужно было направить агрессию только на Восток, что дало бы повод вмешаться и войти в Восточную Европу для ее защиты и довершить геополитические проекты, то есть изъять Восточную Европу из-под контроля как Германии, так и СССР... Она явно рассчитывала, что Германия нападет на нее** (то есть Польшу. — *А. М.)* **в одном походе на Восток, ввязавшись в обреченную на взаимное истощение войну с СССР, что обещало сохранение Западной Европы относительно малой кровью, а также сулило вход в Восточную Европу для ее защиты».**

Кстати говоря, именно ради достижения столь подлой цели британское правительство 14 апреля 1939 г. официально предложило Советскому Союзу предоставить в одностороннем порядке гарантии безопасности Польши и Румынии. Это называлось «британский путь сближения с Советами». Не делая никаких реальных шагов в сторону подлинного сотрудничества в отражении грядущей агрессии, Лондон попытался спровоцировать Москву на выдачу гарантий безопасности Польше и тем самым жестко зафиксировать и без того агрессивные амбиции Гитлера непосредственно на Советском Союзе. Именно об этом и говорит Н. А. Нарочницкая.

Куда конь с копытом, туда и рак с клешней. В тот же день — 14 апреля 1939 г. — с аналогичной провокацией к Советскому Союзу вышла и Франция. Париж предложил Москве идею заключения франко-советского пакта, по которому Советскому Союзу предлагалось взять на себя обязательства помочь Франции, если та вступит в войну с Германией, чтобы помочь Польше или Румынии, а о помощи и обязательствах Франции Советскому Союзу и перед СССР — ни звука. Париж играл ту же самую роль, о которой говорит Н. А. Нарочницкая. А в Москве-то, к слову сказать, прекрасно знали, что предложивший это министр иностранных дел Франции Ж. Боннэ еще в декабре 1938 г. тет-а-тет заявил своему германскому коллеге Риббентропу: **«Оставьте нам нашу колониальную империю, и тогда Украина будет вашей»!**

Между тем в это же время, в апреле 1939 г., начались секретные англо-французские штабные переговоры (на уровне Генштабов), во время которых обсуждался один вопрос — под каким предлогом обе стороны похерят свои же гарантии Польше! На протяжении всего периода этих переговоров в Москву поступала подробная разведывательная информация о них. К концу мая уже точно было известно, как англо-французские генштабовские ублюдки будут херить свои же гарантии Польше: «Если Германия предпримет нападение на Польшу, то французские вооруженные силы займут оборону по «линии Мажино» и будут сосредотачивать силы для наступления на... Италию». Что же касается Англии, то она, видите ли, «сможет осуществить эффективное воздушное наступление, в случае... если в войну вступит Бельгия». То есть совершенно открыто расписались, что выданные ранее Польше гарантии безопасности являлись преднамеренным обманом последней! Главное — в случае войны любым способом втянуть в нее Советский Союз »! Они, значит, будут отсиживаться и сосредотачиваться хрен знает для чего, а СССР — иди и отдувайся за этих подонков!

Однако самое смешное состоит в том, что одновременно Раковский изложил и сценарий будущего мифа, который мы сейчас анализируем. То есть еще тогда, в начале 1938 года, он, как масон высокой степени посвящения и агент нескольких европейских разведок, уже точно знал, как будет преподнесен даже и к проектированию-то еще не намеченный Договор о ненападении. По его словам, **«демократии нападут** на **Гитлера,** а не на **Сталина;** они **скажут людям, что хотя** оба **они виноваты** в **агрессии и** в **разделе, но стратегические и** логические **причины вынуждают их к тому,** чтобы они **были** разбиты **отдельно: сначала Гитлер, а потом Сталин».** Ну, и как вам это?! Ведь все совпало до мельчайших нюансов! Даже попытки напасть на Советский Союз и то были — во время советско-финляндской войны 1939—1940 гг.

Есть тут один нюанс. Выходит, что еще до своего ареста Раковский точно знал то, что по разведывательным каналам прошло лишь в конце 1937 г. Дело в том, что в конце указанного года личная разведка Сталина умыкнула из досье британского МИДа под названием «Германская опасность» уникальную информацию.

Ее источником был лично австрийский канцлер, конфиденциально сообщивший выполнявшему задания британской разведки корреспонденту знаменитой **«Times» — Дугласу Риду** о том, что со слов лично Гитлера и Геринга, **«война разразится к осени 1939** г.». То есть получается, что по масонским каналам Раковский был осведомлен об этом значительно раньше. Потому и спокойно выдавал свои провокационные рекомендации.

А вот еще один повод посмеяться. Был такой «авторитетный историк» А.М. Некрич, автор книги **«1941, 22 июня», М., 1965** (в 1995 г. была переиздана в России). Так вот сей автор запустил в оборот удивительнейшую «плюху». По его словам, **«заручившись спокойным тылом на востоке, Германия атаковала 1 сентября Польшу»!** Затем этого «знатока» истории и географии с треском выгнали из страны. Как же можно было написать такой бред? Каким образом Германия могла **«заручиться спокойным тылом на востоке», если ее войска должны были наступать с запада?!** Хоть бы раз заглянул в географический атлас, что ли?! Посмотрел бы, где расположена Германия, а где — Польша. На востоке у Германии получился фронт — Восточный фронт. Тыл же в тот момент у нее был на Западе, который «доблестно » послал по известному адресу все свои гарантии Польше, к тому же за несколько месяцев до 1 сентября 1939 года. Еще раз свидетельствуют добытые личной разведкой Сталина документы:

1. Секретный меморандум британского МИДа от 22 мая 1939 г., направленный правительству Франции. В меморандуме открыто признавалась нецелесообразность заключения тройственного пакта о взаимопомощи между Великобританией, Францией и СССР, зато совершенно четко было прописано, что **«в случае войны важно попытаться вовлечь в нее Советский Союз».**

2. Секретный доклад британского министра по координации обороны лорда Чэтфилда от 27 мая 1939 г. об итогах проходивших в апреле — мае 1939 г. секретных англо-французских штабных переговорах (на уровне Генштабов). В этом докладе черным по белому и с невероят-

ной же циничностью англо-французские генштабовские ублюдки откровенно показали, как они намерены похерить свои же гарантии безопасности Польши: **«Если Германия предпримет нападение на Польшу, то французские вооруженные силы займут оборону по "линии Мажино" и будут сосредотачивать силы для наступления на... Италию».** Что же касается Англии, то она, видите ли, **«сможет осуществить эффективное воздушное наступление, в случае... если в войну вступит Бельгия».**

То есть выданные ранее Польше гарантии безопасности были преднамеренным обманом последней! Зато «в случае войны важно попытаться вовлечь в нее Советский Союз»! Они, значит, будут отсиживаться, и сосредотачиваться хрен знает для чего, а СССР — иди и отдувайся за этих подонков! Вновь обращаю внимание на то обстоятельство, что СССР знал об этом еще в апреле 1939 г.

3. Запись секретной беседы от 29 июля 1939 г. политического деятеля Великобритании Родена Бакстона с влиятельным германским дипломатом — сотрудником службы дипломатической разведки германского МИДа Т. Кордтом. Содержание этой беседы свидетельствовало о том, что Англия намеревалась осуществить польский вариант Мюнхенской сделки с Гитлером. То есть сдать ему «в аренду» территорию Польши для нападения на СССР в обмен на очередной пакт о ненападении с Германией, ради чего Р. Бакстон от имени правительства Англии наобещал прекратить ведшиеся в то время переговоры о заключении пакта о взаимопомощи с СССР, начатые под давлением Москвы.

Проще говоря, по аналогии с Мюнхенской сделкой Великобритания намеревалась отдать Гитлеру Восточную Польшу, дабы тот заимел бы, наконец, плацдарм для нападения на СССР. Одновременно такой же вариант готовился и для прибалтийских лимитрофов.

Что должен был делать Советский Союз (Сталин) в такой ситуации? Вступить в войну на стороне Польши? Ну, так и, прежде всего, Польша об этом Советский Союз не просила. Поляки с порога отвергали даже тень намека на помощь СССР, полагая, что-де «с советами

они потеряют душу». Это, конечно, убойный «аргумент», но только для ляхов — нормальные люди к такой аргументации в международных делах, особенно в вопросах войны и мира, не прибегают. Хуже того. Если бы, не приведи, конечно, Господь Бог, ляхи «потеряли свою душу», то есть согласились бы принять советскую помощь, то получилось бы, что именно на Советский Союз легла бы нелегкая задача по разгрому вермахта. Потому как для нападения на Польшу Гитлер выставил чуть ли не все наличные силы вермахта. А оно надо было СССР?! Тем более что его об этом не просили, но пытались спровоцировать на вооруженное столкновение с Германией. Запад-то даже свою «любимую» Польшу и то заблаговременно предал. А уж ненавистные Советы — так и подавно подвел бы. Выше уже указывалась схема, по которой они намеревались это сделать.

Но, быть может, в такой ситуации СССР (Сталину) проще было бы остаться на прежних границах?! Очевидный ответ, что в таком случае Германия захватила бы всю Польшу, включая территории Западной Украины и Западной Белоруссии, а затем прихватила бы еще и всю Прибалтику, мало что объясняет. Не говоря уже о том, что это верхушка айсберга.

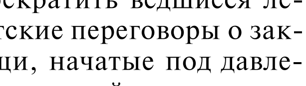
Все, что видим мы, — видимость только одна
Далеко от поверхности моря до дна.
Полагай несущественным явное в мире
Ибо тайная сущность вещей не видна.

Тайная же сущность вещей в то время была такова. Еще на рубеже 1936—1937 гг. советская внешняя разведка добыла обширную, в том числе и документальную, информацию о проводившихся в конце 1936 г. в Германии командно-штабных стратегических играх на картах. Согласно этим данным, в ходе этих игр, на которых проигрывался прототип будущего «плана Барбаросса», германские военные умудрились на пятые сутки пока еще картографической агрессии захватить столицу Белоруссии — славный Минск!? И это при полном отсутствии какого-либо соприкосновения между германской и со-

ветской территориями. К тому же при полном игнорировании такого территориального буфера, как Польша, которая, даже пребывая в якобы союзнических отношениях с Германией, тем не менее все равно не желала видеть на своей территории германские войска.

Основополагающий вывод по итогам этих игр, который военное командование приняло совместно с Гитлером, гласил: «Никакого точного решения относительно восточной кампании (так в то время называл прототип будущего «плана Барбаросса». — *А. М.)* не будет найдено, пока не будет разрешен вопрос о создании базы для операций в самой Восточной Польше». То есть уже тогда грезившийся им успех блиц крига «Дранг нах Остен» тевтоны напрямую увязывали именно с этим плацдармом. К сожалению, об этом знала не только советская, но и британская разведка. А следовательно, и британское правительство, которое, руководствуясь своей патологической русофобией, попыталось использовать это обстоятельство для ускорения вооруженного столкновения Германии и СССР.

Дело в том, что, по словам Раковского во время упомянутого выше допроса, Запад никак не мог предоставить Гитлеру возможность действовать. И даже отдав ему на съедение Чехословакию, Запад все равно не получил желаемого результата — война между СССР и Германией не состоялась. Именно поэтому-то Великобритания (при поддержке Франции) и пыталась тайно договориться с Гитлером насчет польского варианта Мюнхенской сделки. Проще говоря, твердо памятуя о потребностях Гитлера в плацдарме именно на территории Восточной Польши, Великобритания попыталась сдать ему «в аренду» территорию Польши как плацдарм для нападения на СССР. «Естественно», что в обмен на очередной пакт о ненападении с Германией, взамен чего обещала прекратить ведшиеся летом 1939 г. англо-франко-советские переговоры о заключении пакта о взаимопомощи, начатые под давлением Москвы. Одновременно такой же вариант готовился и для прибалтийских лимитрофов. В отношении последних был заключен даже пакт Галифак-

са—Рачиньского (посол Польши в Англии в 1939 г. — *А.* М.), в соответствии с которым Германии предлагалось напасть на СССР через территории прибалтийских лимитрофов. Между тем в Советском Союзе знали, что в соответствии с утвержденной Гитлером 11 апреля 1939 г. «Директивой о единой подготовке вооруженных сил к войне на 1939—1940 гг.» Германия запланировала оккупировать лимитрофные государства, прежде всего Латвию и Литву.

Однако самое главное заключается вот в чем. И Советский Союз, и Германию фактически загоняли именно в тот тупик, из которого был, во-первых, только временный выход, а, во-вторых, именно такой выход, который соответствовал сокровенным чаяниям лондонских (и парижских) политиков. А именно таким образом предоставить Гитлеру возможность действовать против СССР, который внешне вроде бы и не влечет никакой ответственности Запада. Это старинная «методика высшего пилотажа» британской дипломатии — сотворить подлость против своего врага руками самого же этого врага, загнав его в такую ситуацию, выход из которой является сколь единственным, но столь же и наиболее желательным для Лондона. Расчет лондонских политиков строился на учете очень простого и хорошо известного феномена европейской политики — логики европейского равновесия.

Европейское равновесие исторически сложилось так, что вслед за любыми договорами о дружбе и сотрудничестве или ненападении и нейтралитете какого бы то ни было государства с Германией в самые же кратчайшие сроки со стороны посчитавшего себя ущемленным государства последует адекватная реакция в виде заключения аналогичного же договора с той же Германией!

За примерами далеко ходит не надо — взять хотя бы только начало XX столетия. Россия сепаратно вышла из Первой мировой войны по Брест-Литовскому договору от 3 марта 1918 г. — по факту своей победы в этой войне Запад силой принудил Германию подписать унизительный Версальский мир в 1919 г., согласно которому Германия не просто территориаль-

но урезалась, а урезалась с одной целью — развести ее и Россию как можно дальше географически. В 1922 г. Советская Россия и Веймарская Германия подписали знаменитый Рапалльский договор. И тогда же Запад начал первые предлокарнские маневры. И в конце концов ответил подписанием в октябре 1925 г. пресловутых Локарнских соглашений, суть которых сводилась к пакту о ненападении между Западом и Германией. В ответ 24 апреля 1926 г. СССР заключил с Германией двухсторонний договор о нейтралитете и ненападении.

Запад, в свою очередь, с 1926 по 1932 г. последовательно осуществлял целую серию мероприятий по максимальной нейтрализации просоветской ориентации Германии. Втащил ее в Лигу Наций. Полностью снял военный контроль. Привлек ее к участию в пресловутом пакте Келлога—Бриана (своего рода глобальное подобие Локарнских соглашений). В соответствии с принятым «планом Юнга» резко ослабил бремя репарационных платежей для Германии. Одновременно попытался втянуть Германию в организацию нового антисоветского похода на Восток. В ответ весной 1931 г. СССР добился пролонгации договора от 1926 г. еще на пять лет.

Запад, в свою очередь, предпринял максимум усилий, чтобы не допустить ратификации протокола о пролонгации — он был ратифицирован только в мае 1933 г., то есть уже после привода Гитлера к власти. СССР избрал тактику подписания двухсторонних договоров о ненападении со всеми странами, граничащими с ним, дабы перекрыть любые лазейки для организации агрессии против себя с Запада, и добился очень значительных успехов на этом направлении. Частокол этих договоров был столь плотен, что пробиться через него к советским границам было невозможно. Это был своего рода «бронежилет» безопасности СССР.

В ответ Запад привел к власти в Германии Гитлера, который немедленно начал рвать всю ткань международных отношений в Европе, в том числе и систему двухсторонних договоров о ненападении, пытаясь прорваться к границам СССР. Советский Союз, в свою очередь, начав с идеи Восточного пакта, довел дело до подписания в 1935 г. с Францией и Чехословакией перекрещивающихся договоров о взаимопомощи в отражении агрессии. Запад тут же перешел к тактике целенаправ-

ленного их дезавуирования и одновременно к политике «экономического умиротворения» Гитлера. Цель — в кратчайшие сроки экономически поднакачать Германию и толкнуть ее на Восток. СССР попытался реанимировать резко ухудшившиеся с приходом Гитлера межгосударственные отношения Германии и СССР, в основном за счет активизации торгово-экономических связей. Запад же активно противодействовал этому всеми силами, и в конце концов в повестку дня выдвинулся принцип будущей Мюнхенской сделки, ради совершения которой Запад завалил даже антисталинский заговор Тухачевского, а в канун ее свершения — начисто изолировал СССР на европейской сцене.

Заключение же аналогичного договора с Германией и означало «предоставить Гитлеру возможность действовать». А «предоставление Гитлеру возможности действовать» в переводе на язык геополитических реалий того времени означало предоставить ему территориальный «кредит» для нападения на СССР. Причем именно такого, который обеспечил бы возникновение ситуации непосредственного территориального соприкосновения между Германией и Советским Союзом! Потому что после Мюнхенской сделки, когда Запад укрылся фактически за пактами о ненападении с Германией, а у Советского Союза аналогичный и пролонгированный только до лета 1938 г. договор истек, предвидеть в этой связи конкретный шаг СССР — заключение Договора о ненападении с Германией — было проще пареной репы. Об этом знали даже европейские дворники, а послы и разведки всех стран в изобилии приводили своим правительствам самые убедительные доказательства абсолютной неминуемости такого шага Москвы. Запад совершенно сознательно и злоумышленно создавал ситуацию абсолютной неминуемости заключения советско-германского договора о ненападении. Потому и сорвал августовские 1939 г. переговоры в Москве.

Потому что Запад не мог собственноручно предоставить Гитлеру столь необходимую ему базу в Восточной Польше. Это было за пределами его возможности — преодолеть иррационально бешеное упрямство ляхов не

под силу даже Западу. Даже в тех случаях, когда речь идет об организации нападения на Россию (СССР). Поэтому первоначально была сделана попытка спровоцировать Сталина на такой шаг еще до Мюнхена. Когда же он не поддался на эту провокацию, то уже Мюнхенская сделка стала провоцирующим неизбежность заключения нового Договора о ненападении между СССР и Германией фактором. Потому что и до Мюнхенского сговора — еще в 1937 г. — Великобритания прекрасно знала, что Гитлер при любых обстоятельствах нападет на Польшу (к слову сказать, Сталин знал об этом еще с 1935 г.). Однако поскольку последняя непосредственно граничила с Советским Союзом, то Москва вынуждена будет пойти на новое соглашение с Берлином, дабы обезопасить свои западные границы. А поскольку со времен спровоцированной **все** той же Великобританией советско-польской войны **1920** г. **СССР был** территориально ущемлен аннексией исконно русских земель Западной Украины и Западной Белоруссии в пользу Польши, то новое соглашение между Москвой и Берлином всенепременно затронет и эти проблемы. Это высчитывалось, как дважды два — четыре. И тогда ответственными за начало войны станут как Гитлер, так и Сталин. И при этом не Запад, а именно Сталин станет виноватым в том, что Гитлер окажется непосредственно у него на границе! Как и говорил Раковский на допросе.

Ведь самым главным «искусством» в британской дипломатии является, подчеркиваю это вновь, не сотворение подлости — на это внимания там не обращают, ибо она и так вся соткана из подлости, — а сотворение подлости чужими руками, то есть при полном отсутствии каких-либо идентифицируемых следов британской дипломатии! Причем высшим пилотажем в этом «искусстве» британской дипломатии считается сотворение подлости для противника Великобритании руками самого же этого **противника Великобритании! Проще говоря, когда противник ставится в столь безвыходную ситуацию, что единственный выход из нее становится наиболее желанным для Великобритании! Вот почему до поры до времени**

Польшу не использовали в торге между Гитлером и Западом. Хотя еще с 1925 года было прекрасно известно, что в своей политике подготовки будущего столкновения Германии с СССР Великобритания изыскивает базу в Польше. Но ведь не для себя же, а для того, чтобы выгодно сдать эту базу «в аренду» агрессору, то есть Германии. Как, впрочем, и базу в Прибалтике.

И вот еще что. Непосредственно накануне заключения советско-германского договора о ненападении на кону стояла еще одна серьезнейшая проблема. В тот момент между СССР и Японией полыхал военный конфликт на Халхин-Голе. Кстати, спровоцировала его все та же «добрая, старая» Великобритания. Спровоцировала по отработанной схеме — «дальневосточным Мюнхеном», то есть известным из истории англо-японских отношений того времени «соглашения Арита — Крейги» от 24 июля 1939 г.

Япония и Германия были связаны между собой обязательствами не заключать никаких договоров с СССР без согласования друг с другом, а в случае военных действий прийти друг другу на помощь. Кстати, провоцируя Японию на нападение на СССР, Великобритания рассчитывала именно на это. И если бы Сталин не заключил договор с Берлином, то Германия вынуждена была бы, подкатившись к границам СССР в ходе польского похода, напасть на Советский Союз во исполнение своих обязательств перед Японией. А оно надо было СССР (Сталину)? Зато заключением договора о ненападении с Советским Союзом Германия нанесла бы непрощаемую обиду японцам. А Сталину прекрасно было известно, что Гитлер относится к японцам, как «желтомордым макакам». Вот это-то и надо было, имея в виду безопасность дальневосточных границ. Японцы, естественно, были в шоке от вероломства Гитлера и так и не простили ему эту выходку. Впоследствии это обернулось для Советского Союза, хотя и шатким, но миром на дальневосточных границах во время нападения Германии на СССР в 1941 г. Япония так и не рискнула напасть, хотя всю войну пакостила, как самый шкодливый кот.

Как видите, ни так, ни сяк Сталину было вовсе не с руки провоцировать Гитлера на войну против Польши, которая, в случае успеха германских войск, действительно автоматически вывела бы их непосредственно на (прежнюю) границу с Советским Союзом, да еще и в ситуации военных действий между СССР и Японией. Не стоит опускаться до мысли о том, что Сталин мог быть заинтересован в появлении на границе СССР войск крайне агрессивного и крайне враждебного по отношению к Советскому Союзу государства. Но даже если бы Сталин и захотел, например, спровоцировать мировую войну, — гипотетически и на одно мгновение допустим это, — то все равно он физически был лишен такой возможности.

Во-первых, потому, что Гитлер собрался воевать только с Польшей. Во-вторых, потому, что план нападения Германии на Польшу — план «Вайс» — был подписан Гитлером еще 3 апреля 1939 года. А 28 апреля 1939 года Германия аннулировала германо-польский пакт о ненападении и дружбе. По своему значению это уже означало практически войну. 23 августа 1939 г. Сталин вынужденно действовал постфактум по отношению к давно уже принятому Гитлером решению о нападении на Польшу. И не случайно, что именно этот договор называют крупнейшим провалом британской политики и дипломатии за весь XX век. В-третьих, война Германии против Польши превратилась в мировую лишь только тогда, когда Великобритания и Франция объявили Германии войну 3 сентября 1939 г. В-четвертых, ни Лондон, ни Париж улизнуть от этого объявления не могли. Ни по причине ранее данных ими идиотских гарантий безопасности Польше, которые только подстрекали Гитлера и делали войну абсолютно неизбежной, ни по иной, более существенной причине. И о ней, слава Богу, наконец-то заговорили даже в солидных исследованиях. Незадолго до 1 сентября 1939 г. Соединенные Штаты Америки, от экономической мощи которых уже тогда зависело будущее Западной Европы, по масонским каналам 29 мая 1939 г. отдали приказ Лондону и Парижу ни в коем случае не уклоняться от **Конфликта. Конфликт** же — с большой бук-

вы — на масонском языке означает мировую войну. Они и не уклонились — сделали все, чтобы ввергнуть мир в пучину Второй Мировой Трагедии!

Как Сталин мог спровоцировать Гитлера на нападение на Польшу Договором о ненападении от 23 августа 1939 г., если во исполнение плана «Вайс» на германо-польской границе до указанной даты уже были сосредоточены и развернуты для нападения германские войска?! Крайняя озабоченность Сталина была сконцентрирована не на том, чтобы спровоцировать эту войну, а на максимально достижимом в тот период времени эффективном обеспечении безопасности Советского Союза. Потому он и вынужден был заключить этот договор. Потому как в той конкретной ситуации это был единственный шанс избежать прямого военного столкновения с Германией уже в 1939 г., на что, к слову сказать, так рассчитывал Запад. Более того. Это был единственный шанс, возможно, не столько вернуть ранее украденные у России территории Западной Украины и Западной Белоруссии, сколько прежде всего отодвинуть западные границы Советского Союза от жизненно важных центров экономики. Ведь до 17 сентября 1939 г. западная граница СССР находилась, например от того же Минска, на расстоянии всего лишь 30—35 км.

Так что стыдиться нам нечего. Стыдно должно быть тем, кто допустил крупнейший за всю историю XX века провал британской политики и дипломатии. Но что возьмешь с того, кто, по мнению очень осторожных на язык британских королевских медиков, был не совсем вменяемым, то есть с премьер-министра Великобритании Невила Чемберлена?! Тем более что умер он подозрительно быстро — сделал войну неминуемой и почти сразу же отошел в мир иной...

Договор о ненападении дал Советскому Союзу определенные гарантии безопасности, пускай и временные, как оказалось. Да в общем-то ни Сталин, ни Молотов даже и незаблуждались на этот счет. В представленном Гитлеру отчете о переговорах Риббентроп, в частности, отмечал, что, отвечая на один из его вопросов, Сталин заявил: **«Не может быть нейтралитета с нашей** стороны,

пока вы сами не перестанете строить агрессивные планы в отношении СССР. Мы не забываем, что вашей конечной целью является нападение на нас».

Но как бы там ни было, однако немцы обязались воздерживаться в отношении СССР «от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения... как отдельно, так и совместно с другими державами». Вспомните, что говорилось выше о Японии, и вам сразу станет понятно, что уже тогда Сталин сумел избежать двухфронтовой войны против Советского Союза. Кроме того, немцы взяли на себя обязательство консультироваться с Советским Союзом при решении вопросов, которые могли затронуть его интересы. Они согласились не распространять свою военно-политическую активность на польские территории восточнее линии рек Писса — Нарев — Висла — Сан и на прибалтийские государства севернее литовско-латвийской границы, то есть на являвшиеся зоной безопасности СССР районы вдоль его западных границ.

Ни договор о ненападении, ни прилагавшийся к нему секретный дополнительный протокол не содержали статей о военном сотрудничестве двух стран и не налагали на них обязательств по ведению совместных военных действий против третьих стран или по оказанию помощи друг другу в случае участия одной из сторон в военном конфликте.

В подписанных документах нет положений, которые обязывали бы стороны осуществлять военные акции в отношении государств и территорий, вошедших в их сферы интересов. Не было там и никаких обязательств по осуществлению их оккупации и «территориально-политического переустройства». В том же секретном дополнительном протоколе, на который все кивают, предусматривалась только возможность таких действий, о чем свидетельствует дважды использованная формулировка «в случае...». Кстати, относилось это только к Германии и только к ее сфере интересов.

Под «случаями» же «территориально-политического переустройства» понималось «исправление» Германией по завершении ею войны против Польши польско-германской и германо-литовской границ и

включение некоторых, ранее принадлежавших Польше и Литве территорий в состав Третьего рейха.

Оккупация Советским Союзом территорий, вошедших в сферу его интересов, и их «территориально-политическое переустройство» советско-германскими договоренностями не предусматривались. Кстати, вовсе не случайно, что 22 июня 1941 г. устами МИДа Германии Гитлер заявил, что военное продвижение СССР на территории, являвшиеся сферой его интересов, и их последующее включение в состав Советского Союза представляли собой «прямое нарушение московских соглашений». Правда, "обидевшись", в Берлине не пожелали понять, что СССР ввел свои войска в прибалтийские государства с письменного согласия их законных правительств, а включение в состав СССР произошло в результате открытого волеизъявления народов этих государств.

Достигнутые междуСССР и Германией договоренности не представляли собой «сговора диктаторов» о «разделе Восточной Европы» и не превращали их в каких-либо союзников. Ни формально, ни фактически. Подписывая секретный протокол, правительство СССР ставило целью не ликвидировать и аннексировать ряд восточноевропейских государств. Его целью было установить предел распространению германской экспансии на восток. Германия лишалась возможности в случае победы над Польшей единолично решать вопрос о дальнейшей судьбе и границах польского государства. Кроме того, она брала на себя обязательство признать суверенитет Литвы над Вильнюсской областью, аннексированной поляками в 1920 году.

Введение подразделений Красной Армии в восточные районы Польши, то есть на территории Западной Украины и Западной Белоруссии 17 сентября 1939 года, и в страны Прибалтики летом 1940 г. было произведено советским правительством не в порядке реализации советско-германских договоренностей. Оно было осуществлено в целях предотвращения военной оккупации или политического подчинения этих территорий и государств Германией, так как, по данным советской разведки и дип-

ломатии, Гитлер, в нарушение имевшихся договоренностей, уже подготавливал подобные шаги.

Действия Советского правительства имели большое значение для укрепления безопасности СССР. Более того, они имели откровенно антигерманскую направленность.

Договор о ненападении от 23 августа 1939 г. между СсСР и Германией представлял собой не причину, а последствия кризиса, устроенного в мировой ситуации Великобританией, Францией, США и их союзниками. Он был заключен в ситуации, когда это был единственный выход, и по-другому предотвратить военное столкновение СССР с Германией уже было невозможно. Почему единственный выход — выше уже указывалось.

Ни с какими нормами международного права и договорной практикой того времени он не расходился. Он расходился, точнее, остро противоречил интересам тех сил Запада, цель которых в том и состояла, что поскорее спровоцировать вооруженный конфликт между СССР и Германией.

Ничего сверхъестественного не было и в секретном дополнительном протоколе. С какой стати западным державам можно действовать подобным образом, а СССР, видите ли, не имел права?! Взять хотя бы содержание франко-итальянского и англо-итальянского соглашений 1935 г. о разграничении сфер интересов в Африке. Или мюнхенское соглашение об отторжении от Чехословакии Судетской области или то же англо-японское соглашение по Китаю от 24 июля 1939 года. А как прикажете расценивать секретные англо-германские переговоры летом 1939 г.?! Или те же английские якобы мирные предложения Германии?! Ведь они же были выдвинуты чуть ли не на следующий день после объявления Англией войны Германии, а суть их сводилась к тому, что Берлин должен был в одностороннем порядке аннулировать Договор о ненападении от 23 августа 1939 г. Разве это не превращало Великобританию в союзника нацистской Германии?! Хуже того. Разве это не превращало Великобританию именно в военного союзника нацистской Германии?!

В целях обеспечения собственной безопасности и достижения своих геополитических целей западные державы преспокойно жертвовали третьими странами в пользу агрессоров, не останавливаясь перед прямым нарушением их суверенитета.

Для СССР в тот период времени чрезвычайно важно было не допустить включения в орбиту агрессивной политики нацистской Германии ряда сопредельных с ним государств и территорий. К тому же речь шла о безопасности территорий, ранее входивших в состав Российской империи и незаконно отторгнутых (на языке Запада — «эвакуированных») из ее состава в период 1917—1922 гг. Правительство сССР принципиально никогда не скрывало своего особого интереса к обеспечению безопасности этих территорий. Более того. Оно неоднократно предупреждало, что, чувствуя свою моральную ответственность за их судьбу, в кризисной ситуации оно не останется равнодушным, особенно в случае открытого или даже замаскированного посягательства на них со стороны третьих стран.

Что же до того, что **при подписании в Кремле Договора о ненападении с Германией Сталин создал такую атмосферу, что Риббентроп «чувствовал себя в Кремле, словно среди старых партийных товарищей», то это откровенное передергивание фактов. Мистификаторы просто использовали** то **обстоятельство,** что **подавляющему большинству людей** многие **источники просто недоступны.**

Начать хотя бы со следующего. Участник советско-германских переговоров в августе 1939 г., начальник юридического департамента МИДа Германии Фридрих Гауе зафиксировал в своем дневнике, что встречу с советскими руководителями Риббентроп хотел начать с выспренной речи о том, что-де «дух братства, который связывает русский и немецкие народы...», однако Молотов тут же оборвал его следующими словами: **«Между нами не может быть братства. Если хотите, поговорим о деле». В** представленном же Гитлеру отчете о переговорах Риббентроп, в свою очередь, отмечал, что, отвечая на один из его вопросов, Сталин заявил: «Не

может быть нейтралитета с нашей стороны, пока вы сами не перестанете строить агрессивные планы в отношении СССР. Мы не забываем, что вашей конечной целью является нападение на нас». Интересно бы знать, зачем мистификаторы выдумали чушь о том, что-де Риббентроп «чувствовал себя в Кремле, словно среди старых партийных товарищей »?! Особенно если учесть, что, вопреки всем утверждениям того же Бережкова, ни в одной из направленных Риббентропом из Москвы в Берлин телеграмм подобных слов нет. Тогда что же было в действительности?

Мистификаторы утверждают, что-де Риббентроп заявил такое в беседе с министром иностранных дел Италии 10 марта 1940 года. Однако по данным прекрасного историка-аналитика О. Вишлёва, ссылающегося в свою очередь на подлинные германские документы, нечто похожее Риббентропом действительно было произнесено, но **в** беседе не с Г. Чиано, а **с** Бенито Муссолини **10** марта **1940** года. В переводе отрывок из записи этой беседы, сделанной главным переводчиком германского правительства П. Шмидтом, звучит так: «Во время второго визита в Москву (27—28 сентября 1939 г. — *А. М.)* у него (то есть у Риббентропа. —*А. М.)* была возможность за ужином, данным Сталиным, поговорить со всеми членами Политбюро (ЦК ВКП(б). — А. М.). С немецкой стороны присутствовали также старые товарищи по партии, например гаулейтер Форстер, и, в частности, Форстер после мероприятия заявил, что было так, будто он беседовал со старыми товарищами по партии ».

Мистификаторы создали ложное впечатление о том, что подобные якобы произнесенные слова относятся будто бы к ситуации заключения Договора о ненападении от 23 августа 1939 года. По справедливому мнению О. Вишлёва, не сложно убедиться в том, что академическая точность в передаче слов Риббентропа мистификаторами отсутствует. С помощью нехитрой манипуляции слова Форстера превратились в слова Риббентропа!? Косвенная речь трансформировалась в прямую!? А из характеризовавшего всего лишь непринужденную обстановку торжественного ужина —

протокол есть протокол — высказывания слепили некое свидетельство якобы идейного родства советского и нацистского руководства!? И это при том, что далее в записи П. Шмидта говорится следующее: «Может быть, это звучит отчасти странно, но, по его (то есть Риббентропа. — *А. М.)* мнению, русские, которые, естественно, стоят на коммунистических позициях и в силу этого не приемлемы для национал-социалиста, уже не стремятся к мировой революции»! То есть совершенно же очевидно по меньшей мере неприязненное отношение Риббентропа к коммунизму, на позициях которого и стояли советские руководители, с которыми он вел переговоры. Спрашивается, с чего это Риббентроп должен был чувствовать себя в Кремле, словно среди старых партийных товарищей, если советские руководители, с которыми он вел переговоры, стояли на (категорически) неприемлемых для национал-социалиста коммунистических позициях?!

Что же до якобы **«дружбы, скрепленной кровью» применительно к нацистской Германии,** то этот миф появился на свет благодаря скудоумию ряда современных авторов, не желающих даже и не попытавшихся тщательно проанализировать архивные первоисточники.

Если внимательно вдуматься в эту историю, то станет очевидным, что миф был состряпан в результате незамысловатой манипуляции. Вся ее суть сводится к тому, что мистификаторы воспользовались тем, что эти слова относятся к концу 1939 г. То есть к тому моменту, когда уже действовал Договор о ненападении от 23 августа 1939 года. Когда уже состоялась германо-польская война, окончившаяся тем, что Польша была вдребезги разгромлена. Когда ради спасения населения Западной Украины и Западной Белоруссии Советский Союз вынужден был ввести свои войска на эти территории. Когда, наконец, был подписан договор о дружбе и границе. И в результате было создано ложное впечатление, что-де эти слова относятся именно к тому, что-де нацистская Германия и Советский Союз якобы совместными боевыми усилиями разгромили Польшу.

К счастью, есть и другие авторы, есть и серьезные труды. Блестящий историк-аналитик О. Вишлёв в своей сразу по выходе из печати ставшей библиографической редкостью книге «Накануне 22 июня 1941 года» (М., 2001), детально расследовал подноготную этого мифа. И вот что он установил. «Это слова из телеграммы Сталина Риббентропу, которая была дана в ответ на поздравление последнего в адрес советского руководителя в связи с его шестидесятилетием. В своем поздравлении Риббентроп попытался представить установление добрососедских отношений между народами Германии и Советского Союза как результат договоренности между руководителями двух стран и подчеркнуть при этом (в свойственной ему манере) его "выдающиеся заслуги". Он телеграфировал в Москву: "Памятуя об исторических часах в Кремле (имеются в виду визиты Риббентропа в Москву в августе и сентябре 1939 г. — А. М.), положивших начало решающему повороту в отношениях между обоими великими народами и тем самым создавших основу для длительной дружбы, прошу Вас принять ко дню Вашего шестидесятилетия мои самые теплые поздравления". В протокольно обязательной ответной телеграмме Сталин, по сути дела, поправил германского министра. При этом он подчеркнул, что не его деятельность и не договоренности лидеров, а пройденный двумя народами исторический путь и понесенные ими жертвы (Сталин не уточнил, когда и во имя чего они были принесены — очевидно, он сделал это специально) делают возможной и необходимой эту дружбу. «Благодарю Вас, господин министр, за поздравления, — телеграфировал он в Берлин. — Дружба народов Германии и Советского Союза, скрепленная кровью, имеет все основания быть длительной и прочной».

Не о «дружбе» большевизма и нацизма говорил Сталин, как это нам сегодня преподносят, а **о дружбе народов двух стран.** Эту дружбу он с полным основанием мог назвать скрепленной кровью. Немцев и русских связывали прочные революционные традиции, народы обеих стран принесли немалые жертвы на ал-

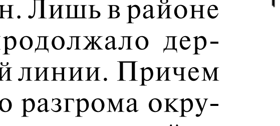
тарь общей борьбы за социальный прогресс. Не говоря уже о многовековых связях между народами Германии и России.

Теперь о так называемых совместных парадах советских и германских войск в Львове и Бресте в сентябре 1939 г. Мифы об этих парадах появились еще тогда, в 1939 г. Но только на Западе. В нашей же стране его реанимировали в связи с 50-летием подписания Договора о ненападении от 23 августа 1939 г. и эксплуатируют до сих пор. Основными реаниматорами были А.Н. Яковлев, М.С. Горбачев и их присные из числа конъюнктурщиков, действовавших в тесной координации с Западом, оголтелыми польскими русофобами и прибалтийскими лимитрофами, преследовавшими цель уничтожить территориальную целостность Советского Союза. А сделать это можно было только полностью исказив подлинный смысл Договора о ненападении от 23 августа 1939 г.

Что же до существа дела, то обратимся к тщательно аргументированной подлинными германскими документами книге О. Вишлёва. Факт так называемых «совместных парадов» подразделений германского вермахта и **РККА** как якобы убедительного доказательства некоего «братства по оружию» между **СССР** и нацистской Германией и даже их якобы имевшего место «военного сотрудничества» до сих пор никем и никак документально не доказан! И всего лишь по той простой причине, что, например, во Львове попросту не было германских войск именно в тот день, на который миф относит этот якобы «парад». Согласно мифу, «совместный парад» якобы состоялся 21 сентября 1939 года. Но все дело в том, что 21 сентября 1939 г., то есть в день капитуляции польского гарнизона г. Львова (тогда Лемберга) перед частями РККА, в указанном городе не было ни одного подразделения вермахта. Потому что накануне, в результате настойчивой и жесткой позиции советского руководства, активно требовавшего отвести германские войска из Львова, командование вермахта вынуждено было это сделать. Предыстория же этого жесткого демарша Советского Союза такова.

В 2 часа ночи 17 сентября 1939 г. в присутствии наркомов иностранных дел и обороны — В.М. Молотова и К.Е. Ворошилова — Сталин официально проинформировал германских дипломатических представителей в Москве о том, что подразделениям РККА отдан приказ через четыре часа перейти государственную границу и взять под защиту население Западной Украины и Западной Белоруссии. Одновременно, во избежание нежелательных инцидентов, он потребовал, чтобы было остановлено наступление германских войск в восточном направлении, отвести вырвавшиеся вперед на линию Белосток — Брест — Львов части вермахта и запретить германской авиации совершать полеты восточнее этой линии. Причем германским представителям ясно дали понять, что в случае невыполнения этих требований германские части могут попасть под бомбовые удары советской авиации. Германский военный атташе генерал Э. Кёстринг попытался уговорить советское руководство задержать на некоторое время выступление советских войск и прежде всего действия советской авиации, чтобы он смог проинформировать свое командование и тем самым предотвратить возможные инциденты, однако его попытка была решительно отклонена Сталиным.

Несмотря на предпринятые меры, 17—18 сентября 1939 г. в ряде мест советская авиация подвергла атакам германские части. В результате германское командование ускорило отвод своих войск на указанный советским руководством рубеж. И к 19 сентября этот процесс в основном был завершен. Лишь в районе Львова германское командование продолжало держать свои войска восточнее указанной линии. Причем оно оправдывало это необходимостью разгрома окруженной в этом городе группировки польских войск. При этом 18 сентября 1939 г. официальные представители германского правительства продемонстрировали советским дипломатическим представителям в Берлине карту, на которой Львов, нефтедобывающие районы Западной Украины — Дрогобыч и Борислав, а также район г. Коломыя, обладание которым позволяло Германии установить прямое железнодорожное

сообщение с Румынией, были обозначены как относящиеся к германской сфере интересов. Поскольку это было серьезным нарушением условий секретного дополнительного протокола к Договору о ненападении, советское правительство заявило решительный протест. Передовым частям Красной Армии был отдан приказ овладеть Львовом и районами Западной Украины, на которые незаконно претендовала Германия.

19 сентября 1939 г., когда передовые части РККА подошли к Львову, они были встречены артиллерийским огнем германских частей. Затем произошло боевое столкновение между танковыми частями вермахта и РККА, в котором обе стороны понесли потери. Командующий советской группировкой войск потребовал от немцев немедленно отвести войска, так как подчиненные ему части имеют приказ штурмовать город. Немцы ответили отказом. И одновременно по дипломатическим каналам попытались оказать нажим на Советский Союз. Однако жесткая позиция Кремля была неизменна — только немедленный отвод германских войск и прекращение всяких попыток продвижения в восточном направлении явятся гарантией, исключающей нежелательные инциденты.

Жесткая и решительная позиция советского руководства вынудила Гитлера во избежание серьезных осложнений отдать 20 сентября 1939 г. приказ о немедленном отводе германских войск от Львова. Их отвод тем не менее сопровождался неоднократными стычками и артиллерийскими дуэлями. Как бы там ни было, однако к 21 сентября, когда польский гарнизон капитулировал перед частями РККА, в городе не было ни одной германской воинской части — они все были отведены на 10 км западнее Львова и готовились к отходу на рубеж р. Сан. Германский генералитет квалифицировал решение Гитлера об отводе войск как «день позора немецкого политического руководства» и даже проявлял готовность пойти на открытое военное столкновение с СССР.

То же самое и в отношении так называемого совместного парада в Бресте. Это такая же околесица. Пото-

му как и, **во-первых,** никакого совместного парада в Бресте не было и в помине. **Во-вторых,** имело место всего лишь торжественное, но раздельное прохождение германских и советских войск. Германские войска прошли торжественным маршем после согласования и подписания соглашения о передаче Бреста под контроль Красной Армии.

Кстати говоря, именно с этим соглашением связана мистификация о том, что-де советские офицеры совместно с германскими офицерами в полевых условиях делили на карте Польшу. В качестве якобы документального доказательства достоверности мифа используют, как правило, снимок с подписью — «Советские и немецкие офицеры делят Польшу. **1939** г.».

Однако, как свидетельствует О. Вишлёв, опирающийся на данные германских архивов, в действительности этот снимок был сделан в момент обсуждения советским представителем с командованием одной из германских частей порядка отвода этой части с территории, на которую должны были вступить подразделения РККА. Военные всегда все обсуждают на картах и на них же отмечают достигнутые договоренности. Это их обычная испокон веку существующая практика. Кому это привиделось, что обычные офицеры двух армий «делят Польшу». —попробуй, догадайся.

Итак, германский марш был «торжественным» выходом из Бреста. Таков военный протокол. Тем более при разводе войск. Во время этого «торжественного» выхода германских войск из Бреста действительно присутствовал советский уполномоченный по контролю выполнения немцами условий достигнутого соглашения. Кстати говоря, им был не комбриг Кривошеий, а советский уполномоченный Боровенский.

Когда же торжественным маршем в Брест вошли советские войска, то ни одного германского солдата или офицера на улицах этого города не было.

Как видим, реальные факты реальной истории ясно свидетельствуют, что никто ничего не делил на картах, а для «проведения совместного парада» во Львове и в Бресте не было ни оснований, ни возможностей, ни тем более желания!

Миф № 10. Настоятельно необходимо стыдиться Пакта Молотова—Риббентропа потому, что, подписав этот пакт, Сталин якобы санкционировал тесное сотрудничество между НКВД и РСХА, в том числе и заключение между НКВД и РСХА некоего «антипольского соглашения».

Кто автор мифа — неизвестно. Является важным компонентом при доказательстве мифа о «дружбе, скрепленной кровью» и вообще всего комплекса предыдущих мифов на тему о договоре о ненападении. Миф построен на злоумышленном передергивании и фантастическом извращении реальных фактов и рассчитан на полное неведение простыми гражданами специфики взаимоотношений спецслужб граничащих между собой государств. Однако при проявлении самого элементарного любопытства любой может самостоятельно установить, что в этом мифе к чему. Попробуем сделать это и мы. Но прежде всего отметим, что в состав НКВД СССР входили как органы государственной безопасности, пограничные войска, так и внутренних дел и даже загсы. Для правильного понимания излагаемого ниже это очень важно.

Итак, в 1939—1940 гг. граница СССР была вынесена на запад. В состав Советского Союза вошли территории Западной Украины, Западной Белоруссии, Бессарабии, Литвы, Латвии и Эстонии. В связи с установлением новой границы возник комплекс многочисленных проблем гуманитарного и имущественного порядка. Естественно, что в такой ситуации сотрудникам НКВД неоднократно приходилось вступать в различные контакты с представителями германских спецслужб как Имперского управления безопасности (РСХА), так и пограничной полиции, входившей в его состав.

Это делалось только по поручению советского правительства. Прежде всего, при урегулировании пограничных инцидентов, при высылке из СССР арестованных германских граждан и при приеме высылавшихся из Германии советских граждан, при выполнении соглашений о переселении и эвакуации населения из по-

граничных зон, так как на территории СССР оказались граждане и этнические немцы, желавшие переселиться в Германию, а также их собственность. В свою очередь, на Западной Украине и в Западной Белоруссии было много поляков, бежавших от германских войск, а после окончания военных действий пожелавших вернуться к постоянному месту жительства, к своим родственникам и имуществу. В свою очередь, на оккупированной немцами территории находились украинцы, белорусы, русские, русины, литовцы и другие лица, желавшие переселиться в СССР. Для решения всех этих проблем правительствами СССР и Германии был подписан ряд соглашений и сформированы смешанные двусторонние комиссии.

Обе стороны были широко представлены в указанных комиссиях сотрудниками спецслужб. Это вполне естественно, так как те проблемы, которые вставали перед комиссиями, входили в их компетенцию. Например, проверка личности переселенцев и беженцев, выдача им разрешения на выезд или въезд, согласия на прием, их сбор и содержание в лагерях типа фильтрационных, организация перемещения через границу, персонального пограничного и таможенного контроля, в том числе за внешнеторговым грузооборотом в пограничных пунктах, изоляции и возвращения нежелательных лиц и т.д.

С другой стороны, сотрудникам советских спецслужб приходилось контактировать с представителями германских спецслужб при обеспечении безопасности визитов руководящих деятелей обоих государств — например, Риббентропа в Москву осенью 1939 г. и Молотова в Берлин в ноябре 1940 г., — а также различных делегаций двух стран. Совокупность всех этих контактов носила рутинный характер, не представляя собой ничего из ряда вон выходящего.

И тем и другим два граничащих между собой государства постоянно занимаются вне зависимости от сути господствующих в них общественно-политических систем, государственного устройства и политических режимов. Испокон веку это действительно рутинная практика. Подобного рода контакты и взаимодей-

ствие спецслужб разных, тем более граничащих между собой стран всегда были, есть и будут. Но делать из этого факта далеко идущие политические выводы, тем более столь очерняющего характера — нет ни малейшего основания. Надо обладать патологической склонностью к фальсификациям, чтобы подобные факты преподносить как некое доказательство сотрудничества между НКВД и РСХА, тем более в рамках некоей «дружбы, скрепленной кровью».

Потому как никакой «дружбы», тем более «скрепленной кровью», и уж тем более никакого иного сотрудничества между НКВД и РСХА не было и быть не могло по определению. Фактически с момента образования советско-германской границы и практически до нападения Германии на СССР на этой границе не было ни одного спокойного дня. В указанный период органы госбезопасности СССР раскрыли ***66*** резидентур германской разведки, разоблачили **1569** германских агентов, из них **1338** в западных областях Украины и Белоруссии, а также в Прибалтике. Кроме того, непосредственно на границе было обезврежено свыше **5000** германских агентов. Было разгромлено около 50 оуновских отрядов, подготовленных германской военной разведкой. На новых территориях вскрыто и ликвидировано многочисленное националистическое подполье, контактировавшее как с германской разведкой, так и со своими единомышленниками по другую сторону границы.

Практически ежедневно происходили кровавые стычки и инциденты между погранвойсками НКВД СССР и пограничной полицией РСХА. Только в 1940 году таких конфликтов произошло 235, в том числе и ожесточенные перестрелки. С обеих сторон имелись раненые и убитые. Чем ближе становилась дата нападения Германии на СССР, тем чаще происходили такие инциденты. Тем чаще засылались агенты разведки. Например, накануне войны только на минском направлении было задержано **211** разведывательно-диверсионных групп Абвера. Практически ежедневно нарушалась воздушная государственная грани-

ца. Порой дело доходило до того, что всего за недельный период таких нарушений насчитывалось свыше полусотни. Наконец, велась активная разведывательная деятельность.

При этом вовсе не следует полагать, что советские спецслужбы занимали пассивную позицию. Отнюдь. Все это имело взаимный характер. На невидимом фронте не бывает ни передышек, ни пассивных наблюдателей. Обе спецслужбы — НКВД и РСХА — исключительной активно противодействовали друг другу.

Так что о каком сотрудничестве между НКВД и РСХА в период после заключения Договора о ненападении можно говорить?!

Что **же до якобы заключенного между НКВД и РСХА некоего «антипольского соглашения»,** то этот миф был запущен в оборот в 1952 году оказавшимся на Западе польским генералом графом Т. Бор-Коморовским. Его суть сводится к тому, что-де в целях реализации положений секретного дополнительного протокола к Договору о дружбе и границе от 28 сентября **1939** г. между НКВД и гестапо было заключено некое «антипольское соглашение». Миф утверждает, что-де в соответствии с этим «соглашением» в марте 1940 г. в Кракове состоялось некое совещание «высочайших чинов НКВД и гестапо», на котором обсуждались совместные действиях этих спецслужб в борьбе с польским Сопротивлением, а также вопрос о судьбе интернированных в Советском Союзе польских офицеров. Более того, согласно мифу, выходит так, что-де по результатам этого совещания органами НКВД были уничтожены польские офицеры, захоронение которых было обнаружено в **1943** г. в Катыни.

Ни автор мифа, ни тем более записные его толкователи не могут назвать ни точной даты краковской встречи, ни лиц, принимавших в ней участие, ни конкретных пунктов достигнутых на них договоренностей. Тем более они не могут привести хоть какие-либо документальные свидетельства о совместных или хотя бы о скоординированных действиях НКВД и гестапо, ориентированных против польского Сопротивления.

Однако если покопаться в Политическом архиве министерства иностранных дел ФРГ, то практически все интересующее нас станет понятным.

Итак, 29—31 марта 1940 г. в Кракове действительно находились представители советской комиссии, а не какой-то «особой комиссии НКВД». Как и аналогичная германская, советская комиссия была образована на основе межправительственного соглашения. Она состояла из трех человек: В.С. Егнарова — председатель комиссии, капитан погранвойск НКВД СССР, И.И. Невский — член Советской главной комиссии по эвакуации беженцев, В.Н. Лисин — член местной комиссии. В ее задачи входило обсуждение ряда вопросов, связанных с организацией обмена беженцами, и подписание с представителями германской комиссии соответствующего протокола.

Германская делегация состояла из четырех человек: О.Г. Вехтер — губернатор Краковской области и председатель Германской главной комиссии, Г. Фладе — майор жандармерии и одновременно заместитель Вехтера в указанной комиссии, а также два представителя министерства иностранных дел Германии. В германской делегации были прикреплены представители и уполномоченные других ведомств рейха, однако в официальной части встречи, связанной с обсуждением и подписанием протокола, они участия не принимали.

Анализируемый миф исходит из того, что в германской комиссии присутствовали офицеры СС. Однако присутствие в ее составе лиц, имевших офицерские звания СС, вовсе не означало их автоматической принадлежности к гестапо или СД — в Третьем рейхе очень многие государственные служащие, в том числе даже и сотрудники МИДа, состояли в СС и носили соответствующую униформу (например, тот же Риббентроп). Имевшими офицерское звание СС в составе германской комиссии были председатель комиссии О.Г. Вехтер и представитель СД в звании гауптштурмфюрера СС (равнозначно войсковому званию капитана) К. Лишка. Согласно архивным германским документам, никаких лиц из гестапо в германской комиссии не было.

Таким образом, один из важнейших «столпов» мифа — «в совещании приняли участие высочайшие чины НКВД и гестапо» — рассыпался на глазах. Капитана погранвойск НКВД СССР, гауптштурмфюрера (капитана) СС и майора жандармерии к «высочайшим чинам НКВД и гестапо» отнести невозможно.

Что же до сути обсуждавшихся вопросов, то, согласно германским архивным документам, ни проблема польского Сопротивления, ни вопрос об интернированных в СССР офицерах бывшей польской армии во время совещания не поднимались и никак не затрагивались.

Подписанный 29 марта 1940 г. в Кракове советско-германский протокол явился дополнением к соглашению о переселении от 16 ноября 1939 года. В нем, в частности, с учетом накопленного в ходе переселения опыта уточнялись пункты последнего, а также была дополнена его первая статья применительно к проблеме беженцев, определен круг лиц, которые в качестве беженцев могли быть пропущены через границу к прежним местам проживания.

Ну и где тут обсуждение проблемы интернированных польских офицеров или координации борьбы с польским сопротивлением?!

Миф № 11. По приказу Сталина в Катыни были расстреляны тысячи пленных польских офицеров.

Миф был состряпан пресловутым министром пропаганды Третьего рейха И. Геббельсом. Существует с 1943 года. Впоследствии его развили Горбачев и Яковлев, а затем и Ельцин. Они оказали испокон веку русофобствующим полякам содействие в фабрикации так называемого Катынского дела. Как во время войны, так и в наше время миф принес колоссальный вред — тогда советско-польским, ныне российско-польским отношениям.

Даже краткий анализ этого мифа требует громадного количества страниц — иначе невозможно будет ни показать, ни тем более доказать, что это не просто

миф, а очень подлый и коварный миф. Поэтому единственный раз позволю себе привлечь внимание уважаемых читателей к необходимости тщательного изучения документально аргументированных книг современного исследователя Юрия Игнатьевича Мухина — **«Катынский детектив»** (М., 1995) и **«Антироссийская подлость»** (М., 2003). Без какого-либо преувеличения, с абсолютной исторической точностью Ю.И. Мухин блестяще доказал, что ни СССР, ни тем более НКВД СССР никакого отношения к расстрелу поляков в Катыни не имеют. **Это дело рук гитлеровских варваров!**

Книги Мухина — редчайший случай в межгосударственных отношениях. Дело в том, что, когда поляки уже изготовились получить от России грезившуюся им громадную денежную компенсацию, то выход этих книг в свет, особенно второй, нанес по всем польским планам на этот счет сокрушительный удар. А ведь 800 тысяч родственников нашлось у нескольких тысяч якобы расстрелянных НКВД польских офицеров! И ведь все клацали зубами, требуя компенсации. Но даже полякам с их испокон веку иррационально русофобствующими мышлением и памятью стало понятно, что польских офицеров расстреляли немцы и поэтому с России денег они не получат. Книга Ю.И. Мухина была рассмотрена даже в польском Сейме, депутаты которого выплеснули свое злобно разочарованное негодование Государственной Думе России. Польша вынуждена была замолчать. И это была высшая награда для автора. Мало кому из историков удается своим скромным трудом не только отбить бешеные атаки врагов Родины, но и, разбив их наголову, сберечь России громадные финансовые средства.

На моей памяти таких случаев всего два. Кстати, оба связаны с неправедными польскими претензиями к России. В 1970-х гг. выдающийся российский историк Вильям Васильевич Похлебкин в одиночку и во всемирном масштабе отбил бешеную атаку поляков, пытавшихся присвоить себе лавры первенства в изобретении столь любимой не только в России, но и во всем мире водки. Теперь вот такой же подвиг совершил Ю.И. Му-

хин. И все же, как говорят на Руси, взялся за гуж — не говори, что не дюж! И автор с удовольствием внесет посильный вклад в разоблачение этого подлого мифа.

Как указывалось выше, за период кратковременного действия советско-германских договоров о ненападении и о границе, органы госбезопасности СССР раскрыли 66 резидентур германской разведки на советской территории, разоблачили 1569 германских агентов, из них 1338 в западных областях Украины и Белоруссии, а также в Прибалтике. Кроме того, непосредственно на границе было обезврежено свыше 5000 германских агентов. Было разгромлено около 50 оуновских отрядов, подготовленных германской военной разведкой. Ни в одном из этих случаев не было захвачено каких-либо документов и ни разу ни от одного из арестованных шпионов не были получены сведения о том, что германская агентура хоть раз сообщала в Берлин что-либо хоть отдаленно напоминающее о расправе советских чекистов с польскими офицерами. Уж поверьте, если бы такой факт имел место, то тевтоны обыграли бы эту ситуацию в свою пользу. Когда, например, во время западного похода (разгром Франции) вермахт захватил документы, свидетельствовавшие о планировании Великобританией и Францией нанесения бомбовых ударов по советским центрам нефтедобычи и переработки на Кавказе и в Закавказье, тевтоны немедленно опубликовали их, поиздевавшись и над англо-французской коалицией, и над Москвой. А что могло бы им помешать осуществить такую же публикацию или провокацию, если бы они хотя бы приблизительно знали, что Советы расстреляли польских офицеров?! Да ничего! Они с удовольствием бы осуществили эту провокацию и немало поживились бы на этом — точно так же, как они это сделали в 1943 году!

Более того. Во время освободительного похода на Западную Украину и в Западную Белоруссию, советской разведкой были захвачены документы польской приграничной «пляцувки» (разведотделения), которая занималась разведкой в приграничных районах Советского Союза. Оказалось, что «пляцувка» имела аген-

туру не только на Украине (в Киеве), не только в Белоруссии (особенно в приграничных районах), но и даже в глубоком тылу СССР — в Сибири (в Новосибирске) и в Средней Азии (например, в Ташкенте). Часть из них была обезврежена. Другая часть сумела уйти из поля зрения органов госбезопасности СССР. В целом, конечно же, это промашка со стороны чекистских органов. Правда, на невидимом фронте бывают как успехи, так и неудачи. Таков уж он, этот невидимый фронт.

Но вот с точки зрения разоблачения подлого мифа о расстреле польских офицеров, напротив, слава Богу, что часть польской агентуры сохранилась. Потому как до нападения Германии на СССР ни один из польских агентов никогда не сообщал о чем-либо хотя бы отдаленно напоминающем факт якобы имевшей место расправы советских органов госбезопасности с пленными польскими офицерами. Если бы был хотя бы малейший признак этого, то, смею вас уверить, беспрецедентное русофобство руководства польской разведки автоматически взяло бы верх, и оно тут же по дипломатическим каналам стало бы кричать на весь свет, что-де большевики перестреляли их офицеров. Тем более что полякам было легко это сделать — потому как в ноябре 1939 года находившееся тогда в городке Анжер (на северо-западе Франции) эмигрантское правительство Польши (создано еще 30 сентября 1939 г.) официально объявило войну Советскому Союзу. Обвинить противника в жестокой расправе над военнопленными — к слову сказать, это идиотское объявление войны Советскому Союзу как раз и привело к тому, что из интернированных польские офицеры превратились именно в военнопленных — самое милое дело! Тут уж вся «дерьмократическая общественность» Запада завыла бы таким истошным воем, что не приведи Господь! Но ничего подобного поляки не сделали вплоть до 1943 г. Следовательно, подчеркиваю это вновь, у польской разведки не было ни малейшего сигнала на эту тему, потому как и самого такого варварского события не имело места быть. Пока из-за начавшейся войны эти польские офицеры не попали в руки гитлеровцев.

После начала Великой Отечественной войны находившееся в Лондоне руководство польской военной разведки пошло на сотрудничество с советской военной разведкой. В процессе первых же контактов выяснилось, что поляки располагали хорошо законспирированной агентурной сетью не только в самой Польше (а также почти во всех странах Европы), **но и на бывших польских территориях, которые в 1939 году были заняты войсками Красной Армии и в результате отошли к СССР.** Более того, оказалось, что поляки обладали действительно хорошими агентурными возможностями на этих территориях и были в состоянии добывать практически любые сведения о действиях гитлеровцев на оккупированных территориях, в том числе, естественно, и о передвижениях германских войск. Так вот, за весь период сотрудничества с советской военной разведкой руководство польской военной разведки ни разу не предъявило никаких претензий и уж тем более протестов в связи с якобы имевшим место расстрелом советскими органами госбезопасности. В связи с этим периодом сотрудничества необходимо отметить также и следующее. Во время переговоров в июле 1941 г. с советским послом в Лондоне И.М. Майским о заключении между СССР и Польшей пакта о военной взаимопомощи против гитлеровской Германии министр иностранных дел польского эмигрантского правительства Залесский встретил саму эту идею без особого энтузиазма. Но причиной его отсутствия было непонимание ими понятия «польское государство в его национальных границах». Сыр-бор на переговорах разгорелся только из-за того, что поляки пытались требовать восстановления границ своего государства по состоянию на 1 сентября 1939 года. Хотя им прекрасно было известно, что ни Великобритания, ни Франция их требования не поддерживают и, более того, считают, что никакого вопроса о возврате Польше Западной Украины и Западной Белоруссии и быть не может.

Главное же в том, что на переговорах не возникло даже тени намека на вопрос о якобы имевшем место расстреле советскими чекистами в 1940 г. польских

офицеров. Напротив, поляки откровенно требовали полного освобождения всех своих граждан, находившихся в советском плену. То есть, требуя их освобождения, поляки твердо знали, что Советы никого из этих пленных не расстреливали. По настоянию польской стороны и с санкции Сталина такая формулировка была отражена в особом протоколе к пакту (подписан 30 июля 1941 г.). Она гласила, что правительство СССР «предоставит амнистию всем польским гражданам, содержащимся ныне в заключении на советской территории в качестве ли военнопленных или на других достаточных основаниях» («Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», М., 1944, т. I, стр. 121). И когда в декабре 1941 года в Москве состоялась встреча польской делегации со Сталиным, то по данному вопросу Верховный Главнокомандующий ответил коротко, но ясно: «Мы освободили всех, даже тех, которые прибыли в СССР с вредительскими заданиями генерала Соснковского» (министр обороны в польском эмигрантском правительстве в Лондоне. — А. М.). То есть поляки и тут никак не поднимали тему якобы расстрелянных НКВД польских офицеров. А ведь любой визит любой правительственной делегации в иностранное государство априори обеспечивается информацией разведки. Тем более во время войны. Значит, и на тот момент польская военная разведка не располагала никакими сведениями на этот счет всего лишь по той причине, что советские чекисты попросту не устраивали такого варварства. Прекрасная агентурная сеть польской военной разведки на этих территориях в любом случае зафиксировала бы расстрел нескольких тысяч польских офицеров, тем более что польская разведка вела негласное наблюдение за ними. Подчеркиваю, что прямо или косвенно польская агентура узнала бы об этом и по радио (она практически вся была радиофицирована) сообщила бы своему руководству в Лондон. Но ничего подобного не было.

Ну, и, наконец, самые убойные аргументы в поддержку безукоризненно точной, исторически выверенной аргументации Мухина. 1. В направленном в

Генштаб и ГРУ **«Спецсообщении о подготовке Германией войны против СССР» от 3 июня 1941 г. разведотдел Западного особого военного округа** сообщил уникальную деталь, связанную с интернированными польскими офицерами. Было установлено, что забрасывавшаяся германской военной разведкой на советскую территорию агентура имела в том числе и задание выяснить, **«призываются ли в Красную Армию офицеры бывшей польской армии, если да, то, каково их отношение к этому мероприятию и их моральный облик»[1]. А ведь это означает, что в указанное время все интернированные/пленные польские офицеры были живы. То есть НКВД их не расстреливал! И германская военная разведка прекрасно знала об этом. Хочу обратить внимание на одно обстоятельство. Дело в том, что по существовавшим тогда правилам, между разведотделами западных приграничных военных округов и территориальными органами госбезопасности и погранразведкой существовала официальная практика интенсивного обмена информацией. Попавшие в сводку разведотдела ЗапОВО указанные выше сведения были получены войсковыми разведчиками именно от территориальных органов госбезопасности и от пограничников, так как борьба с забрасывавшейся вражеской агентурой — это их компетенция. 2. Германская военная разведка действительно твердо знала, что все польские военнопленные живы. Ибо, к сожалению (для предвоенной ситуации, но к счастью в связи с так называемым «Катынским делом»), была осведомлена о развернутом в приграничных военных округах интенсивном строительстве аэродромов, в котором польские военнопленные, включая и офицеров, активно использовались. Дело в том, что в соответствии с постановлением от 24 марта 1941 г. Совета Народных Комиссаров СССР и ЦК ВКП (б) в целях обеспечения боеспособности ВВС страны в новых условиях на НКВД СССР были возложены функции аэродромного строительства в западных пригранич-**

[1] РГВА Ф. 11 ЗА. Оп.1448. Д. 6. Л. Ш-187.

ных округах. Во исполнение данного постановления приказом **НКВД СССР № 00328** от *П* марта **1941** г. в составе **НКВД** было организовано Главное управление аэродромного строительства — ГУАС. Работы в ГУАС велись силами заключенных, приговоренных к исправительно-трудовым работам, а также польских военнопленных, в том числе и офицеров. Польские военнопленные работали на строительстве **11** объектов ГУАС в ЗАПОВО.

По состоянию на **15** июня **1941** года на объектах аэродромного строительства в западных приграничных округах использовались 225791 заключенный и **16371** польский военнопленный, в том числе и офицеры. Кто не верит, пусть заглянет в архивы: **ГАРФ.Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1165. Л. 60.** Вот почему германская военная разведка и ставила перед забрасывавшейся на советскую территорию агентурой такое задание — «призываются ли в Красную Армию офицеры бывшей польской армии, если да, то, каково их отношение к этому мероприятию и их моральный облик». Абвер достоверно знал, что все польские офицеры живы и используются советами на строительстве оборонительных объектов в западных приграничных округах, прежде всего, в ЗАПОВО! К глубокому сожалению, в суматохе и неразберихе первых мгновений войны польские военнопленные, в том числе и офицеры, попали в лапы к гитлеровцам...

Ну, и до каких же пор Великая Россия будет терпеть оскорбительные нападки взбесившихся от безнаказанности польских руковадителей?! До каких же пор официальной Варшаве будет позволено оскорблять Советский Союз и его правоприемницу — Российскую Федерацию?! Сколько же еще нужно фактов и доказательств, чтобы раз и навсегда заткнуть русофобствующие глотки в Варшаве?! Да и не только там. Не пора ли жестко, а там где нужно — и с применением жестких мер отстаивать честь и достоинство Величайшей Державы Мира?!

Кроме того, не пора ли соответствующим органам исполнительной власти РФ с применением уго-

ловного законодательства разобраться с главными фальсификаторами «Катынского дела» за причинение колоссального ущерба Советскому Союзу и его правоприемнице Российской Федерации в сфере советско-польских, а затем и российско-польских отношений?! Ведь имена всех этих фальсификаторов хорошо известны.

Миф № 12. Сталин был интендантом Гитлера.

Один из мифов, запущенных лично Троцким еще в 1939 году. Написанная им в Койоакане (Мексика) в 2 часа ночи 2 сентября 1939 года статья так и называлась — **«Сталин — интендант Гитлера».** Вдребезги свихнувшийся на зоологическом русофобстве и антисталинизме проклятый «бес мировой революции» попытался таким образом раскритиковать заключенные в августе 1939 г. между Германией и СССР торгово-экономическое соглашение и Договор о ненападении. Брехня Троцкого основана на полном незнании сути советско-германского торгово-экономического соглашения, на неукротимом желании в очередной раз облить грязью Сталина и СССР.

Как Сталин мог быть «интендантом Гитлера», поставляя ему рыбьи пузыри, пух и перо?! Как он мог быть интендантом фюрера, если взамен вывозил из Германии новейшее промышленное оборудование, станки, новейшую военную технику, самолеты, корабли и т.д.?! В сущности-то, это такой же бред, что и «ковка фашистского меча» в СССР. Кто, кому, как и на какой «наковальне» ковал меч — об этом уже говорилось выше.

Миф № 13. Сталин встречался с Гитлером.

Миф об этом якобы факте гуляет еще с довоенных времен. В нашей стране его реанимировал печально известный Э.С. Радзинский на с. **474**—475 книги **«Ста-**

лин» (М., 1997). В его «интертрепации» миф выглядит так. Якобы в 1972 г. какой-то старый железнодорожник в г. Львове рассказал ему, что-де в октябре 1939 г. на вокзал указанного города прибыл какой-то поезд, из-за которого была выставлена никого не пропускавшая охрана и сорван график движения поездов. Якобы это произошло 16 октября 1939 г. — старый железнодорожник, дескать, точно помнил эту дату. На это была «насажена весточка» из «Комсомольской правды», опубликовавшей (непонятно когда) фотокопию сенсационного документа, найденного в Национальном архиве США:

«19 июля 1940 года. Лично и конфиденциально уважаемому Адольфу Бер лу-младшему, помощнику Государственного секретаря... По только что поступившим данным из конфиденциального источника информации, после немецкого и русского вторжения в Польшу и ее раздела Гитлер и Сталин тайно встретились во Львове 17 октября 1939 года. На этих тайных переговорах Гитлер и Сталин подписали военное соглашение взамен исчерпавшего себя пакта... Искренне Ваш Дж. Эдгар Гувер»[1].

Соединив «ужа» с «ежом», доморощенный «мичуринец» от мистификаций выстроил уже свою версию, в подтверждение которой привел такое доказательство. Что-де в журнале учета посетителей Сталина в его кремлевском кабинете указано, что 16—17 октября 1939 г. он находился на работе, **а вот 18 октября отсутствовал и 19 октября до 20 ч. 25 мин. тоже отсутствовал.**

Перед нами очень тонкая, пожалуй, даже изысканно тонкая мистификация. Но чего ради профессионального драматурга, в те годы театрального сценариста, к тому же всерьез не интересовавшегося еще политикой и историей, потянуло на беседу со старым

[1] Директор Федерального Бюро Расследований США. Документ был рассекречен в декабре 1979 г.

железнодорожником, да еще и во Львове?! В деяниях типа «хождение в народ» Эдвард Станиславович никогда замечен не был.

Обратите внимание на главное. Даже в «интертрепации» Радзинского старый львовский железнодорожник никак не упомянул Сталина. Нет даже тени намека на тень намека. Кстати, услышав такую сенсацию, тем более по тем временам, Радзинский тем не менее не потрудился над тем, чтобы запомнить имя «славного» львовского железнодорожника?! А ведь такие сенсации первому встречному с порога не выкладывают. Следовательно, он долго с ним болтал. Если болтал, конечно. Соответственно имя железнодорожника должно было быть известно Радзинскому. Да и вообще, чтобы добиться такого расположения собеседника к себе, необходимо как минимум, опрокинуть не менее трех стаканов водки. Иначе разговора не получится. Тем более между «москалем» Радзинским и жителем Львова. В тех краях никогда симпатиями к «москалям» не отличались.

Итак, железнодорожник оперировал датой 16 октября, американский «документ» — 17 октября, а сам Радзинский — 18 и 19 октября (до 20 ч. 25 мин.). Однако драматург на то и драматург, чтобы не понимать простых технических деталей железнодорожного транспорта. Если по данным самого же Радзинского Сталин 16 и 17 октября находился в Кремле, 18-го отсутствовал, а уже в 20 ч. 25 мин. 19 октября возобновил прием посетителей, то каким же образом он мог столь быстро съездить во Львов и вернуться обратно?! Ведь даже сегодня, когда ж.-д. транспорт электрифицирован, а курьерская скорость поездов практически в 1,5—2 раза превосходит тогдашние, все равно требуется не менее полутора суток, чтобы добраться до Львова. А по тем временам даже при наличии «зеленой улицы» для литерного поезда Сталина все равно необходимо было не менее двух суток, чтобы добраться только в одну сторону. Значит, на все нужно было не менее четырех суток плюс не менее половины дня на встречу с перерывом на обед и прочие формальности.

Но эта деталь — ничто по сравнению с другой технической деталью. Драматург на то и драматург, чтобы наличествующей в его голове антисталинской заумью не сообразить, что железная дорога советского Львова и тогда только что приобретенного Лемберга являли собой, как говорят в Одессе, две большие разницы. Колея ж.-д. в Лемберге в тот момент была меньше советской. Она была европейской и досталась Лембергу со времен Австро-Венгерской империи. Даже ради Сталина за полтора-два дня железнодорожные войска не смогли бы «перешить» ж.-д. колею на советские 1520 мм, тем более на протяжении нескольких сотен километров. На всех вошедших в состав СССР в 1939—1940 гг. территориях — от Прибалтики до Западной Украины — железные дороги до войны не «перешивались». У государства не было необходимых для этого лишних 9 миллиардов рублей. «Перешивка» началась только в 1944—1945 годах, когда эти территории были освобождены от гитлеровцев.

Ну и как же Сталин должен был попасть во Львов?! Ведь самолетом в то время он не летал! Каким образом он должен был столь быстро возвратиться в Москву, чтобы в 20 ч. 25 мин. 19 октября вновь начать прием посетителей?! Да и зачем ему, с дороги, уставшему от путешествия сразу же бежать в Кремль?! Кому и что доказывать!

Но это еще не все. С 16 октября 1939 г. начала официально функционировать советско-германская граница — именно в этот день она была передана под охрану пограничными войсками НКВД СССР. Львов же находился не у самой границы, а на значительном удалении от нее. Чтобы прибыть туда, Гитлер должен был бы официально пересечь советско-германскую границу. Как-никак, но лицом-то он был не просто официальным, а первым — фюрер германской нации, рейхсканцлер, президент и верховный главнокомандующий. Даже в те времена, когда не было систем космического слежения за наземными объектами, передвижения первых лиц ведущих держав мира весьма жестко от-

слеживались всеми заинтересованными сторонами. Однако нигде, ни в каких германских или советских архивах нет даже иллюзорной тени намека даже на иллюзорную тень хоть какого-либо правдоподобия такого, с позволения сказать, «факта». Ничего подобного нет и в архивах Великобритании и Франции. А ведь многоопытные разведки этих государств еще с августа 1939 г. стояли буквально на ушах в попытках получения достоверной информации о действиях Германии и Советского Союза. ЦРУ в то время не существовало даже в зародыше. А потуги Э. Гувера образца 1940 г. разыгрывать из себя аса мирового шпионажа ничего, кроме иронической улыбки, вызвать не могут.

Оно и неудивительно. Хотя бы потому, что в эти дни Сталин никуда из Москвы не выезжал. Дело в том, что в соответствии с пактом о взаимопомощи между СССР и Эстонией от 28.IX.1939 г., **18** и **19** октября **1939** г. осуществлялся ввод ограниченного контингента советских войск на территорию Эстонии. В столь ответственный момент Сталин физически не мог оставить свой пост. Тем более что в это же время в Москве находилась еще и официальная латвийская делегация во главе с министром иностранных дел Латвии В. Мунтерсом, с которой решались технические вопросы аналогичного ввода советских войск в Латвию. А без Сталина такие вопросы не решались.

Наконец, обратите внимание на несуразность «квинтэссенции» информации Э. Гувера — якобы **«на этих тайных переговорах Гитлер и Сталин подписали военное соглашение взамен исчерпавшего себя пакта».** Это сущая ерунда. Во-первых, с чего этого неуместно именуемый пактом Договор о ненападении от 23 августа 1939 г. вдруг «исчерпал себя»?! Советско-германский Договор о ненападении от 23 августа 1939 г. в то время никто не дезавуировал и не аннулировал. Напротив, в его развитие 29 сентября 1939 г. официально было сообщено о подписании еще и советско-германского Договора о дружбе и границе. Во-вторых, ни о каком военном соглашении с нацистской Германией тогда и речи-то не было. В помине не было. Даже иллюзорной тени

намека на это и то не было. Даже в секретном и доверительном протоколах к этому договору. С чего американскому информатору причудилось все это?

Ну и последнее. В 1990-х гг. на страницах прежде всего «желтой» прессы стали мелькать всевозможные фантастические сообщения о якобы имевших место иных встречах Гитлера и Сталина. Например, якобы чудом выжившие при «проклятом тоталитаризме», но натурально выжившие из ума старички вдруг хором стали вспоминать о том, что-де Сталин еще в начале 1930-х гг. встречался с Гитлером на борту своей яхты, курсировавшей в Черном море. Один из них договорился даже до того, что всю команду яхты Сталин якобы приказал расстрелять и скинуть трупы за борт, а он, бедолага, вопреки приказу «тирана» чудом выжил. Вот такими ужастиками и страшилками демократическая «желтая» пресса стращала народ «нехорошим» Сталиным.

Миф № 14. Сталин спровоцировал нападение на Финляндию.

Собственно говоря, ранее этот миф существовал в форме известного выражения поэта А.Т. Твардовского **«незнаменитая война».** Антисталинские выдумки на эту тему превратились в интенсивно эксплуатируемый миф уже на наших глазах. То ли по собственной инициативе, то ли, что, скорее всего, с помощью иностранных подачек, но в последние два года об этом интенсивно забормотали «демократические историки» современной России. Формально для этого был повод — 65-летие окончания советско-финляндской войны, которое имело место в 2005 году. Вполне естественно, что «демократическое» бормотание «либеральных историков», не зависящих ни от чести, ни от совести, ни от элементарного патриотизма, вынудило ряд современных честных, объективных, действительно державно мыслящих историков дать ответный бой всему этому вранью «демократов». Если суммировать все их аргументы, то получится весьма интересный ос-

новополагающий вывод. **В возникновении советско-финляндской войны 1939—1940 гг. виноваты прежде всего русские цари, особенно Александр I. За его недальновидный либерализм пришлось отвечать Советскому Союзу через 130 лет.**

Как известно, в соответствии с Фридрихсгамским мирным договором от 5 (17) сентября 1809 г., которым завершилась последняя русско-шведская война, вся территория Финляндии отошла к России. За век с лишним пребывания в составе Российской империи бывшая шведская провинция, население которой — финские племена — никогда не имели ни собственной государственности, ни административной автономии в составе шведского королевства, ни даже культурной автономии, усилиями непонятно чем руководствовавшихся российских монархов превратилась практически в автономное государство, обладающее всеми необходимыми атрибутами. Прозванное Великим княжеством Финляндским, оно получило государственные органы власти, денежную единицу, свою армию, почту и таможню, а с 1863 года еще и государственный язык — финский. Но это еще полбеды, хотя и является ярчайшим доказательством того, что никакой русификации, о которой финские националисты, не имело места быть.

Основная беда заключалась в том, что по решению Александра I от 11 (23) декабря 1811 года в состав Великого княжества Финляндского была передана Выборгская губерния. В результате административная граница Финляндии оказалась вплотную придвинута к Санкт-Петербургу. К моменту провозглашения независимости — 23 ноября (6 декабря) 1917 г. — и ее признания советским правительством 18 (31) декабря 1917 г. финны уже привыкли к огромности своей территории, начисто позабыв, что значительная часть территории Финляндии была подарена русским царем. С этого все и началось.

Затем в обеих странах была Гражданская война, в которой обе стороны зарекомендовали себя, мягко выражаясь, далеко не самым лучшим образом. Но, воспользовавшись слабостью Советов, «горячие фин-

ские парни» успели отхватить большие куски русской территории. А поскольку за их спиной стояла Антанта, Советам осталось только утираться. Но долго это не могло продолжаться.

К концу 1930-х гг., особенно в 1939 г., резко обострился вопрос безопасности Санкт-Петербурга, носившего тогда название Ленинград. Ведь граница чуть ли не по предместьям Питера проходила. На протяжении 1930-х гг., особенно в 1937, 1938 и 1939 гг., Советский Союз многократно пытался урегулировать этот вопрос дипломатическим путем, дойдя в конце концов до фантастического предложения об обмене громадного по площади куска советской территории на клочок земли, чтобы отодвинуть границу подальше от Ленинграда. Об этом свидетельствует карта советских предложений об обмене территориями. Однако, откровенно науськиваемая западными странами, особенно Великобританией, Францией и Германией, Финляндия ни в какую не соглашалась ни с одним из советских предложений и, более того, даже не желала вести переговоры, даже предварительные. С большим трудом переговоры все-таки были начаты в октябре 1939 года в Москве. В переговорах участвовал лично Сталин. Финляндии было предложено заключить с Советским Союзом оборонительное соглашение, начисто отвергнутое финляндской стороной.

Советский Союз предложил решить чисто военные вопросы, такие как перенос границы на Карельском перешейке на запад с таким расчетом, чтобы к Советскому Союзу отошло северное побережье Кронштадтского залива. Финской стороне было предложено уступить, в том числе и на условиях длительной аренды, небольшую часть полуострова Ханко или любой остров на крайнем юго-западе Финского залива, чтобы можно было создать военно-морскую базу, которая закрывала бы вход в Финский залив. В обмен на уступку на Карельском перешейке Советский Союз предложил вдвое большую территорию советской Карелии. **Просил 2761 кв. км на Карельском перешейке, предлагал 5529 кв. км!** Как и прежде, ни одно из выдвину-

тых предложений не было принято финляндским правительством к рассмотрению. Все они были отвергнуты без рассмотрения, причем под такими надуманными предлогами, что финляндское правительство полностью скрывало мотивировки своих отказов от советских предложений как от общественности, так и от парламента Финляндии.

Но в это же время правительство Финляндии уже осуществляло скрытую мобилизацию, которая, по агентурным данным советской разведки, началась с 10 октября 1939 г. Кстати, заметьте, что советско-финляндские переговоры начались в Москве 12 октября, а скрытая мобилизация в Финляндии — еще 10 октября.

Во время дипломатического приема 6 ноября 1939 года в советском посольстве только что приступивший к работе в Хельсинки новый резидент Елисей Синицын в беседе с Хелениусом — губернатором Ньюландской губернии, куда входит и столица Финляндии, — выяснил, что скрытая мобилизация в стране действительно идет уже давно. На восток без особого шума перевозят новобранцев из западных и центральных губерний. А вскоре открыто объявят мобилизацию, и солдат из южных губерний будут размещать вдоль побережья Финского залива. Еще через пять дней, то есть 11 ноября 1939 г., от принятого на связь агента «Граф» резидент получил дополнительную информацию об осуществляемой в Финляндии мобилизации, о размещении войск на Карельском перешейке, об эвакуации всего населения из поселков и деревень на этой территории. Обо всем этом он сообщил в Москву.

Сразу же позвольте обратить внимание на следующее. По тогдашним понятиям, **мобилизация — это война.** Даже скрытая, которая осуществлялась в стране с 10 октября 1939 г. Советская разведка уже в начале второй декады ноября располагала сведениями о том, что правительство Финляндии объявит открытую мобилизацию. Что оно и сделало, едва только делегация Финляндии сорвала переговоры в Москве и 16 ноября возвратилась в Хельсинки.

Считается, что советско-финляндская война началась с артиллерийского инцидента в районе деревушки Майнила. Согласно советской версии этого инцидента, 26 ноября 1939 года в 15 ч. 45 мин. финская артиллерия в районе Майнилы выпустила семь снарядов по позициям 68-го стрелкового полка на советской территории. Были убиты три красноармейца и один младший командир. По другим данным, было убито три красноармейца и шесть ранено. Ныне все стремятся ёрнически относиться к советской версии этого инцидента. Доходит до того, что эту акцию приписывают неким спецподразделениям НКВД. Самое спокойное мнение на этот счет состоит в том, что-де **«инцидент в Майниле еще ждет своих исследователей. Это очень интересная проблема для... узких военных специалистов».** Трудно не согласиться с тем, что это интересная проблема. Но невозможно согласиться с тем, что она интересна только для узких военных специалистов. Как, впрочем, и с тем, что еще только предстоит расследовать эту проблему.

Подкрепленные данными из советских и финских архивов подлинные факты реальной истории свидетельствуют о том, **что тайна этого инцидента фактически уже раскрыта.** И отнюдь не в пользу Финляндии. А соответственно одновременно рушится и миф о том, что-де Сталин развязал агрессию против «маленькой, беззащитной Финляндии».

Итак, 26 ноября 1939 г. в 15.45 состоялся обстрел финской артиллерией позиций советского полка.2 7 ноября наркомат иностранных дел СССР от имени Советского правительства обратился с нотой протеста к правительству Финляндии и потребовал отвода финских войск от границы на расстояние до 20—25 км. При этом в ноте Советского правительства говорилось также и следующее: **«Советское правительство не намерено раздувать этот возмутительный акт нападения со стороны частей финской армии, может быть, плохо управляемых финским командованием. Но оно хотело бы, чтобы такие возмутительные факты впредь не имели места».** Как, очевидно, и следовало ожидать, правитель-

ство Финляндии начисто отрицало факт обстрела советской территории и предложило отвести на эти самые 20—25 км от границы не только финские, но и советские войска. Это было форменным издевательством над СССР, так как предложение финнов означало вывод всех советских войск из Ленинграда!

29 ноября 1939 г. от имени Советского правительства наркомат иностранных дел СССР вручил посланнику Финляндии в Москве ноту о разрыве дипломатических отношений между Советским Союзом и Финляндией. 30 ноября **1939** г. президент Финляндии К. Каллио официально объявил войну Советскому Союзу. В 8 часов утра того же дня войска Ленинградского военного округа получили приказ перейти границу с Финляндией.

Обратите внимание на то, что действия Советского Союза были четко адекватными международному праву. Сначала была нота протеста. При этом Советский Союз прямо указал на то, что не намерен раздувать инцидент. Финляндия ничего не признала. Затем последовал разрыв дипломатических отношений. И только после этого приказ войскам. Причем СССР войны Финляндии не объявлял. Финляндия же, напротив, войну объявила официально. А это означает, что Финляндия готовилась к войне, причем отнюдь не к оборонительной, а именно же наступательной, сколь странно это ни показалось бы, исходя из несопоставимых масштабов СССР и Финляндии. Скрупулезная работа смешанной комиссии российских и финских историков в финских архивах показала, что все обстояло именно так.

В военном архиве Финляндии сохранились оперативные планы финской армии, которые однозначно свидетельствуют о том, что это были планы именно наступательной, агрессивной войны!

Из их содержания следует, что «предполагалось сразу после нападения **СССР** перейти в наступление и занять ряд территорий, прежде всего в Советской Карелии»! Именно этим-то и была обусловлена скрытая мобилизация в Финляндии, которая началась еще 10 октября. Единственное, чего недоставало финскому пла-

ну наступательной агрессивной войны — так это факта нападения Советского Союза на Финляндию. Потому что иначе гарантировавшие Финляндии помощь Великобритания, Франция и Германия не смогли бы выступить на ее стороне. Хуже того. В противном случае Финляндии пришлось бы держать ответ в Лиге Наций. Кстати говоря, когда «зимняя война» завершилась, один из агентов резидентуры советской внешней разведки в Хельсинки — **«Монах» — однозначно подтвердил, что на провоцирование войны с СССР Финляндию толкнули Великобритания и Франция, которые официально обещали помощь добровольцами и оружием, а также закрыть глаза на аннексию Финляндией советской территории вплоть до Урала!**

Вот именно ради этого-то и была осуществлена артиллерийская провокация в Майниле. И то, что это была провокация, подтвердил лично «фюрер» Финляндии — Карл Густав Маннергейм. **Из его мемуаров однозначно вытекает, что не СССР, а именно же Финляндия встала на тропу войны.** Посмотрите, что и как происходило.

Приглашение прибыть в Москву на переговоры Кремль сделал 5 октября. А уже 6 октября финские войска стали выдвигаться на исходные рубежи. Это было четко зафиксировано советскими разведслужбами. 10 октября в Финляндии началась не только скрытая мобилизация, но и эвакуация жителей из приграничной зоны. 11 октября, то есть в день прибытия финской делегации в Москву, в Финляндии была объявлена мобилизация резервистов. И пока Сталин более месяца пытался нормальным языком уговорить финскую делегацию серьезно рассмотреть солидные советские предложения, финская сторона осуществила полную эвакуацию населения из приграничной зоны, успешно провела мобилизацию и довела численность своей армии до 500 тысяч человек. Маннергейм так и указывает в своих мемуарах, что-де **«первый раунд был за нами** (т.е. Финляндией. — *А.М.).* **Как войска прикрытия, так и полевую армию мы смогли вовремя и в прекрасном состоянии перебросить к фронту** (обратите внимание — боевых действий еще ни одна из сторон не начинала, а

Маннергейм, описывая действия в предшествовавший 26 ноября период, употребил термин военного времени — «фронт». — А. М.). **Мы получили достаточно времени — 4—6 недель — для боевой подготовки войск, знакомства их с местностью, для продолжения строительства полевых укреплений, подготовки разрушительных работ, а также для установки мин и организации минных полей».** Кстати, о минировании, например, территориальных вод Финляндии ее правительство объявило еще 25 октября.

Далее не хватало только искры. Ее не хватало хотя было простой причине, что финское командование находилось под «обаянием» германской стратегии превентивной войны, один из основных вариантов которой предусматривал провоцирование противоположной стороны на ответный удар на какую-либо провокацию, что позволяло представить спровоцировавшую конфликт сторону в качестве «жертвы агрессии», но тут же перейти от обороны к наступлению. Автором этого варианта был один из наиболее авторитетных военных теоретиков и практиков германского генералитета, впоследствии, при нападении на СССР, командующий группы армий «Север» фон Лееб. Именно этот замысел и был отражен в финских военных планах, о чем говорилось выше. Правда, другие финские документы засвидетельствовали, что **«командование финляндской армии окончательно отказалось от этих планов лишь через неделю после начала "зимней войны", поскольку группировка Красной Армии на этом направлении оказалась неожиданно мощной».** То есть все-таки попытались реализовать именно вышеописанный сценарий. Просто не вышло.

К. Маннергейм четко проговорился, что провокация в Майниле — это его рук дело. Отмечая в своих мемуарах, что обстановка в ноябре 1939 г. была беспокойной и накалялась с каждым днем, Маннергейм указал, что «поставил войскам задачу на оборону предполья большими силами » и — внимание — в то же время якобы забрал у них всю артиллерию, но прислал туда инспектора артиллерии! Образованнейший офицер российской импера-

торской армии — и такую глупость отморозил! Выдающееся светило военной науки — К. Клаузевиц — помнится, говаривал, что «военное дело просто и вполне доступно здравому уму человека. Но воевать сложно». Так вот, перефразируя самого К. Клаузевица, не только воевать, но и особенно **врать впоследствии очень сложно.** И К. Маннергейм это подтвердил на все 100 % не только вышеприведенной глупой ложью. Это глупая ложь хотя бы по той простой причине, что резидент советской разведки Елисей Синицын лично осуществлял визуальную разведку подготовки финских войск к войне, проехав на автомашине вдоль Карельского перешейка к советской границе. Советский резидент собственными глазами видел, что, вопреки мемуарным утверждениям Маннергейма, еще **25 ноября финские войска с большим количеством артиллерии двигались не от границы, а к границе!** 28 ноября 1939 года он лично докладывал об этом Сталину и Политбюро ЦК ВКП(б).

Более того. В своих мемуарах Маннергейм указывает, что 26 ноября 1939 года он лично побывал на Карельском перешейке в связи с происшедшим инцидентом. Однако Советский Союз вручил ноту протеста только 27 ноября. До этого дня никто в мире и не знал, что там произошел артиллерийский инцидент. **Кроме, естественно, того, кто его организовал и тех, кто пострадал. И Карл Густав Маннергейм собственным же пером признал, что лично был причастен к этой провокации. Иначе что ему было делать 26 ноября на месте тех самых событий, которые в итоге и стали детонатором «зимней войны». Ай да Маннергейм! Надо же было так проговориться!**

Но при чем тут Сталин?!

Миф № 15. Сталин направил Молотова в Германию для того, чтобы обсудить с Гитлером сепаратный раздел мира на сферы влияния.

Миф был запущен в оборот в конце ушедшего века, когда стали известны детали визита Молотова в Герма-

нию в ноябре 1940 года. Главным образом, когда открылись ранее секретные архивы, в том числе и архив Молотова. Тогда для исследователей стала доступна хранившаяся в нем и озаглавленная как **«Некот. [орые] дир.[екти] вы к берл.[инской] поездке»,** сделанная лично Молотовым 9 ноября 1940 г. запись указаний Сталина перед визитом в Германию. Содержание записи свидетельствует о том, что Молотов записал основные, остро интересовавшие тогда Советский Союз международные темы, по которым Вячеслав Михайлович должен был осуществить прощупывание позиций Германии. Первый же пункт записи так и начинается: «1. Цель поездки: а) Разузнать действительные намерения Г. и всех участников Пакта 3-х (Г., И., Я.)». Речь шла о планах держав оси Берлин—Рим—Токио. Далее, в 10 пунктах расписаны темы, по которым следовало осуществить зондаж, и в каком направлении его вести. Ныне этот, ранее секретный клочок бумаги пытаются выдать за некие, едва ли не на грани инструкций указания Сталина Молотову по организации сговора с Гитлером. На эту тему было немало публикаций, среди которых особенно выделяются интерпретации Льва Безыменского.

Никто из «упражнявшихся» на эту тему даже и не пожелал уточнить, что в этой истории к чему. Между тем дело в том, что к моменту визита Молотова по донесениям разведки Сталину было известно следующее. Что по инициативе британского герцога Бедфордского и ряда других влиятельных представителей английской элиты с конца августа 1940 г. в Женеве начались конфиденциальные переговоры между эмиссаром Р. Гесса в лице Альбрехта Хаусхофера и уполномоченными лицами с британской стороны. Более того, Сталину точно было известно, что британские представители обусловили готовность Великобритании к установлению мира с Германией эвентуальным согласием со стороны последней на расторжение Договора о ненападении с СССР от 23 августа 1939 г.!

Сталин был в курсе того, что Гитлер планировал отложить начало конкретных переговоров о мире с Англией до занятия Балкан, ибо в этом случае Вели-

кобритания была бы сговорчивей, так как основные морские коммуникации, связывавшие Англию с колониями, оказались бы под германской угрозой. С другой стороны, столь же точно было известно, что У. Черчилль, а именно он тогда был премьер-министром, приказал британской разведке разжечь пламя войны в Европе, чтобы оно непременно перекинулось на СССР.

Именно поэтому Сталин и поручил Молотову едва ли не на грани фола прозондировать намерения и позицию нацистского руководства. В том числе и за счет осторожного «разыгрывания» некоторых из особо привлекательных для Гитлера геополитических карт.

Тут вот что следует иметь в виду. С середины 20-х гг. Сталин методично «вышивал» непробиваемый «бронежилет» для СССР в виде системы перекрещивавшихся между собой двусторонних Договоров о ненападении и нейтралитете со всеми основными государствами Западной Европы, а также соседями по периметру своих границ, особенно западных, северо-западных и южных, а затем и восточных. Однако с приводом Гитлера к власти Сталин вынужден был осознать и то, что Запад умышленно помогает коричневому шакалу в пробивании этого «бронежилета» безопасности СССР. Ответ с его стороны был чисто сталинским как по духу, так и особенно по смыслу. Применительно к новым задачам обеспечения безопасности СССР в условиях до крайности враждебного капиталистического окружения творчески была переработана суть формулы геополитического шантажа по Хаусхоферу. Сталин хорошо знал его эффективность.

С 23 августа 1939 г., то есть с момента подписания Договора о ненападении с Германией, в «редакции» Сталина она приобрела, в совокупности с отточенно наиточнейшими нюансами, следующий смысл.

СССР с Германией, а, по мере необходимости и в интересах собственной безопасности, и с ее союзниками тоже, ровно настолько, насколько западные демократии не столько с СССР, сколько против него. Но не более того, чтобы тем самым хотя бы оттянуть как минимум на какое-то время фатально неминуемое столкновение с Германией, неизбежность

которого предрешало постоянное и целенаправленное провоцирование Западом Германии к нападению на СССР.

Только в рамках этой формулы и становится понятной вся внешняя политика Сталина в 1939—1941 гг. (до 22 июня). Только благодаря этой формуле, которую он никогда не демонстрировал полностью — только поэлементно, отдельными, соответствующими тому или иному моменту и способными решить ту или иную задачу нюансами, — можно понять все его действия в указанный период.

Зондаж удался — Молотов смог тщательно прощупать позицию фюрера. Уже 17 ноября 1940 г. в письме советскому полпреду в Лондоне И.М. Майскому Молотов, излагая итоги визита, указывал, что советское руководство расценило немецкие предложения как неприемлемые, потому как практически ни одного вопроса не удалось решить в пользу Советского Союза. В частности, не была решена проблема вывода германских войск из Финляндии. Молотов также указывал, что от имени СССР он стремился воспрепятствовать Германии прибрать к рукам Турцию, предпочитая разрешить вопрос о режиме черноморских проливов в процессе советско-турецких переговоров без посредников, а также посчитало неуместными советы Германии «толкнуть» СССР в сторону Персидского залива и Индии.

Как Сталин оценил итоги визита Молотова, он лично показал на заседании Политбюро 18 ноября 1940 г.:

«В переписке, которая в те месяцы велась между Берлином и Москвой, делались намеки на то, что было бы неплохо обсудить назревшие вопросы с участием высокопоставленных представителей обеих стран. В одном из немецких писем прямо указывалось, что со времени последнего визита Риббентропа в Москву произошли серьезные изменения в европейской и мировой ситуации, а потому было бы желательно, чтобы полномочная советская делегация прибыла в Берлин. В тех условиях, когда Советское правительство неизменно выступает за мирное урегулирование международных проблем, мы ответили положительно на германское предложение о проведении в ноябре этого года совещания в Берлине. Стало быть, поездка в Бер-

лин советской делегации состоялась по инициативе Германии. Как нам известно, Гитлер сразу же после отбытия из Берлина нашей делегации громогласно заявил, что "германо-советские отношения окончательно установлены"!

Но мы хорошо знаем цену этим утверждениям! Для нас еще до встречи с Гитлером было ясно, что он не пожелает считаться с законными интересами Советского Союза, продиктованными требованиями безопасности нашей страны. Мы рассматривали берлинскую встречу как реальную возможность прощупать позицию германского правительства.

Позиция Гитлера во время этих переговоров, в частности его упорное нежелание считаться с естественными интересами безопасности Советского Союза, его категорический отказ прекратить фактическую оккупацию Финляндии и Румынии — все это свидетельствует о том, что, несмотря на демагогические заявления по поводу неущемления "глобальных интересов" Советского Союза, на деле ведется подготовка к нападению на нашу страну. Добиваясь берлинской встречи, нацистский фюрер стремился замаскировать свои истинные намерения...

Ясно одно: Гитлер ведет двойную игру. Готовя агрессию против СССР, он вместе с тем старается выиграть время, пытаясь создать у Советского правительства впечатление, будто готов обсудить вопрос о дальнейшем мирном развитии советско-германских отношений».

Далее Сталин говорил о лицемерном поведении гитлеровской верхушки в отношении Советского Союза, о позиции Англии и Франции во время летних московских переговоров 1939 г., когда они были не прочь натравить Германию на СССР.

«Именно в то время, — подчеркнул Сталин, — нам удалось предотвратить нападение фашистской Германии. И в этом деле большую роль сыграл заключенный с ней пакт о ненападении... Но, конечно, это только временная передышка, непосредственная угроза вооруженной агрессии против нас лишь несколько ослабле-

на, однако полностью не устранена. В Германии действуют в этом направлении мощные силы, и правящие круги рейха не думают снимать с повестки дня вопрос о войне против СССР. Наоборот, они усиливают враждебные против нас действия, как бы акцентируя, что проблема нападения на Советский Союз уже предрешена. Спрашивается, а какой был смысл разглагольствований фюрера насчет планов дальнейшего сотрудничества с Советским государством? Могло ли случиться, что Гитлер решил на какое-то время отказаться от планов агрессии против СССР, провозглашенных в его "Майн кампф"? Разумеется, нет! История еще не знала таких фигур, как Гитлер. В действиях Гитлера не было единой целенаправленной линии. Его политика постоянно перестраивалась, часто была диаметрально противоположной. Полная путаница царила и царит в теоретических положениях фашизма. Гитлеровцы называют себя националистами, но фактически являются партией империалистов, причем наиболее хищнических и разбойничьих среди всех империалистов мира.

"Социализм", "национализм" — по сути, это только фиговые листки, которыми прикрываются гитлеровцы, чтобы обмануть народ, одурачить простаков и прикрыть ими свою разбойничью сущность. В качестве идеологического оружия они используют расовую теорию. Это человеконенавистническая теория порабощения и угнетения народов...

Гитлер постоянно твердит о своем миролюбии, но главным принципом его политики является вероломство. Он был связан договорами с Австрией, Польшей, Чехословакией, Бельгией и Голландией. И ни одному из них он не придал значения и не собирался соблюдать и при первой необходимости вероломно их нарушил. Такую же участь готовит Гитлер и договору с нами. Но, заключив договор о ненападении с Германией, мы уже выиграли больше года для подготовки к решительной и смертельной борьбе с гитлеризмом. Разумеется, мы не можем советско-германский пакт рассматривать основой создания надежной безопасности для нас. Гарантией создания прочного мира яв-

ляется укрепление наших Вооруженных сил. И в то же время мы будем продолжать свою миссию поборников мира и дружбы между народами...

Гитлер сейчас упивается своими успехами. Его войска молниеносными ударами разгромили и принудили к капитуляции шесть европейских стран. Этот факт можно рассматривать не только как огромный стратегический успех фашистской Германии. Ведь в Европе не нашлось силы, которая могла бы сорвать агрессию гитлеровского рейха. Теперь Гитлер поставил перед собой цель расправиться с Англией, принудить ее к капитуляции. С этой целью усилилась бомбардировка Британских островов, демонстративно готовилась десантная операция. **Но это не главное для Гитлера, главное для него — нападение на Советский Союз.**

Мы все время должны помнить об этом и усиленно готовиться для отражения фашистской агрессии. Наряду с дальнейшим укреплением экономического и военного могущества страны наша партия должна широко разъяснять трудящимся нависшую опасность международной обстановки, постоянно разоблачать гитлеровских агрессоров, усилить подготовку советского народа к защите социалистического Отечества. Вопросы безопасности государства встают сейчас еще более остро. Теперь, когда наши границы отодвинуты на запад, нужен могучий заслон вдоль их с приведенными в боевую готовность оперативными группировками войск в ближнем, но... не в ближайшем тылу. Мы должны повести дело так, чтобы скорее заключить пакт о нейтралитете между Советским Союзом и Японией. Германия нашла общий язык с Японией в своих великодержавных стремлениях. Япония признала право Германии вмешиваться в дела всех стран. Надо ее нейтрализовать. Вместе с тем надо усилить военно-экономическую помощь китайскому народу. Нам необходимо вести дело на ослабление гитлеровской коалиции, привлекать на нашу сторону страны-сателлиты, подпавшие под влияние и зависимость гитлеровской Германии».

Зная все это, мистификаторы тем не менее все время суетятся в тщетных попытках доказать никогда не

существовавший факт якобы имевшей место попытки сговориться с Гитлером. Невдомек любезным, что занимаются они всего лишь плагиатом... у гитлеровской пропаганды. Именно она запустила в оборот фальшивый тезис о якобы имевшемся сговоре СССР с Германией против Великобритании. Причем в два этапа. На первом, еще во время пребывания Молотова в Германии, известный своими тесными связями с ближайшим окружением Гитлера, член НСДАП, германский журналист В. Лескринер опубликовал в издававшейся в Базеле (Швейцария) прогерманской газете «Национальцайтунг» статью под названием «Внешняя политика Советского Союза». В ней во враждебном СССР тоне говорилось о его попытках в предвоенные годы сблизиться с Англией и Францией, отмечалось, что его неучастие в войне объясняется не желанием дружить с Германией, **а** стремлением выиграть время для укрепления Красной Армии. И далее в статье говорилось, что-де СССР вряд ли последует советам Гитлера переключить внимание на южное направление. Затем следовала открытая угроза, что если Советский Союз не поймет предложений Гитлера, то нападение на него со стороны Германии неминуемо. То есть методом от противного вбрасывалась мысль о том, что между СССР и Германией обсуждался вопрос о переключении внимания первого на южное направление, что, по замыслу берлинских лгунов, должно было бы всполошить Лондон. Хуже того. Что-де Германия якобы оказывает давление на СССР, чтобы он повернул свои взоры именно в этом направлении, если хочет избежать войны.

Едва только Молотов отъехал из Берлина, как тут же по указанию Гитлера и Геббельса его визит в германской прессе был представлен как якобы некий **«крупный успех германской дипломатии» и одновременно как новое поражение Англии.** Разъясняя эти не имевшие под собой никакой почвы пассажи гитлеровской пропаганды, советское полпредство в Германии особо отмечало: «Это объясняется многими причинами, коренящимися в современном международном и внутреннем положении Германии, и прежде всего тем,

что привлечение СССР на сторону Германии является основой внешнеполитического плана Германии, нацеленного на быстрейшее победоносное окончание войны с Англией». То есть очевидно, что Гитлер пошел на такой мистифицированный блеф ради того, чтобы сломить сопротивление Великобритании.

Но зачем современные российские историки ныне повторяют этот блеф Гитлера, если им прекрасно известно, что «привлечение СССР на сторону Германии» не состоялось. Советский Союз также откровенно блефовал, чтобы не дать Берлину повода обвинить его в «нежелании поддерживать добрососедские отношения с Германией». Как и любой государственный и политический деятель столь высокого уровня, Сталин был озабочен безопасностью своего государства и делал все, в том числе даже и с помощью дипломатического блефа, чтобы оттянуть и так неминуемое военное столкновение с Германией, чтобы успеть перевооружить армию и лучше подготовить страну к войне. Именно ради этого 25 ноября 1940 года Молотов по поручению Сталина передал германскому послу в Москве Шуленбургу ноту, в которой развивалась идея политического сотрудничества и экономической взаимопомощи, но на жестких советских условиях. В частности, Берлину был предъявлен фактически ультиматум о выводе германских войск из Финляндии. Выдвинуто условие о необходимости принятия с его стороны действий по предоставлению гарантий безопасности СССР со стороны черноморских проливов, через которые ВМФ Германии мог проникнуть в Черное море и напасть на Советский Союз. А также о необходимости воздействия с его стороны на Японию, в целях побуждения ее к отказу от своих прав на угольные и нефтяные концессии на Северном Сахалине.

Берлин понял, что это ультиматум в интересах безопасности СССР, и потому ничего не ответил. Однако современные российские историки ну никак не хотят понимать, что все действия Сталина были направлены на обеспечение безопасности Советского Союза и максимальной, елико то было возможно в то время, оттяжки и без того неминуемой войны с Германией.

Миф № 16. Сталин не готовился к войне с нацистской Германией.

Один из глупейших мифов во всей антисталиниане. В пропагандистский оборот запущен Н.С. Хрущевым еще на XX съезде КПСС при поддержке ряда высокопоставленных военачальников того времени, в том числе и Г.К. Жукова. Эксплуатируется уже более полувека. Превратился в свою противоположность: ныне все стремятся обвинить Сталина в том, что-де он готовился к нападению на Германию! А что же было в действительности?

Подготовку к войне Сталин начал в самом конце 1925 года. Да-да, в самом конце 1925 года. Когда «благодетели» на Западе выпустили на свободу «дух войны», то есть когда под давлением Великобритании вся континентальная западноевропейская шваль в октябре 1925 г. подписала так называемые Локарнские соглашения, явившиеся, по сути дела, прототипом Мюнхенского сговора с Гитлером образца 1938 года. Потому что, по донесениям разведки, ему хорошо было известно, что в основе Локарнских соглашений лежит британская концепция о «русской угрозе», которой в те времена Лондон старательно стращал Западную и Восточную Европу. Одним из первых шагов на пути подготовки к грядущей войне стало принятое по инициативе Политбюро ЦК ВКП(б) постановление **«Об** активной **разведке» 1925 года.** Оно предусматривало заблаговременную вербовку и внедрение агентуры на важнейшие военные и военно-промышленные объекты основных противников СССР, своевременное выявление планов нападения, подготовку крупномасштабных диверсионных мероприятий и т.п. Однако, при всей исключительной важности активизации разведки для своевременного выявления планов нападения на СССР, не это было главным в планах Сталина по подготовке к войне.

Главное заключалось в индустриализации, коллективизации и культурной революции, грандиозной масштабности планы которых поставил перед страной Сталин. Вот что на самом-то деле было самым глав-

ным. Потому как воюют не армии — воюют экономики. А что мог противопоставить индустриальному Западу Советский Союз в середине 20-х гг.? Шашки Ворошилова и Буденного?! Или пулеметы «максим»? В то время Советский Союз по всем параметрам отставал не только от Запада, но и даже от Польши, которая уже имела, пускай и плохонькие, но свои собственные танкостроение и самолетостроение. А грядущая война, и это было ясно уже всему миру, всенепременно стала бы войной моторов.

Собственно говоря, те трудности, которые пришлось пережить Советскому Союзу в годы особенно первой пятилетки, и были связаны с тотальной подготовкой СССР к грядущей войне. Потому как для этого нужна была сильная экономика, сильная промышленность, особенно тяжелая, сильное сельское хозяйство, квалифицированные кадры инженеров, техников, рабочих. На Западе это тоже прекрасно понимали — потому беспрестанно и ставили палки в колеса, используя внутреннюю антисталинскую оппозицию, которая только тем и была занята, чтобы сорвать темпы коренных социалистических преобразований.

В ответ на эти попытки 4 февраля 1931 г. Сталин прямо заявил: **«Задержать темпы — это значит отстать. А отсталых бьют... Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»! И сегодня эти его слова более чем актуальны...**

Все три довоенных пятилетки были нацелены на создание надежного оборонного потенциала:

— первая пятилетка (1929—1932 гг.) — строительство основ тяжелой промышленности, новых отраслей промышленности, создание основы военно-промышленного комплекса, а также самих Вооруженных сил СССР;

— вторая пятилетка (1933—1937 гг.) — развитие такого промышленного и военно-промышленного, а также военного потенциала, который обеспечивал бы противостояние одному или двум крупнейшим в военном отношении и индустриально развитым капиталистическим государствам в Европе или Азии;

— третья пятилетка (1938—1942 гг.) — дальнейшее развитие такого промышленного и военно-промышленного, а также военного потенциала, который гарантировал бы стране безопасность от нападения коалиции ведущих капиталистических государств. В том числе и за счет создания дублирующих производств за Уралом. Из-за начавшейся войны пятилетка не была выполнена. Тем не менее созданный промышленный и военно-промышленный потенциалы обеспечили Советскому Союзу победоносное противостояние в той страшной войне против фашистской Германии, которая военной силой и при попустительстве западных держав смогла консолидировать военный и экономический потенциалы почти всей Европы.

Оценивая спустя десятилетия итоги той не простой и крайне тяжелой работы Сталина и советского народа по экономическому развитию страны, современный общественный деятель Ю. Белов справедливо указал: «Именно перед реальной угрозой военного нападения на СССР Сталин сознательно пошел даже на более ускоренные темпы индустриализации, чем предполагали пятилетние планы. Пошел и на ускоренные темпы коллективизации, справедливо опасаясь разгула мелкособственнической (мелкобуржуазной) стихии при сохранении многочисленных крестьянских хозяйств. Индустриализацию он перевел на рельсы мобилизационной экономики — война стояла у порога. За годы, чуть более 10 лет, СССР при Сталине прошел путь индустриализации, на что Западу потребовалось сто и более лет. Социалистическая индустриализация стала порукой Великой Победы. Мы спасли не только себя, но и все человечество от чумы фашизма, что записано на скрижалях мировой истории».

Несмотря на абсолютную очевидность фактов истории даже в столь обобщенном изложении, многие историки и публицисты сознательно идут на искажение истины. И клевещут, и клевещут на Сталина. Между тем вот совершенно уникальный факт. В 1939 г. «он провел тайную операцию — о ней не знал даже Мин-

фин[1] **— по закупке на Западе стратегического сырья, которым в то время не обладал СССР. Это сырье все четыре года войны удовлетворяло потребности СССР на 70 процентов».** То есть, в сущности, он почти точно рассчитал даже длительность грядущей войны, если заблаговременно прикупил запас такого сырья более чем на 3,5 года! Приводя этот факт в первых строках сборника уникальных документов из личного архива Сталина под названием **«Запрещенный Сталин»**[2]**,** его составитель, полковник запаса ФСБ В.М. Сойма, с явной горечью заключает: **«Но в сознании людей сидит формула Хрущева о неготовности Сталина к войне».**

Верно, сидит, но еще верней было бы сказать так: насильно навязанная Хрущевым и его подручными (а также их наследниками) по антисталинской пропаганде формула. Однако вот что характерно. Клевета на Сталина в рамках выродившейся в противоположность основного мифа нелепой версии является прекрасным доказательством того, что в действительности-то Сталин ни на секунду не упускал из виду задачи подготовки страны к войне. Вот один из наиболее характерных образчиков этой клеветы, которая в действительности опровергает еще Хрущевым запущенный миф.

Накануне очередной годовщины трагической даты 22 июня какой-то профессор Академии военных наук, полковник запаса, кандидат военных наук, «осчастливил» и без того многострадальную отечественную историческую науку несуразным выводом. Оказалось, что начавшаяся осенью 1939 г. переброска в тылы Первого стратегического эшелона западных военных округов СССР стратегических запасов техники, вооружения, боеприпасов, продовольствия, ГСМ, фуража, обмундирования и тому подобного из районов Заволжья и Урала есть не что иное, как «наиболее весомый, убедительный и неопровержимый факт подготовки к войне на чужой территории», сиречь к войне агрессивной! Но таких планов у Сталина не было.

---

[1] **Тогда наркомат финансов.**

[2] ***Сойма В.М.* Запрещенный Сталин. М., 2005. С. 3.**

И как это удалось не осознать «профессору» беспрецедентного значения в военном деле фактора обширнейших пространств СССР (России), из-за чего любые, тем более массированные перевозки на расстояния свыше тысячи километров (а то и на меньшем «плече») превращаются в проблему, зачастую в серьезную? Ведь такой громадный театр военных действий, как европейская часть СССР, в одночасье не оборудовать и не обеспечить всем необходимым для успешной обороны в современной на тот момент войне. Ведь это же **1 800 000 кв. км — 4500**-километровая протяженность западных сухопутных границ СССР, помноженная на **400**-километровую глубину стратегически необходимой для СССР обороны в его европейской части!

Трижды слава Богу, что Сталин не был «профессором Академии военных наук». Прекрасно памятуя, какой невообразимый хаос царил в перевозках войск, снаряжения и боеприпасов в царской армии в начальный период Первой мировой войны, а реанимация оного вовсе не входила в его планы, но еще более прекрасно понимая, что в условиях начавшейся войны, тем более «эпохи моторов», полноценное обеспечение действующей армии всем необходимым будет до крайности затруднено, особенно действиями авиации противника, удары которой в первую очередь будут направлены именно по железным дорогам, Сталин и начал заблаговременную переброску стратегических запасов в тылы будущего театра военных действий! Потому что прекрасно осознавал, что без полноценных тылов невозможно создать могучий заслон вдоль границ на западе, тем более новых, причем в ближнем, а не в ближайшем тылу!

А «профессор Академии военных наук» пытается нас убедить следующими аргументами «вины Сталина». Правильно, что пытается, потому как вместо его «наиболее более весомых, убедительных и неопровержимых фактов подготовки к войне на чужой территории», то есть к войне агрессивной, наступательной, он прекрасно доказал противоположное. Что, например, принятие Сталиным ряда мер было и своевременным, и адекватным степени угрозы. К числу таких «профессор» отнес:

1. Принятие в СССР 1 сентября 1939 г. Закона о всеобщей воинской обязанности!

«Профессор» полагает, что это факт подготовки к агрессии. Ему невдомек, что Гитлер-то ввел такой закон еще в середине марта 1935 г., а Франция, кстати говоря, даже его, Гитлера, умудрилась обскакать в этом вопросе, а та же Англия, к слову сказать, ввела воинскую повинность 27 апреля 1939 г.! Более того. Ему, очевидно, и вовсе не было известно, что угроза военного столкновения с Германией к моменту принятия этого закона выросла на порядки. Но более всего «профессора» обошла та простенькая мысль о том, что Иосиф Виссарионович сначала думал, чем кормить, во что одеть и чем вооружить призывников, и только потом, если, конечно, расчеты доказывали это, призывал в армию ровно столько, сколько, согласно расчетам, СССР мог прокормить, одеть и вооружить.

2. Возмутило «профессора» и принятие постановления Совета народных комиссаров **№ 1355—279сс от 2 сентября 1939** г. об утверждении плана реорганизации сухопутных войск на 1939—1940 гг.! Оказывается, и это, по его «профессорскому понятию», тоже факт подготовки к агрессии. Но он именно потому «профессор Академии военных наук», что априори не понимает того, что еще тогда понимал мудрый ас генштабовской работы, подлинный мозг «мозга армии» Борис Михайлович Шапошников. Что господствовавшая во времена Тухачевского система 7-тысячных по численности стрелковых дивизий — основы Сухопутных сил РККА — уже явно не соответствовала ни оборонительным, ни наступательным задачам (в смысле как одинаково характерных для любой армии). А без Сталина начать реорганизацию сухопутных сил Шапошников никак не мог.

3. Негодует «профессор» и по поводу постановки в 1939 г. задач различным отраслям промышленности о наращивании выпуска оборонной продукции, причем, и ведь это очень симптоматично для «профессора Академии военных наук», что, не моргнув глазом, он сделал следующий вывод — «в первую очередь — вооружения и боевой техники для ведения наступатель-

ных операций»! Естественно, что нет нужды исходить из того, что «профессор Академии военных наук» хотя бы на йоту осознавал, что уже в те времена практически все виды тогдашнего вооружения и боевой техники были, как сейчас говорят, «двойного назначения», то есть и для обороны, и для наступления. С какой стати пушки, танки, самолеты он с ходу зачислил в сугубо наступательные виды вооружений — известно только ему. Да и не в этом-то дело. Все дело в том, что только благодаря этому у нас и появились новые самолеты, новые танки, новые пушки и т.д. и т.п.

Клеветнически негодуя на Сталина, «профессор» четко и однозначно показал, что Сталин заблаговременно готовился к войне и предпринимал для этого все необходимые меры. Кто знает, сколько вообще таких решений принял в то время Сталин?! Едва ли мы когда-либо узнаем их точное количество. Но суть не в количестве. Вся суть в том, что Сталин действительно вел исключительно интенсивную и заблаговременную подготовку к отпору грядущей агрессии Гитлера, лишь мизерная часть которой нам известна. **И вот это-то четко зафиксировано историей!**

Миф № 17. Сталин вместо подготовки к отпору гитлеровской агрессии вновь устроил кровавые разборки с генералитетом.

В основе мифа лежит реальный факт репрессий в отношении небольшой части советских генералов накануне войны. В основном они были связаны с генералами ВВС. Однако, в силу неизменной «традиции» всех фальсификаторов и мистификаторов всех времен и народов, реальный факт до неузнаваемости был передернут и извращен. И даже вполне нормальные люди пошли тем же путем.

Например, выдающийся ас советской разведки, ныне покойный генерал Павел Анатольевич Судоплатов, представил эти репрессии как непосредственное последствие знаменитого перелета германского скоростного трехмо-

торного самолета Ю-52 в начале мая 1941 г. и его приземления в Москве возле стадиона «Динамо». Так и написал в своей книге «Разведка и Кремль», что **«это вызвало переполох в Кремле и привело к волне репрессий в среде военного командования: началось с увольнений, затем последовали аресты и расстрел высшего командования ВВС. Это феерическое приземление в центре Москвы показало Гитлеру, насколько слаба боеготовность советских Вооруженных сил».**

Конечно, придется с сожалением констатировать, что из-за давности лет в памяти ныне покойного аса разведки, очевидно, произошел сдвиг в хронологии, что в итоге привело к сильнейшему искажению истины. Потому что в действительности руководство ВВС РККА и прежде всего сам начальник ГУ ВВС РККА Рычагов был снят с должности по постановлению **ЦК ВКП(б)** и **СНК** СССР от 9 апреля **1941** г. **«Об авариях и катастрофах в авиации Красной Армии» и почти сразу арестован.** Самолет же, в том числе и по данным Судоплатова, прилетел в мае.

Однако это обстоятельство очень важное, потому как, если ставить все точки над «i» строго по архивным документам, то Рычагова, Смушкевича и других за решетку упекли именно Тимошенко и Жуков. Одна из причин их ареста такова. Как свидетельствуют сохранившиеся в архивах документы, именно Тимошенко и Жуков в начале апреля докладывали Сталину о том, что **«из-за расхлябанности ежедневно при авариях и катастрофах гибнут в среднем 2—3 самолета. Только за неполный 1-й квартал 1941 г. произошли 71 катастрофа и 156 аварий, при этом убит 141 человек и разбито 138 самолетов»** (в год разбивалось от **600 до 900** самолетов). Нет никаких сомнений в том, что эти страшные данные — правда, но подлинная правда прежде всего в том, что само высшее военное руководство, то есть Тимошенко и Жуков, могли бы спокойно, без вмешательства ЦК и СНК навести порядок в ВВС. Для этого у них были все властные полномочия. Однако оба предпочли переложить ответственность на партийные и государственные инстанции. И разве не понимали, что столь

резкая смена командования ВВС накануне войны до добра не доведет? Ведь именно с трагедии авиации и началась трагедия 22 июня — 1489 самолетов были уничтожены в первый день агрессии только на земле.

Но дело не только в этом. В значительной, если не в превалирующей степени, их арест был обусловлен результатами специальной инспекции положения авиации приграничных округов. Инициатором этой инспекции было Главное Политическое Управление РККА. Сразу же отмечу, что пресловутого Мехлиса в ГлавПУРе тогда не было — в то время он являлся наркомом госконтроля СССР и в ГлавПУР вернулся только 21 июня 1941 года. Командующий авиацией Московского военного округа полковник (впоследствии генерал) Николай Александрович Сбытое в марте 1941 года лично осуществлял инспекцию положения авиации в приграничных округах. Вот его возмущенно-красочное описание «положения авиации приграничных округов» по состоянию на март 1941 г. на примере ВВС Западного особого военного округа:

«Помню, лечу на У-2 и вижу, что самолеты всюду не рассредоточены, не замаскированы — стоят как на ладони![1] Приземлился на одном аэродроме — там новехонькие "пешки"[2] рядом выстроились. Проверил — а они даже горючим не заправлены. Я хвост трубой и докладываю командующему войсками[1], тот — Щербакову[2], Щербаков — Маленкову[3]. Так вот тогда был рожден документ о положении авиации на границе. Подписали его Маленков, Щербаков, Тюленев и я как член парткомиссии Главного Политуправления РККА.

[1]И это еще в марте 1941 г., т.е. за три с лишним месяца до нападения Германии! Стоит ли после этого удивляться трагедии авиации 22 июня 1941 г.?!

[2] Речь идет о только начавших поступать в войска новых фронтовых пикирующих бомбардировщиках Пе-2.

[1] Командующему МВО, то есть по своей прямой подчиненности.

[2] Тогда 1-й секретарь МГК ВКПб), курировал оборонные вопросы.

[3] Как кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б), Маленков тогда курировал вопросы подготовки обороны страны к войне, в том числе и положение в авиации.

А 4 мая состоялось заседание, на котором присутствовало все командование ВВС. И вот Сталин по той нашей бумаге издает приказ: "Немедленно привлечь к судебной ответственности..." Это было известно и наркому Тимошенко, и начальнику Генерального штаба Жукову. Короче, управление ВВС отправляет в пограничные округа комиссию. Та комиссия уже через пару дней вернулась и докладывает: "Все в порядке". Ну, что ты **скажешь!..»**[4]

Тут важно следующее. **Во-первых,** очевидно, что Сталин не знал о царящем в авиации приграничных округов беспорядке и узнал о нем вследствие инициативы ГлавПУРа РККА о проведении упомянутой выше инспекции. Не исключено, что и наркомата госконтроля, так как в его недрах скрывалась личная контрразведка Сталина. Предположение тем более имеет право на жизнь, если учесть, что инициатива ГлавПУРа отчетливо отдает «технологией » легендирования действий подлинного инициатора — ведь наркомат госконтроля имел право контролировать любые органы власти в СССР, в том числе и военные, а уж скрывавшаяся в его недрах личная контрразведка Сталина — тем более. Ни тем, ни тем более другим как раз и не нужно было светиться — вот и выставили все это как инициативу ГлавПУРа, в компетенцию которого вопросы характера дислокации авиации явно не входили.

При этом следует отметить, что в неведении Сталина в данном конкретном вопросе был виноват сам Сталин. Еще в феврале 1941 года при разделе НКВД СССР на два наркомата — на НКВД и НКГБ СССР — по его личному указанию военная контрразведка была выведена из подчинения Лубянки и вошла в состав наркомата обороны в качестве его 3-го Управления. То есть военная контрразведка с 3 февраля 1941 г. подчинялась лично наркому обороны Тимошенко и начальнику Генерального штаба Жукову. Если военная контрразведка была бы в подчинении Лубянки, то ГлавПУРу не пришлось бы инициировать такую инс-

[4] *Грибанов С.* Заложники времени. М., 1992. С. 102—103.

пекцию — особисты сами довели бы до сведения высшего руководства страны данные об этом беспорядке.

Кстати, заметьте, что поскольку Сбытов был направлен в ЗапОВО именно с инспекцией, то это значит, что кого-то в высшем военном командовании, а также руководстве СССР это беспокоило, что в свою очередь свидетельствует о том, что информация об этом бардаке каким-то образом все-таки достигла ушей Кремля. На Тимошенко и Жукова грешить не приходится — не они были инициаторами этой инспекции, ибо для них она была явно как серпом по известному месту...

Во-вторых, реакция Сталина четко показывает вторую причину репрессий в отношении комсостава ВВС РККА накануне войны. За такой беспорядок действительно стоило жестко наказать господ генералов — война вот-вот грянет, а у них самолеты мало того, что в передовом базировании, так ведь еще и не рассредоточены, не замаскированы и даже не заправлены горючим! Письменные санкции на их арест выдали все те же Тимошенко и Жуков — таковы были тогда правила, установленные в СССР еще в 1939 г. Т.К. Жуков, в частности, лично санкционировал арест Я. Смушкевича, который являлся его заместителем по вопросам авиации.

Вполне возможно, что все окончилось бы небольшими тюремными сроками — Сталину было вовсе не с руки устраивать очередные силовые разборки с генералитетом в преддверии фатально неминуемой в самом скором будущем войны.

Но затем грянула невиданная трагедия 22 июня 1941 г. А ведь началась-то она именно с разгрома авиации, прежде всего в Западном особом военном округе. И вот тут-то судьба арестованных генералов ВВС РККА оказалась трагически предрешена. Потому как до 22 июня, тем более при почти на нет сошедших чистках в армии, максимум, что им «впаяли» бы, так это «четвертак», то есть 25 лет колымских лагерей усиленного режима. Да и то вряд ли. За воинскую халатность столько не давали. Скорее всего, дело ограничилось бы 5—7 годами лишения свободы. Ибо до этой даты еще как-то можно было бы списать на халатность без отягчающих обстоятельств. Но к сере-

дине июня подобное уже было невозможно — ведь еще в мае было приказано всё исправить, так нет же, ничего не было сделано. То есть беспорядок носил злостный, системный, если не сказать злоумышленный, к чему есть все основания, и к тому же повсеместный характер — точно такая же ситуация была и в иных приграничных округах. И авиацию этих округов точно так же постигла такая же трагедия. Естественно, что на фоне разверзшейся трагедии 22 июня 1941 г. ответственность непосредственных виновников предвоенного беспорядка в авиации приграничных районов мгновенно оказалась отягощенной крайне тяжелыми последствиями в военное время. В таких условиях и в ситуации военного времени приговор мог быть только одним — смертная казнь.

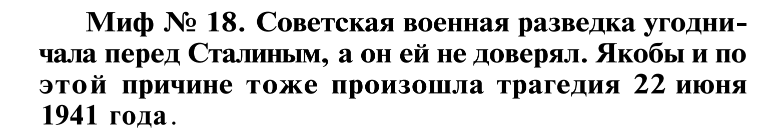
Потому, что трагедия 22 июня 1941 г., в частности, в части, касающейся авиации ЗапОВО и других приграничных округов показала, что подавляющая часть самолетов передового базирования даже не была заправлена ни топливом, ни боезапасом. А ведь об этом откровенно говорилось еще на декабрьском 1940 г. совещании комсостава РККА прямо в присутствии Сталина. Командир 3-го дальнебомбардировочного авиационного корпуса ЗапОВО Н.С.Скрипко[1], в частности, говорил **о** негативных последствиях отсутствия топлива как в плане летной подготовки, так и для укрепления боеготовности авиации пограничных округов, особенно передового базирования. На его слова по этому вопросу Сталин отреагировал тут же и, не мешая ходу совещания, отдал соответствующее распоряжение командующему ВВС РККА генералу Рычагову.

Мало того что авиация этого округа, как, впрочем, и других тоже, базировалась на передовых аэродромах. Так она еще и не была рассредоточена, как того требовали результаты инспекции и принятые на их основания решения, санкционированные лично Сталиным. Хуже того. **Самым преступным образом не была выполнена санкционированная лично Сталиным дирек-**

[1]Впоследствии маршал авиации.

тива Генштаба от 18 июня 1941 г. о приведении всех войск приграничных округов в боевую готовность! То есть и авиации в том числе. Еще раз обращаю внимание на то, что самолеты не были заправлены горючим, боезапас на них не был установлен. Кстати, именно из-за этого сумевшие ранним утром 22 июня все-таки взлететь летчики были вынуждены идти на тараны самолетов противника! Ведь мало кому известно, что первый таран был осуществлен уже на 15-й минуте агрессии!

Проще говоря, высшие чины ВВС РККА перед войной обманули руководство страны и ничего не сделали для исправления положения. А кончилось это трагедией 22 июня 1941 года, в том числе и для авиации приграничных округов. Обмана же Сталин никогда, никому и ни в чем не прощал. А если обман приводил к негативным последствиям, тем более к таким, как трагедия 22 июня 1941 г., то пощады от него ждать не приходилось. В подобных случаях он использовал всю силу тогдашнего законодательства для сурового наказания виновных. Вот и решайте теперь сами, прав был Сталин или нет.

Миф № 18. Советская военная разведка угодничала перед Сталиным, а он ей не доверял. Якобы и по этой причине тоже произошла трагедия 22 июня 1941 года.

Этот глупейший и подлейший миф появился еще на XX съезде КПСС. Его автором был непосредственно Н.С. Хрущев. К глубокому сожалению, широкому распространению этого мифа сильно подыграли и видные военачальники, особенно маршал Г.К. Жуков. В дальнейшем миф «доработали» и его «стержнем» стали нелепые нападки персонально на ГРУ, особенно назнаменитый ныне его доклад от 20 марта 1941 г. На эту тему особенно активно высказывался ныне покойный военный историк В. Анфилов. В действительности же все обстояло иначе. Вот содержание самого доклада:

«Доклад

Начальника Разведуправления Генерального штаба Красной Армии в Народный Комиссариат обороны СССР, в Совет Народных Комиссаров и ЦК ВКП(6)

«Высказывания (оргмероприятия) и варианты боевых действий германской армии против СССР»

20 марта 1941 г.

б\н

20 марта 1941 г.

Большинство агентурных данных, касающихся возможностей войны с СССР весной 1941 г., исходит из англо-американских источников, задачей которых на сегодняшний день, несомненно, является стремление ухудшить отношения между СССР и Германией. Вместе с тем, исходя из природы возникновения и развития фашизма, а также его задач — осуществление заветных планов Гитлера, так полно и "красочно" изложенных в его книге "Моя борьба", краткое изложение всех имеющихся агентурных данных за период июль 1940 — март 1941 г. заслуживают в некоторой своей части серьезного внимания. За последнее время английские, американские и другие источники говорят о готовящемся якобы нападении Германии на Советский Союз. Из всех высказываний, полученных нами в разное время, заслуживают внимания следующие:

1. Геринг якобы согласен заключить мир с Англией и выступить против СССР.

2. Японский ВАТ передает, что якобы Гитлер заявил, что после быстрой победы на западе он начинает наступление против СССР.

3. В Берлине говорят о каком-то крупном разногласии между Германией и СССР. В связи с этим в германском посольстве говорят, что после Англии и Франции наступит очередь за СССР.

4. Турецкая газета «Сон поста» сообщает, что германский командующий войсками в Австрии, обращаясь к войсковым частям, заявил, что главным врагом Германии являются русские и что на германских сол-

дат может быть возложена задача еще большего расширения границ Германии.

5. Американский посол в Румынии в своей телеграмме в Вашингтон сообщает, что Джигуржу имел беседу с Герингом, в которой последний сказал, что если Германия не будет иметь успеха в войне с Англией, то она вынуждена будет перейти к осуществлению своих старых планов по захвату Украины и Кавказа.

6. Германский ВАТ высказал, что после окончания войны с Англией немцы помогут Финляндии получить обратно потерянные территории.

7. Гитлер намерен весной 1941 г. разрешить вопрос на Востоке.

8. В беседе с югославским ВАТ в Москве последний говорил, что Финляндия — это зона интересов СССР. Недавно советник германского посольства в Москве Пильгер (так в тексте, правильно — Хильгер. —А. М.) прямо сказал, что финны храбро дрались зимой, и они их русским не отдадут. За последнее время немцы подстрекают финнов против русских. Финны уже поговаривают о том, что "граница с СССР еще не окончательная, посмотрим, что будет после заключения мира в Европе".

9. Югославский ВАТ считает, что среди немцев имеются два течения: первое — СССР в настоящее время слаб в военном и внутреннем отношениях и настаивают на том, чтобы использовать удобный момент и вместе с Японией покончить с СССР и освободиться от пропаганды и дамоклова меча, висящего все время над Германией; второе — СССР не слаб, русские солдаты сильны в обороне, что доказано историей. Рисковать нельзя. Лучше поддерживать с СССР хорошие отношения.

10. Английские и французские журналисты утверждают, что в Германии происходит какая-то расстановка сил. В Стокгольме велись переговоры между Германией и Англией, представителем от Англии был Ллойд Джордж, но эти переговоры ни к чему не привели. Греческий журналист сообщил, что в Мадриде в июле 1940 г. имели место переговоры между Германией и Англией и что Германия недовольна СССР, так как последний предъявляет какие-то новые требования.

11. Данные Германией и Италией гарантии о границе Румынии направлены исключительно против СССР. Эти гарантии дополнены военным соглашением между Германией и Румынией. Этими гарантиями проникновению СССР на Балканы будет положен конец.

12. Министр иностранных дел Румынии Студза старался убедить Гитлера внести предложение Рузвельту о мире между Германией и СССР. Гитлер хочет мира, так как его терпение к СССР почти истощилось, и что СССР полностью будет готов к войне только в 1942 году. Он же сказал, что неофициально мирные переговоры ведутся в Стокгольме, Мадриде и Ирландии.

13. Среди немецких офицеров ходят слухи о том, что в феврале 1941 г. в своем выступлении в «Спортпаласе» на выпуске офицеров Гитлер сказал, что у Германии имеются три возможности использования своей армии в 228 дивизий: для штурма Англии; наступления в Африку через Италию и против СССР.

14. Столкновение между Германией и СССР следует ожидать в мае 1941 г. Источником подчеркивается, что это мнение высказывается как в военных кругах, так и в кругах министерства иностранных дел. Никто не реагирует одобрительно на эти планы. Считают, что распространение войны на СССР только приблизит конец национал-социалистического режима. Это мнение высказывает и племянник Браухича, который занимает пост в министерстве иностранных дел.

15. Шведский ВАТ в подтверждение сведений о подготовке наступления против СССР весной 1941 г. подчеркнул, что сведения получены от военного лица и основаны на сугубо секретном приказе Гитлера, который известен ограниченному кругу ответственных лиц, Руководитель восточного отдела министерства иностранных дел Шлиппе сказал, что посещение Молотовым Берлина можно сравнить с посещение Бека. Единомыслия достигнуто не было ни в вопросе о Финляндии, ни о Болгарии (обратите на это внимание, а то обычно визиту Молотова в Германию приписывают попытку сговора с нацистами, чего не было и в помине, ибо имел место зондаж с нашей стороны позиции гер-

майского руководства. —А.М.). Подготовка наступления против СССР началась значительно ранее визита Молотова, но одно время была приостановлена, так как немцы просчитались в своих сроках победы над Англией. Весной немцы рассчитывают поставить Англию на колени, развязав тем самым себе руки на Востоке.

16. Для борьбы с Англией достаточно тех сил, которые сосредоточены на канале (имеется в виду пролив Ла-Манш. — Л. М.), а остальные силы свободны для борьбы против СССР. Выступление необходимо для того, чтобы создать ясность на Востоке и ликвидировать постоянную опасность того, что СССР может выступить на стороне Англии, а также захватом Украины обеспечить Европу продуктами питания.

Из наиболее вероятных вариантов действий, намечаемых против СССР, заслуживают внимания следующие:

1. Вариант № 1 по данным анонимного письма, полученного нашим полпредом в Берлине от 15 декабря 1940 г. (приложение № 1):

"...основное направление удара: а) от Люблина по Припяти до Киева; б) из Румынии между Яссы и Буковиной в направлении Тетерев, и в) из Восточной Пруссии на Мемель, Билдинг, р(ека) Березина и далее вдоль Днепра на Киев";

2. Вариант № 2 по данным КОВО (Киевского Особого Военного округа. — *А.* М.) от декабря 1940 г. (приложение № 2): "...Три главных направления удара: а) из Восточной Пруссии в направлении Литвы, Латвии и Эстонии. Этот удар имеет преимущества, что Литва, Латвия и Эстония сразу же становятся союзниками Германии. Кроме того, Финляндия сразу же присоединяется к Германии, чтобы отнять забранную территорию; б) через Галицию и Волынь. Эта группа войск будет иметь поддержку украинцев и (войск) из Румынии, которая будет стремиться захватить отобранную у нее территорию. Группа войск 2-го и 3-го направлений окружает войска противника в Мало-Польше. На остальном участке фронта наносятся вспомогательные удары на фронтальном направлении с

целью очищения всей остальной территории. На востоке СССР будет связан с Японией, что является для Германии плюсом, так как противник должен создать сразу два фронта, а поэтому концентрация его сил против Германии невозможна".

3. Вариант № 3 по данным нашего агентурного донесения на февраль 1941 г. (приложение №3): *"..Для* наступления на СССР создаются три армейские группы: 1-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Бок наносит удар в направлении Петрограда, 2-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Руништудт (так в тексте, правильно — Рунштедт. — *А.* М.) — в направлении Москвы и 3-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Лееб — в направлении Киев. Начало наступления на СССР ориентировочно 20 мая".

Кроме этих документов, по данным других источников, известно, что план наступления против СССР будет заключаться в следующем:

а) после победы над Англией Германия, наступая против СССР, предполагает наносить удар с двух флангов: охватом со стороны севера (имеется в виду Финляндия) и со стороны Балканского полуострова;

б) коммерческий директор германской фирмы "Тренча майне лимитид" заявил, что нападение на СССР произойдет через Румынию. *Для* этого Германия строит шоссе из Протектората через Словакию в Венгрию с целью переброски войск к советской границе. Венгрия и Румыния разрешили Германии пользоваться всеми путями сообщения для переброски войск, а также разрешили ей строить новые аэродромы, базы для мотомехчастей и склады для амуниции. Венгрия разрешила Германии пользоваться частью своих аэродромов. Все румынские войска и военно-технические сооружения находятся в распоряжении германского командования;

в) югославский в(енный) ат(таше) Смидович заявляет, что, разрешая балканский вопрос, трудно представить, куда немцы направят свое острие, но он лично убежден, что все это предшествует нападению на СССР. Сам факт выхода немцев в Дарданеллы является пря-

мым актом против СССР. Вообще Гитлер никогда не изменял своей программе, изложенной в книге "Моя борьба", и эта программа является основной целью войны. Дружбой Гитлер пользуется как средством, дающим возможность разрешить задачу переустройства Европы (никакой дружбы с нацистами не было и в помине, ибо речь идет о Договоре о ненападении — продукте голого прагматизма обеих сторон. — Л. М.);

г) по сообщению нашего ВАТ от 14 марта, в Румынии упорно распространяются слухи о том, что Германия изменила свой стратегический план войны. В разговоре с нашим источником немецкий майор заявил: «Мы полностью изменяем наш план. Мы направляемся на Восток, на СССР. Мы заберем у СССР хлеб, уголь, нефть. Тогда мы будем непобедимыми и можем продолжать войну с Англией и Америкой». Полковник Риошану, бывший товарищ министра в Румынии, в личной беседе с нашим источником сказал, что главный штаб румынской армии вместе с немцами занят сейчас разработкой плана войны с СССР, начало которой следует ожидать через три месяца.

Немцы опасаются выступления СССР в тот момент, когда они пойдут в Турцию. Желая предупредить опасность со стороны СССР, немцы хотят предпринять инициативу и первыми нанести удар, захватить наиболее важные экономические районы СССР, и прежде всего Украину.

А) ПО сообщению нашего ВАТ из Берлина, по данным вполне авторитетного источника, начало военных действий против СССР следует ожидать между 15 мая и 15 июня 1941 г.

Вывод:

1. На основании всех приведенных выше высказываний и возможных вариантов действий весною этого года считаю, что наиболее возможным сроком начала действий против СССР являться будет момент после победы над Англией или после заключения с ней почетного для Германии мира.

2. Слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо

расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и даже, быть может, германской разведки.

Начальник Разведывательного управления
Генерального штаба Красной Армии
генерал-лейтенант Голиков»[1].

Кто только и как только не глумился над этим документом! Каких только оскорбительных не только для Сталина, но и для ГРУ эпитетов на сей счет не выдумали! Особенно маршал Г.К. Жуков. Именно с его подачи в Истории Великой Отечественной войны появилось беспрецедентное оскорбление в адрес славного ГРУ: **«Наша агентурная разведка, которой перед войной руководил Голиков, работала плохо, и она не сумела вскрыть истинных намерений гитлеровского верховного командования в отношении войск, расположенных в Польше. Наша агентурная разведка не сумела опровергнуть лживую версию Гитлера о ненамерении воевать с Советским Союзом»[2].**

Когда же ему предъявили многочисленные донесения (военной) разведки о подготовке Германии к нападению на СССР, то четырежды Герой Советского Союза, маршал Советского Союза Г.К. Жуков был изумлен и шокирован! Ведь ему предъявили именно те сообщения, на которых он был указан как адресат и на которых стояла его же собственная подпись, свидетельствовавшая о том, что он ознакомился с их содержанием еще тогда, в 1941 году. Кстати, именно из-за этого он вынужден был уже в первом, 1969 года издания, варианте своих **«Воспоминаний и размышлений»** признать, что **«20 марта 1941 г. начальник разведывательного управления генерал-лейтенант Ф. Голиков представил руководству доклад, содержащий сведения исключительной важности. В этом документе излагались варианты возможных направлений ударов немецко-фашистских войск при нападении на Совет-**

[1] РГВА, Оп. 14750, Д. 1, Л. 12 - 21; стиль оригинала сохранен.

[2] Стенограмма октябрьского 1957 г. пленума ЦК КПСС и другие документы, М., 1957. С. 518.

ский Союз. Как потом выяснилось, они последовательно отражали разработку гитлеровским командованием плана "Барбаросса", а в одном из вариантов, по существу, отражена была суть этого плана»[1].

Тем не менее Жуков заявил в мемуарах, что-де «выводы из приведенных в докладе сведений, по существу, снимали всё их значение». И разве удивительно после этого, что даже в год 60-летия Великой Победы вновь появились грубые нападки на ГРУ, что-де «соображения Голикова — это угодничество, дань культу "гениального вождя" и страху за свою судьбу»!? Но кто бы взял на себя труд вразумительно объяснить, в чем же конкретно ошибочность выводов этого доклада ГРУ? Или то же угодничество перед Сталиным? Или отдание дани культу «гениального вождя »? Или, тем более, проявление руководством ГРУ страха за свою судьбу? В чем конкретно ошиблось ГРУ, письменно указав, например, в выводе № 2 о том, что «слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года (1941 г. — *AM.)* войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и даже, быть может, германской разведки»?! Где тут ошибка, если нападение произошло не весной, а летом — 22 июня **1941** года, в день летнего солнцестояния!

Ни аналитики ГРУ, ни сам его предвоенный глава Голиков в выводе № 2 не ошиблись ни на йоту. Дело в том, что как только 23 августа 1939 г. был подписан Договор о ненападении между СССР и Германией, высшее руководство Великобритании поручило своей разведке заняться широкомасштабным провоцированием столкновения между СССР и Германией. Уже осенью 1939 г. в посольства Германии и Советского Союза в разных странах мира стали подбрасывать всевозможные «подметные письма», преследовавшие одну цель — поскорее стравить обе державы в смертельной схватке. А с 22 июля 1940 г. это поручение британской разведке было оформлено уже личным приказом британского премьер-

[1] Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Изд. 10. Т. 1. М., 1990. С. 248—249.

министра У. Черчилля **«разжечь пожар в Европе»,** чтобы он перекинулся в первую очередь на СССР! Приказ был отдан главе Управления Специальных Операций МИ-6 Хью Дальтону, под началом которого работали и информаторы советской разведки, в частности, представитель всемирно знаменитого банкирского клана Ротшильдов — Виктор Ротшильд, ближайший друг и единомышленник великолепной «кембриджской пятерки» агентов советской разведки. Так что Сталин прекрасно знал об этом приказе У. Черчилля, от которого априори ничего иного, кроме подлости и коварства, ожидать не приходилось. Уж кто-кто, но Сталин-то знал это более чем кто-либо на всем свете! Вот что и являлось сутью дезинформации английской разведки.

Вот почему доклад ГРУ от 20 марта **1941** г. и начинался с абсолютно точной констатации реалий того времени: **«Большинство агентурных данных, касающихся возможностей войны с СССР весной 1941 г., исходит от англо-американских источников, задачей которых на сегодняшний день, несомненно, является стремление ухудшить отношения между СССР и Германией».** ГРУ прекрасно это понимало. И остается только поражаться тому максимуму дипломатического такта, с которым оно подошло к изложению этой мысли. Ведь речь-то шла о беспардонно грубых действиях английской разведки, стремившейся за счет тотальных провокаций ускорить, елико то возможно, вооруженное столкновение между СССР и Германией. Ведь только такое столкновение давало Англии шанс выжить в тех условиях, в которые она по своей же собственной тупости сама себя же и загнала как в тупик! Вот почему и вывод № 2 был сформулирован именно так, как сформулирован, а не иначе. К тому моменту уже нарастал шквал неопровержимой информации и от внешней разведки НКГБ именно о таких действиях британской разведки — «кембриджская пятерка» лучших агентов советской внешней разведки работала, не покладая рук. А на пике этого шквала выдающийся советский разведчик — Гайк Бадалович Овакимян — в мае 1941 г. документально разоблачил

самую крупную из серии дезинформационных акций операцию британской разведки. На фоне «визита» Гесса в Англию операция преследовала ускорить вооруженное столкновение между СССР и Германией, дабы отвести от Англии уже неизбежное поражение в единоборстве с Германией, в которое, подчеркиваю это вновь, она вляпалась по собственной же тупости. От чего, кстати говоря, Сталин пытался удержать Великобританию еще в конце марта 1935 года.

В чем же тогда ошиблось или со страху перед Сталиным угодничало ГРУ в выводе № 2? Может быть, в том, что в отношении английской разведки ГРУ взяло категоричный тон, а в отношении германской — смягченно вероятностный?! Да нет же, если по здравому-то размышлению. Тут все логично, не говоря уже о том, что и оправданно с разведывательно-аналитической точки зрения. Потому что для будущего агрессора куда важней усыпить бдительность запланированной жертвы своей очередной агрессии, нежели брехать на всех европейских и мировых перекрестках о том, что он вот-вот нападет! Всем германским дипломатам и военным атташе была дана прямая команда опровергать слухи о войне и грядущем нападении на СССР. Еще в начале 1941 г. по указанию Гитлера были разработаны и введены в действие руководящие указания начальника штаба верховного главнокомандования по маскировке подготовки агрессии против Советского Союза № **44142/41 от 15.2.1941** г., п. **1** которых гласил: **«1. Цель** маскировки — скрыть от **противника подготовку к операции "Барбаросса".** Это главная **цель и определяет все меры, направленные** на **введение противника в заблуждение».**

Гитлеровское «цэу» по вопросам дезинформации едва ли было документально известно советской разведке в марте 1941 г., хотя и не предполагать подобного она просто не могла — это априори в генетике разведывательного анализа. Но сейчас-то, когда этот трофейный документ уже лет десять — пятнадцать как опубликован, можно же было воздержаться от беспочвенных упреков в адрес ГРУ?! Высказывая же свое мнение о причастности германской разведки к слухам о

возможности войны весной 1941 г. в смягченно вероятностной форме, ГРУ опять-таки не ошиблось. Потому как, если сопоставить этот вывод с тем, что было написано в этом «цэу» № **44142/41 от 15.2.1941** г., то нетрудно будет заметить следующее. Там была расписана вся дезинформационная брехология нацистов, кроме одной детали, — ни в одной его строчке нет ни одного даже звука о времени нападения, то есть насчет весны 1941 года. Тем более ничего нет насчет **22 июня!** Тем не менее все стремятся бросить в Сталина и ГРУ увесистый «булыжник» упрека, не отдавая при этом себе отчета в подлинных реалиях. **Ведь в качестве даты нападения «22 июня» официально было объявлено Гитлером только 10 июня 1941 года!**

С 12 мая 1941 г. началась вторая фаза германской дезинформационной операции. Именно в тот день было подписано распоряжение № **44699/41 от 12.5.1941** г. начальника штаба верховного главнокомандования вооруженных сил рейха по проведению второй фазы дезинформации противника в целях сохранения скрытности сосредоточения сил против Советского Союза. И в нем то же нет ни звука о дезинформации по вопросу о времени нападения весной 1941 г., до конца которой в тот момент оставалось всего 19 дней! **Проще говоря, дезинформация гитлеровцев носила принципиально иной характер: она преследовала цель усыпить бдительность СССР, а не будоражить его шквалом сообщений о грядущем уже весной нападении!** Так в чем же ошибка **ГРУ,** которую оно якобы допустило, видите ли, со страху, да еще и угодничав перед Сталиным?! **А хоть тресните, но ее нет и не было в помине!**

Теперь о том, почему ГРУ без обиняков назвало все сообщения о неизбежности войны весной 1941 г. именно **слухами. И** тут никакой ошибки нет. Оценка аналитиков ГРУ и здесь абсолютно точна. При оценке угрозы нападения военная разведка исходит из двух обстоятельств: **из факта сосредоточения войск противника у своих границ и особенно факта завершенности процесса сосредоточения. По состоянию же на 20 марта**

1941 г. данных о завершении процесса сосредоточения войск еще не было зафиксировано. Не было зафиксировано каких-либо данных даже о начале финишного этапа этого процесса. По состоянию на 20 марта **1941** г. **ГРУ** (и не только оно) видело и фиксировало действия командования вермахта, связанные только с процессом сосредоточения и развертывания войск. Но оно видело и то, что этот процесс еще не завершен и даже еще не переведен в режим финишного этапа, то есть в режим военного времени, когда начинается отсчет времени «Х». По состоянию на 20 марта 1941 г. ни одна из разведслужб СССР еще не располагала данными о переводе графика военных перевозок вермахта на Восток в режим финишного этапа и тем более военного времени (на немецком штабном языке того времени — о введении в «режим максимально уплотненного графика движения эшелонов»).

Этими исключительно важными данными Москва стала обладать лишь **22—23** мая **1941** года. Именно тогда от являвшегося крупным железнодорожным чиновником рейха ценного агента берлинской резидентуры НКГБ поступили неопровержимые документальные данные о том, что этот график переводится в режим военного времени (максимально уплотняется). Это и означало, что процесс сосредоточения и развертывания войск вермахта для нападения на Советский Союз вступил в финальную стадию. Одновременно было установлено, что командование вермахта приступило к выдаче предписаний ж.д. чиновникам рейха об их обязанности прибыть на некоторые узловые ж.-д. станции в приграничной зоне СССР на пятый день с момента начала агрессии против Советского Союза. График военных перевозок вермахта был переведен в режим максимального уплотнения движения эшелонов **22** мая **1941** года. А уже **24** мая **1941** г. Сталин созвал секретное совещание членов Политбюро с участием высшего военного командования, то есть Тимошенко и Жукова, во время которого прямо так и заявил, что в ближайшее время **СССР** может подвергнуться внезапному нападению со стороны Германии!!! То есть о переводе этого графика

в иной режим он знал заблаговременно и как только получил необходимое подтверждение, тут же предупредил все высшее, в том числе и военное, руководство. Более того, судя по всему, Сталин знал об этом графике явно еще в начале мая, так как уже 13 мая он лично санкционировал выдвижение всех намеченных для этого войск из внутренних округов в приграничные, насчет чего Жуков и Тимошенко и дали соответствующую директиву. Вот почему ГРУ еще в марте расценило сообщения о вероятности войны весной **1941 г.** как **слухи,** распускаемые именно англосаксонскими, особенно британскими, силами, задачей которых в тот момент действительно являлось практически никак не скрывавшееся желание поскорее стравить СССР и Германию в смертельной схватке.

В этом смысле цели Великобритании и гитлеровской Германии были как никогда идентичны. Дело в том, что задача провоцирования СССР на какие-либо упреждающие грядущую агрессию «телодвижения» своими войсками, которые затем можно было бы преподнести «прогрессивному демократическому мнению» Запада как агрессивные по отношению к Германии и тем самым заранее оправдать свою агрессию, откровенно присутствовала. Это вообще входило в арсенал тактических уловок стратегии блицкрига. Однако, вплоть до нападения, гитлеровцы сетовали, что нет ни малейшего повода заподозрить Советский Союз в агрессивных или даже в «недружественных»[1] по отношению к Германии намерениях. Ничего удивительного в этом нет. Цель Сталина в том и состояла, чтобы заблаговременно лишить Гитлера и Запад соблазна приписать СССР агрессивные намерения, коих действительно и в помине-то не было. Нарочито демонстративными учениями, «экскурсиями» по новейшим военным заводам, распространявшимися советскими послами за рубежом сообщениями о концентрации советских войск на западных границах СССР и о неизбежности могучего возмездия с применением всех сил и средств, Сталин умышленно показывал, что он действует строго адекватно каждому витку возрастания

[1]В кавычках потому, что никакой дружбы не было и в помине — был абсолютно голый прагматизм с обеих сторон.

угрозы нападения! И надо отдать должное германской разведке — сообщения ее разведчиков, в том числе и из Москвы, буквально пестрели акцентом именно на это обстоятельство.

В том тяжелейшем психологическом поединке Сталин выиграл у Гитлера. Под сильнейшим нажимом Иосифа Виссарионовича фюрер до того задезинформировался, что в соответствии со своими же инструкциями в одном из ответных посланий письменно выболтал Сталину практические точное время нападения. В результате уже в самом конце первой половины мая 1941 г. и непосредственно от самого Гитлера Сталин точно знал, что фюрер планирует нападение на Советский Союз примерно 20 июня (соответственно плюс-минус несколько дней)!

Так что в части, касающейся вывода № 2 доклада ГРУ от 20 марта 1941 г., ни ГРУ, ни Сталина попрекать не за что! Абсолютно не за что! ГРУ ни в чем не ошиблось, не угодничало, тем более из-за страха перед Сталиным, и никакого отдания некой дани культу «гениального вождя » не было и в помине! Была тяжелейшая, кропотливая, сопряженная с колоссальным риском для жизней действовавших за рубежом разведчиков, но потрясающая своей изумительной эффективностью работа! Вот это действительно факт — факт Подлинной Правды! Так что в этой части пора кончать нападки на славное ГРУ и тем более на Сталина!

Но, быть может, ГРУ ошиблось или угодничало, тем более из-за страха перед Сталиным, и даже отдало некую дань культу «гениального вождя» в выводе № 1 — «...наиболее возможным сроком начала действий против СССР будет момент после победы над Англией или после заключения с ней почетного мира»?! Нет! ГРУ и в этом случае ни на йоту не ошиблось. Сама трагедия 22 июня ясно показала, что ГРУ было изумительно точно в своем безошибочно провидческом, но столь кроваво подтвердившемся прогнозе. Военная разведка беспрецедентно точно спрогнозировала принципиальную часть ситуации с так называемой «миссией» Гесса. Заместитель фюрера по партии для того и рванул в Англию, чтобы как раз и договориться на почетных условиях с лидерами верхушки ее правя-

щей элиты! Ведь в реальности все получилось, как и прогнозировало ГРУ. Нападение на Советский Союз произошло после того, как Гесс рванул в Англию. Но, самое главное, после того, как в переговорах между высокопоставленными представителями Англии и Р. Гессом была достигнута некая, по сию же пору официально не известная в полном объеме и особенно в не вызывающей сомнений и подозрений документальной точности договоренность! Но суть ее известна — **Гитлеру была гарантирована практически полная безнаказанность однофронтового разбоя Третьего рейха против СССР до 1944 г.! Об этом лично проболтался премьер-министр Великобритании У. Черчилль!** Наши подлые «друзья» по антигитлеровской коалиции — англосаксы — так и протянули открытие второго фронта до 6 июня 1944 г.! «Джентльмены», мать их... слово же дали «дражайшему» Адольфу! Вот и держали оное, сколько могли, пока не убедились, что Сталин и его верные солдаты и без англосаксов уничтожат нацизм в его же логове!

В чем конкретно могло ошибиться ГРУ, если **дата нападения на СССР — «22 июня» — письменно впервые была указана только 10 июня 1941 года?!** В документе под названием **«Распоряжение главнокомандующего сухопутными войсками о назначении срока начала наступления на Советский Союз» № 1170/41 от 10.6.1941** г. Разве требует доказательств тот факт, что **10 июня** — это ровно месяц спустя после того, как Р. Гесс сиганул через Ла-Манш в Англию?! В чем же тогда ошибка ГРУ, если почти за три месяца до письменного определения Гитлером даты нападения на СССР оно абсолютно точно спрогнозировало время нападения?! Более того, точно спрогнозировало также и ситуацию, в которой это решение будет принято, то есть в ситуации откровенных попыток Германии (Гитлера и Гесса) достичь «почетного мира» с Англией?! В чем же тогда вина ГРУ или того же Сталина?! **А ни в чем! Ее попросту нет, потому как нет и не было никакой ошибки — в помине не было, как, впрочем, и какого бы то ни было угодничества ГРУ перед Сталиным!**

ГРУ изумительно точно спрогнозировало и саму суть такого сценария развития событий. Ведь письменное оформление «22 июня» датой начала агрессии против Советского Союза было осуществлено на следующий день после того, как 9 июня 1941 г. на переговорах между Р. Гессом и высокопоставленными британскими представителями произошел своего рода «миттельшпиль». В тот день по поручению У. Черчилля в переговоры включился лорд-канцлер Англии Джон Саймон. Тот самый Джон Саймон, который за шесть с лишним лет до этого, в бытность министром иностранных дел Великобритании, еще во время мартовских 1935 г. англо-германских переговоров с Гитлером в Берлине гарантировал коричневому шакалу «зеленый свет» его агрессивной экспансии на Восток, подразумевая в первую очередь вооруженную экспансию нацистской Германии против СССР! Еще тогда, документально точно зная, о чем «шпрехали» с австрийским акцентом и лондонским прононсом разномастные шакалы Запада, Сталин откровенно предупредил Англию, что лично для нее это добром не кончится. Потому как она не с тем партнером связалась, поскольку, получив от Лондона все, что ему надо, Гитлер повернет пушки против Запада, прежде всего против Англии. Лондон предпочел тогда сделать вид, что ничего не слышал. Когда же Сталин узнал от разведки, что в переговоры с Гессом включился еще и Джон Саймон, то, памятуя об «особых» антисоветских «заслугах» этого «джентльмена», он тем более не мог ожидать ничего хорошего от этого события. Ясно осознавая, что Дж. Саймон включился в переговоры с Гессом по поручению У. Черчилля, а уж этого-то «гуся» Сталин вообще прекрасно знал со времен революции и Гражданской войны, он, естественно, превосходно представил себе, что могут натворить эти двое против СССР.

Через пару дней Сталину стало известно еще и о том, что британская служба радиоперехвата перехватила и декодировала шифровку в адрес командующих группировками армий вторжения, где и была указана дата

нападения — **22 июня. В** упомянутой шифровке передавалось **«Распоряжение...» от 10.6.1941 года.** Передача происходила **12 июня 1941** г., что впоследствии подтвердил в своих мемуарах и сам У. Черчилль. **13 июня** от погранразведки НКВД СССР Сталину стало известно как о начале выдвижения германских войск на исходные для нападения позиции, так и о практически немедленной же приостановке этого процесса. Мощный аналитический ум Сталина не мог, **во-первых,** не сделать немедленного практического вывода, а, **во-вторых,** не обратить внимания на специфические нюансы произошедшего. Что касается **«во-первых»,** его вывод заключался в санкционировании выдвижения дивизий **из** глубины западных округов в сторону границы. Данный факт подтверждается архивными данными и мемуарами А.М. Василевского. Что же до **«во-вторых»,** то от его внимания не ускользнула одна важная деталь. В тексте упомянутого выше распоряжения было прямо указано, что дату **22 июня** назначило верховное главнокомандование. Между тем, несмотря на то, что с 4 февраля 1938 г. его олицетворял непосредственно Гитлер, само это распоряжение было от имени главнокомандующего сухопутными войсками Германии. Да к тому же и подписано было начальником Генерального штаба сухопутных войск генералом Ф. Гальдером. Более того, оно содержало в себе контрольную дату — **18 июня,** в течение которой должно было быть осуществлено либо окончательное подтверждение даты нападения, либо ее отмена. Более того, в тексте распоряжения было и последнее контрольное время для этого же — **13.00 21-го июня 1941** г.!

В ситуации с данными о «миссии» Гесса сие могло означать только одно. **Невзирая на сам факт издания распоряжения о назначении 22 июня датой нападения на СССР, сама она еще должны была быть подтверждена особым политическим решением Гитлера, окончательное формулирование и принятие которого явно зависело от результатов «миссии» Гесса!** Не только Сталин, но и разведка физически не могли не прийти к этому выводу, тем более что к этому же прямо подтал-

кивал и другой факт. По полученным от разведки данным британского радиоперехвата и расшифровки выходило, что это распоряжение о назначении даты нападения на СССР было подписано сразу же на следующий день после того, как в переговоры с Гессом включился Дж. Саймон, а вот доведение его содержания до сведения командующих групп армий вторжения (ГА) гитлеровцы почему-то начали **12 июня.** Более того, едва только **13 июня** процесс выдвижения германских войск на исходные для нападения позиции был начат, так чуть ли не немедленно же был приостановлен!?

Совершенно естественно возник вопрос: а в чем, собственно говоря, дело?! Ведь немцы — известные всему миру педанты и аккуратисты, ярые поклонники строжайшей дисциплины, особенно в военном деле, даже если они и нацисты. Ведь приостановить-то могли только по приказу из Берлина — таковы были правила в вермахте. Впрочем, они таковы в любом государстве. Выдвижение собственных войск к линии границы с другим государством может осуществляться только с санкции высшего государственного руководства, а у Германии в то время, к ее глубочайшему несчастью, была ситуация как в рекламе — «три в одном»: Гитлер был един в трех государственных лицах — рейхсканцлер, президент и Верховный главнокомандующий. Да еще и «фюрер германской нации». И приказ о приостановлении процесса выдвижения мог отдать только сам Гитлер. Сталин и разведка мгновенно просчитали сложившуюся ситуацию и убедились в том, что их видение сценария нападения на СССР в результате тайного сговора Англии с Гитлером было обосновано. Потому как привлекшие к себе пристальное внимание заминки с исполнением распоряжения о назначении даты нападения на СССР открыто нарывались на сильные подозрения в том, что Гитлер чего-то ждал. Их порождала бросавшаяся в глаза логическая взаимосвязь последовавших событий. Ведь **9** июня **1941** г. к переговорам с Гессом подключился Джон Саймон, а уже 10 июня верховное главнокомандование Германии, то есть лично Гитлер, официально, письменно же назначает 22 июня датой нападения на СССР!

Кроме того, Москве было известно, что как дата нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, **«22 июня»** в категорическом тоне было объявлено бриттами специальному представителю президента США Рузвельта — Уильяму Доновану — **еще 6 июня 1941 года.** Но если по каналам радиоперехвата бритты узнали о **22 июня** только **12 июня,** следовательно, по состоянию на **6 июня** они могли знать ее только от Гесса. А, учитывая, что сообщивший об этом Доновану глава британской дипломатической разведки Р. Липер подчеркнул, что о **22 июня им известно уже несколько недель,** то вывод о том, что они узнали о ней от Гесса — сугубо категоричен. Ведь с 10 **мая,** то есть с того момента, как Гесс свалился на английскую территорию, и по **6 июня** как раз и выходили те самые несколько недель!

Британская разведка именно потому и провела в мае месяце 1941 г. мощную дезинформационную операцию по ускорению стравливания СССР и Германии в смертельной схватке*, что она абсолютно точно знала об этой дате, причем явно не только непосредственно от Гесса. Так, при сравнении сути осуществленной британской разведкой в мае 1941 г. дезинформационной операции и текста **«Руководящих указаний начальника штаба верховного главнокомандования по маскировке подготовки...» № 44142/41 от 15.2.1941** г. нетрудно заметить не только смысловое, но и едва ли не текстовое сходство между ними:

— смысл британской **дезинформации — «Если Гитлер вздумает напасть на Англию, то русские начнут войну против Гитлера»;**

— содержание **«Руководящих указаний...»** — «...Необходимо принять все меры, чтобы среди наших вооруженных сил сохранилось впечатление готовящегося вторжения в Англию, пусть в совершенно иной форме. Правда, в какой-то момент придется оттянуть с Запада предназначавшиеся для вторжения войска (убедительно прошу зафиксировать в своей памяти эти

* Ее осуществили личный друг У. Черчилля глава Британского разведывательного центра в США У. Стефенсон и его сотрудник М. Хайд.

слова, ибо это ключевой момент для понимания сущности торга на переговорах с Гессом и тем более сути тайной сделки Англии с Гитлером с помощью Гесса. — А.М.)... Даже если войска будут перебрасываться на Восток, следует, как молено дольше придерживаться версии, что переброска осуществляется с целью дезинформации или **прикрытия восточных границ в тылу во время предстоящих действий против Англии...».**

Британская разведка явно располагала соответствующей информацией и чрезвычайно ловко обыграла полученные от своей агентуры данные, фактически ввергнув гитлеровцев в состояние жертвы их же собственной дезинформации. Еще более того — даже обеспечив при этом некое подобие алиби для вскоре понадобившихся Гитлеру лживых утверждений, что-де он именно потому внезапно напал на СССР, вероломно расторгнув Договор о ненападении с ним, что хотел upредить якобы грядущую советскую агрессию против Германии.

Впервые Гитлер лично озвучил дату 22 июня только во время совещания 30 апреля. Но вот сама мысль об этой дате появилась у него, очевидно, раньше. **31 января 1941** г. была утверждена Директива Генерального штаба сухопутных войск Германии (ОКХ) № **050/41 от 31.01.1941 г., в подпункте «в» п. 12** которой было прямо указано: **«Подготовительные работы нужно провести таким образом, чтобы наступление (день "Б") могло быть начато 21.6.»** (т.е. **1941** г. — А. М.). Эта директива — самая суть **«плана Барбаросса»,** потому как она называлась **«Директива по стратегическому сосредоточению и развертыванию войск (план "Барбаросса")». К** концу апреля **1941** г., когда с Югославией было покончено, Гитлер, очевидно, решил, что необходимо, наконец, уточнить дату нападения на СССР. Одним из первых об этом узнал агент британской разведки **«Фил» —Адольф Эрнст Хойзингер[1],** поскольку это не-

[1] Адольф Эрнст Хойзингер был завербован британской разведкой как агент на перспективу еще в период пребывания в плену, куда угодил, будучи младшим лейтенантом пехоты во время битвы на Сомме в 1916 году во время Первой мировой войны XX века. В плену находился до

посредственно входило в его служебную компетенцию, так как он возглавлял Оперативное управление германского генштаба. Без согласования с ОУ ГШ Гитлер не мог принять такого решения.

И вот что интересно в этой связи. Британский посол в Москве С. Криппс в предположительном порядке озвучил дату **22 июня** в самом начале третьей декады апреля 1941 г., из-за чего уже **24 апреля** германский ВМАТ Н. Баумбах в своем донесении в Берлин указывал, что он опровергает такие слухи. Судя по всему, уже тогда бритты располагали агентурными данными о **22 июня** как о дате нападения. И потому рискнули на проведение дезинформационного зондажа, преследуя сразу три цели — выяснить возможную реакцию Кремля, одновременно запутать его, а если повезет, то и спровоцировать СССР на те действия, в ответ на которые Германия могла бы запросто напасть на Советский Союз. Однако бриттам ничего не удалось достичь тогда. Кроме, естественно, усиления подозрений Кремля в причастности британской разведки к распространению этой информации, которую в Москве восприняли как дезинформационные слухи. Кремль, как это стало понятно только в наши дни, был прав. Потому как о 22 июня как о дате нападения брит-

---

1919 года включительно — срок, более чем достаточный для вербовки и подготовке агента. По возвращении в Германию стал наиболее доверенным лицом знаменитого германского генерала, идеолога «восточной» (просоветской) ориентации рейхсвера и сотрудничества с РККА — Ганса фон Секта. С 1922 г. и до привода в 1933 г. Гитлера к власти А. Хойзингер снабжал британскую разведку подробнейшей информацией обо всех аспектах этого сотрудничества. Именно он информировал британскую разведку о сложившемся военно-геополитическом заговоре германских и советских генералов. В1940 г. Хойзингер был уже генералом, начальником Оперативного управления генштаба ОКХ и доверенным лицом Гитлера. Благодаря своим британским хозяевам после Второй мировой войны Хойзингер, к сожалению, избежал сурового наказания. Вместо этого он вновь оказался на военной службе — воссоздавал германскую армию (бундесвер), был на руководящих постах командования НАТО и лишь настойчивые разоблачения Советского Союза положили конец карьере этого британского агента.

ты узнали от своей разведки, а источником этих сведений в апреле мог быть только агент **«Фил»** — А. **Хойзингер.**

Волею случая так получилось, что его сведения совпали с данными американской разведки. Еще в марте 1940 года коммерческий атташе посольства США в Берлине — **Сэм** Вудс — добыл новые данные о плане нападения на СССР, которые 20 марта 1941 г. были переданы не только Москве, но и Лондону. А через месяц подоспели и сведения «Фила».

Убедившись же, что Москва никак не реагирует на болтовню С. Криппса, бритты решили провести ту самую дезинформационную операцию, которую разоблачил Г.Б. Овакимян. Однако 5 мая **1941** г. он был арестован ФБР[1] при активном содействии бриттов. Естественно, что далее он не мог активно заниматься разведкой. Следовательно, разоблачение им британской дезинформационной операции по ускорению стравливания **СССР** и Германии в смертельной схватке произошло **до** 4 мая включительно[2]. Но именно в это время завершалась и операция британской разведки по выводу Рудольфа Гесса на территорию Великобритании. То есть выходит, что англичане совершенно сознательно готовили ту дезинформационную операцию в расчете на скорое появление в Англии Гесса, прежде всего ради того, чтобы создать негативно давящую на планы Гитлера основу для ожесточенного торга с его эмиссаром. Ведь суть той «дезы», что разоблачил Овакимян, заключалась в следующем: **«Если Гитлер вздумает напасть на Англию, то русские начнут войну против Гитлера».**

Именно это и располагало к ожесточенному торгу по принципу **свобода действий на Востоке в обмен хотя бы на видимость мирной передышки для Англии или по меньшей мере на резкое снижение ак-**

[1] Г.Б. Овакимян не обладал дипломатическим иммунитетом. 7 мая под залог в 25 тысяч долларов он был освобожден до суда, который, впрочем, не состоялся. В его освобождении участие принимал лично Сталин.

[2] В этом ему помог агент советский разведки, сотрудник Британского разведывательного центра в США Седрик Белфрейдж.

тивности боевых действий авиации люфтваффе против Англии. Как показали последующие события и особенно их вдумчивый анализ ГРУ, все именно так и произошло.

Если теперь подытожить изложенное выше, то получается следующее. Гитлер, которому ничто и никто не мешали еще **до 10 июня** письменно назначить **22 июня** датой нападения на СССР, в реальности почему-то стал действовать очень странным для такого не привыкшего с чем-либо или кем-либо считаться авантюриста-наглеца образом. Вначале принял внутреннее (то есть для себя) решение о **22 июня** как о дате нападения на СССР — насколько можно судить, это произошло самое позднее к концу второй декады апреля **1941** года. Ибо уже **24 апреля** дата **22 июня была озвучена британским послом в СССР.** Знать об этом в тот момент англичане могли только от своего агента **«Фила» — А. Хойзингера,** поскольку сам Гитлер впервые озвучил эту дату перед своим генералитетом только **30 апреля,** а Гесс в то время еще был в Германии[1].

Только **А.Хойзингер** мог знать о бродившей в черепе фюрера дате **22 июня,** поскольку, как Верховный главнокомандующий, Гитлер физически не мог не кон-

[1] Последний раз Гесс виделся с Гитлером 4 мая 1941 г. и во время многочасовой аудиенции у фюрера все спрашивал последнего, остается ли в силе тезис «Майн Кампф» о необходимости союза с Англией?! Гитлер же к каждый раз отвечал ему утвердительно. Именно из-за этого тезиса еще в первой половине 1933 г. Сталин осуществил массированную дипломатическую атаку на Гитлера, вынудив его в конце концов ратифицировать еще в 1931 г. парафированный протокол о пролонгации срока действия советско-германского Договора о нейтралитете и ненападении от 24 апреля 1926 г. еще на пять лет. С тех пор Сталин отслеживал любые, даже мельчайшие признаки, которые пускать даже и гипотетически, но могли-таки привести к реализации идеи этого союза на практике. Не случайно поэтому, что едва только Сталину стало известно о полете Гесса, упомянутый выше пассаж из «Майн кампф» тут же «выплыл» из обширнейших запасников его могучей и очень цепкой памяти. Мало того,что по факту получалось, что Гесс и в самом-то деле прибыл в Англию для реализации на практике этого положения из «библии » нацизма, так еще и ГРУ за полтора месяца до этого события с потрясающей точностью спрогнозировало ситуацию с «миссией » Гесса. Естественно, что Сталину было от чего сильно взволноваться!

сультироваться с начальником Оперативного Управления ГШ — это ведь «мозговой трест» любого генштаба.

Затем через Гесса фюрер конфиденциально сообщил о **22 июня** англичанам. И в то же время, несмотря на то, что ему действительно ничто и никто не мешали утвердить **22 июня** в качестве даты нападения на СССР до **10 июня 1941** г., Гитлер более месяца тянул с официальным письменным оформлением этой даты. Тут и ничего не сведущему в делах высшей мировой политики стало бы ясно, что **Гитлер именно потому так долго тянул с письменным утверждением давно определенной им даты нападения, что ожидал принципиального британского «одобрям-с» своему принципиальному решению о нападении на Советский Союз, в том числе и самой дате агрессии 22 июня!**

В изложении бритов это «одобрям-с» прозвучало так: **«Английские интересы в восточных и юго-восточных европейских областях (за исключением Греции) являются номинальными»!** Заметьте, что речь шла о каких-то неведомых областях, а не о государствах Восточной и Юго-Восточной Европы. Это и означало, что бритты не только списали со счетов всех, но и открыто дали понять Гитлеру, что он может делать в этих самых восточных и юго-восточных «областях», что захочет — никто не мешает! А поскольку часть этих территорий и так была уже оккупирована или же, как грязные марионетки, они состояли на службе у Третьего рейха — откровенно фашиствовавшие тогда шакалы типа режимов в Словакии, Венгрии, Румынии, Болгарии и т.д., — **то, «естественно», понятие номинальности британских интересов однозначно распространялось только на СССР! Проще говоря, Англия совершенно открыто заявила Гитлеру, что ей и в самом деле наплевать, что он намерен делать против СССР!**

Тут нельзя не отдать должное исключительной «принципиальности» в скором времени нашего очень подлого «друга» по антигитлеровской коалиции —сэра У. Черчилля. Этот «гусь» еще в середине апреля 1941 г. «отморозил» беспардонно хамскую выходку по отно-

шению к Советскому Союзу, направив правительству СССР меморандум, в котором содержались и сегодня вызывающие глубокое возмущение строки: **«Правительство Великобритании не заинтересовано столь непосредственно в сохранении неприкосновенности Советского Союза, как, например, в сохранении Франции и некоторых других западноевропейских стран».** Но как раз это-то и есть в натуральном виде **«английские интересы в восточных европейских областях номинальны»!** Сие еще и тем характерно, что в одном предложении содержится и второе доказательство условий Англии к Германии на пути достижения так называемого **«почетного мира». В п. 2** этих условий говорилось: **«Ни одно английское правительство, считающее себя дееспособным, не сможет отказаться от восстановления государственной системы Западной Европы».** Если сравнить с тем, что Черчилль «отморозил» в меморандуме в адрес советского правительства, то нетрудно же понять, о чем же шел торг на переговорах с Гессом!

И как только Гитлеру стало известно, что в переговоры с Гессом включился именно Дж. Саймон — а фюрер, как показали на послевоенных допросах в советских органах госбезопасности его ближайшие сотрудники Гюнше и Линге, очень внимательно следил за всеми сообщениями своей разведки из Лондона, — он тут же издал распоряжение о назначении 22 июня датой нападения на СССР! Потому как понял, что коли подключился сам Дж. Саймон, который еще шесть с лишним лет назад от имени Англии гарантировал «зеленый свет» экспансии на Восток, значит, англичане держат свое слово («джентльмены»!) и подтверждают, что их «интересы в восточных европейских областях» действительно номинальны! В реальности же они, конечно, не были номинальны. Англия и хотела бы «застолбить» там свои интересы (особенно в Юго-Восточной Европе, к примеру...), что и пыталась делать (кстати, и в дальнейшем тоже, препираясь во время войны со Сталиным по этим вопросам). Но в то время она вынуждена была сделать «хорошую мину при плохой игре». Сидя по уши в дерьме германской блокады,

куда она вляпалась по собственной же дурости, о каких уж интересах на Востоке Европы можно было говорить?! Лондон прекрасно осознавал, насколько советско-германский Договор о ненападении от 23 августа 1939 г. поменял не только расписание Второй мировой бойни, которую не в меру «добрая» Англия столь усердно готовила для СССР, но и конфигурацию Европы, в том числе и послевоенную.

Поэтому для Лондона единственным выходом из создавшегося тогда положения было нападение Германии на не представляющие для Англии даже «номинального интереса» Советы. Соответственно Гитлеру предоставили свободу действий против СССР: Англия есть Англия, не к ночи будь она помянута! И Гитлер именно потому так долго тянул с письменным утверждением даты нападения на СССР, **что** ждал этих серьезных гарантий со стороны Англии. В порядке, «естественно», установления «почетного мира» между «великой морской державой» Англией и «великой континентальной державой» Германией, то есть гарантий полной безнаказанности однофронтового разбоя против СССР. Проще говоря, гарантий того, что Англия, тем более в союзе с США, не ударит в спину рейху на Западном фронте! А вот их-то до середины второй декады июня 1941 г. у него и не было — шел ожесточенный торг и стороны еще не пришли к единой позиции на сей счет. Только отсутствием гарантий безнаказанности однофронтового разбоя против СССР можно объяснить практически мгновенную приостановку 13 июня едва только начавшегося процесса выдвижения германских войск на исходные для нападения позиции. Не говоря уже о нехарактерном для гитлеровцев, прежде всего как для немцев, затягивании с передачей распоряжения о назначении даты нападения на целых два дня. **Фюрер тянул время, ожидая столь необходимых ему гарантий именно безнаказанности однофронтового разбоя против СССР, так как он до остервенения опасался войны на два фронта!**

Ясно видя, что принятое решение о нападении Гитлер нагло согласовывает с Англией, **12 июня** Сталин

санкционировал выдвижение дивизий из глубины приграничных округов в сторону границы. Одновременно было подготовлено Сообщения ТАСС от **13 июня 1941** г., которое с нарочито демонстративной торопливостью в тот же день было озвучено сразу по трем каналам: в **18.00** московского времени в радиоэфире для заграницы, а также путем вручения его текста как официального документа Правительства СССР одновременно англичанам и немцам. А на следующий день — **14 июня** — оно было опубликовано еще и в советских газетах! Потому что не менее ясно Сталин видел и то, что на тот момент Адольф никаких гарантий безнаказанности однофронтового разбоя еще не получил— «джентльмены» никак не могли сговориться! Шел ожесточенный торг, «естественно», за счет ущемления коренных интересов СССР-России — проклятая Англия иначе просто не умеет! Вот почему Сталин так сильно и «врезал» Англии в том Сообщении ТАСС от **13 июня 1941** г.!

Это был отчаянный, но тщательно продуманный (благодаря разведке) и решительный шаг. Необходимо было в упреждающем порядке нейтрализовать подлые потуги Англии, пытавшейся по-прежнему играть утраченную роль мировой державы и главного арбитра в Европе. В том числе даже определять, кому, с кем и в каких условиях сцепиться в смертельной схватке, чтобы эта чертова Англия уцелела! Или, по меньшей мере, хотя бы резко снизить статус возможно уже обещанной Англией Гитлеру свободы действий против СССР за счет достаточно внятных обвинений коварного Альбиона в прямом потворстве нацистской Германии! Так и в самом деле, ну не на пустом же месте Сталин уверенно предполагал, что Гитлер не рискнет на войну на два фронта — в Германии слишком хорошо помнили печальные итоги Первой мировой! И если бы не эти подлые гарантии Англии Гитлеру, то едва ли коричневый шакал рискнул бы напасть на СССР **22 июня 1941** года!

Но Англия находилась уже при последнем издыхании. Даже американская помощь не спасала ее, позво-

ляя всего лишь «тонуть» в замедленном темпе. И единственный шанс на спасение состоял в том, чтобы дать Гитлеру гарантии полной безнаказанности его однофронтового разбоя против СССР, тем более что с геополитической точки зрения интересы Англии и нацистской Германии в вопросе об уничтожении СССР-России были идентичны. Проще говоря, пусть Адольф займется бандитизмом против **СССР,** лишь бы хоть на какое-то время отстал от Англии! Сообщением ТАСС от 13 июня Сталин заранее пригвоздил Гитлера к позорному столбу Истории как агрессора, который с санкции какой-то полузадушенной Англии готовится вероломно и внезапно напасть на честно соблюдающего условия Договора о ненападении от 23 августа 1939 г. партнера по межгосударственным отношениям! В Лондоне это поняли. И тем не менее всемирно известная сволочь по имени Великобритания к исходу **14** июня **1941** г. все-таки выдала столь любезному ее сердцу Гитлеру гарантии безнаказанности его однофронтового блиц — «Дранг нах Остен» — крига! Гарантировала до **1944** г.!

Уже после начала войны, 7 июля 1941 г., ГРУ направило Сталину и Молотову специальное сообщение подробного аналитического характера, в котором указывало, что «вооруженное выступление против СССР было предрешено задолго до перелета Гесса в Лондон для прощупывания почвы о возможности мирных переговоров между Англией и Германией, что подтверждается агентурными данными. Перелет Гесса в Англию нужно рассматривать как попытку Гитлера склонить Англию на заключение мира, поставив ее перед свершившимся фактом уже законченного сосредоточения основной группировки сил против СССР».

Правильно, хотя склонить Англию к прямому, тем более письменному заключению такого мира Германии и Гитлеру не удалось. Не такой уж и болван был сидевший на Даунинг-стрит, 10 наш подлый «друг» по антигитлеровской коалиции. Да и Сталин окольными путями — через США — не допустил этого. Не фиксируя письменно своего «одобрям-с» агрессии Гитлера против СССР — это был бы абсолютно не обжалуемый смертный приговор самой Великобритании, — вселенские бандиты с обеих сторон действительно договорились меж-

ду собой. И действительно на почетных для каждого из них условиях. **Лондону — максимально возможное снижение угрозы разрушения и тем более уничтожения Англии, особенно за счет воздушных бомбардировок. Берлину — свобода рук на Востоке против СССР плюс гарантии безнаказанности однофронтового блиц —«ДрангнахОстен» —крига.**

ГРУ отмечало, что, **«по имеющимся данным, эта попытка склонить на мир Англию не увенчалась успехом, но в известной степени получила отражение в дальнейшем ходе военных действий между Германией и Англией в сторону их ослабления. Для подтверждения такого вывода необходимо привести следующие конкретные факты:**

а) Переброска всех родов войск немецкой армии на Восток продолжается за счет ослабления группировки немецких войск на северо-западном побережье Франции...».

А ведь не будь у него британских гарантий, что в ближайшие два-три месяца, в течение которых ему грезился успех блицкрига против СССР, в спину рейху на Западном фронте не ударят, Гитлер не рискнул бы осуществлять такие переброски! К слову сказать, ГРУ зафиксировало конкретные результаты англо-германского сговора еще до нападения на СССР. В начале упомянутого сообщения ГРУ прямо указало, что еще до нападения на СССР **Германия оставила в оккупированной части Франции всего 14—15 дивизий!** Если бы англичане были порядочными и честными союзниками и открыли бы второй фронт еще тогда, летом 1941 г., как того особо яростно требовал Сталин, то эти 14—15 дивизий вермахта были бы смяты и раздавлены в мгновение ока, а СССР была бы оказана существеннейшая помощь. И тогда даже в тех наитяжелейших условиях начального периода войны реально удалось бы избежать столь гигантских людских, территориальных и материально-технических потерь! Но, увы. Черчиллю важнее было сдержать данное А. Гитлеру слово, чем реально помогать союзнику по антигитлеровской коалиции!

— **«б) Усиление Восточного фронта германской авиацией продолжается. Захваченные пленные показывают, что их соединения за 3—4 дня до начала войны и даже в процессе войны переброшены из Франции».**

ГРУ показывало ситуацию практической реализации достигнутого накануне агрессии против СССР англо-германско-

го тайного сговора. Совершенно не опасаясь последствий, гитлеровское командование перебрасывало громадные силы из Франции на Восточный фронт! **Характерно, что ГРУ указало на то обстоятельство, что этот процесс начался за 3—4 дня до нападения Германии на Советский Союз. Именно это и означало, что к тому времени у Гитлера уже были «железные» британские гарантии безнаказанности однофронтового нападения на СССР. И потому, собственно говоря, с 4.00 18 июня 1941 г. и был возобновлен процесс выдвижения войск вермахта на исходные для нападения позиции.** ГРУ прямо назвало также и те части люфтваффе, которые были переброшены с Западного фронта на Восточный.

— **«в) Для действий английской и германской авиации на Западном фронте характерно резкое снижение активности начиная с середины мая»!**

Совершенно очевидно, что резкое снижение активности боевой авиации двух воюющих государств, **во-первых,** произошло сразу же после прибытия Гесса в Англию. **Во-вторых,** носило явный характер авансового платежа с обеих сторон, одинаково нуждавшихся в практическом подтверждении намерения каждой из них пойти-таки на тайный сговор. Со стороны Англии это вообще было ультимативным требованием, выполнение которого со стороны Германии эвентуально гарантировало как возможность самих переговоров с Гессом, так и особенно возможность достижения тайного сговора против СССР по указанной выше схеме! В свою очередь это означает, что уже с середины мая 1941 г. обе стороны стали играть в профанацию под названием «взаимные бомбардировки » для... отвода глаз: по сообщениям лондонской резидентуры ГРУ, гитлеровская авиация с того времени залетала в английское воздушное пространство одиночными самолетами! Кстати, и англичане, по тем же данным, тоже проводили свои налеты на Германию крайне незначительным количеством самолетов, потому как по сравнению с предшествовавшим перелету Гесса периодом их количество было **снижено в** 7,5 раз! Весьма характерно также и то, что едва ли не в первую очередь обе стороны снизили интенсивность налетов на важные объекты!

Поразительно, но факт, что гарантии были выданы на следующий день после получения текста Сооб-

щения ТАСС в качестве официального документа Правительства СССР! И тогда же, 14 июня, и Гитлер политически подтвердил еще 10 июня положенное на бумагу свое решение о назначении 22 июня датой нападения на СССР! А 16 июня 1941 г. временный поверенный в делах Великобритании в СССР (посол С. Криппс в тот момент находился в Лондоне) полез «сердобольничать», выражая Кремлю обеспокоенность грядущим нападением Германии на Советский Союз!

От игравшей в то время роль стратегической разведки разведслужбы погранвойск НКВД СССР 15 **июня** были получены неопровержимые документальные доказательства того, что Гитлер действительно политически подтвердил официально назначенную дату нападения на СССР. Было установлено, что **процесс выдвижения войск вермахта на исходные для нападения позиции возобновляется с 4.00 18 июня 1941 года! В** тот же день Сталин в последний раз осуществил блицпроверку точности своего понимания складывающейся ситуации и достоверности получаемой разведкой информации, предложив германскому правительству срочно принять с визитом Молотова, на что немедленно последовал отказ.

Окончательно убедившись, что война действительно грянет через четыре дня, Сталин отдал приказ об оповещении командующих западными военными округами о грядущем в самые ближайшие дни внезапном нападении Германии и о необходимости в связи с этим приведения вверенных им войск в боевую готовность! Командующие Прибалтийским, Ленинградским, Западным, Киевским и Одесским военными округами, а также Балтийским, Черноморским и Северными флотами с прямой санкции Сталина официально были предупреждены об этом телеграммой начальника Генерального штаба РККА генерала армии Жукова Г.К. еще 18 июня 1941 года!!! То есть за четыре дня до агрессии!!! **Причем, как свидетельствуют исследования последних лет, в том числе и проведенные лично автором этих строк, в директиве от 18 июня 1941 г. по указанию Сталина непосредственно указывалась**

дата 22 июня 1941 года! Как минимум это было сделано в форме хотя и ориентировочной, однако же наиболее вероятной даты!

Так вот, зная все это, кто-либо взял бы на себя нелегкий, а, скорее всего, явно же неподъемный труд хотя бы попытаться вразумительно объяснить, в чем же в конце-то концов была ошибка ГРУ или его угодничество перед Сталиным, и тем более в чем же была ошибка самого Сталина и ГРУ или их заблуждение на сей счет, если все факты совершенно однозначно свидетельствуют о следующем.

Во-первых, о том, что в своих выводах № 1 и № 2, изложенных в докладе от 20 марта 1941 г., ГРУ ни на йоту не ошиблось! Подчеркиваю, ни на йоту не ошиблось! Уж сейчас-то это ясно как Божий день! Во-вторых, о том, что этими выводами ГРУ ни на йоту и ни в чем не ввело Сталина в заблуждение. Наоборот, точно обрисовало ему тот сценарий, которого более всего и следовало опасаться! И кто бы объяснил, что плохого могло быть в том, что основанное на тщательнейшем анализе реальных фактов мнение ГРУ точно совпало с позицией Сталина, если это совпадение ясно означало, что аналитики ГРУ фактически вышли на тот же высочайший уровень компетентности в вопросах мировой политики, каковым обладал лично Сталин?! В-третьих, о том, наконец, что и сам Сталин ни в чем не ошибался и не заблуждался, особенно в вопросе о времени, дате и антураже нападения Германии на СССР!

Трагедия 22 июня 1941 года произошла не потому, что в чем-то ошиблись советские разведслужбы, в частности, военная разведка. Трагедия громыхнула потому, что высшее военное руководство СССР, прежде всего нарком обороны маршал Советского Союза С.К. Тимошенко и начальник Генерального штаба РККА генерал армии Г.К. Жуков проигнорировали не только донесения разведки, но и основывавшиеся на донесениях и аналитических выкладках разведки указания Сталина! Ведь благодаря разведке они прекрасно знали практически все, что касалось «плана Барбаросса». В частности, они располагали достоверными данными

о подготовке фашистской Германии к нападению на Советский Союз, в том числе и оперативными планами германского командования по разгрому Красной Армии, а также данными о тактических приемах по организации разгрома советских войск. Располагали германским картографическим сценарием начала войны, где были указаны три основных направления главных ударов вермахта. Имели даже схему разработанного еще на рубеже 1936—1937 гг. прототипа «плана Барбаросса », сиречь располагали сведениями даже о генезисе этого плана и этапах его развития вплоть до трансформации в «план Барбаросса». Знали о тактических приемах по недопущению использования нашим командованием стратегии и тактики войны 1812 года. Обладали неоднократными предупреждениями разведки о том, что командование вермахта едва ли не в массовом порядке готовит для РККА «варианты Канн», проще говоря, гигантские котлы по уничтожению военной силы СССР. Располагали и подробными данными о тактике и стратегии командования вермахта, особенно при внезапном нападении. Знали о весьма нелицеприятных оценках командования вермахта бросавшейся в глаза стратегической ущербности дислокации советских войск на западных границах СССР. Они обладали с большой точностью выявленными данными о боевом составе, численности и вооружениях группировок вторжения, причем практически на глубину до 400 км вглубь территории Германского рейха. Имели точно установленные данные о численности германских дивизий у советских границ, их дислокации, вплоть до расположения батальонов, штабов частей и даже огневых позиций отдельных артиллерийских и зенитных частей, а также аэродромов, особенно передового базирования авиации люфтваффе. Обладали, например, подробными сведениями о состоянии, в частности, танковых войск — основной ударной силы вермахта в операциях блицкрига. Знали не только о тактике их применения в боевых операциях, но и даже толщину брони еще только разрабатывавшихся моделей новых танков. Документально точно знали о том, что командование вер-

махта планирует наиболее сильный удар своим левом крылом, то есть на Северо-Западном и особенно Западном направлениях и даже о том, что, как и за пять лет до этого, гитлеровцы вновь планируют взять Минск на пятый день агрессии. Знали о том, что нападение произойдет без объявления войны. Знали точную дату и час начала агрессии! С 18 июня 1941 года знали уже абсолютно точно! Знали даже и о будущей трагической судьбе плененных на поле боя советских военнослужащих — о том, что им предстоит стать узниками нацистских концлагерей на положении рабов. И многое другое.

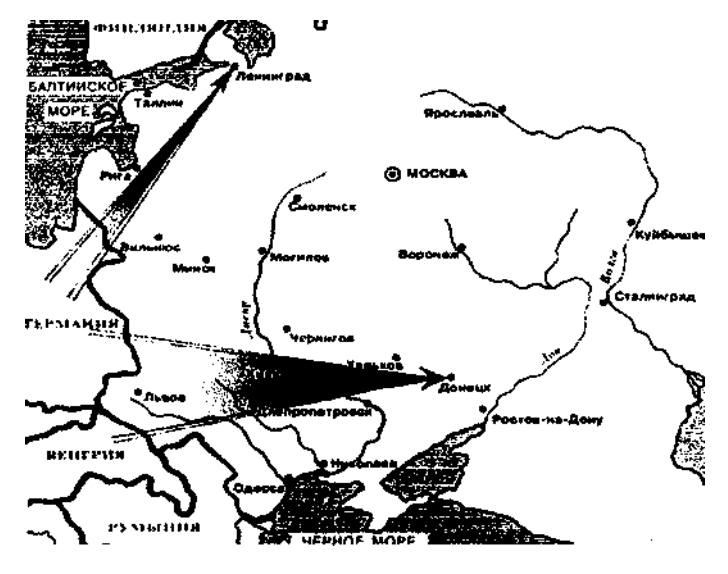
Если исходить из рассекреченных и уже опубликованных на сегодня данных обеих разведслужб о подготовке гитлеровской Германии к войне, то едва ли найдется какой-либо аспект этой подготовки, который не был бы известен высшему военному командованию СССР. В первую очередь, естественно, наркому обороны маршалу Советского Союза С.К. Тимошенко и начальнику Генерального штаба РККА генералу армии Г.К. Жукову. Многолетний начальник ГРУ генерал армии П.И. Ивашутин именно поэтому-то и подчеркивал, что **«ни в стратегическом,** ни в тактическом плане **нападение фашистской Германии** на Советский Союз **не было внезапным»!**

Обладая столь обширными и разносторонними, достоверными же, в том числе и документальными, и даже картографическими данными о планах командования вермахта, высшее военное руководство СССР, прежде всего нарком обороны С.К. Тимошенко и начальник генштаба Г.К. Жуков, тем не менее устроилитаки грандиозную катастрофу. И в этой связи поневоле придется вспомнить следующее.

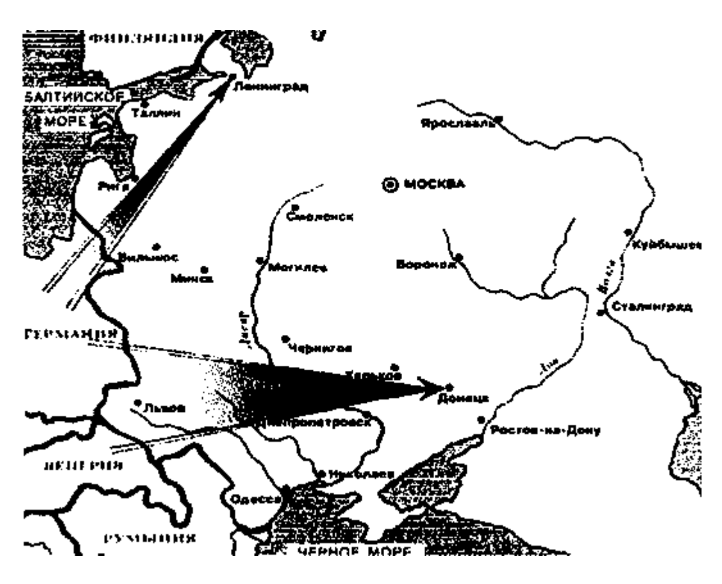
Во-первых, что еще в конце 1935 года советская военная разведка умыкнула меморандум 2-го Бюро Генерального штаба (аналог ГРУ) Франции, в котором уже тогда утверждалось, что в случае войны с Германией Советский Союз потерпит военное поражение, которое откровенно предрекалось сразу же после начала войны. В меморандуме так и говорилось, что «с открытием военных действий — на первых же порах

Красная Армия потерпит серьезные неудачи, которые скоро приведут к полному военному разгрому и развалу армии», а затем и к государственному перевороту силами военных. Кстати говоря, это было далеко не единственное сообщение разведки на эту тему. Об этом же открыто предупреждали и некоторые советские военачальники 30-х гг.

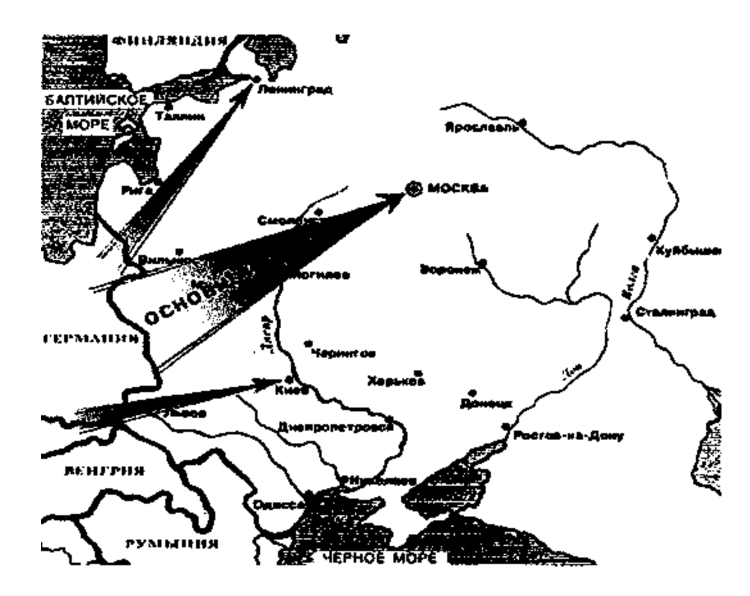
Во-вторых, о разоблачении в мае 1937 года заговора военных во главе с Тухачевским, преследовавшим именно эту цель, а также о собственноручно изложенном им для следствия «Плане поражения Советского Союза в войне с Германией». Совпадения между тем, что было изложено в этом плане, и что сделали Тимошенко — Жуков — просто фантастические. И потому говорить об их случайности не приходится. Тухачевский, например, утверждал, что Белорусское (Западное) направление главного удара вермахта является фантастическим для планов Гитлера, но ведь и Жуков с Тимошенко ожидали именно этого же — «фантастики» от Гитлера!? Взгляните на схему ожиданий главных ударов по Тухачевскому и по Жукову, и попробуйте найти хоть какое-нибудь различие. А заодно попытайтесь объяснить, как можно было ожидать именно такого сценария, если разведка упрямо сообщала о трех группировках вторжения и о трех же направлениях главного удара?! Попытайтесь также хотя бы самим себе объяснить, почему с приходом Жукова на должность начальника Генштаба из документов военного планирования сразу у двух округов — у Прибалтийского и Западного — исчезла задача прочного прикрытия именного Минского направления — центрального в рамках более широкого Белорусского (Западного) направления?! Почему это должно было совпасть с ожиданиями Тухачевского по «Плану поражения»?! Почему ни Жуков, ни Тимошенко никак не реагировали на прямые предупреждения разведки о наиболее сильном ударе вермахта именно левым крылом, то есть на направлении именно этих округов?! Причем даже тогда, когда ГРУ уже буквально кричало об угрозе нашим войскам именно же с польского плацдарма!

Направления удара вермахта по Тухачевскому

"Ожидавшиеся" Жуковым и Тимошенко направления удара вермахта

Подлинные направления удара вермахта по "Плану Барбаросса"

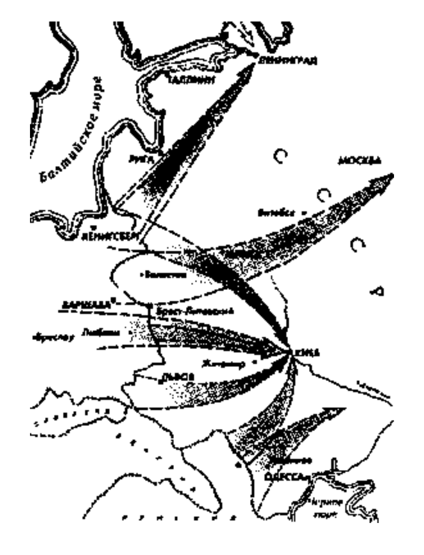

Схема возможных направлений немецкого наступления, составленная в ГРУ в марте 1941 г.

Поразительно, но факт, что Жуков письменно подтвердил, что ему достоверно было известно об особой концентрации германских войск на польском плацдарме[1], но тем не менее ничего не предпринял для укрепления обороноспособности Западного округа! Почему и это должно было совпасть с «Планом поражения»?! Почему они никак не реагировали на документально подтвержденное сообщение разведки о том, что, как и пять лет назад, гитлеровцы планируют взять Минск на пятый день агрессии?! А ведь именно так все и произошло. Почему они никак не реагировали на прямые предупреждения разведки о грядущем «варианте Канн»?! Почему и это должно было совпасть с «Планом поражения»?! Почему у Западного округа была раздвоенность боевых задач в пользу соседних округов?! Почему в точном соответствии с этим же «Планом поражения» они переакцентировали центр тяжести всех усилий на Юго-Западное направление?! Ведь вопреки всем их байкам Сталин такого приказа им не давал. Почему даже послевоенные объяснения Жукова откровенно повторяли наущения Тухачевского из «Плана поражения»?!

Выше уже приводился пример об оскорблениях Жукова в адрес ГРУ, прежде всего из-за того, что военная разведка, видите ли, чего-то не досмотрела в Польше!? А это как объяснить?! Тем же «фантастическим» для планов Гитлера замыслом главного удара на Белорусском направлении, как пытался убедить еще Тухачевс-

[1] Речь идет о «гениальном плане» от 15 мая 1941 года, из преамбулы которого и прилагавшихся карт к которому видно, что Жукову было известно о небывалой концентрации войск вермахта на польском плацдарме. Это был «гениальный план» бессмысленного удара в никуда! Хуже того, этот «план» был еще и тем беспрецедентно «гениален», что в качестве его главной цели ставилась задача срыва мобилизации уже отмобилизовавшего свои силы противника! Каким же местом надо было думать, чтобы додуматься до такого?!Не говоря уже о том, как можно было планировать за раз прихлопнуть целых 100 дивизий сильного противника? Этот план никогда не докладывался Сталину и даже не покидал стен Генштаба, где и осел в архиве. Если бы Сталин хоть один раз увидел бы этот план, то по факту трагедии 22 июня список «невинных жертв» сталинизма мгновенно пополнился двумя фамилиями — Жукова и Тимошенко.

кий?! Почему в качестве главного метода обороны страны Тимошенко — Жуков избрали вариант немедленного встречно-лобового контрблицкрига или, если строго военным языком, вариант отражения агрессии стратегическими (фронтовыми) наступательными операциями?! Это же не было предусмотрено официальным планом обороны! Но именно на этом настаивали еще Тухачевский и Уборевич, даже сидя на Лубянке. На том и был построен их «План поражения». Потому что войска, изготовившиеся отвечать на агрессию именно таким способом, находятся в состоянии крайней неустойчивости с точки зрения именно обороны!

У гитлеровцев, к слову сказать, ситуация была идентичная! В такой ситуации все зависит от того, кто первым ударит. Тухачевский и Уборевич прекрасно это понимали еще в 1934 г., сознательно навязывая военному командованию СССР концепцию пограничных сражений, в которой главный приоритет отдавался фланговым группировкам! Дело в том, что сухопутные войска в таком случае выставляются «узкой лентой» с минимальной линейной (оперативной) плотностью, к тому же с большими разрывами между оперативными и стратегическими эшелонами. А приоритет отдается ударам с воздуха и танковыми (механизированными) частями. Об ущербности такой «стратегии» отражения агрессии некоторые из советских генералов не только говорили еще тогда, в 30-х гг., но аргументированно доказывали свою позицию. Тем более что и все маневры и учения того периода четко доказывали то же самое. И это хорошо было известно в генеральских кругах.

Почему же в 1941 году это было повторено практически под копирку?! Почему принцип «активной обороны», на котором был построен официальный план обороны, оказался негласно подменен на принцип «жесткой обороны» на линии границы?! На каком основании негласно и незаконно был подменен и сам официальный план обороны?! Наконец, почему имели место даже мельчайшие совпадения, даже в нюансах, между «Планом поражения» и трагической реальностью 22 июня?! Причем в таком количестве и такого, не приведи Господь, «каче-

ства», что ни о какой случайности невозможно говорить даже гипотетически! Поневоле приходится рассматривать вопрос об умышленной измене высшего генералитета.

Миф № 19. Сталин не доверял внешней разведке перед войной и пренебрегал ее данными, вследствие чего и случилась трагедия 22 июня.

Миф № 20. Сталин написал «матерную резолюцию» на донесении разведки.

Первый из этих мифов появился еще на XX съезде КПСС. Несмотря на неоднократные массированные, в том числе и с использованием громадного количества документальных данных из рассекреченных ныне архивов советских разведслужб, разоблачения, миф до сих пор эксплуатируется в усиленном режиме. К глубокому сожалению, в немалой степени тому способствовали как известные военачальники, так и известные разведчики, не говоря уже о всякого рода прощелыгах от истории, только и умеющих, что лгать, не понимая сути вопроса. Второй же появился еще во времена Горбачева и Яковлева, но активно стал использоваться лишь накануне 50-летия Великой Победы — в 1994—1995 гг.

Между тем как такового недоверия к разведке у Сталина не было и в помине. Никогда не было. Был здоровый и крайне обязательный для государственного и политического деятеля такого высокого уровня скептицизм по отношению к докладывавшейся ему разведывательной информации. Обусловлено это было несколькими причинами. Прежде всего, тем, что испокон веку разведка действует в условиях острейшего дефицита не только времени и возможностей для добывания секретной информации, но и наличия абсолютно достоверной информации, с которой, как с эталоном, можно было бы сравнивать и проверять добываемые сведения. Данное обстоятельство приобретает исключительно чрезвычайное значение, когда речь идет о вопросах войны и мира. Решение этих вопросов требует

особо взвешенного, особо мудрого подхода, обязательно с дальним прицелом. Потому как последствия неадекватной реакции на разведывательную информацию могут быть катастрофическими. Поэтому требуется исключительно наиточнейшая информация. Буквально в каждом своем нюансе она должна быть **абсолютно доказанной,** более того, **неопровержимо доказанной.** Желательно документально. А подобное в разведке не так уж и часто бывает. Как правило, разведывательные сводки для руководства государства носят обобщающий характер — то есть составляются по данным разных во всем источников. Естественно, что в таких случаях ни один руководитель разведки не рискнет делать выводы в категорическом тоне. И вовсе не из страха перед руководством государства, а исходя из реальных возможностей разведки на тот или иной момент. Упомянутый выше дефицит в возможностях проверки достоверности информации, если и не висит как дамоклов меч, но тем не менее постоянно довлеет над разведкой.

Более того. От Сотворения мира разведка вынуждена преодолевать массированное противодействие контрразведки государства, против которого ведется разведка. Активность же контрразведки крайне резко возрастает именно в тех случаях, когда на кону стоят вопросы войны и мира. Например, контрразведка государства, готовящего агрессию, буквально до свирепства доходит в попытках противодействия особенно разведке того государства, против которого готовится агрессия. Преодолеть же такое яростное противодействия порой бывает чрезвычайно трудно. Хотя бы, например, потому, что это противодействие осуществляется, как правило, по двум магистральным направлениям. Первое — тотальная и эффективная контрразведывательная защита особо важных секретов с применением как агентурных, так и технических средств. Второе — дезинформационное, которое осуществляется аналогичным образом, то есть агентурными и техническими средствами. Преодолев, например, массированное противодействие контрразведки на первом магистральном направлении, разведка автоматически сталкивается с

вопросами, относящимися к сути второго, то есть не с дезинформацией ли она столкнулась. И наоборот, своевременное вскрытие дезинформационных акций противника напрямую зависит от своевременного же преодоления массированного противодействия контрразведки на первом магистральном направлении. Всё это непрерывный процесс, с которым разведка сталкивается постоянно. Это чрезвычайно сложная, крайне трудоемкая и опасная для жизней разведчиков и агентуры, требующая особо кропотливых, в том числе и аналитических, усилий работа, которая в одночасье не может быть осуществлена априори. Это дело времени и, к сожалению, зачастую немалого. К тому же следует иметь в виду, что когда на кону стоят вопросы войны и мира, то, как это повелось от Сотворения мира, находится слишком много желающих погреть руки на костре «третьего радующегося». Особенно, если жизнь и смерть этого «третьего радующегося» напрямую зависят от того, сцепятся ли между собой в смертельной схватке те двое, в отношении которых «третий» занимает позицию «радующегося».

Подобная ситуация отнюдь не редкость в мировой практике. Именно такая ситуация складывалась вокруг СССР накануне войны. Уж слишком громадную заинтересованность в ускорении стравливания СССР и Германии в смертельной схватке тогда проявляла Великобритания (да и США не отставали). Ибо ее жизнь и смерть в тот период напрямую зависели именно от этого. Хотя, если откровенно, то подобным, отнюдь не Божьим промыслом Англия промышляла задолго до 1941 года.

А на это накладывалась в целом неизбежная в любой разведке ситуация с предательством в собственных рядах и побегами отдельных бывших разведчиков к противнику, в данном случае на Запад. К глубокому сожалению, в конце 1930-х гг. под предлогом борьбы со сталинизмом на Запад перебежали несколько крупных разведчиков, в том числе и нелегалов. Имеются в виду нелегальные резиденты Игнаций Рейсе (он же Натан Маркович Порецкий) и Вальтер Германович Кривицкий (он же Самуил Гершевич Гинзбург), «ле-

гальный» резидент Александр Орлов (он же Лейба Лазаревич Фельдбин), начальник УНКВД Дальневосточного края Генрих Самойлович Люшков и некоторые другие. Испокон веку единственным пропуском к противнику является сдача всей известной информации о своей разведке, прежде всего о ее сотрудниках и агентурной сети. **К примеру, В. Кривицкий только британской разведке и контрразведке сдал свыше 100 сотрудников, агентов, доверительных связей и контактов советской разведки практически по всему миру, прежде всего в Европе, в том числе и Англии. А заодно и сведения об агентах инфраструктуры советской разведки, то есть о лицах, которых выполняли важные вспомогательные функции — о содержателях конспиративных и явочных квартир, почтовых ящиков, пунктов телефонной связи, радистах, курьерах и т.д. Для сведения читателей: вся агентурная сеть, например, внешней разведки СССР (то есть НКВД-НКГБ СССР) к началу войны насчитывала чуть более 600 агентов. Когда отчет британской контрразведки по опросу Кривицкого попал в Москву, на Лубянке попросту за голову схватились. То же самое произошло, когда с помощью Р. Зорге в Москве получили отчет японской разведки об опросе Люшкова.**

В подобных случаях любая разведка, увы, но категорически обязана как «законсервировать» свои засвеченные перед противником агентурные сети, так и одновременно организовать их особо тщательную проверку. К глубокому сожалению, до момента окончания такой проверки практически любая информация, исходящая от такой агентуры, априори будет восприниматься, по крайней мере некоторое время, если и не с явным подозрением, то уж с сильным скепсисом и пессимизмом точно. Увы, но подобного избежать просто нереально — за достоверность предоставляемой секретной информации разведка отвечает перед руководством государства фактически головой. Однако хочу вновь подчеркнуть, что как сильный скепсис и пессимизм, так и откровенное иногда подозрение в отношении поступающей от такой агентуры информации не есть резуль-

тат какого-либо страха руководства разведки. К глубочайшему сожалению, это временно крайняя, но вынужденная мера предосторожности, без которой безопасность самой разведки обеспечить невозможно. А без этого нет и шанса гарантировать достоверность докладываемой руководству государства информации.

Если все это нормально понимать, подчеркиваю, нормально, то есть хотя бы с минимальным осознанием уникальной специфики разведывательной деятельности, то ни при каких обстоятельствах не должно возникать даже и тени мысли о том, что-де Сталин якобы ввиду своей особой подозрительности воспринимал разведывательную информацию с подозрением. Этого не было и в помине. Но было другое. При неясности информации, особенно в тех случаях, когда информация априори предполагала определенную реакцию со стороны руководства государства, а сведения об угрозе внезапного нападения Германии как раз из этой «оперы», Сталин всегда требовал еще и еще раз все тщательно проверить и перепроверить.

Возьмем для примера ситуацию с определением точной даты нападения Германии на Советский Союз. Прежде всего, следует отметить, что проблема абсолютно достоверного установления точной даты нападения одного государства на другое — одна из самых наитяжелейших в разведке. Потому как в любом готовящем агрессию государстве точная дата нападения официально называется только в самый последний момент — максимум дней за 10—14. Не более того. А до этого ее знают, если знают, лишь в прямом смысле слова считанные единицы из числа самого высшего руководства государства-агрессора. Но, как правило, лишь сам глава государства-агрессора. А теперь посмотрите, что же на самом-то деле происходило в решении именно этого вопроса.

По данным только советской военной разведки, таких «дат» нападения — как с указанием непосредственно числа, так и просто времени, но не более чем месяца или, даже, времени года — набралось примерно полтора десятка! Причем даже тогда, когда уже командующим группировок вторжения официально было пере-

дано распоряжение Гитлера о начале нападения 22 июня 1941 г., а Сталин, к слову сказать, знал об этом уже с 12 июня, разведка все равно «плавала» в абсолютно точном определении даты нападения. По-прежнему и даже от особо доверенной агентуры шли сообщения с двумя датами — например, нападение ожидается 22—25 июня, или 22—23 июня. Абсолютно аналогичная ситуация складывалась и с информацией, поступавшей от внешней разведки НКГБ СССР, — там тоже абсолютной ясности с датами не было, так как их набралось также примерно полтора десятка. Аналогичная ситуация была и с информацией от советских дипломатических представительств за рубежом.

Естественно, что в подобной ситуации, когда докладывается очередная информация подобного типа, любой руководитель уровня Сталина просто-таки обязан отнестись не столько с определенным недоверием к ее содержанию, сколько потребовать от разведки еще и еще раз все проверить и перепроверить. Иначе было нельзя. Война ведь не шутка.

Тем не менее, под 50-летие нашей Великой Победы появилась более чем странная, если не сказать покрепче, с применением знаменитого «загиба» Петра Великого, байка о том, что-де на одной из информации разведки о готовящемся нападении Германии на СССР Сталин, видите ли, накатал матерную резолюцию. Речь идет о якобы начертанной Сталиным матерной резолюции на совершенно секретной записке № 2279/ М от 17 июня 1941 г. наркома госбезопасности В.Н. Меркулова с агентурным сообщением о готовности Германии напасть на СССР с указанием объектов бомбардировок и о назначении начальников военно-хозяйственных управлений на будущей оккупированной советской территории[1].

Между тем покойный предвоенный начальник разведки Лубянки П.М. Фитин еще при жизни описывал это же событие в следующем виде (дело в том, что, ознакомившись с этим спецсообщением, Сталин тут

[1] **ЦА ФСБ. Ф. 3 ос. Оп. 8. Д. 58. Л. 1914—1916.**

же вызвал к себе и Меркулова, и Фитина): «В кабинете Сталин был один. Когда мы вошли, он сразу обратился ко мне: "Начальник разведки, не надо пересказывать спецсообщение, я внимательно его прочитал. Доложите, что за источники это сообщают, где они работают, их надежность и какие у них есть возможности для получения столь секретных сведений". Я подробно рассказал об источниках информации. Сталин ходил по кабинету и задавал различные уточняющие вопросы, на которые я отвечал. Потом он долго ходил по кабинету, курил трубку, что-то обдумывал[1], а мы с Меркуловым стояли у дверей. Затем, обратившись ко мне, он сказал: "Вот что, начальник разведки, нет немцев, кроме Вильгельма Пика[2], которым можно верить. Ясно?" Я ответил: "Ясно, товарищ Сталин". Далее он сказал нам: "Идите, все уточните, еще раз перепроверьте эти сведения и доложите мне"». В чем из вышеприведенного со слов непосредственного предвоенного начальника разведки Лубянки П.М. Фитина следует усматривать хотя бы тень намека на матерную резолюцию Сталина?! Нет даже иллюзорной тени намека на какую-либо тень намека!

Абсолютно идентично этот же случай описан и в примечаниях к записке № 2279/М от 17.06.1941 (ее), опубликованных на с. 232—233 превосходного сборника документов спецслужб под названием «Секреты

[1]А обдумывать было что. К этому моменту Сталин уже знал, чт© министр иностранных дел Германии И. Риббентроп дал указание германским послам в Риме, Токио, Бухаресте и Будапеште о проведении особой акции по дезинформации. Ее смысл сводился к тому, чтобы до сведения правительств этих стран была доведена информация о том, что Германия намерена «самое позднее в начале июля внести полную ясность в германо-советские отношения и при этом предъявить определенные требования». Разобравшись в сути этой дезинформации, Сталин чуть позже использовал этот факт для предотвращения нападения Японии на СССР, на чем рьяно настаивала нацистская дипломатия, ибо на Востоке крайне отрицательно относятся к тому, что партнер и союзник хотя бы однажды обманывает в принципиальных вопросах. Между тем за Германией этот случай как раз и числился вторым после 23 августа 1939 г.

[2] В то время руководитель германских коммунистов.

Гитлера на столе у Сталина» (М., 1995). Но ничего подобного даже нет и там! Это издание ценно тем, что оно было осуществлено, во-первых, издательством объединения «Мосгорархив», то есть высокими профессионалами именно в архивном деле. Во-вторых, в 1995 г., когда, казалось бы, ничто и никто не смогли бы помешать публикации чего-либо очерняющего Сталина. В-третьих, публикация была осуществлена с прямой ссылкой на архив ЦА ФСБ.

Если бы матерная резолюция действительно имела место тогда, 17 июня 1941 г., то, по крайней мере, о ней сообщили бы составители **«Очерков истории российской внешней разведки»** (3 т.). Ведь он-то выходил из печати в 1997 г., когда также никто и ничто не мешали публиковать что-либо очерняющее Сталина. Но и в этом солидном издании под редакцией академика Е.М. Примакова также нет даже тени намека на какую-либо матерную резолюцию.

Абсолютно ничего на эту тему нет и в мемуарах ныне покойной выдающейся советской разведчицы Зои Ивановны Воскресенской, которая лично готовила этот документ для доклада Сталину. Также абсолютно ничего на эту тему нет и в мемуарах ее покойного предвоенного начальника в разведке, такого же выдающегося аса советской разведки П.А. Судоплатова. Причем, заметьте, этого нет в двух прижизненных изданиях его мемуаров — **«Разведка и Кремль»** (М., 1996) и **«Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930—1950** годы» (М., 1996). Судоплатов, кстати говоря, абсолютно идентично вышеописанному излагает суть произошедшего в Кремле 17 июня, случайно, что, конечно же, простительно за давностью лет, сдвинув это событие на день ранее — на 16 июня. Любопытно, что в своих мемуарах Судоплатов мимоходом «врезал» и по другим аналогичным, донельзя лживым байкам об отношении высшего советского руководства к тревожной разведывательной информации

Как видите, ни один из непосредственно соприкасавшихся с этим фактом авторитетных источников не приводит абсолютно ничего, чтобы хоть как-то, хоть

за уши притянуть да насильно подтвердить или, по меньшей мере, оправдоподобить якобы имевший место случай с матерной резолюцией. Единственное, что произошло во время доклада той информации Сталину, вполне естественно укладывается в столь же естественную его реакцию — Сталин всего лишь потребовал особо тщательно перепроверить всю информацию и доложить ему со всеми подробностями о самом агенте, что и было сделано. Кстати говоря, аналогичное указание поступило и руководству военной разведки.

Едва ли возможно установить, кому конкретно взбрело в голову и кто конкретно спустя 54 года после того события, под грядущее 50-летие Великой Победы «нарисовал» гнусную подделку в виде матерной резолюции Сталина на этой докладной записке. Но одно могу точно сказать — синие карандаши, которыми пользовался Сталин, а подделка была «нарисована» именно ими (автор это видел собственными глазами) — сохранились! Это действительно абсолютно точно! Как, впрочем, столь же абсолютно точно и то, что умельцы по подделкам у нас не перевелись![1] К глубокому сожалению...

О царящем в наших, в том числе и военных, архивах беспорядке подробно поведал популярный ежемесячник «Совершенно секретно» (№ 5, 2004). Из опубликованной в этом номере ежемесячника статьи Г. Рамазашвили — «Портянка с грифом "секретно"» — однозначно вытекает, что любой, кому охота и не лень, может «нарисовать» любую надпись на любом архивном документе! Подчеркиваю, кто угодно и что угодно могут написать! Если такая резолюция действительно имела бы место, то, например, Хрущев давным-давно растрезвонил бы о ней. А вот в том, что впервые эта подделка «всплыла» во времена Горбачева и Яковлева*, ничего удивительного нет.

Что же до существа дела, то многократно общавшиеся со Сталиным люди совершенно однозначно подчеркивали в своих воспоминаниях (например, многолетний министр иностранных дел СССР А.А. Громыко), что у

[1] Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 221.

Сталина не было склонности прибегать к нецензурным выражениям, тем более письменно. Небезынтересно в этой связи отметить, что ознакомившийся с сотнями докладывавшихся Сталину документов разведки и иных ведомств ветеран внешней разведки, видный историк Игорь Анатольевич Дамаскин открыто признал, что ни на одном из них он не увидел хулиганской резолюции Иосифа Виссарионовича, да еще и с матерными выражениями. Самая резкая по содержанию резолюция Сталина, которую Дамаскину довелось увидеть, носила характер телеграфного ответа на запрос и имела следующее содержание: ***«Тбилиси, Козлову. По поводу предложения генерала Уэйвелла сказать, что вопрос может решаться только правительствами. От себя Ставкаприказывает вам вежливо отшить Уэйвелла и ему подобных и послать их подальше. № 2220/321,10.41. 5.15».*** В этой телеграмме речь шла об ответе на предложение британского генерала Уэйвелла о совместных действиях советских и английских войск, в глубине которого была сокрыта попытка получить разрешение Сталина на ввод британских войск в Закавказье. Естественно, что Сталин не мог с этим согласиться.

Миф № 21. Сталин якобы верил Гитлеру и полагался на его слово.

В создании этого мифа «потрудились» как Хрущев, так и Жуков, а также толкователи их баек. Особенно Лев Безыменский, Константин Симонов и Виктор Анфилов. Кого заинтересует подробный анализ всех этих фантазий, позволю себе отослать к моей книге **«Трагедия 22 июня 1941 года: блицкриг или измена. Правда Сталина» (М., 2006).**

Здесь же позвольте привести всего два примера, которые наглядно показывают, насколько Сталин «верил» Гитлеру. Причем именно те примеры, которые в истории оставил сам Сталин. Лучше него самого никто не объяснит, верил ли он коричневому шакалу или нет. Итак, вот что сказал на заседании Политбюро 18 нояб-

ря **1940** г. при подведении итогов визита Молотова в Берлин (цитирую максимально полно, так как эта запись сделана управделами СНК СССР Я. Чадаевым):

«В переписке, которая в те месяцы велась между Берлином и Москвой, делались намеки на то, что было бы неплохо обсудить назревшие вопросы с участием высокопоставленных представителей обеих стран. В одном из немецких писем прямо указывалось, что со времени последнего визита Риббентропа в Москву произошли серьезные изменения в европейской и мировой ситуации, а потому было бы желательно, чтобы полномочная советская делегация прибыла в Берлин. В тех условиях, когда Советское правительство неизменно **выступает за мирное** урегулирование международных **проблем, мы ответили положительно на германское предложение о проведении** в **ноябре этого года совещания в Берлине.**[1] **Стало быть, поездка в Берлин** советской делегации **состоялась** по **инициативе Германии. Как** нам известно, **Гитлер** сразу же после отбытия из Берлина нашей делегации громогласно заявил, что "германо-советские отношения окончательно установлены"»!

Но мы хорошо знаем цену этим утверждениям! Для нас еще до встречи с Гитлером было ясно, что он не пожелает считаться с законными интересами Советского Союза, продиктованными требованиями безопасности нашей страны. Мы рассматривали берлинскую встречу как реальную возможность прощупать позицию германского правительства.

Позиция Гитлера во время этих переговоров, в частности его упорное нежелание считаться с естественными интересами безопасности Советского Союза, его категорический отказ прекратить фактическую ок-

[1] Это решение было обусловлено точным знанием того, что Гитлер и Гесс ведут тайные зондажные переговоры в Швейцарии с представителями Великобритании по вопросу об англо-германском разделе мира, причем Лондон тогда выдвинул условие о предварительном расторжении советско-германского договора о ненападении, на что Берлин в принципе согласился.

купацию Финляндии и Румынии — все это свидетельствует о том, что, несмотря на демагогические заявления по поводу неущемления "глобальных интересов" Советского Союза, на деле ведется подготовка к нападению на нашу страну. Добиваясь берлинской встречи, нацистский фюрер стремился замаскировать свои истинные намерения...

Ясно одно: Гитлер ведет двойную игру. Готовя агрессию против СССР, он вместе с тем старается выиграть время, пытаясь создать у Советского правительства впечатление, будто готов обсудить вопрос о дальнейшем мирном развитии советско-германских отношений».

Далее Сталин говорил о лицемерном поведении гитлеровской верхушки в отношении Советского Союза, о позиции Англии и Франции во время летних московских переговоров 1939 г., когда они были не прочь натравить Германию на СССР.

«Именно в то время, — подчеркнул Сталин, — нам удалось предотвратить нападение фашистской Германии. И в этом деле большую роль сыграл заключенный с ней пакт о ненападении... Но, конечно, это только временная передышка, непосредственная угроза вооруженной агрессии против нас лишь несколько ослаблена, однако полностью не устранена. В Германии действуют в этом направлении мощные силы, и правящие круги рейха не думают снимать с повестки дня вопрос о войне против СССР. Наоборот, они усиливают враждебные против нас действия, как бы акцентируя, что проблема нападения на Советский Союз уже предрешена. Спрашивается, а какой был смысл разглагольствований фюрера насчет планов дальнейшего сотрудничества с Советским государством? Могло ли случиться, что Гитлер решил на какое-то время отказаться от планов агрессии против СССР, провозглашенных в его "Майн кампф"? Разумеется, нет! История еще не знала таких фигур, как Гитлер. В действиях Гитлера не было единой целенаправленной линии. Его политика постоянно перестраивалась, часто была диаметрально противоположной. Полная пута-

ница царила и царит в теоретических положениях фашизма. Гитлеровцы называют себя националистами, но фактически являются партией империалистов, причем наиболее хищнических и разбойничьих среди всех империалистов мира.

"Социализм", "национализм" — по сути, это только фиговые листки, которыми прикрываются гитлеровцы, чтобы обмануть народ, одурачить простаков и прикрыть ими свою разбойничью сущность. В качестве идеологического оружия они используют расовую теорию. Это человеконенавистническая теория порабощения и угнетения народов...

Гитлер постоянно твердит о своем миролюбии, но главным принципом его политики является вероломство. Он был связан договорами с Австрией, Польшей, Чехословакией, Бельгией и Голландией. И ни одному из них он не придал значения и не собирался соблюдать и при первой необходимости вероломно их нарушил. Такую же участь готовит Гитлер и договору с нами. Но, заключив договор о ненападении с Германией, мы уже выиграли больше года для подготовки к решительной и смертельной борьбе с гитлеризмом. Разумеется, мы не можем советско-германский пакт рассматривать основой создания надежной безопасности для нас. Гарантией создания прочного мира является укрепление наших Вооруженных сил. И в то же время мы будем продолжать свою миссию поборников мира и дружбы между народами...

Гитлер сейчас упивается своими успехами. Его войска молниеносными ударами разгромили и принудили к капитуляции шесть европейских стран. Этот факт можно рассматривать не только как огромный стратегический успех фашистской Германии. Ведь в Европе не нашлось силы, которая могла бы сорвать агрессию гитлеровского рейха. Теперь Гитлер поставил перед собой цель расправиться с Англией, принудить ее к капитуляции. С этой целью усилилась бомбардировка Британских островов, демонстративно готовилась десантная операция. **Но это не главное для Гитлера, главное для него — нападение на Советский Союз.**

Мы все время должны помнить об этом и усиленно готовиться для отражения фашистской агрессии. Наряду с дальнейшим укреплением экономического и военного могущества страны наша партия должна широко разъяснять трудящимся нависшую опасность международной обстановки, постоянно разоблачать гитлеровских агрессоров, усилить подготовку советского народа к защите социалистического Отечества. Вопросы безопасности государства встают сейчас еще более остро. Теперь, когда наши границы отодвинуты на запад, нужен могучий заслон вдоль их с приведенными в боевую готовность оперативными группировками войск в ближнем, но... не в ближайшем тылу. Мы должны повести дело так, чтобы скорее заключить пакт о нейтралитете между Советским Союзом и Японией. Германия нашла общий язык с Японией в своих великодержавных стремлениях. Япония признала право Германии вмешиваться в дела всех стран. Надо ее нейтрализовать. Вместе с тем надо усилить военно-экономическую помощь китайскому народу. Нам необходимо вести дело на ослабление гитлеровской коалиции, привлекать на нашу сторону страны-сателлиты, подпавшие под влияние и зависимость гитлеровской Германии».

Уже только из этой цитаты любой может понять, чего стоят лживые байки Хрущева, Жукова и иже с ними о том, что-де Сталин поверил Гитлеру. У Сталина всегда была четко принципиальная позиция и, в отличие от Жукова, он не колебался в унисон зигзагам «генеральной линии», так что вопрос о том, верил или не верил — закрыт! Раз и навсегда! Не верил! Никогда не верил!

И второй пример. Менее чем за месяц до нападения Германии, **24** мая **1941** года, на расширенном заседании Политбюро ЦК ВКП(б), в котором участвовал высший командный состав РККА, Сталин прямо заявил: **«Обстановка обостряется с каждым днем, и очень похоже, что мы можем подвергнуться внезапному нападению со стороны фашистской Германии».**

Какие еще нужны доказательства того, что Сталин никогда не верил Гитлеру, но поступал в отношении Германии сугубо прагматично и исходя только из интересов Советского Союза?!

Для сведения читателей. Это заявление Сталина от 24 мая 1941 года было обусловлено тем, что накануне он получил от разведки прямое подтверждение того, что график военных перевозок Германии переведен в режим максимального уплотнения, что в переводе с немецкого генштабовского на русский язык означало, что все приготовления Германии переведены в режим отсчета времени «Х». Так на военном языке называется финишный этап подготовки к нападению.

Миф № 22. Сталин доверял сведениям внедренного в агентурную сеть советской разведки гестаповского дезинформатора.

Речь идет о специально подставленном советской разведке агенте гестапо **«Петер»,** который на Лубянке числился под псевдонимом «Лицеист». О «двойном дне» «Лицеиста» в Москве знали — и внешнеполитическая разведка НКВД-НКГБ, и военная разведка СССР располагали настолько сильными агентурными позициями в МИДе Германии, что быстрое определение истинного лица «Лицеиста» не составило никакого труда. Достаточно сказать, что в непосредственном окружении Риббентропа действовала агент **«Юна»,** с которой работала одна из самых выдающихся разведчиц того периода Елена Зарубина. Не говоря уже об окрещенном в отечественной литературе «нашим человеком в гестапо», знаменитом ныне агенте «Брайтенбахе» (Вилли Леман) и иных возможностях нашей разведки.

Основная интрига в истории с «Лицеистом» в следующем. Как правило, ее используют в качестве якобы убойного аргумента при доказательстве полностью беспочвенного мифа о том, что едва ли не по наивности Сталин испытывал трепетное доверие к исходившей от этого агента информации, в составлении которой

принимал участие сам Гитлер. Кто первым запустил на орбиту антисталинской пропаганды этот миф, установить невозможно. Известно только, что шастает этот миф примерно лет двадцать.

Но сколько ядовитых стрел было выпущено по этому поводу и все ведь впустую, ибо тем, кто этим занимался (да и занимается по сию пору), судя по всему, совершенно невдомек одно простое обстоятельство. Оно и понятно — ведь круто замешенной на зоологическом антисталинизме заумью трудно сообразить, что ни Сталин, ни Берия законченными идиотами не были, тем более в политике и разведке. Напротив, вся история с «Лицеистом» свидетельствует о том, что в элегантно издевательской по отношению к гестаповской контрразведке, а также к самому Гитлеру манере Сталин и Берия профессионально изящно решили извечную задачу любой разведки — задачу массированного отвлечения внимания и усилий спецслужб Германии на ложные объекты. В роли последних выступали советский посол в Берлине В.Г. Деканозов и особенно резидент советской разведки в Берлине Амаяк Захарович Кобулов, младший брат «правой руки» Берии — Богдана Кобулова.

Здесь надо четко понимать, что если Сталин и Берия решились на то, чтобы на высокие посты в Берлине — посла и резидента — направить двух вдрызг «засвеченных» перед германскими спецслужбами сотрудников советских органов госбезопасности, то как минимум неспроста. Ведь Деканозов в 1939 г. некоторое время возглавлял разведку НКВД СССР, а Кобулов — и вовсе был кадровым чекистом. На работу в Берлин они попали совершенно не случайно. Однако едва ли они в полной мере знали об истинном предназначении своих «миссий» в Берлине. Скорее всего, лишь частично догадывались.

В предвоенный период особенно важно было восстановить по различным причинам ранее утраченную связь с агентурой, особенно ценной, и наладить регулярное поступление достоверной разведывательной информации о планах и намерениях гитлеровского руководства Германии. А для этого-то и необходимо было отвлечь внимание германской контрразведки на

ложные объекты. Потому-то Деканозову и Кобулову и были отведены такие роли — ни тот, ни другой не являлись профессионалами на своем посту, но своей близостью к Сталину и Берии создавали ложное впечатление о какой-то многозначительности своего пребывания в Берлине. Естественно, гестаповская контрразведка немедленно обратила внимание на это и занялась ими вплотную. Собственно говоря, и Сталин, и Берия явно ожидали серьезной подставы со стороны гестапо — так и появился у Кобулова агент «Лицеист».

Находившийся в советском плену майор абвера Зигфрид Мюллер на допросе в мае 1947 г. показал, что «в августе 1940 г. Кобулову был подставлен агент германской разведки латыш Берлингс (то есть «Петер»/«Лицеист». *—А. М.),* который по нашему заданию длительное время снабжал его дезинформационными материалами». Насчет подставы Мюллер солгал, так как в момент вербовки советской разведкой в августе 1940 г. О. Берлингс не был гитлеровской «подставой» — просто сразу же после вербовки он помчался в гестапо и, сообщив там о факте вербовки, предложил свои услуги. Сей факт четко зафиксирован в архиве Риббентропа — PA AA Bonn: Dienststelle Ribbentrop. UdSSR — RC. 7/1.(R 27168). Bl. 25899—25902. Так что З. Мюллер на допросе пытался выставить Абвер как некую сверхумную контору, но, увы, германские же архивы этого не подтверждают. Кстати, из-за этого сами немцы не слишком-то доверяли берлинскому корреспонденту латвийской газеты «Брива Земе» О. Берлингсу, числившемуся у них как «Петер». К тому же З. Мюллер все лавры приписал Абверу, отодвинув гестапо в тень.

На вопрос же следователя о том, действительно ли им удалось обмануть Кобулова, Мюллер, не моргнув глазом, заявил, что-де он «твердо уверен, что Кобулов не подозревал об обмане»! И тут же, сам того не подозревая, четко проиллюстрировал, что в действительности Кобулов, следуя указаниям Берии и Сталина, непринужденно обманывал гитлеровцев! Так, в подтверждение своей беспочвенной уверенности в том, что Кобулов якобы не подозревал об обмане, З. Мюллер

заявил: «Об этом свидетельствует тот факт, что в беседах с Берлингсом он выбалтывал ему некоторые данные о политике Советского правительства в германском вопросе... Сведения из бесед с Кобуловым... докладывались Гитлеру и Риббентропу». И тут же добавил, что-де на встречах с Берлингсом («Лицеистом») Кобулов сообщал своему «агенту», что направляет его информацию лично Сталину и Молотову. То есть обрисовал ситуацию целенаправленного продвижения информации советской разведкой (а за этим стояли Сталин и Берия) о политике СССР в германском вопросе — ведь Сталину было крайне необходимо по возможности эффективнее влиять на Гитлера в плане максимально достижимого сдерживания его агрессивных стремлений и принимаемых мер для нападения на СССР. Ради этого-то Кобулов и **«выбалтывал некоторые данные о политике Советского правительства в германском вопросе»,** сдабривая их привлекательной приманкой насчет того, что-де информация Берлингса — «Лицеиста» докладывается лично Сталину.

Тевтонам казалось, что они обдурили Лубянку, Берию и даже самого Сталина, и даже после войны до них не дошло, как, впрочем, и до большинства авторов, спекулирующих на этой истории, что истинными жертвами обмана были непосредственно сами же тевтоны! Два могучих аса политической борьбы и разведки — Сталин и Берия — играли с болванистыми тевтонами как кошка с мышкой. И дело тут вот в чем. Едва только Берия возглавил Лубянку в конце 1938 г., как сразу же были резко изменены и сильно расширены задачи внешнеполитической разведки. От крайне характерного в 20-е —30-е гг. контрразведывательного направления в своей деятельности внешняя разведка обязывалась перейти к решению таких особо важных главных задач, как получение информации о намерениях правительств ведущих капиталистических государств, выявление политических планов последних и осуществление наступательных активных мероприятий. То есть акций влияния — как для эвентуального, так и параллельно-арьергардного сопровождения мероприятий внешней политики СССР.

Уже одно это обстоятельство свидетельствует, что появление Деканозова и Кобулова в Берлине было не случайным. В то же время ныне уже возможно на реальных примерах показать, что же на самом деле сделали Сталин и Берия, направив в Берлин такие засвеченные перед германскими спецслужбами фигуры, как Деканозов и Кобулов.

Вот, к примеру, хранящееся в ЦА ФСБ РФ донесение Кобулова от 14 декабря 1940 г., составленное на основании «информации», полученной от Берлингса — «Лицеиста»: «...по сообщению "Лицеиста", внешняя политика Германии строится на следующих основных принципах. Единственный враг нашей Германии — Англия... Свои задачи политики Германии видят в том, чтобы... избежать войны на два фронта. При этом важно обеспечить хорошие отношения немцев с Россией...» Это тонкая «дезинформация» тевтонов с небольшим вкраплением доли правды — Германия действительно была крайне озабочена проблемой исключения войны на два фронта.

Сравним с тем, что ровно за месяц до этого сообщения говорил Сталин. Оценивая 18 ноября 1940 года на Политбюро итоги визита Молотова в Германию, Сталин, четко обрисовав исходящую от гитлеровской Германии угрозу, поставил перед военными задачи по усилению обороны западных рубежей, тем более что непрерывным потоком шла информация о перебросках войск вермахта на Восток. Естественно, что, получив спустя месяц данные «Лицеиста», Сталин и оценил их как «дезинформацию». Но при этом «взял на карандаш» некоторые ее элементы, дабы чуть позже ответить на них соответствующим образом. Вскоре повод представился. В начале 1941 г. разведка доложила, что германский Генштаб проводит «учения по оперативно-стратегическому и материально-техническому снабжению на случай затяжной войны». А до этого — еще в конце декабря 1940 г.— берлинская резидентура НКВД успела сообщить о секретной речи Гитлера 18 декабря 1940 г. перед выпускниками военных училищ,

в которой он фактически призвал их к нападению на СССР, и Сталин сделал ответный ход.

А вот теперь посмотрите, что сделал Сталин. Он тут же отдал приказ немедленно ознакомить германского военного атташе (ВАТ) в Москве с индустриально-военной мощью Сибири. В начале апреля 1941 г. ему разрешили поездку по новым военным заводам, выпускавшим танки и самолеты новейших конструкций. И.о. германского ВАТ в Москве Г. Кребс доложил 9 апреля 1941 г. в Берлин: «**Нашим представителям дали посмотреть все. Очевидно, Россия хочет таким образом устрашить возможных агрессоров».** А днем ранее, то есть 8 апреля 1941 г., посол Шуленбург отбил в Берлин депешу, в которой в точности воспроизвел слова главного конструктора 1-го авиационного завода Артема Микояна, произнесенные, как отмечал посол, «по поручению сверху»: «Вы видели грозную технику Советской страны. Мы мужественно отразим любой удар, откуда бы он ни последовал». Доклад германской делегации, посетившей эти заводы, как стало известно чуть позже, произвел на Гитлера очень сильное впечатление. Чтобы еще более усилить впечатление, берлинская резидентура по указанию Сталина распространила слухи в министерствах авиации и экономики Германии, что война с Советским Союзом обернется трагедией для гитлеровского руководства, особенно если война окажется длительной и будет вестись на два фронта. Сталин четко отделял зерна истины от гестаповско-гитлеровско-риббентропских плевел и изумительно точно, целенаправленно реагировал, проводя блестящие операции влияния.

С другой стороны, следует иметь в виду, что с согласия Сталина Берия специально направил в Берлин хотя и молодых, но достаточно опытных сотрудников разведки, на плечи которых и легла основная тяжесть работы с агентурой, особенно ценной. Причем одному из них — Александру Михайловичу Короткову, на связь которому была передана особо ценная агентура, — Берия еще перед его отъездом в Берлин предос-

тавил право прямого обращения лично к себе, минуя всех начальников по восходящей. Как минимум один раз Короткое воспользовался этим правом, причем в весьма специфической ситуации. Берия, после разделения НКВД СССР на НКВД и НКГБ, оставшись главой первого, одновременно был назначен на пост заместителя Председателя Совнаркома. 20 марта 1941 г. Коротков отправил на имя Берии, как заместителя председателя советского правительства, подробное письмо с детальным анализом разведывательной информации о подготовке Германии к нападению на СССР. Обратите также внимание на дату — она свидетельствует, что в данном случае Коротков «перепрыгнул» через головы не только резидента и начальника разведки, но и самого наркома госбезопасности Меркулова. В письме речь шла прежде всего о сроках нападения Германии на СССР. Расчет Короткова строился на том, что о содержании этого письма будет доложено Сталину.

Следует также отметить, что Берия и Меркулов весьма бдительно следили за тем, чтобы не догадывавшийся об истинном значении своего пребывания в Берлине А. Кобулов не лез в оперативную работу с ценной агентурой. Всеволод Николаевич Меркулов, к примеру, не раз устраивал Кобулову суровые выволочки за это, запретив в конце концов даже приближаться к этой агентуре. Следили они и за тем, чтобы он не мешал другим сотрудникам резидентуры. Когда, например, весьма заносчивый Амаяк Захарович однажды позволил себе весьма грубо ответить сотруднику резидентуры Борису Николаевичу Журавлеву, то, судя по всему, об этом стало известно в Москве. Дело в том, что в дальнейшем Амаяк Захарович уже держал себя в руках. Более того, в мае 1941 г. он вообще был отозван из Берлина.

Очевидно, что Сталин и Берия умышленно создали два основных канала поступления информации из Берлина: настоящий разведывательный и дезинформационный, что позволяло им с тем или иным успехом, но в основном успешно отделять зерна истины от гестаповско-гитлеровско-риббентроповских плевел.

Это был уникальный процесс, и искренне жаль, что ничего, кроме лжи, о нем неизвестно, ну разве что самая малая толика. Но и этого, как увидим, оказалось вполне достаточно, чтобы заблаговременно определить и время нападения, и точную дату, и заблаговременно предупредить войска. Но, увы... Однако же вовсе не по вине Сталина произошла трагедия.

Миф № 23. Сообщением ТАСС от 14 июня 1941 г. Сталин дезориентировал высшее военное руководство страны, что в результате привело к трагедии 22 июня 1941г.

Речь идет о знаменитом Сообщении ТАСС, опубликованном в советской прессе 14 июня 1941 г., которое, из-за особой важности его содержания, процитируем полностью:

«Сообщение ТАСС.

Еще до приезда английского посла г-на Криппса в Лондон, особенно же после его приезда, в английской и вообще иностранной печати стали муссироваться слухи о «близости войны между СССР и Германией». По этим слухам: 1) Германия будто бы предъявила СССР претензии территориального и экономического характера, и теперь идут переговоры между Германией и СССР о заключении нового, более тесного соглашения между ними; 2) СССР будто бы отклонил эти претензии, в связи с чем Германия стала сосредотачивать свои войска у границ СССР с целью нападения на СССР; 3) Советский Союз, в свою очередь, стал будто бы усиленно готовиться к войне с Германией и сосредотачивает войска у границ последней.

Несмотря на очевидную бессмысленность этих слухов, ответственные круги в Москве все же сочли необходимым, ввиду упорного муссирования этих слухов, уполномочить ТАСС заявить, что эти слухи являются неуклюже состряпанной пропагандой враждебных СССР и Германии сил, заинтересованных в дальнейшем расширении войны.

ТАСС заявляет, что: 1) Германия не предъявляла СССР никаких претензий и не предлагает какого-либо нового, более тесного соглашения, ввиду чего и переговоры на этот предмет не могли иметь место; 2) по данным СССР, Германия так же неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерениях Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы, а происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся на Балканах, в восточные и северо-восточные районы (имеются в виду Восточная Пруссия и Восточная Польша. — А.М.) Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям; 3) СССР, как это вытекает из его мирной политики, соблюдал и намерен соблюдать условия советско-германского пакта о ненападении, ввиду чего слухи о том, что СССР готовится к войне с Германией, являются лживыми и провокационными; 4) проводимые сейчас летние сборы запасных Красной Армии и предстоящие маневры имеют своей целью не что иное, как обучение запасных и проверку работы железнодорожного аппарата, осуществляемые, как известно, каждый год, ввиду чего изображать эти мероприятия Красной Армии как враждебные Германии, по меньшей мере, нелепо».

За истекшие после его убийства полвека кто только и как только не «лягал» Сталина за это Сообщение ТАСС! Это стало своего рода «языческим ритуалом» в исторических исследованиях. Однако любая попытка вступить в схватку с «мертвым львом» — не только явно не от великого ума, но и прежде всего всегда завершится абсолютно закономерным поражением посмевшего ее затеять!

Потому что, во-первых, никакого Сообщения ТАСС от 14 июня 1941 г. в природе не существовало и в помине! 14 июня 1941 г. на страницах центральных советских газет, в том числе и прежде всего беспрерывно упоминаемых «Известий» от указанного числа, было опубликовано Сообщение ТАСС от 13 июня 1941 г.!

Потому как, **во-вторых,** текст Сообщения ТАСС от 13 июня 1941 г. тогда же, 13 июня 1941 г., ровно в 18.00 по московскому времени, был озвучен и передан в открытый эфир московским радио, в том числе и в первую очередь на заграницу.

Потому что, **в-третьих,** одновременно с передачей содержания Сообщения ТАСС от 13 июня 1941 г. по московскому радио, тогда же, примерно в указанное выше время, его текст был передан Молотовым германскому послу графу Шуленбургу! Но не только ему. В то же самое время посол СССР в Великобритании — И. Майский — вручил текст этого Сообщения премьер-министру У. Черчиллю.

Сталин осознанно торопился озвучить Сообщение ТАСС именно 13 июня 1941 г. и выпустить его в открытый эфир московского радио вечером того же дня, а одновременно вручить его текст германскому послу фон Шуленбургу и британскому премьер-министру Черчиллю. Дело в том, что оно умышленно содержало аргументацию Гитлера. Ровно за месяц до этого, в своем ответном послании Сталину, Гитлер указал, что примерно через месяц — 15—20 июня 1941 г. — он начнет отвод своих войск с территорий, прилегающих к границам СССР. По сути дела, тогда Гитлер лично выболтал Сталину реальное время нападения (не путать с понятием **«точная дата»** нападения). Фюрер полагал, что ему удалось обмануть и усыпить бдительность Сталина. Однако он и не заметил, как сам же попал в капкан. Ровно через месяц, в 18.00 13 июня 1941 г., на виду и на слуху (учитывая фактор передачи в радиоэфире) у всего мира Сталин захлопнул этот капкан, а 14 июня, и также на виду всего мира, наглухо заколотил его. В капкане сидел агрессор — Гитлер!

Самим фактом такого Сообщения ТАСС, содержавшего аргументацию самого же фюрера, Сталин во всеуслышание напомнил ему, что месяц-то прошел, так что или действительно отводи войска, или же делай заявление на весь мир об отсутствии у руководства Германии каких-либо агрессивных намерений, а если есть какие-то проблемы, то вырази готовность к диа-

логу. Ведь к 13 июня 1941 г. Сталин располагал данными погранразведки о том, что гитлеровцы назначили начало выдвижения своих войск на исходные для нападения позиции именно на 13 июня 1941 года.

Интересна и реакция официального Лондона на это Сообщение ТАСС. Едва только наш посол в Лондоне И. Майский передал текст Сообщения ТАСС У. Черчиллю, как тут же из Лондона в британское посольство в Москве была направлена перехваченная Лубянкой срочная телеграмма с приказанием немедленно приступить к эвакуации его сотрудников. Более того. Советская контрразведка установила также, что находившийся в тот момент в Лондоне посол Криппс срочной телеграммой приказал своей дочери немедленно выехать в Тегеран.

То есть по реакции Берлина на Сообщение ТАСС Сталин намеревался еще раз проверить достоверность информации об угрозе нападения Германии в самое ближайшее время, но, конечно же, главное заключалось в том, чтобы заранее припереть Адольфа к стенке как вероломного и подлого агрессора! По сути дела, Сталин очень жестко загнал коричневого шакала в угол, поставив его перед абсолютно неразрешимой дилеммой:

1. Либо официально, во всеуслышание разделить изложенную в Сообщении ТАСС позицию, то есть от имени германского государства подтвердить высказанную в нем беспочвенность слухов о нападении, что для Гитлера означало:

а) отказ от нападения или же как минимум перенос даты нападения на более поздний, а, следовательно, и более выгодный для СССР в плане подготовки к отпору врагу срок;

б) либо, не меняя уже назначенную дату нападения, расписаться в том, что в случае нападения после такого, официально выраженного согласия с содержанием Сообщения ТАСС, а, по сути-то, заявления Правительства СССР, именно он, коричневый шакал, и есть вероломный и подлый агрессор. Ведь по состоянию на 13 июня 1941 г. Сталин уже точно знал о 22 июня.

2. Либо никак не реагировать, что, в свою очередь, означало бы:

а) что он, Гитлер, понял, что сделал Сталин;

б) что своим красноречивым молчанием фюрер умышленно игнорирует совершенно отчетливо прозвучавшее приглашение к диалогу,

в) и, следовательно, именно он, Адольф Гитлер, собственноручно расписывается в том, что и военное, и особенно политическое решения о нападении 22 июня на СССР приняты окончательно и бесповоротно и соответствующе подтверждены командующим группировками вторжения. Дело в том, что в этот момент Сталин уже знал, что Гитлер издал и направил в войска директиву о назначении даты 22 июня датой нападения!

Любой из этих вариантов абсолютно обоснованно выставлял Гитлера именно вероломным агрессором, который заслуживал не только всеобщего осуждения, но и самого сурового возмездия. Для Сталина же, особенно второй вариант, означал ответ на главный вопрос — о дате нападения, в котором, из-за крупномасштабных дезинформационных мероприятий Германии, советская разведка если и не «плавала», то, к сожалению, до середины июня 1941 г. не могла с абсолютно непоколебимой уверенностью и убежденностью категорически утверждать достоверность той или иной даты. К тому моменту их набралось едва ли не полтора десятка. Но как только Сообщение ТАСС было еще и опубликовано, то в прямом смысле на следующий же день, то есть с 15 июня, в сообщениях разведки отчетливо и категорически зазвучала дата 22 июня!

Одной из основных причин, обусловивших появление Сообщения ТАСС, а накануне, 12 июня 1941 г., еще и решения о начале выдвижения дивизий из глубины приграничных округов в сторону границы, явилось поступлением в Москву 12 июня сообщения одного из самых проверенных и доверенных агентов ГРУ — «Альты» (Ильзе Штёбе). Со ссылкой на находившегося у нее на связи блестяще информированного и всегда сообщавшего достоверную информацию агента ГРУ «Арийца» — Рудольфа фон Шелия — в сообщении «Альты» указывался вероятный срок нападения 15—20 июня. А это совпадало с выболтанным лично Гитлером сроком.

Не случайно уже 15 июня 1941 г. в дневнике колченогого министра пропаганды Геббельса появилась

очень красноречивая запись: «Опровержение ТАСС оказалось более сильным, чем можно было предположить по первым сообщениям. **Очевидно, Сталин хочет с помощью подчеркнуто дружественного тона и утверждений, что ничего не происходит, снять с себя всевозможные поводы для обвинений в развязывании войны». Геббельс понял, а наши — ну никак!?**

Как, очевидно, и ожидал Сталин, Гитлер избрал второй вариант. Никакой официальной реакции Берлина не последовало. Однако через специально подставленного советской разведке агента гестапо «**Петер**» (у нас числился под псевдонимом «**Лицеист**») до сведения советского посольства в Берлине было доведено, что-де Сообщение ТАСС не произвело на немецкое руководство «никакого впечатления и что оно вообще не понимает, чего Москва хотела добиться этим Сообщением».

Гитлер и его окружение в конечном итоге уразумели, что же сделал Сталин, и даже то, почему он опубликовал то Сообщение в прессе на следующий день. Вся простенькая хитрость факта публикации была в том, что сообщение по радио и даже официально переданный германскому послу текст этого Сообщения в анналы истории не подошьешь. Гитлер преспокойно сделал бы вид, что ничего подобного не видел, не слышал и даже не получал. А вот против публикации в прессе, тем более в сочетании с радиопередачей, которую слышал весь мир, и официально переданным послу текстом — тут уж против истины не попрешь. Вот это-то нацистские шакалы уразумели живенько.

В то же время следует отметить следующее. Вопреки фигурирующей во всех исследованиях и мемуарах и никак не подвергаемой даже тени сомнения убежденности в том, что Сообщение ТАСС предназначалось Гитлеру, на самом деле это совсем не так. Как адресат этого Сообщения, Гитлер подразумевался не более чем на 10%! На 90% оно предназначалось прежде всего Вашингтону и Лондону, причем именно в этой последовательности — Вашингтону и Лондону. Потому что от позиции Вашингтона, а, следовательно, и очень сильно зависевшего от него в то время Лондона напрямую за-

висел и ответ на куда более важный накануне войны вопрос: **каков будет реальный расклад глобальных геополитических сил на мировой арене в связи с неизбежной войной с Германией?** Сталину до чрезвычайности важно было знать, с кем конкретно Советскому Союзу придется воевать. Только ли **с** гитлеровской Германией и ее бандой фашиствующих холуев из числа мелкотравчатых европейских шакалят?! Или же с консолидированным не столько даже на антисоветской, сколько на цивилизационно-геополитической антироссийской основе Западом (включая США и Великобританию), в рамках коалиции которого гитлеровская Германия выступит как ударная сила авангарда? Соответственно прояснился бы и вопрос о будущих союзниках.

Сталина это особенно беспокоило. С возрастающей тревогой он давно отслеживал с помощью разведки суть негласных контактов гитлеровского руководства, особенно Р. Гесса, а также его эмиссаров, с яро прогермански настроенными влиятельнейшими силами Великобритании. От его внимания не ускользнуло, что с подачи теснейшим образом связанного с влиятельнейшими закулисными силами Англии легендарного геополитика Германии Карла Хаусхофера и при активном содействии его сына — Альбрехта, круговорот русофобских идей между этими силами с лета 1940 г. стал концентрироваться вокруг тезиса о создании некоей **«федерации против советской Евразии»**. Вплоть до объединения в этих *целях* вооруженных сил и даже флотов Великобритании и Германии.

Такое, кстати говоря, было не впервые — еще во второй половине 20-х гг. эта идея витала в политических кругах Западной Европы. Но если секретно предпринимаемые этими странами усилия для нормализации отношений в ситуации войны начинают концентрироваться вокруг такого тезиса, то с учетом того, что находившаяся в отчаяннейшем положении Великобритания чрезвычайно сильно зависела от помощи США, немедленно вставал вопрос: **а какую позицию в** этой **связи в** итоге **займут сами США?** Между тем и в США тоже, как это не менее хорошо было известно Сталину, имелись достаточно влиятельные силы, весьма склонные к благоприятному восприятию таких идей и даже самого этого тезиса, в том числе и с позиций демонстративно изоляционистского нейтралитета.

Однако основным игрокам на мировой арене — англосаксонскому Западу, Германии и СССР — еще в середине 30-х гг. было ясно, что в грядущей войне победа будет на стороне той коалиции, к которой примкнут США, но в которой будет и СССР. А вот здесь была неясность. Демонстративно уклонявшийся от каких бы то ни было попыток втянуть США в вооруженные разборки в Европе Рузвельт, с одной стороны, пока милостиво предоставлял Великобритании возможность потихоньку тонуть как империи, но при помощи американского ленд-лиза. С другой же, не слишком уж и торопился с формированием даже предпосылок будущих союзнических отношений в рамках антигитлеровской коалиции. Тем более с Советским Союзом.

Понимая это, Великобритания совершенно отчаянными, на редкость дерзкими операциями своей многоопытной разведки и дипломатии, не гнушаясь даже наглой дезинформацией лично президента Рузвельта, пыталась вынудить Вашингтон поскорее влезть в войну на стороне «прабабушки». Ради этого и именно в это время Великобритания руками своей разведки проводила весьма подлую по отношению к Вашингтону акцию, рассчитывая хорошенько взбеленить Америку против Германии. Суть операции заключалась в том, что-де Третий рейх якобы собрался устроить государственный переворот в Боливии, после успеха которого эта маленькая страна якобы должна была стать плацдармом прогерманского антиамериканизма в Западном полушарии и, в том числе, прекратить поставки стратегического сырья (вольфрама и т.д.) в США.

Англичанам давно и хорошо было известно, что нет лучшего способа разъярить Вашингтон против кого-либо, нежели сказать про этого «кого-либо», что он якобы пытается подорвать позиции США в Западном полушарии, особенно в Латинской Америке. Вашингтон тут же становится похожим на разъяренного быка, готового крушить все и всех подряд. Лондон прибегал к этому приему еще в Первой мировой.

Германия тоже отчаянно боролась за то, чтобы, в свою очередь, не допустить вмешательства в европейские разборки уже тогда экономически очень сильных США. Гитлер даже запретил Абверу операции на территории США! **Все** это, **не приведи Господь Бог, запросто могло кончиться реальным**

сговором между Великобританией и Германией, в том числе и при участии США, которые сообща могли бы повернуть оружие против СССР (России).

Надо отдать должное Сталину — он абсолютно четко и ясно видел эту проблему и ее сложность, тем более на фоне «миссии» Гесса. Выступая 24 мая 1941 г. на расширенном заседании Политбюро, Сталин заявил: **«Обстановка обостряется с каждым днем. Очень похоже, что мы можем подвергнуться внезапному нападению со стороны фашистской Германии... От таких авантюристов, как гитлеровская клика, всего можно ожидать, тем более что нам известно, что нападение фашистской Германии на Советский Союз готовится при прямой поддержке монополистов США и Англии... Они надеются, что после взаимного истребления Германии и Советского Союза друг другом, сохранив свои Вооруженные силы, станут безраздельно и спокойно господствовать в мире».**

Сталин не только давно следил за шашнями гитлеровского руководства, особенно Р. Гесса, с правящими кругами Англии и в прямом смысле дословно точно знал, что творилось и говорилось на переговорах с Гессом в Лондоне, но и о неоднозначности позиции США. Ему было известно, что Гесс от имени Гитлера предложил Лондону не только не препятствовать Германии одержать быструю победу над СССР, но и присоединиться к ее блицкригу, обещая взамен согласие Берлина на участие Лондона и Вашингтона в расчленении Советского Союза. Англии, в частности, предлагался район от р. Оби до р. Лены, Америке — районы восточнее Лены, включая Камчатку и Охотское море. Ну а себе Германия «присваивала » территории до р. Обь. Про Японию Гитлер в горячке своего геополитического сумасшествия забыл. От Лондона и Вашингтона требовалось одно — официально присоединиться к Гитлеру. **Перед Лондоном встала проблема — что делать?** С одной стороны, по лондонскому разумению, вроде бы оно и неплохо, если Гитлер разделается с Советами, но как быть тогда с Америкой — ведь Англия была еще жива только благодаря США! А Вашингтон и с Москвой вроде любезничает, и в то же время однозначную позицию не занимает. С другой стороны, помощь США помощью, но будут ли те же Соединенные Штаты вообще вступать в войну или же предпочтут отсиживаться за океаном? Как стало известно Сталину из донесений шанхайской резиденту-

ры НКГБ (а та, в свою очередь, опиралась на данные сотрудничавшего с советской разведкой начальника разведки Чан Кайши — Вальтера Стеннеса, поддерживавшего тесные контакты с резидентами США и Англии в Китае), посол США в Лондоне Дж. Уайнант именно по этому вопросу срочно выезжал в Вашингтон для консультаций с президентом Рузвельтом. Причем англичане, судя по всему, поставили вопрос ребром — если США не вступят в войну, то Англия примет условия Гитлера и заключит с ним мир на предложенных им условиях.

Зная все это, Сталин обратил внимание на один коренной геополитический порок в предложении Гитлера. Ему хорошо было известно, что ненависть официального Лондона по отношению к СССР и вообще России веками не знала (и не знает!) пределов. Однако Лондону совершенно «не улыбалась» перспектива установления гегемонии Германии на европейском континенте. Это нарушило бы основополагающий принцип британской политики — принцип «баланса сил». Ведь опираясь на захваченные в России ресурсы и территории, Германия стала бы не просто самой мощной державой в Европе. В ее руки перешел бы и контроль над доступом в Хартленд с Запада, а с Востока, совместно с подписавшей «тройственный пакт» Японией, — и вовсе весь Мировой остров.

(Небольшое пояснение: «Хартленд» (Heartland) — «Сердцевинная Земля» («Земля-Сердце») — есть подавляющая часть территории России, тогда СССР, т.е. ориентировочно от бассейна Печоры на западе до бассейна Лены включительно на востоке, или, грубо говоря, от 48-го до 132-го меридиана. «Мировой остров» (World Island) — это Евразия, на большей части которой сосредоточена Россия.)

Сталину было хорошо известно, что на англосаксонском Западе давно утвердилась формула идейного противника Хаусхофера, выдающегося британского геополитика Дж. Хэлфорда Маккиндера — **«кто господствует в Хартленде — господствует над Мировым островом, кто правит Мировым островом, тот господствует над миром».** А эта формула приводила коренные интересы Великобритании и США в жестко конфронтирующее противоречие с предложением Гитлера. Настолько жесткое, что всерьез заглушало неизбывный русофобский настрой Вашингтона и Лондона. Потому что даже США в своем доступе **в** «любезно раздаваемые» фюрером тер-

ритории СССР напрямую зависели бы от Японии. А Сталину хорошо был известен точный прогноз аналитиков ГРУ о том, что США и Япония уверенно и даже с ускорением движутся к военной конфронтации.

И Сталин сделал простой и мудрый вывод. При всей ненависти англосаксонского Запада к СССР, а по сути-то к России, ни Лондону, ни Вашингтону не было никакого резона менять шило на мыло, тем более что безраздельного господства в случае успеха Гитлера явно не получилось бы, не говоря уж о призрачности самого успеха. Проще говоря, сколь ни желали бы они разделаться с СССР, а в этом их позиции были идентичны целям Гитлера, тем не менее жажды увидеть едва ли не абсолютное мировое господство Гитлера у них явно не наблюдалось. А с Москвой, худо-бедно, они всегда смогут договориться. И Сталин решил использовать этот уникальный шанс в борьбе за безопасность СССР, и вот каким образом.

Черчилль, как это хорошо было известно Сталину по донесениям посла И. Майского, еще с начала апреля 1936 г. уже тогда отчетливо понимал, что взятый Гитлером на вооружение старинный план германской элиты по созданию «Срединной Европы » в случае его реализации означал бы смерть Британской империи. Объясняя эту мысль Майскому, Черчилль тогда заявил, что со времен Генриха VIII и Елизаветы I принцип «равновесия сил» («баланса сил») в понимании Лондона означал, что Англия всегда боролась против той державы на континенте, которая становилась слишком могущественной, и не успокаивалась до тех пор, пока эта держава не была разгромлена. Как он тогда же разъяснил, хотя Англия постоянно имела возможность заключить выгодную сделку с гегемоном континента, политика «дальнего прицела» неизменно побеждала.

Однако когда в Англию прилетел Р. Гесс, сама эта политика «дальнего прицела » оказалась под угрозой. Более того, как ни парадоксально, под угрозой оказалась не столько даже сама политика «дальнего прицела », сколько, в преломлении этой политики, жизненно важные интересы безопасности СССР — отчетливо замаячила угроза англо-германского сговора. Ведь подученные в свое время К. Хаусхофером Гитлер и Гесс, «вникнув » в суть особых тревог Англии, нагло предложили ей мир на сверхпочетных условиях. В п.1 привезенного Гессом меморандума под названием «Основы соглашения » Англии предлагалось следую-

щее: «1. Чтобы воспрепятствовать возникновению новых войн, между державами оси[1] и Англией должно быть проведено разграничение сфер интересов. Сферой интересов стран оси должна быть Европа, сферой интересов Англии — ее империя ».

По сути дела, это был повтор условий, предложенных Англии Гессом и Риббентропом еще летом 1940 г., о чем Сталину было известно. Искушение для находившейся в тяжелейшем положении Великобритании было огромным, ибо без своих колониальных владений Англия в принципе — ничто и самостоятельно существовать не могла, во всяком случае как великая держава, а в то время — особенно. Искушение было тем более велико, если учесть, что, с одной стороны, Черчилль был самым выдающимся и рьяным защитником интересов Британской империи за все время ее существования, а с другой — не менее выдающимся и рьяным поборником уничтожения Советов и России.

Налицо были факторы, способные при определенных обстоятельствах склонить прогермански настроенные влиятельные силы Англии и даже того же Черчилля к более благоприятному восприятию и рассмотрению привезенных Гессом предложений Берлина. В том числе и в плане организации какой-либо стратегической игры антисоветского, антироссийского характера, вплоть до хотя бы устного сговора с Гитлером.Черчилль-то еще в апреле направил советскому правительству меморандум, в котором прямо указал, что Великобритания вовсе не заинтересована в сохранении Советского Союза в неприкосновенности. Тем более что было видно, что сам факт прилета Гесса означал полное согласие Берлина с главным условием Лондона — немедленно порвать Договор о ненападении с СССР. А ведь особо жестко это условие было выдвинуто Англией тогда, когда премьером был уже Черчилль.

Сталин все это знал, понимал и помнил. Ему прекрасно было известно, что творилось и обсуждалось на переговорах с Гессом, так как все их содержание записывалось знаменитым Кимом Филби на магнитную ленту и немедленно отсылалось в Москву (в сопровождении ряда других документов по той же теме). Правда, некоторое время Филби подчеркивал в своей информации, что «до мирных переговоров дело пока не

[1] **Имелись в виду ось Берлин—Рим—Токио.**

дошло. Однако по мере развития войны Гесс может стать узлом интриги, направленной на заключение компромиссного мира, и может оказаться полезным и для "партии мира" в Англии, и для Гитлера». Выдающийся советский разведчик был абсолютно прав в своем прогнозе.

Однако 9 июня 1941 г. переговоры с Гессом достигли «миттельшпиля». В них включился лорд-канцлер и член кабинета Черчилля Джон Саймон, который еще за 6 с лишним лет до этого, в бытность министром иностранных дел Великобритании, на берлинских переговорах в марте 1935 г. гарантировал Гитлеру «зеленый свет» в случае его разбоя на Востоке. 10 июня о факте подключения Дж. Саймона к переговорам и о содержании его беседы с Гессом стало известно Сталину (в том числе и наряду с содержанием привезенного Гессом меморандума). Тревога Сталина достигла в этот момент наивысшего накала: Великобритания была менее чем в полушаге оттого, чтобы ради сохранения империи клюнуть на берлинскую наживку и за счет достижения компромиссного мира с Гитлером дать «добро» на его агрессию против СССР. Что, кстати говоря, она и сделала. Тревога тем более понятная, если учесть, что к этому моменту Сталин располагал точными данными о том, что Гесс сообщил британскому правительству, что нападение на СССР Германия осуществит 22 июня. Судя по всему, это был «козырной туз» Гесса на переговорах: мол, соглашайтесь на наши условия, нападение и так уже назначено!

В это же время советская разведка отслеживала неофициальный визит специального представителя президента США — генерала Уильяма Донована, прибывшего в Англию по приглашению личного друга Черчилля — Уильяма Стивенсона, главы Британского координационного центра безопасности в Нью-Йорке.

6 июня 1941 г. глава британской политической (дипломатической) разведки Реджинальд Липер пригласил У. Донована в Британский центр расшифровки германских военных сообщений в Блечли, где и заявил ему: «...Премьер-министр поручил мне раскрыть вам тайну, известную г-ну Черчиллю и начальникам штабов вот уже несколько недель. Он разрешил мне сказать вам, и только вам, с тем, чтобы мы могли скоординировать наши планы, — Гитлер нападет на Советскую Россию. Вторжение ожидается в **середине июня, вероятно, 22 июня, через**

две недели и два дня». По состоянию на 6 июня такая информация не могла пройти по каналам Блечли. Директива об утверждении 22 июня датой нападения была подписана в вермахте только 10 июня, а, следовательно, все, что сказал Р. Липер, основывалось на данных Гесса. Попросту говоря, бритты напустили туману У. Донован тут же отбил телеграмму Рузвельту. В ней он сообщал: «Если бы англичане переслали в Кремль перехваченные германские важные приказы, Сталин, быть может, уяснил бы истинное положение вещей. Однако англичане считают аппарат Блечли совершенно секретным. Они используют перехваченную ими информацию в собственных целях». Будущий основатель Управления стратегических служб, а затем и ЦРУ напрасно беспокоился за Сталина. Как раз именно с помощью аппарата Блечли и МИ-6 он и уяснил-таки себе истинное положение вещей, потому как вся великолепная «кембриджская пятерка» лучших агентов советской разведки едва ли не чемоданами приносила документальную информацию, особенно же Дж. Кэрнкросс, К. Филби и А. Блант, своевременно обеспечивая Кремль актуальной информацией.

Именно в этот момент Сталин и решил сделать Западу антигитлеровскую «прививку», то есть соответствующим образом вмешаться, чтобы Вашингтон и Лондон не скоординировали свои планы вопреки интересам Москвы, да еще и на предложенной Гессом (Гитлером) стезе. Дело в том, что с января 1937 г. Сталин абсолютно точно знал, что США выступят на стороне СССР только в одном-единственном случае — **«если СССР** окажется под угрозой германских, чисто **империалистических, т.е. территориальных,** стремлений, тогда **должны будут вмешаться европейские** государства, **и Америка станет на их сторону».** Такова была позиция Рузвельта.

Между тем на момент возникновения у Кремля потребности в Сообщении ТАСС как в спецакции у нашей разведки (НКГБ) появились еще и данные из Госдепартамента США о предложении начать тайные мирные переговоры между Германией и Англией при американском посредничестве. Было очевидно, что некоторые влиятельные силы в США, прежде всего «изоляционисты», были явно не в восторге в связи с заключением между СССР и Японией Договора о нейтралитете от 13 апреля **1941** года. Они полагали, что тем самым резко усилилась угроза американским интересам на Дальнем Во-

стоке (собственно говоря, в том числе и для этого тоже Сталин и добивался подписания этого Договора, чтобы вынудить США повернуться лицом к Москве). Не менее очевидно было и то, что Великобритания активно стремится сыграть на этом обстоятельстве. Но в то же время от влиятельных лиц из ближайшего окружения Рузвельта, прежде всего от министра финансов Генри Моргентау и его единомышленников, Москва стала получать ясные сигналы о том, что администрация Рузвельта склоняется к тому, чтобы видеть в лице Москвы реального союзника в борьбе с нацизмом. В свою очередь это совпадало и с мнением Кремля, также склонявшегося к мысли о необходимости поиска наиболее реальных и эффективных союзников в неизбежно предстоящей войне с Германией.

Вот этой-то ситуацией со всеми ее нюансами Сталин и решил воспользоваться в интересах Советского Союза. В этом вся суть преимущественной англосаксонской ориентации Сообщения ТАСС. Все свое искусство геополитика, политика и государственного деятеля Сталин бросил на весы, чтобы, не унижаясь и не унижая достоинства представляемого им государства, заранее заручиться согласием США, а под их нажимом — и Великобритании, на установление союзнических отношений в случае нападения Германии на СССР.

Именно поэтому всеми особенностями содержания текста Сообщения ясно и четко было показано, что, во-первых, в Москве абсолютно точно знают, что процессом стравливания Берлина и Москвы в своих узкокорыстных целях из-за кулис «дирижирует» именно Великобритания. Вот откуда эти самые нападки антибританского характера в тексте Сообщения! Во-вторых, что Москва не вступала и, более того, не намерена вступать ни в какие новые переговоры с Германией, ложью о чем, собственно говоря, и прикрывалась Англия, ведя переговоры с Гессом, но при этом «втирая очки» Вашингтону. Хотя в то же время из текста Сообщения вытекало, что Москва как бы и не захлопывала двери к диалогу с Берлином, что следует расценивать как определенную угрозу Западу с намеком на то, что пора бы и одуматься. В-третьих, что Москва знает о содержании переговоров с Гессом — именно из-за этого-то бедолаге С. Криппсу, британскому послу в Москве, так сильно и «досталось»

прямо в преамбуле Сообщения, потому как Криппса вызвали в Лондон как раз накануне «миттельшпиля» в переговорах с эмиссаром Гитлера, то есть для уточнения ситуации с СССР. Именно этим и обусловлен пассаж о том, что «еще до приезда английского посла Г. Криппса в Лондон, особенно же после его приезда...», коим Сталин прикрывал свое знание о содержании переговоров с Гессом, свалив все на голову Криппса. Но послы-то, как известно, политику не вершат, это прерогатива руководства государств, а послы только осуществляют дипломатическое оформление политики верхов. Кстати, в Лондоне все прекрасно поняли. После нажима США, с сообщением о нападении Германии Черчилль приказал направить к Майскому именно Криппса. Тем самым Лондон как бы «отмывал» своего посла в глазах Сталина, хотя по всем международным правилам такое сообщение обязан был сделать министр иностранных дел (в крайнем случае его заместитель) и с обязательной оговоркой, что действует по прямому указанию своего правительства. Американцы, например, именно так сообщили сведения своей разведки послу Уманскому. Но что поделаешь, Англия есть Англия.

В-четвертых, что СССР, выражаясь в терминах самого Рузвельта, «находится под непосредственной угрозой германских, чисто империалистических, т.е. территориальных, стремлений», что войска Германии сосредоточены у границ СССР и ждут приказа о нападении. В-пятых, что если произойдет разрыв Договора о ненападении между СССР и Германией, то только по вине Германии, так как СССР не давал для этого никакого повода. Ко всему прочему, Сталин заранее пригвоздил Германию именно за вероломное расторжение Договора, ибо уже не сомневался, что все произойдет именно так. Одновременно была предупреждена и Япония.

Ориентация Сообщения ТАСС и на Японию тоже очевидна. Дело в том, что как страна, подписавшая «тройственный пакт» (Берлин—Рим—Токио), Япония была обязана во исполнение положений этого пакта оказать действенную военную помощь любой другой стране, подписавшей этот пакт, но только в том слу-

чае, если данная страна-подписант не сама нападет на кого-нибудь, а окажется жертвой агрессии. Зная это, Сталин предпринимал отчаянно решительные меры во избежание двухфронтового нападения на СССР с участием Японии. Опираясь на подписанный 13 апреля 1941 г. советско-японский Пакт о нейтралитете, Сталин этим Сообщением ТАСС прямым текстом известил Токио, что СССР станет жертвой именно вероломного нападения Германии. Тем самым он дал влиятельным сторонникам соблюдения Японией нейтралитета в отношении СССР соответствующие козыри. В таком случае, не нарушая условий «тройственного пакта», Япония имела бы все основания не подключаться к войне против СССР, развязанной Германией. Что в итоге Япония и сделала, невзирая на нажим Берлина, хотя, конечно, всю войну изрядно пакостила СССР.

В-шестых, что сложа руки Советский Союз не сидит, а перебрасывает свои войска к западным границам, что, однако, носит чисто оборонительный характер, так как он не намерен отходить от своей миролюбивой политики. В-седьмых, что, наконец, этим Сообщением ТАСС Германии на виду у всего мира предлагается высказать свое мнение, то есть либо разделить позицию Советского правительства, либо не разделить, в зависимости от чего весь мир может объективно судить, кто на самом деле вероломный агрессор.

В Вашингтоне все прекрасно поняли, и не случайно, что утром 14 июня 1941 г. именно аккредитованные при германском МИДе американские корреспонденты яростно атаковали заведующего отделом информации и прессы МИДа Германии П. Шмидта на пресс-конференции, однако тот, естественно, отказался даже хоть как-то прокомментировать Сообщение ТАСС. Короче говоря, Вашингтону все стало окончательно ясно. Послу Уайнанту было приказано по возвращении в Лондон довести до сведения Черчилля, что президент США поддержит любое заявление, которое может сделать премьер-министр Великобритании, приветствуя Россию как союзника! Черчилль подчинился, послал Криппса предупредить посла Майского. К 19.00

21 июня 1941 г. Сталин уже абсолютно точно знал, что в случае вероломного нападения Германии США и Великобритания станут на сторону СССР. К этому часу из Лондона поступила «молния» от посла И. Майского о том, что Великобритания официально предупредила о нападении Германии на СССР на рассвете 22 июня. Это-то и означало, что Великобритания становится союзником СССР в войне. А 22 июня Черчилль сделал свое знаменитое заявление в поддержку СССР. Как он принял это решение — Сталин знал.

Вот так и родилось знаменитое Сообщение ТАСС. По сути-то оно было не чем иным, как блестящим образцом глобальной разведывательно-геополитической операции, проведенной лично Сталиным в *целях* одновременного добывания еще раз подтверждающей дату нападения информации и оказания тотального влияния в выгодном для СССР ракурсе на глобальные процессы в мировой политике. Но одновременно оно же явилось и прикрытием для военных для начала выдвижения войск уже к границам. Вот почему маршал Василевский и написал в своих мемуарах, что именно «12—15 июня этим округам было приказано вывести дивизии, расположенные в глубине округа, ближе к государственной границе». Приказать же могли только с санкции Сталина и только с 12 июня, когда он уже обладал данными британского перехвата директивы германского верховного командования о назначении даты 22 июня датой нападения на Советский Союз.

Именно поэтому никто не вправе упрекать Сталина, тем более обвинять его за это Сообщение ТАСС. Оно не только в высшей степени было продумано, но и никого не дезориентировало, особенно военных, на что так упорно намекали маршал Жуков и многие другие. Не хуже Георгия Константиновича знавший непосредственную «кухню» Генштаба в самый канун войны маршал А.М. Василевский счел своим прямым долгом в своих же не менее знаменитых мемуарах «Дело всей жизни» со всей откровенностью заявить: «В этой связи, думаю, уместно остановиться на известном Сообщении ТАСС от 14 июня. Это **сообщение и сейчас нередко толкуется**

вкривь и вкось. Говорится, к примеру, что оно сыграло чуть ли не роковую роль в неудачном начале войны, так как дезориентировало страну. Слов нет, оно вызвало в первый момент у нас, работников Оперативного управления, некоторое удивление. Но за ним не последовало новых принципиальных указаний относительно Вооруженных сил и пересмотра прежних решений о боевой готовности, и мы пришли к выводу, что это дипломатическая акция нашего Правительства и в делах Министерства обороны ничто не должно измениться. К тому же Н.Ф. Ватутин[1] уже к концу дня разъяснил, что целью Сообщения ТАСС являлась проверка истинных намерений гитлеровцев. Поэтому считаю неправильным представлять Сообщение ТАСС как документ, который якобы успокоил и чуть ли не демобилизовал нас»!

Таким образом, Сообщение ТАСС от 13/14 июня 1941 г. действительно сыграло свою огромную роль в выяснении истинных намерений гитлеровцев, в проверке данных разведки о дате нападения и в решении вопросов как о союзниках и нейтралах, так и о прикрытии факта выдвижения войск к границам! Более того, оно свидетельствует о глобальном знании Сталиным реальной обстановки в мире! Понимая абсолютную неминуемость войны с Германией, Сталин шел на продуманно отчаянные шаги и меры, дабы обеспечить, насколько позволяла ситуация, максимально выгодные для СССР стратегические условия втягивания его в неизбежную войну. И мы не вправе отказывать Сталину в исторически беспрецедентно мудрой дальновидности, **с** какой он не только провел эту блестящую, по сути дела, глобальных масштабов разведывательно-геополитическую блицоперацию, но и достиг важнейшего на тот момент для СССР результата!

Миф № 24. В своей речи от 5 мая 1941 г. Сталин призвал Красную Армию к нападению на Германию.

[1] Первый заместитель начальника ГШ, начальник Оперативного управления.

Миф № 25. В своей речи от 5 мая 1941 г. Сталин пытался подготовить военное командование и в целом страну к некоему компромиссу с Германией.

Речь идет о выступлении Сталина на приеме в Кремле в честь выпускников военных академий Красной Армии 5 мая 1941 года. Вот текст опубликованного 6 мая 1941 г. в газете «Правда» краткого официального сообщения об этой речи: «Товарищ Сталин в своем выступлении отметил глубокие изменения, происшедшие за последние годы в Красной Армии, и подчеркнул, что на основе опыта современной войны Красная Армия перестроилась организационно и серьезно перевооружилась. Товарищ Сталин приветствовал командиров, кончивших военные академии, и пожелал им успеха в работе. Речь товарища Сталина, продолжавшаяся около 40 минут, была выслушана с исключительным вниманием».

Мифы вокруг этой речи стали складываться буквально на следующий день после ее произнесения Сталиным. Обычно их используют, особенно первый, для якобы доказательства якобы обоснованности якобы вынужденно нанесенного Гитлером «превентивного удара» по Советскому Союзу. Как правило, все исходят из того, что-де речь Сталина 5 мая 1941 года по своему содержанию была «агрессивной» и «антигерманской». Распространителям и толкователям этих мифов прежде всего первого — несть числа как в нашей стране, так и за рубежом. Споры вокруг истинного смысла и значения этой речи продолжаются до сих пор, периодически превращаясь в ожесточенные перепалки между историками.

На самом же деле спорить не о чем. Потому как практически все без исключения упускают из виду самое главное: **подлинным «виновником» — именно так, в кавычках «виновником» — формирования этих мифов был лично Сталин!** Потому как в действительности это был миттельшпиль глобальной разведывательно-политической блицоперации по оказанию стратегического влияния на руководство нацистской Германии в целях удержания его, хотя бы на время, от попытки вооруженного нападения на СССР. По его приказу со-

ветская разведка запустила в оборот с небольшим интервалом две совершенно противоположные дезинформационные версии этой речи. Одна версия в мае — начале июня 1941 года была подброшена германской разведке (использовались каналы германских журналистов в Москве), другая же — после начала войны была подкинута британской разведке. Обе версии не имели ничего общего с тем, что он на самом-то деле произнес в Кремле 5 мая 1941 г.

С помощью подброшенной германской разведке версии накануне войны Сталин пытался еще раз повлиять на Гитлера, подтолкнуть, елико было возможно, к открытию нового раунда советско-германских переговоров в целях предотвращения и оттяжки хотя бы на время фатально неминуемого военного столкновения. Это было обусловлено следующими причинами. Дело в том, что **в конце декабря 1940 г. внешняя разведка[1] обратила внимание советского руководства на поступившее из берлинской резидентуры сообщение о выступлении Гитлера 18 декабря[2] по поводу выпуска из военных училищ пяти тысяч немецких офицеров. В этом выступлении Гитлер резко высказался против «несправедливости, существующей на земле, когда 60 млн великороссов[3] владеют 1/6 частью земного шара, а около 90 млн немцев ютятся на клочке земли. Гитлер призвал молодых офицеров к устранению этой несправедливости.**

В отличие от незаконно наследовавших ему преемников и преемников последних, в том числе и современных, Сталин никогда не оставлял без жесткого и многозначительного ответа ни одного выпада против СССР, с чьей бы стороны и в какой бы форме он ни был. В традиционной для него манере четко выражен-

---

[1] Тогда НКВД СССР.

[2] Дата утверждения Директивы № 21, она же —план «Барбаросса». В самом конце декабря 1940 г. Сталин уже знал, что Гитлером подписан план нападения на СССР.

[3] То есть русских. Правда, Адольф, как всегда, сбрехнул изрядно, ибо в 194,2 млн чел. предвоенного населения СССР великороссов насчитывалось в два с лишним раза больше.

ной адекватности — чувство политической меры у него было очень сильно развито — через некоторое время дал свой, сталинский ответ.

Дождавшись от разведки дополнительных данных и уяснив себе, что этот выпад Гитлер допустил в связи с принятием плана нападения на СССР, **Сталин дал свой ответ: в середине января 1941 г. ярко выраженный коренной представитель великороссов —- генерал армии Жуков — был назначен начальником Генерального штаба РККА. Это был первый шаг на этом пути.**

Но это всего лишь видимая часть. Более существенная заключалась в том, что высшие ключевые посты в советской военной иерархии оказались замещенными двумя отличившимися в боевых действиях против союзников Германии военачальниками: Тимошенко проявил себя при разгроме Финляндии, Жуков — на Халхин-Голе, при разгроме японской армии. По-восточному элегантно, тонким намеком, Сталин ясно дал понять Гитлеру, что не следует «скалиться» на Восток: мол, побили твоих союзников — отлупим и тебя! Этот намек был тем более важен, если учесть еще и его, ныне, к сожалению, едва различимый в сумерках ушедших с той поры десятилетий этно-геополитический аспект: Берлину ясно дали понять, что Москва полностью отдает себе отчет в глобальности грядущего именно этногеополитического столкновения в его острейшей цивилизационной направленности и потому на высшие командные посты назначены именно два ярко выраженных представителя двух главных славянских народов — русского и украинского! Однако гитлеровцы не пожелали понять этот намек.

В связи с резким нарастанием угрозы нападения в самое ближайшее время Сталин сделал новый шаг. Он был обусловлен тем, что 4 мая 1941 г. Гитлер выступил в рейхстаге с программной речью, в которой даже и не упомянул СССР! Как будто занимающего 1/6 часть суши земного шара государства, с которым у Германии Договор о ненападении, не существует! Естественно, что немедленно проинформированный об этом Сталин всерьез встревожился. Информация свидетельствовала о кру-

том переломе, вынуждая заподозрить, что Гитлер уже вышел на финишную прямую в подготовке агрессии против СССР (так оно и было, к слову сказать), тем более что на тот момент еще не до конца отмерла одна из фигурировавших в то время дат агрессии — 15 мая. Именно в этот момент и прозвучал соответствующий ответ Сталина: **5 мая 1941 г. он произнес ту самую знаменитую речь на приеме в Кремле в честь выпускников военных академий. Речь Сталина 5 мая 1941 г. была прямым ответом на речи Гитлера от 18 декабря 1940 г. и 4 мая 1941 г.**

При всей постоянно приписываемой ему «византийской хитрости »(а что тут плохого-то, к слову сказать?!), Сталин не был склонен мудрствовать лукаво. Все было четко адекватно, паритетно, причем как по форме, аудитории и даже антуражу, так и тем более по содержанию! Гитлер призвал своих гаденышей-бандитов с оружием в руках «исправить несправедливость », то есть напасть на СССР, которого вроде бы и не существует. Ну, а Сталин совершенно ясно и четко объяснил своим воякам, что пора и могилы пошире для тевтонов организовывать, то есть дать соответствующий мощный отпор и разгромить агрессора! И гитлеровцы не зря так всполошились, что все время пытались узнать, что же конкретно сказал Сталин, а во время войны чуть ли не всех военнопленных допрашивали по этому вопросу (напускная секретность и двойственность версий этой речи были неотъемлемыми компонентами той операции). Вот как он их озадачил этой речью!

А на следующий день Сталин сделал следующий ход. 6 мая 1941 г. было официально сообщено о назначении Сталина главой Правительства СССР. Фюреру популярно разъяснили, что не следует делать вид, что СССР не существует, если его Правительство возглавил всемирно известный политический и государственный деятель Сталин! А если есть какие-то проблемы, то, что называется, «битте шён», давай их решать за столом переговоров, тем более что именно Сталин занял ключевой государственный пост в Советском Союзе. Вот откуда в германской версии и по-

явилась мысль о некоей готовности Советов к компромиссу. Ну, а если что — Сталин лично возглавит отпор агрессии!

Однако, прекрасно зная, с кем приходится иметь дело, Сталин, естественно, развернул эту операцию в серию крупных и тесно взаимосвязанных между собой синхронно-последовательных акций. Всего через три дня — 9 мая 1941 г. — последовало Сообщение ТАСС. В жанре полунедоуменного опровержения — тоже ведь уметь надо! — в нем открыто, но особо было подчеркнуто истинное предназначение всеми заинтересованными сторонами зафиксированной, однако специально не скрывавшейся Москвой переброски войск к западным границам (в действительности она началась еще в апреле 1941 г.). Гитлеру опять популярно объяснили, что нечего рассчитывать на легкую добычу, что он столкнется с грозной и мощной силой и что лучше всего, пока не поздно, сесть за стол переговоров! Гитлер опять не захотел понять и на следующий день отправил Р. Гесса за высочайшим разрешением Лондона напасть на СССР. Тогда ему вновь популярно разъяснили... демонстративно крупными учениями ВДВ и не менее демонстративным призывом примерно 800 тыс. резервистов (потом еще 300 тыс. чел.). Одновременно советские послы за рубежом стали открыто говорить о большом сосредоточении войск на западных границах СССР, а разведка (НКГБ) также по указанию Сталина, **специально «предоставила»** харбинской резидентуре германской разведки в Китае возможность **«перехватить и расшифровать»** некий **«циркуляр из Москвы»,** которым всем советским представителям за рубежом предписывалось **«предупредить Германию, что Советский Союз подготовился к защите своих интересов».**

На пике этой серии акций влияния, тоже в мае (а затем и в июне) 1941 г., Германия услышала и вполне внятные угрозы Москвы. Из Кремля отчетливо прозвучала угроза о неотвратимости возмездия. Вполне ясно было заявлено, что в случае нападения на СССР последний в долгу не останется и нанесет массирован-

ные удары возмездия по Берлину и другим германским городам. Более того, что при необходимости Советский Союз не остановится и перед применением химического и бактериологического оружия (советская разведка располагала данными о том, что немцы планируют применить химическое и бактериологическое оружие против советских войск).

Одновременно в апогее этой серии акций был совершен и необходимый переход к будущей дезинформационной версии для подбрасывания ее британской разведке. Потому как Сталин прекрасно понимал историческую неизбежность и необходимость установления союзнических отношений с Великобританией для совместной борьбы против нацистской Германии. Но для этого необходимо было заранее объяснить Лондону предыдущие отношения СССР с Третьим рейхом в рамках Договора о ненападении от 23 августа 1939 года. В результате в предназначенной для британской разведки дезинформационной версии появилась мысль о том, что хотя Советский Союз и сотрудничал с Германией, однако в действительности-то намеревался в самом ближайшем будущем покончить силой оружия с ее господством в Европе. В данном случае советская разведка очень тонко подыграла крупнейшей дезинформационной акции британской разведки, суть которой сводилась к тому, что-де если Гитлер вздумает напасть на Англию, то Советский Союз немедленно нападет на Германию. Эта операция британской разведки была разоблачена нашими разведчиками как раз накануне речи Сталина — в промежутке с 1 по 4 мая 1941 г. включительно.

Миф № 26. Вместо подготовки к отпору гитлеровской агрессии Сталин готовил удар в направлении Ближнего Востока.

В прежние времена малоизвестный миф. Известность приобрел в последнее время с подачи известного телевизионного ухаря, вечно ничего толком не понима-

ющего, но имеющего «диплом о поверхностном историческом образовании» Леонида Млечина. Одну из своих телепередач в рамках цикла «Особая папка» он посвятил этому вопросу. Это было вполне достойное его свидетельство «полного отсутствия всякого присутствия» в том самом месте, которым положено думать. Потому как, традиционно не поняв, что в этой истории к чему, он, как и полагается любому «деятелю телевизионных искусств» (ироничное выражение Фаины Раневской), «естественно» крайне резко передернул реальный факт и уже в сильно искаженном виде попытался выдать за некую, лично им открытую «сермяжную правду Истории». В реальности же все обстояло иначе.

Едва только стало известно о перелете Гесса в Англию, как на этом фоне советские разведслужбы сообщили о том, что высшее военно-политическое руководство Великобритании реанимировало свои прежние планы по нанесению массированных бомбовых ударов по центрам нефтедобычи СССР на Кавказе и в Закавказье. Впервые эти планы появились еще во время советско-финляндской войны 1939—1940 гг. Тогда они были разработаны под руководством французского генерала Вейгана. Были подготовлены соответствующие силы, прежде всего мощные эскадрильи бомбардировщиков, намечены соответствующие цели. В период западной кампании германские войска захватили в одном из брошенных французским генералитетом штабных поездов целую папку с грифом **«TRES SECRET»,** на которой красовалась надпись **«ANNAQUE AERIENNE DU PETROLE DU CAUCASE. Liaison effectue au G.Q.C. Aerien le avril 1940».** В переводе с французского языка это означало **«Совершенно Секретно. Воздушный удар по нефтяным месторождениям Кавказа. Верховное командование ВВС, апрель 1940 года».** А в папке соответствующие документы и карты намеченных для бомбардировок целей. Чуть позже гитлеровцы не без юмора опубликовали эти документы.

Для сведения — в те времена более 86,5% добычи советской нефти и нефтепереработки было сосредоточено именно в этом регионе.

Англо-французские планы по нанесению бомбовых ударов по указанным районам СССР тогда сорвались в связи с успешным окончанием Советским Союзом упомянутой войны и заключением мирного договора с Финляндией. Кстати говоря, Сталин и требовал-то скорейшего окончания этой войны, исходя из этого факта — ведь разведка и тогда докладывала ему об этих планах. Реанимация же этих планов в мае 1941 г. означала, что Великобритания вознамерилась положить на стол тайных переговоров с Гессом решающий аргумент, дабы, если и не прекратить, то по крайней мере резко ослабить натиск нацистской Германии на Англию и ее колониальную империю, в том числе и на Ближнем Востоке. В Англии ошибочно полагали, что поставки советской нефти и нефтепродуктов в соответствии с действовавшими тогда торгово-экономическими договорами между СССР и Германией имеют для нее стратегическое значение. В реальности же из запланированных по советско-германскому Хозяйственному соглашению к поставке, например, в период с 11 февраля по 1 августа 1941 г. 982 500 тонн нефтепродуктов к началу войны было поставлено всего 185 424 тонны, то есть 18,87% от запланированного объема. Хотя эти поставки и имели какое-то значение для Германии, однако отнюдь не решающее. А уж если начистоту, то это был сущий мизер. И даже если бы план поставок был бы выполнен, то все равно они не имели бы решающего значения в обеспечении Германии топливом. Потому что, например, в результат победы над Францией Германия захватила ее стратегические запасы нефти в количестве 5 млн тонн! Не говоря уже о стратегических запасах нефти и нефтепродуктов других оккупированных Германией стран и тем более об американских поставках нефти и нефтепродуктов, которые продолжались чуть ли не до конца Второй мировой войны.

Вполне понятно, что, как только стало известно о реанимации плана бомбовых ударов по советским центрам добычи и переработки нефти, Сталин вынужден был отдать приказ о подготовке ответного удара по войскам англо-французской коалиции на Ближнем

Востоке. Кстати говоря, это достаточно осложнило проведение основных оборонительных мероприятий для подготовки к отпору гитлеровской агрессии.

В начале войны руководство Великобритании попыталось было навязать Советскому Союзу идею защиты районов Кавказа и Закавказья английскими войсками, на что Сталин дал резкую, но обоснованную отповедь.

Миф № 27. Лично Сталин приказал считать Юго-Западное направление главным для вермахта, вследствие чего была ослаблена оборона на Западном направлении и произошло катастрофическое крушение Западного фронта.

Один из самых нелепых мифов специального назначения. В оборот запущен маршалами Советского Союза Г.К. Жуковым и К.А. Мерецковым. Они, как никто другой из высших предвоенных военачальников, были заинтересованы в этом, так как перед войной оба являлись начальниками Генерального штаба. И именно при них, но более всего именно при Жукове из официального плана обороны исчезло главенствующее значение Минского и в целом Белорусского направления в оборонительных мероприятиях Советского Союза. Именно при них, но более всего при Жукове это наиглавнейшее направление удара вермахта было проигнорировано. И именно в результате этого игнорирования в колоссальной степени и произошла трагедия 22 июня 1941 года. Не желая брать на себя тяжелейшее бремя исторической ответственности, оба маршала выдумали этот миф и свалили все на Сталина, сопровождая свою клевету еще и нападками на ГРУ. Миф тиражируется и используется до сих пор, причем без какого-либо анализа природы его происхождения.

В действительности же первым за вермахт главный его удар на Юго-Западное направление еще в сентябре 1940 г. стал переносить именно маршал Тимошенко — в то время наркомом обороны. Еще только при докладе проекта «Соображений об основах стратегичес-

кого развертывания Вооруженных сил Советского Союза на Западе и на Востоке на 1940 и 1941 гг.» от 18 сентября 1940 г. Тимошенко изволил выразить недовольство тем, что по политическим (стратегическим) соображениям главенствующее значение в документе было придано группировке вермахта севернее Варшавы, а также в Восточной Пруссии. Более того, именно Тимошенко тогда и стал настаивать на том, чтобы был разработан вариант, по которому основные силы гитлеровцев развернулись бы южнее Варшавы. Что послужило первоначальным импульсом для такого «пожелания» наркома, понять весьма трудно, потому как во всех последних предвоенных планах и проектах планов РККА содержится прямая оговорка: «документальными данными об оперативных планах вероятных противников как по Западу, так и по Востоку Генеральный штаб Красной Армии не располагает».

В то же время, руководствуясь прежде всего политическими (стратегическими) соображениями, тогдашний начальник Генерального штаба мудрый Б.М. Шапошников уже дважды настаивал на особой предпочтительности северного варианта развертывания главных сил вермахта, то есть на Прибалтику и Белоруссию. Что и подтвердилось трагедией 22 июня 1941 г., а впоследствии трофейными документами, а также исследованиями историков, в том числе германских. Образно говоря, прогнозируя подобный сценарий событий, Шапошников, по сути дела, еще в сентябре 1940 г. точно разгадал и воспроизвел конечный замысел «плана Барбаросса», который был утвержден Гитлером только 18 декабря 1940 г.

В свете утверждений Жукова и Мерецкова о том, что-де Сталин «назначил » Южное направление главным для вермахта, небезынтересно отметить следующее. В начале сентября 1940 г. в КОВО, а в это время командующим там был Жуков, прошли учения 6-й армии округа по сценарию немедленного (в том числе и превентивного) встречно-лобового контрблицкрига на Юго-Западном направлении, да еще и с Львовского выступа. По сути дела, это был армейский прототип будущего «безгра-

мотного сценария вступления в войну», то есть «гениального» плана от 15 мая 1941 года. Заметьте при этом, что подготовленный Шапошниковым проект «Соображений...» еще не рассматривался — это произойдет только 18 сентября 1940 г. и в последующие дни. И Сталин тоже еще не рассматривал этот проект, а Жуков уже собрался в контрблиц — «Дранг нах Вестей» — криг! С чего бы это?! И в это же время начинается бурчание Тимошенко насчет определения направления главного удара вермахта: маршал требует, чтобы нацистские супостаты наступали на южном и Юго-Западном направлении, то есть против КОВО! Супостаты же между тем, пораскинув мозгами и ссылаясь на успехи абвера на Украине, в это время уже фактически склонялись к отказу от нанесения главного удара на этом направлении и в конце концов утвердили северный вариант в качестве основного, а на юге всего лишь одно из трех направлений. А чуть позже и ГРУ стало фиксировать переброски войск согласно утвержденному гитлеровцами северному варианту развертывания вермахта.

Но в декабре 1940 г. за супостатов почему-то забеспокоился все тот же Жуков — в это время в Генеральный штаб из КОВО поступила записка за его подписью, в которой утверждалось, что основные силы Германии будут нацелены против КОВО (ЮЗФ), а значит, «здесь следует ожидать главный удар противника»! С чего он так решил, почему пришел к такому выводу — пойди, разберись теперь. Центральный аппарат ГРУ еще толком не знал, что конкретно замышляет противник, а Жуков уже знал!? К слову сказать, эти «данные» КОВО чуть позже были включены в доклад ГРУ от 20 марта 1941 г. Трудно гадать, на каком основании командующий КОВО пришел к такому выводу. Зато непреложным фактом является следующее — в конце 1940 г. начальник штаба КОВО по указанию Жукова подготовил план действий округа, в котором уже проступали контуры будущего «гениального плана» от 15 мая 1941 года. И хотя в этом новом плане штаба КОВО частично, но в минимальном объеме еще сохранялась логика плана Шапошникова, но тем не менее уже четко про-

глядывались элементы будущего немедленного встречно-лобового контрблицкрига, на «сценарий» которого чуть позже и будет подменен замысел официального плана обороны. **Фактически именно этот стратегический бред и был положен в основу сначала плана** от **11 марта 1941 г., а затем еще и «гениального плана» от 15 мая 1941** года.

Как уже указывалось выше, «гениальный план» не был подписан ни Жуковым, ни Тимошенко и Сталину никогда не докладывался. Если бы Сталин и впрямь приказал бы считать Южное направление главным для вермахта, миф о чем упорно распространяли Мерецков и Жуков, но верить во что нет абсолютно никаких оснований, особенно если твердо помнить, что за вермахт решал Гитлер, а не Сталин, а Молотов настойчиво призывал не доверять словам Жукова по этому вопросу, то подписали бы да пришли бы к Сталину со словами: «Вот, Иосиф Виссарионович, мы выполнили Ваше мудрое указание об усилении «южного» акцента! Утвердите!» Однако они ни того, ни другого не сделали! Значит, и указания как такового в помине не было, а, следовательно, и цель этих документиков, особенно «гениального плана», была только в том, чтобы заранее спихнуть ответственность за возможное поражение на Сталина!

Небезынтересно также обратить внимание на одно объяснение маршала Василевского. Оно разъесняет, почему нельзя верить этой байке. На одной из страниц книги своих мемуаров он, в частности, написал следующее: «Вернемся, однако, к плану по отражению агрессии. Как нам рассказал К.А. Мерецков, при его рассмотрении И.В. Сталин, касаясь наиболее вероятного направления главного удара потенциального противника, высказал свою точку зрения. По его мнению, Германия постарается направить в случае войны основные усилия не в центре того фронта, который тогда возникнет по линии советско-германской границы, а на юго-западе, с тем, чтобы, прежде всего захватить у нас наиболее богатые промышленные, сырьевые и сельскохозяйственные районы. В соответствии с этим Генштабу было поручено переработать план, предус-

мотрев сосредоточение главной группировки наших войск на Юго-Западном направлении. Требовалось в предельно сжатые сроки выполнить весь объем той колоссальной работы, который был связан с этим. Маландин, Анисов и я были обязаны не позднее 15 декабря закончить разработку всех соответствующих вопросов, касавшихся Наркомата обороны и Генерального штаба, учтя при этом проблемы, связанные с Наркоматом путей сообщения, а также определить задания соответствующим военным округам, с тем, чтобы с 1 января 1941 г. командование и штабы округов могли приступить к разработке окружных планов».

Обратите внимание, что, **во-первых,** Василевский не утверждал, тем более категорически, что Сталин приказал считать главным для вермахта Юго-Западное направление. По его признанию, **Сталин всего лишь высказал свою точку зрения.** Согласитесь, что какая-никакая, но разница есть, к тому же принципиальная. Более того, основания для высказывания такой точки зрения у него были, и в порядке обмена мнениями при обсуждении наиважнейшего общегосударственного плана обороны сие было более чем естественно. **Во-вторых,** отметив, что это произошло во время рассмотрения проекта плана, т.е. «Соображений...» от 18 сентября 1940 г., Александр Михайлович указал, что-де Генштабу было поручено переработать план к 15 декабря 1940 г. Однако переработать в такой ситуации можно было только проект, ибо план — это уже официально действующий документ. Ведь уж кто-кто, но сам-то Василевский как один из главных разработчиков этого плана прекрасно знал, что **14** октября **1940** г. «Соображения...» от **18** сентября **1940** г. были утверждены Сталиным.

Следовательно, о какой же переработке **плана** к 15 декабря могла идти речь? Извините, но Сталин не был легкомысленной девицей, чтобы каждые пять минут менять свое мнение, тем более изменять только что подписанный документ. Тем более по столь наиважнейшему вопросу, как подготовка к защите государства от грядущей агрессии. Не говоря уж о том, что он вообще отличался особо тщательной проработкой всех документов,

тем более такого уровня и значения. И уж если то ему и в самом-то деле было бы нужно, то, не вступая в дискуссию, он попросту приказал бы считать Юго-Западное направление главным для вермахта. Но он-то всего лишь высказал свою точку зрения — это более чем естественно при рассмотрении таких особо важных документов.

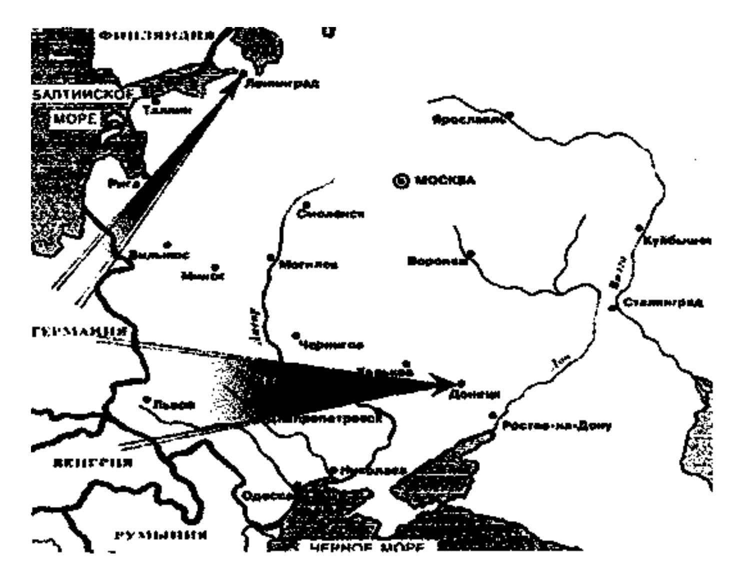
Более того. Сталин прекрасно знал, что «Соображения...» от 18 сентября 1940 г. разрабатывались под руководством глубоко уважаемого им Бориса Михайловича Шапошникова, мнение которого после советско-финляндской войны он стал ценить еще более высоко. Не говоря уж о том, что сам образ и суть стратегического мышления Сталина были идентичны позиции Шапошникова. С какой же стати он должен был так игнорировать мнение столь уважаемого им аса Генштаба, если всегда любил приговаривать: «А ну, послушаем, что скажет нам шапошниковская школа!» (слова Василевского, кстати сказать)?!

Наконец, когда в 1992 г. эти «Соображения...» от 18 сентября 1940 г. были полностью рассекречены и преданы гласности, то их публикация была осуществлена именно в том виде, в каком они были утверждены тогда, в 1940 году. Никакого акцента на Юго-Западное направление там нет. Как, впрочем, нет и иного официального плана обороны. Этот был единственным. Так вот и спрашивается, на каком же основании происходила эта переработка плана, если, конечно, она имела место и, более того, происходила официально? Ведь если бы было все официально, то Генштаб обязан был бы руководствоваться не рассказом К.А. Мерецкова, а постановкой задачи, которую обязан был сделать нарком обороны Тимошенко: в военной иерархии, тем более того времени, субординация соблюдалась жестко, особенно в таких вопросах. Да и Сталин действовал бы только через наркома обороны, ибо он отвечал за Генштаб. Так что при чем тут сказки К. А. Мерецкова?! Единственное, что могло произойти и явно произошло, так это высказывание Сталиным пожелания об определенном дополнительном усилении обороны на Юго-Западном направлении ввиду громадного военно-экономического значения Украины. Пожелание вполне естественное и нормальное. Последо-

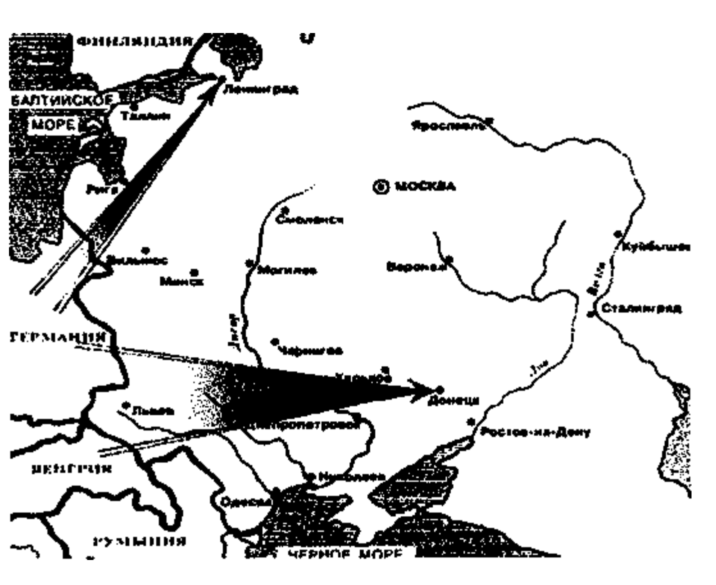
вавшее вскоре решение о дополнительном усилении КОВО явилось подтверждением этого. И вот еще что.

Обратите внимание на явно не случайное совпадение. Василевский со ссылкой на Мерецкова утверждал, что-де Генштабу было поручено к 15 декабря переработать план на предмет переакцентировки усилий на Юго-Западное направление. Но ведь в том же декабре 1940 г. за подписью Жукова из КОВО в Генштаб пришла докладная с утверждением того, что именно на КОВО придется главный удар вермахта. Больно уж своевременно. Хотя никаких данных на этот счет у Жукова не было, и быть не могло. Более того. Чуть позже, но все в том же декабре штаб КОВО разрабатывает еще и окружной прототип будущего «гениального» плана от 15 мая 1941 г. А это что такое?! Что это за сверхнеобъяснимая прозорливость командования КОВО, то есть Жукова, на редкость «удачно» совпавшая со сроками исполнения сказочного указания Мерецкова?!

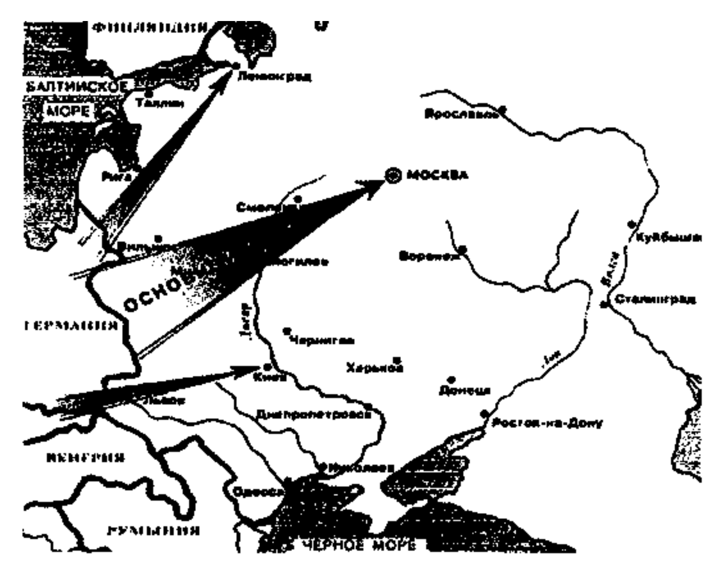
Короче говоря, лживой байкой о том, что-де Сталин якобы приказал считать главным для вермахта Юго-Западное направление, Жуков и Мерецков пытались снять с себя всякую ответственность за катастрофический провал Западного фронта, в результате чего гитлеровцы и появились едва ли не под стенами Кремля. Между двумя маршалами было своего рода «разделение труда»: якобы как авторитетное подтверждение первоисточником — дело в том, что бывший нарком обороны маршал Тимошенко после войны предпочитал помалкивать, — байка Мерецкова играла роль объясняющей истоки происхождения этой затеи с переакцентировкой усилий на Юго-Западное направление. Одновременно она исполняла и функцию «громоотвода» от Жукова, относя эти истоки столь дорого обошедшейся авантюры на осень 1940 г., когда он был всего лишь командующим КОВО. Жуков же, в свою очередь, имея такой маршальский «первоисточник», преспокойно ссылался на него, объясняя, как он умудрился проморгать наиглавнейший удар вермахта на Белорусском направлении. По корпоративной маршальской «солидарности» получалось вполне гладко, только вот, как и всегда, маршалы «забыли про овраги».

Направления удара вермахта по Тухачевскому

"Ожидавшиеся" Жуковым и Тимошенко направления удара вермахта

Подлинные направления удара вермахта по "Плану Барбаросса"

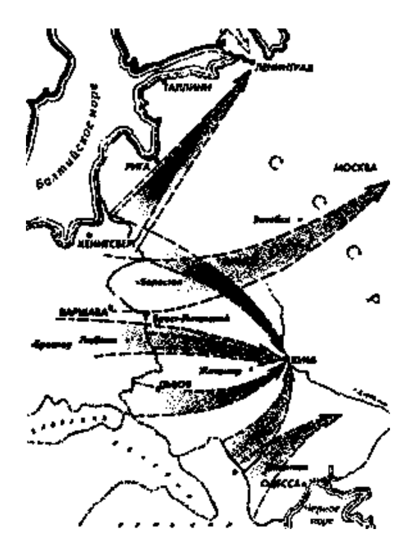

Схема возможных направлений немецкого наступления, составленная в ГРУ в марте 1941г.

Накануне войны войска Первого стратегического эшелона сосредоточивались и разворачивались именно по схеме никогда не докладывавшегося, никогда не рассматривавшегося и потому никогда не утверждавшегося Сталиным «гениального плана» и по этой же схеме грянула трагедия 22 июня 1941 г.! Так вот, вся интрига тут состоит в том, что схема полностью игнорировавшего особое стратегическое значение Белорусского направления и приведшего к невероятной катастрофе «гениального плана» полностью воспроизводила ту самую «фантастику», которую излагал еще Тухачевский в своем «Плане поражения СССР в войне с Германией». Так ведь и написал, сидя на Лубянке, что-де **«Белорусский театр военных действий только в том случае получает для Германии решающее значение, если Гитлер поставит себе задачу полного разгрома СССР с походом на Москву. Однако я считаю такую задачу совершенно фантастической».**

Но точно за такую же «фантастику» для вермахта Белорусское направление держал и Жуков. Взгляните на схему удара, который Жуков совместно с Тимошенко ожидал от немцев. А затем на схему удара немцев, ожидать который, по согласованию с тевтонами, предлагал Тухачевский, сидя на Лубянке. Найдите хотя бы одно принципиальное различие. Не нашли?! Правильно, и не найдете, потому как нет даже тени намека на оное. Даже если и сдвинуть в схеме Тухачевского границы СССР восточнее, как оно и было в 1937 году. А теперь взгляните на принципиальную схему удара по «плану Барбаросса». Взглянули. Отлично. Теперь примите во внимание, что разведывательная информация именно об этой схеме удара поступала в Москву с самых первых сигналов о грядущей агрессии. Как от советских разведслужб, так и от американских и британских. Приняли?! Отлично. В заключение попробуйте хотя бы самим себе ответить на один простой вопрос. Как могло случиться, что полгода кряду из разных источников непрерывно поступает одна и та же разведывательная информация именно об этой схеме, и именно она же и была не то, чтобы просто проигнорирована, а конкрет-

но и целенаправленно похерена начальником Генерального штаба генералом Жуковым при полном одобрении наркома обороны маршала Тимошенко?!

А чтобы легче было отвечать на этот вопрос, примите во внимание следующее. Истинная схема удара вермахта была похерена при полном одобрении наркома обороны Тимошенко не просто начальником Генерального штаба Жуковым. Она была похерена выходцем из Белорусского и Киевского военных округов. А до весны 1937 г. ими командовали основные подельники Тухачевского — Уборевич и Якир! Кстати говоря, у Тимошенко такая же служебная биография. Более того. Оба были близки с Хрущевым, который с 1938 г., к несчастью для Украины, вновь возглавил ее партийную организацию в качестве 1-го секретаря ЦК Компартии Украины. Хрущев же, в свою очередь, с давних времен был очень близок с тем же Якиром.

Чтобы еще более облегчить ответ на поставленный вопрос, позвольте проинформировать о том, что, по мнению командования вермахта в 1941 г., «главные силы Красной Армии будут сконцентрированы в противоположном направлении от линии, дающей полную возможность для сильного удара»! Наиболее сильный удар гитлеровцы планировали нанести своим левым крылом, то есть силами ГА «Центр» и «Север». Для РККА это означало на направлении правого фланга, то есть на направлении Прибалтийского и Западного особых военных округов. Но именно из их первоочередных задач Жуков и Тимошенко сняли задачу прикрытия «активной обороной» Минского и в целом Белорусского направления. Они концентрировали войска на нашем левом фланге, в КОВО, что для гитлеровцев и было не только их правым флангом, а как раз именно тем самым «противоположным направлением от линии, дающей возможность для сильного удара». И не просто таковым, а именно тем направлением, на котором тевтоны еще в 1936 году просили Тухачевского организовать поражение советских войск. Гитлеровцы еще тогда начали свою долговременную дезинформационную акцию, которая почему-то, даже невзирая на кровавые

чистки в советском генералитете, все равно оказалась реализованной именно так, как им было нужно!

Учтя все это и ответив же на поставленные вопросы, любой убедится в том, что Сталин никогда не отдавал никакого приказа о том, что-де необходимо считать Юго-Западное направление главным для вермахта.

Ну а когда с этим разберетесь, наступит время для саркастической усмешки. Спустя десятилетия, когда уже не было Сталина, жуковская (да и не только жуковская) формулировка невесть откуда взявшейся вины Сталина за никогда не отдававшийся им приказ о назначении Юго-Западного направления главным для вермахта, почему-то в прямом смысле под копирку повторяла наущения Тухачевского из «Плана поражения».

Миф № 28. Сталин сам планировал нападение на Германию (так называемая «Операция "Гроза"»), чтобы открыть против нее второй фронт, в ответ на что Гитлер и совершил превентивное нападение.

Миф № 29. Сталин на корню зарубил некий гениальный план нападения на Германию, предложенный Г.К. Жуковым.

Миф № 30. Сталин чуть было голов не лишил Жукова и Тимошенко за этот гениальный план.

Миф № 31. Сталин «упустил шанс» по реализации плана превентивного нападения на Германию.

Миф № 32. Сталин не разрешил привести войска в боевую готовность, вследствие чего и произошла трагедия 22 июня 1941 г.

Миф № 33. Трагедия 22 июня 1941 г. произошла по вине Сталина.

Эта группа тесно взаимосвязанных мифов давно бродит по информационным весям. На разных этапах

ее хождений она выпячивается то одним, то другим боком. Все зависит от политической конъюнктуры в непрекращающейся ни на секунду психологической войне против России (ранее против СССР). Более всех к их возникновению причастны:

Троцкий — этот мерзавец еще до привода Гитлера к власти в Германии на всех углах кричал, что Советский Союз, видите ли, просто обязан напасть на Германию;

Гитлер — именно этим он и оправдывал свою агрессию;

Хрущев, который на XX съезде накормил этой ложью шабаш недобитых троцкистов, положив тем самым начало межеумочному состоянию всего СССР;

маршал Жуков, который всю вину за трагедию 22 июня 1941 года беспрестанно взваливал на Сталина, особенно во времена Хрущева. Он же и автор мифа о «гениальномплане».

В последние лет двадцать этим же «прославился» так называемый «Виктор Суворов», он же Владимир Богданович Резун. Осевший в Англии беглый предатель из ГРУ по заказу и на основе материалов британской разведки состряпал гнусный миф «Ледокола», которым заморочил головы едва ли не всей Европе, особенно Восточной. К глубокому сожалению, у него нашлись многочисленные последователи из числа российских «историков». Наиболее заметным из них является ныне уже покойный Игорь Бунич. Наконец, в эти же ряды затесался и современный историк М. Мельтюхов, запустивший миф о некоем «упущенном» Сталиным «шансе» по осуществлению превентивного нападения на Германию.

Комментировать то, о чем кричал Троцкий, — резона нет. Проклятый «бес перманентной мировой революции» всю жизнь только тем и был занят, что провокациями против России. Ничего нового не было и в этих его воплях. Призывать Советский Союз напасть на Германию еще в догитлеровские времена и даже в период правления коричневого шакала — это глобальная провокация «деятеля», свихнувшегося на зоологической ненависти к Сталину и Советскому Союзу.

Иное дело с воплями о мифическом плане превентивного нападения на Германию ради открытия некоего второго фронта против нее. Несмотря на абсолютную очевидность идиотизма таких утверждений, они по-прежнему в моде у помешавшихся на конъюнктурном антисталинизме историков-борзописцев. Как будто они не замечают и даже не желают замечать, что миф беглого предателя-подонка Резуна/Суворова» базируется на глобальной подтасовке — якобы Сталин готовился открыть «второй» фронт против Гитлера. Однако какими же надо быть слепцами, чтобы, перелопатив сотни тонн исторической литературы, не заметить того простейшего факта, что никакого отдельного (немецкого) фронта на западе Европы у Третьего рейха в 1941 г. не было?! Разве никому из этих псевдоисториков не известно, что германские танки еще в июне 1940 г. остановились у береговой черты Атлантического океана, после чего на Европейском континенте у Гитлера попросту не осталось врагов?! Разве им неведомо, что с июня 1940 г. никакого организованного вооруженного сопротивления Третьему рейху на западе континентальной Европы не было и в помине?! О каком же «втором фронте», который якобы готовился открыть Сталин, может идти речь?!

Неужто никому из этих бумагомарателей невдомек, что с июня 1940 года Гитлер стал перебрасывать свои войска на восток, в приграничную с СССР зону?! Разве им неизвестно, что к 22 июня 1941 г. вся приграничная полоса германо-советской границы на всем ее протяжении кишмя кишела германскими войсками — ведь там даже яблоку негде было упасть?! Соответственно о каком же ударе в спину Германии, тем более превентивном, могла идти речь?! Вермахт практически целый год методично сосредотачивался и разворачивался у советской границы в объеме едва ли не девять десятых всех немецких войск — ну и как можно было ударить им в спину?! Даже гипотетически это был бы не удар в спину, а безумный бросок голой грудью на выставленный острием меч! Ну, ведь надо же хотя

бы чуточку понимать те исторические реалии, о которых эти псевдоисторики смеют не столько писать, сколько морочить головы читателям!

Что касается так называемого «гениального плана» Жукова — то это о проекте некоего плана превентивного нападения на Германию, предположительно от 15 мая 1941 года. Проект был разработан генштабом по указанию Жукова и Тимошенко и якобы был доложен Сталину и даже якобы был им подписан и утвержден. Но в том-то все и дело, что, во-первых, **«сколько бы раз ни заявляли о том, что проект оперативного плана от 15 мая 1941 г. был подписан Сталиным, Тимошенко и Жуковым или был принят к исполнению на основании устных распоряжений названных лиц, никаких документальных подтверждений этому нет. На разработке, подписанной Василевским, отсутствуют какие бы то ни было подписи, пометы и резолюции, сделанные Сталиным, Тимошенко или Жуковым. Нет также ни прямых, ни косвенных документальных подтверждений того, что эта разработка была вообще представлена главе Советского государства или Правительству. Думается, нелишне было бы задать вопрос, мог ли вообще этот документ в том виде, в каком мы его имеем (рукописный текст с многочисленными исправлениями и вставками, большинство из которых с трудом поддается прочтению), быть подан первому лицу в государстве? Заслуживает внимания, наконец, и тот факт, что этот документ долгое время (до 1948 г.) хранился в личном сейфе Василевского — не в бумагах Сталина, Тимошенко, Жукова либо начальника Оперативного управления Генштаба РККА Н.Ф. Ватутина, где ему, казалось бы, надлежало находиться, если бы он был утвержден или хотя бы рассмотрен, и именно из сейфа Василевского перекочевал в архив. Данный документ никогда не выходил из стен Генштаба. Он так и остался черновым рабочим документом»**. Вот это и есть самая что ни на есть **подлинная Правда** об этом «гениальном» плане! Точнее, ее лицевая сторона!

Что касается теневой, то есть и, во-вторых, то проект этого плана был как полностью безграмотным в

военно-стратегическом отношении (не говоря уже об обычной безграмотности), так и полностью бессмысленным предложением ударить неким превентивным контрблицкригом в никуда. Основополагающая провокационная тупость этого проекта заключалась в том, что вся его суть сводилась к инициативному развязыванию войны Советским Союзом ради упреждения Германии в развертывании войск!? Никаких других политических и стратегических целей в документе не прослеживается. Только упредить в развертывании и более ничего. А ведь речь-то шла ни много, ни мало о том, чтобы ввязаться в крупномасштабную, по существу, мировую войну. Так ведь и в самом-то деле, каким же местом надо было думать, чтобы додуматься до констатации в преамбуле плана факта того, что гитлеровцы уже отмобилизовали свою армию и развернули свои тылы, но предлагать упреждение их развертывания превентивным ударом?! Впрочем, думать — это было не для Жукова и Тимошенко.

По сути дела, они под копирку реанимировали концепцию Тухачевского — этот «стратег» в свое время предлагал то же самое в отношении уже отмобилизовавшегося и развернувшего врага. На том, собственно говоря, и был построен его план поражения. Послевоенные же разговорчики о так называемом «гениальном плане» понадобились Жукову лишь для того, чтобы в очередной раз представить себя якобы гениальным, но непонятым Сталиным стратегом, чего за ним, Жуковым, никогда не числилось. Георгий Константинович был чрезвычайно слаб в вопросах стратегии, на что, к слову сказать, прямо и без обиняков указывали многие маршалы и генералы военной поры. Более того, эти разговорчики понадобились Жукову в оправдание его действий, приведших к невероятной трагедии 22 июня 1941 года. Однако ввиду своей беспрецедентной стратегической безграмотности он оправдывался столь глупейшим способом, что всего лишь подтвердил свое авторство в устроении трагедии 22 июня. Еще в 1965 году, говоря об этом «гениальном плане» и утверждая, что проект плана был доложен Сталину, но

тот его отверг, Жуков хотел убедить всех, что Сталин все-таки видел этот план, а соответственно несет и ответственность за последствия. Потому как, заявив все это, Жуков одновременно ляпнул, что-де хорошо, что Сталин не разрешил реализацию этого плана, иначе была бы полная катастрофа Красной Армии. Так и сказал, что этот план был не только ужасной ошибкой, но и, в случае получения разрешения на превентивный удар по Германии, Красная Армия была бы немедленно уничтожена![1]

Но вот ведь какое дело-то. Красная Армия, точнее ее группировка на западных границах, действительно была уничтожена вермахтом в самые кратчайшие сроки. Причем уничтожена в ситуации, когда она пыталась действовать практически в абсолютном соответствии с этим планом, но вместо превентивного удара — методом немедленного встречно-лобового контрблицкрига по факту нападения. Если на военном языке, то немедленными встречно-лобовыми стратегическими (фронтовыми) наступательными операциями. Автор посвятил этой проблеме почти 800-страничный труд под названием «Трагедия 22 июня 1941 года: блицкриг или измена? Правда Сталина» (2006). На ее страницах детально были проанализированы истоки этой безумно преступной стратегии отражения агрессии, ее генезис и взаимосвязь с концепцией пограничных сражений и «Планом поражения СССР в войне с Германией» Тухачевского. Более того. С приведением неопровержимых, в том числе, а зачастую и преимущественно, документальных данных показано, во что могло вылиться и во

[1] Что же до того, что Сталин, видите ли, чуть было головы не снес Жукову и Тимошенко за этот план, то это полный бред. Если бы он хотя бы одним глазком увидел этот идиотский план, то у всех послевоенных поколений СССР, а теперь и России не было бы ни малейшего шанса прочитать мемуары Жуков. Могучая память Сталина позволила бы ему немедленно определить, кто виновник такой неслыханной трагедии, — Жуков и Тимошенко. А уж если этими мемуарами заполонили книжные прилавки едва ли не всего мира, а российские—так и вовсе ломятся от их многочисленных переизданий, то, следовательно, Сталин никогда и не видел этого плана даже краешком глаза.

что на самом деле вылилось осуществление этой безумно преступной стратегии отражения агрессии. Показаны все известные на сегодняшний день причины, обусловившие фатальную неизбежность трагедии 22 июня, за что персональную ответственность несут прежде всего Тимошенко и Жуков.

Однако более всего автора поразило иное обстоятельство. В том же 2006 г. в свет вышла книга авторитетного историка Второй мировой войны Сергея Переслегина **«Вторая мировая. Между двумя реальностями».** Так вот, на страницах этой книги уважаемый коллега описал две крупные ролевые игры, на которых проигрывались варианты дебюта Великой Отечественной войны. По итогам двух игр вывод их участников был абсолютно одинаковый. Трагедия 22 июня могла произойти только лишь в том, случае, если со стороны СССР готовился бы превентивный удар, прежде всего на фронте группы армий вторжения «Юг» или, в наших терминах, на Юго-Западном направлении, то есть с территории Киевского Особого Военного округа. Превентивный удар как таковой со стороны СССР не готовился — выше об этом уже говорилось. «Гениальный план» Жукова—Тимошенко Сталину не докладывался. Однако все дело в том, что, вопреки официальному плану отражения агрессии, Жуков и Тимошенко подменили как основополагающий принцип обороны, заложенный в официальном плане, —принцип «активной обороны» в сочетании с «активными действиями по сковыванию противника» был подменен на принцип «жесткой обороны» на линии государственной границы, — так и его основополагающий замысел.

По официальному плану планировалось сдерживание и отражение первого удара в состоянии активной обороны, предусматривавшей частичный, но организованный отход войск до назначенных рубежей сосредоточения основных сил, только после которого и при наличии благоприятных условий предполагался переход в решительное контрнаступление всеми силами. Усилия же Жукова и Тимошенко были направлены на реализацию немедленного встречно-ло-

бового контрблицкрига по факту нападения. Причем преимущественно на Юго-Западном направлении, о чем говорил еще Тухачевский в своем плане поражения. **Немедленный встречно-лобовой контрблицкриг —** это **практически то же самое, что и превентивный блицкриг. Разница только в этих пяти буквах — «к о н т р».** Все остальное — абсолютно аналогично. Тем более что обе армии были взращены практически на одних и тех же концепциях и учениях. Даже довоенные уставы в Красной Армии были скопированы с германских. В такой ситуации успех будет принадлежать тому, кто первый ударит. Первыми ударили немцы, и достаточно длительное время успех, к глубокому сожалению, им сопутствовал, раз уж они докатились едва ли не до стен Кремля. Так ведь иначе и быть-то не могло.

«Если стратегия вступления государств и армии в войну изначально ошибочна, то ничто — ни искусство генерала на поле боя, ни доблесть солдат, ни отдельные одноразовые победы — не могло иметь того решающего эффекта, которого можно было ожидать в противном случае. Одной из важнейших причин поражения наших войск в начальный период войны явилась недооценка Наркоматом обороны и Генеральным штабом существа самого начального периода войны, условий развязывания войны и ее ведения в первые часы и дни». Таково сугубо профессиональное мнение генерала Николая Федоровича Червова, высказанное им на страницах блестяще аргументированной книги «Провокации против России».

Все верно. Только вот нет ни малейших оснований для того, чтобы всерьез рассматривать фактор недооценки наркоматом обороны **и** Генеральным штабом существа начального периода войны. Хотя бы потому, что материалы декабрьского 1940 г. совещания высшего командного состава РККА в Москве однозначно свидетельствуют о том, что все прекрасно всё понимали. В том числе и нарком обороны маршал Советского Союза С.К.Тимошенко, а также вскоре назначенный по его представлению начальником Генерального шта-

ба РККА командующий Киевским особым военным округом генерал армии Г.К. Жуков. Полтора десятка лет назад эти материалы были опубликованы, и любой может убедиться в этом. Прежде всего в том, что они очень даже хорошо понимали существо самого начального периода войны, условий развязывания войны и ее ведения в первые часы и дни.

Нет никаких оснований всерьез грешить и на разведку. Благодаря потрясающему героизму, мужеству и высочайшему профессионализму советских разведчиков высшее военное командование СССР, прежде всего нарком обороны маршал Советского Союза С.К. Тимошенко и начальник Генерального штаба РККА генерал армии Г.К. Жуков прекрасно знали практически все, что касалось «плана Барбаросса».

Если исходить из рассекреченных и уже опубликованных на сегодня данных обеих разведслужб о подготовке гитлеровской Германии к войне, то едва ли найдется какой-либо аспект этой подготовки, который не был бы известен им, а, следовательно, и высшему военному командованию СССР. В первую очередь, естественно, наркому обороны маршалу Советского Союза С.К. Тимошенко и начальнику Генерального штаба РККА генералу армии Г.К. Жукову. Именно поэтому-то многолетний начальник ГРУ генерал армии П.И. Ивашутин и указал, что **«ни в стратегическом, ни в тактическом плане нападение фашистской Германии на Советский Союз не было внезапным»!**

Нет оснований грешить и на Сталина — с его стороны не было ни просчетов, ни ошибок, ни недооценок сложившейся накануне войны ситуации и намерений Гитлера. Говорю об этом ответственно, опираясь на громаднейшее количество документальных данных. Тем более нельзя грешить на него в вопросе о внезапности. По признанию не потерявших чести и достоинства генералов, **«внезапности нападения в обычном понимании не было, и формулировка Жукова была придумана в свое время для того, чтобы взвалить вину за поражение в начале войны на Сталина и оправдать просчеты высшего командования в этот период». И это Подлинная Правда!**

Еще 18 июня **1941** года Сталин отдал приказ об оповещении командующих западными военными округами о грядущем в самые ближайшие дни внезапном нападении Германии и о необходимости в связи с этим приведения вверенных им войск в боевую готовность! Кроме того, следует иметь в виду, что, начиная с 24 мая 1941 г., Сталин неоднократно предупреждал военных о грядущем в ближайшем же будущем внезапном нападении Германии.

Более того. Нет ни малейшего основания даже хоть как-то учитывать пресловутый миф «Ледокола » с его невесть откуда взявшейся «Операцией Гроза» (якобы нападение на Германию), которую якобы замышлял Сталин. Нет, потому что, по признанию известного западногерманского историка Г.А. Якобсена, при внезапном нападении Германии не было захвачено никаких документов, которые бы, несмотря на факт сосредоточения советских войск у границы, давали основания для выводов о наступательных намерениях советского командования. А всяких документов гитлеровцы захватили просто в немереных количествах. И тем не менее никаких документов, хотя бы отдаленно намекавших на что-либо подобное, не было, даже невзирая на то, что, как известно из истории, перед войной в Западные военные округа направлялись различные директивы наркомата обороны и генштаба, которые при желании можно было бы истолковать в подобном духе. Желание у гитлеровцев, надо полагать, было, и немалое, а вот шанса даже за уши притянуть хотя бы какой-нибудь документ и выставить его как план наступательной операции — не было! И быть не могло по определению!

Нет еще и потому, что слово **«Гроза»** в документах советского военного планирования того времени исполняло роль общегосударственного пароля, по которому, в случае реального нападения на СССР, командующие округами должны были вскрыть так называемые «Красные пакеты» и ввести в действия планы прикрытия и обороны государственной границы. **Кто не верит, пусть полюбопытствует в Российском**

государственном военном архиве (ранее ЦАМО СССР), ф. 208, оп. 355802, д. **1, л. 1!** Кстати говоря, в действие этот пароль ввели не нарком обороны и не начальник генштаба, то есть не С.К. Тимошенко и не Г.К. Жуков, а резидент советской военной разведки в Берлине, военный атташе при посольстве СССР в Германии генерал-майор В.И. Тупиков (оперативный псевдоним «Арнольд»). Отправленная еще до рассвета 22 июня **1941** г. его последняя шифровка-молния из Берлина содержала всего лишь одно слово — **«ГРОЗА»!**

Таким образом, любая из циркулирующих в течение послевоенного периода версий о причинах трагедии 22 июня **1941** года — беспочвенна. Следовательно, не вообще об ошибочности стратегии вступления государств и армии в войну, как таковой, тем более изначальной, следует говорить. Говорить следует о сознательно допущенной ошибке, что из разряда хуже, чем преступление. **Во-первых,** потому, что каждая ошибка, как говаривал И.В.Сталин, имеет фамилию, имя и отчество. Ведь бесспорным же фактом является то, что под командованием обладавших столь обширными, разносторонними, достоверными, в том числе и документальными и даже картографическими данными о планах командования вермахта наркома обороны СССР С.К. Тимошенко и начальника Генштаба РККА Г.К. Жукова Красная Армия потерпела грандиозное поражение в дебюте войны. Ибо трагедия 22 июня 1941 года произошла не потому, что в чем-то ошиблись советские разведслужбы, в частности военная разведка. Трагедия громыхнула потому, что высшее военное руководство СССР, прежде всего нарком обороны маршал Советского Союза С.К. Тимошенко и начальник Генерального штаба РККА генерал армии Г.К. Жуков сознательно и нагло проигнорировали не только донесения разведки, но и основывавшиеся на донесениях и аналитических выкладках разведки указания Сталина!

Во-вторых, потому что войска Первого стратегического эшелона западной группировки советских

войск были подставлены под катастрофический разгром сознательными, но откровенно конспирировавшимися под выполнение официального плана действиями наркома обороны Тимошенко и начальника Генштаба Жукова, которые были усугублены еще и сознательными действиями командования на местах!

Давно подмечено, что, как правило, **«с трудом приходят на ум мысли о том, что события далекого прошлого некогда ожидались в будущем».** Однако хоть и с трудом, но с помощью архивных данных придется вспомнить о разоблачении в мае 1937 года заговора военных во главе с Тухачевским, преследовавшем именно эту цель, а также о собственноручно изложенном им для следствия «Плане поражения Советского Союза в войне с Германией». **Так вот, при сопоставительном анализе того, что было изложено в этом плане, и того, что сделали перед войной Тимошенко — Жуков, а также конкретных реалий трагедии 22 июня 1941 года лицом к лицу сталкиваешься просто с фантастическими совпадениями! Вплоть до мельчайших нюансов, вследствие чего говорить о случайности совпадений априори не приходится.**

Тухачевский, например, утверждал, что Белорусское (Западное) направление главного удара вермахта является фантастическим для планов Гитлера. Так ведь и написал в «Плане поражения»: **«Белорусский театр военных действий только в том случае получает для Германии решающее значение, если Гитлер поставит себе задачу полного разгрома СССР с походом на Москву. *Однако я считаю такую задачу совершенно фантастической»*.**

Гитлер же, к слову сказать, такую задачу поставил еще в 1925 году, в «Майн Кампф», поставил не скрывая, а, оказавшись у власти, открыто стал готовиться к реализации именно этой задачи. Вот и попробуйте хотя бы самим себе объяснить, в каком межпланетном путешествии находился Тухачевский, что ни разу не слышал об этом на протяжении 12 лет, даже имея едва ли не абсолютный допуск ко всей информации как военной, так и внешнеполитической разведки. А ведь неза-

долго до ареста он имел возможность ознакомиться еще и с разведывательной информацией о стратегических командно-штабных учениях вермахта в конце 1936 года. Ведь по их итогам военно-политическое руководство Германии сделало вывод, что **«никакого точного решения относительно восточной кампании не будет найдено, пока не будет разрешен вопрос о создании базы для операций в самой Восточной Польше»! То есть уже тогда, на рубеже 1936—1937 гг., основной удар против СССР замышлялся с плацдарма в Восточной Польше, проще говоря, в центре западной границы СССР, на Белорусском направлении, точнее, в направлении Минск — Смоленск — Москва. На этих учениях, правда, пока еще на картах, «обкатывался» прототип будущего «плана Барбаросса». Тогда назывался весьма скромно — «Восточная кампания». А славный Минск тевтоны «взяли» тогда на пятый день картографической агрессии...**

Между тем Тимошенко и Жуков ожидали от Гитлера почему-то именно этой же «фантастики »!? Выше уже приводились схемы ожиданий главных ударов по Тухачевскому и по Жукову-Тимошенко.

Освежите зрительно память?! А теперь попытайтесь хотя бы самим себе объяснить следующее. Как можно было ожидать именно такого сценария начала войны, если с первых же сигналов о грядущей агрессии разведка сообщала только о трех группировках вторжения и о трех же направлениях главного удара, не говоря уже о том, что о таком сценарии было известно еще с рубежа 1936—1937 гг.?!

И как теперь объяснять тот факт, что с приходом Жукова на должность начальника Генштаба из документов военного планирования сразу у двух округов — у Прибалтийского и Западного — исчезла задача прочного прикрытия именно Минского направления — центрального в рамках более широкого Белорусского (Западного) направления?! Как могло такое произойти?! Ведь официальный план обороны никто не отменял. Что же прикажете думать по этому поводу?

ЗАДАЧИ ПРИГРАНИЧНЫМ ОКРУГАМ (ФРОНТАМ) к 22.06.1941 г.			
Наименование документа	**Прибалтийский особый военный округ (Северо-Западный фронт)**	**Западный особый военный округ (Западный фронт)**	**Киевский особый военный округ (Юго-Западный фронт)**
Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и на Востоке на 1940 и 1941 гг. * (18 сентября 1940 г№ 103202/ов) ЦАМО ф.16, оп.2951, д.239 лл.197—244	Прочно прикрывать Минское и Риго-Псковское направления, не допустить вторжения немцев на нашу территорию. По сосредоточению войск, ударом в общем направлении на Инстербург, Аленштейн, совместно с Западным фронтом сковать силы немцев в Восточной Пруссии	Прочно прикрывая Минское направление, по сосредоточению войск, одновременным ударом с Северо-Западным фронтом в общем направлении на Аленштейн сковать немецкие силы в Восточной Пруссии. Способствовать Юго-Западному фронту, с переходом его в наступление, разбить Люблинскую группировку противника	Прочно прикрывая границы Бессарабии и Северной Буковины, по сосредоточению войск, во взаимодействии с 4-й армией Западного фронта нанести решительное поражение Люблинско-Сандомирской группировке противника и выйти на р. Висла. В дальнейшем нанести удар в общем направлении на Кельце, Петраков и выйти на р. Пилица и верхнее течение р. Одер
То есть прочно прикрывать «активной обороной» и «активными действиями по сковыванию».			
Соображения по Плану стратегического развертывания на случай войны с Германией и ее союзниками (15.05.1941 г.) ** (...мая 1941 г.) ЦАМО ф. 16, оп. 2951, д. 237, лл. 1—15.	Упорной обороной прочно прикрыть Рижское и Виленское направления, не допустить вторжения противника из Восточной Пруссии. Обороной западного побережья и островов Эзель и Даго не допустить вы-	Упорной обороной на фронте Друскненики, Остроленка прочно прикрыть Лидское и Белостокское направления. С переходом армий Юго-Западного фронта в наступление, ударом левого крыла фронта в	Окружить и уничтожить основную группировку противника восточнее р. Висла в районе Люблин. Ударом с фронта Сенява, Перемышль, Лютовиска разбить силы противника на Краковском и Сандо-

Этим «Соображениям...» от 15 мая 1941 г. предшествовали практически аналогичные «Соображения...» от 11 марта 1941 г. (ВИЖ, 1992, № 2, стр. 18—22). Ни один из этих двух документов никогда не докладывался Сталину и даже не покидал стен Генштаба!	садки морских десантов противника	общем направлении на Седлец, Радом во взаимодействии с Юго-Западным фронтом разбить Люблинско-Радомскую группировку противника	мирско-Келецком направлении и овладеть районами Краков, Катовице, Кельце. В дальнейшем наступать в северном или северо-западном направлении для разгрома сил северного крыла противника и овладения территориями бывшей Польши и Восточной Пруссии
Генеральная задача по этому плану заключалась в том, чтобы «упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск».			
Практически аналогичные задачи были и по «Соображениям...» от 11 марта 1941 г.			
Оперативные директивы округам 5—14.05.1941 г. ***	Не допустить вторжения как наземного, так и воздушного противника на территорию округа. Упорной обороной укреплений по линии госграницы прочно прикрыть отмобилизование, сосредоточение и развертывание войск округа	Не допустить вторжения как наземного, так и воздушного противника на территорию округа. Упорной обороной укреплений по линии госграницы прочно прикрыть отмобилизование, сосредоточение и развертывание войск округа	Не допустить вторжения как наземного, так и воздушного противника на территорию округа. Упорной обороной укреплений по линии госграницы прочно прикрыть сосредоточение и развертывание войск округа

* Утверждены в качестве Плана стратегического развертывания 14.10.1940 г. В соответствии с этим Планом, который уточнялся в марте—апреле 1941 г., оперативные директивы были доведены до командующих войсками ПрибОВО, ЗАПОВО, КОВО ***(уточнения почему-то осуществлялись в основном в устной форме, путем вызова командующих этими округами в Генштаб).***

** Оперативные директивы округам (фронтам) по этому Плану (записке от 15.05.1941 г.) не доводились ***(да, не доводились, но именно письменно не доводились! А устно?!).***

*** Директивы командующим войсками округов были направлены: 5 мая Западному особому военному округу и Киевскому особому военному округу, 14 мая Прибалтийскому особому военному округу ***[(по архивным данным выходит, что все они были датированы 14 мая 1941 г. —и№ 503859/сс/ов для ЗАПОВО (см. ЦАМО РФ, ф. 16, оп. 2951, д. 243, лл.1—3), и для ПрибОВО №03920/сс/ос (см. ЦАМО РФ, ф. 16А, оп. 2951, д. 227, лл. 33—47) и другие также. Ни один из округов в срок не выполнил эти директивы — все планы были представлены в ГШ едва ли не накануне нападения, в связи с чем они не были толком рассмотрены Генштабом, за что ответственность несут солидарно Жуков, Тимошенко и командующие округами]. Но самое-то главное в том, что директивы суть свидетельства ничем не оправданной ставки на «статический фронт», тем более что он выстраивался ими «узкой лентой». Подчеркиваю, ничем не оправдываемой ставки даже при всей святости поставленных задач!***

Кстати говоря, о необходимости именно такой дислокации советских войск говорил Тухачевскому генерал Рундштедт, когда встречался с ним в Лондоне на похоронах английского короля Георга V в начале 1936 года.

А вот возможность сильного удара они видели именно на Белорусском (Западном) направлении (во взаимодействии с ударом на Северо-Западном, то есть Прибалтийском направлении).

Почему, на каком основании, но, опять-таки, в точном соответствии с этим же «Планом поражения» Тухачевского, Жуков и Тимошенко переакцентировали центр тяжести всех усилий на Юго-Западное направление?! Ведь вопреки всем их байкам Сталин такого приказа им не давал. Нет ни малейшей ни документальной, ни иной зацепки для того, чтобы приписывать ему такое. Первым, кто стал настаивать на переносе центра тяжести всех усилий на Юго-Западное направление, был сам

*РГВА. Ф.32. Оп. 1.Д. 16.Л.19.

** РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 59. Л.87.

*** РГАСПИ (ранее ЦГАОР СССР). Ф. 9501. Оп. 5. Ед. хр. 7. Л. 22.

Источник: «Независимое военное обозрение», № 22, 2000. Примечания жирным курсивом — автора книги.

нарком обороны маршал С.К. Тимошенко. Причем он начал это делать еще до того, как проект будущего официального плана обороны был доложен правительству. Далее его поддержал в этом вопросе непосредственно Жуков, еще в бытность командующим КОВО.

Почему даже послевоенные объяснения Жукова откровенно повторяли наущения Тухачевского из «Плана поражения», где он талдычил об особом приоритете Украинского направления для Гитлера?! Между тем, понимая, что центр тяжести трагедии в дебюте войны имел место на Белорусском направлении, но не зная, как за это оправдаться, после войны Жуков оскорбил ГРУ упреком в том, что-де военная разведка, видите ли, чего-то не досмотрела в Польше!? А это как объяснить?! Тем же «фантастическим» для планов Гитлера замыслом главного удара на Белорусском направлении, как пытался убедить еще Тухачевский?! Но почему в таком случае, когда ГРУ уже буквально кричало об угрозе нашим войскам именно с польского плацдарма, Жуков и Тимошенко игнорировали любые разведданные на этот счет?! ГРУ кричало об этом даже в тех документах, излагавшаяся информация в которых формально и не относилась к ситуации в Польше!

Поразительно, однако же, что Жуков письменно подтвердил, что ему достоверно было известно об особой концентрации германских войск на польском плацдарме[1], но тем не менее тогда он ничего не предпринял для укрепления обороноспособности Западного округа! Более того, ему прекрасно было известно, что особо массированная концентрация германских войск именно в Польше вызывала чрезвычайное беспокойство у Сталина. После войны Жуков и это подтвердил. Более того. По состоянию на май 1941 года гитлеровцы абсолютно точно знали, что лично Жуков считал возможным удар Германии именно по трем направлениям: из Восточной Пруссии на Ленинград, из района

[1] Речь идет о «гениальном плане» от 15 мая 1941 года, из преамбулы которого и прилагавшихся карт к которому видно, что Жукову было известно о небывалой концентрации войск вермахта на польском плацдарме.

Варшавы — через Брест, Минск и Смоленск на Москву и из района Люблина (Южная Польша) и с территории Румынии — на Киев!? И тем не менее полное игнорирование в 1941 г. колоссальнейшего значения Белорусского направления!? Почему это должно было так точно совпасть с «Планом поражения»?!

Почему они никак не реагировали на документально подтвержденное сообщение разведки о том, что, как и за пять лет до этого, гитлеровцы вновь планируют взять Минск на пятый день агрессии?! А ведь именно так все и произошло. Кто рискнет расценить подобное как случайность?! Особенно, если учесть, что перед войной советская разведка вторично вышла на эту же информацию! И к тому же представила сверхсекретные документальные доказательства ее достоверности! И никакой реакции со стороны Генштаба, за исключением иронического хмыкания...

Почему они никак не реагировали на прямые предупреждения разведки о грядущем «варианте Канн»?! Ведь это же магический пароль-предупреждение в военном деле! Оно же прямо означает, что готовятся «котлы»! Почему и это должно было совпасть с «Планом поражения»?! Там есть прямое описание именно такой ситуации.

Почему, на каком основании в качестве главного метода обороны страны Тимошенко — Жуков избрали вариант немедленного встречно-лобового контрблицкрига или, если строго военным языком, вариант отражения агрессии стратегическими (фронтовыми) наступательными операциями?! Ведь это же не было предусмотрено официальным планом обороны! Но именно на этом настаивали еще Тухачевский и Уборевич, даже сидя на Лубянке. На том и был построен их «План поражения». Потому что войска, изготовившиеся отвечать на внезапную агрессию именно таким способом, находятся в состоянии крайней неустойчивости с точки зрения именно обороны! У гитлеровцев, к слову сказать, ситуация была идентичная! И они, в отличие от нашего командования, получавшего соответствующие предупреждения от разведки о стратегической ущербности избранной им дис-

локации войск на границе, сильно тревожились из-за этого. Потому что прекрасно понимали, что в такой ситуации все зависит от того, кто первым ударит.

А Тухачевский и Уборевич прекрасно это понимали еще в 1934 г., сознательно и по требованию Троцкого навязывая военному командованию СССР концепцию пограничных сражений, в которой главный приоритет отдавался именно же немедленному встречно-лобовому контрблицкригу, то есть якобы отражению агрессии стратегическими (фронтовыми) наступательными операциями, в том числе и в превентивном варианте. Кстати говоря, именно поэтому-то они и настаивали на превентивном варианте. Потому как концепция пограничных сражений предусматривала приоритет удара фланговыми группировками с переносом центра тяжести на удары с воздуха и танковыми (механизированными) частями. Между тем сухопутные войска в таком случае выставляются статическим фронтом «узкой лентой » с минимальной линейной (оперативной) плотностью, к тому же с большими разрывами между оперативными и стратегическими эшелонами. И их обороноспособность, прежде всего устойчивость в обороне при внезапном ударе, минимальная. Прорвать их оборону не представляет особого труда. Об ущербности такой «стратегии» отражения агрессии некоторые из советских генералов не только говорили еще тогда, в 30-х гг., но аргументированно доказывали свою позицию. Тем более что и все маневры и учения того периода четко доказывали то же самое. Прежде всего то, что применение такой концепции в дебюте войны чревато катастрофическим разгромом. И это хорошо было известно в генеральских кругах. Почему же в 1941 году это было повторено практически под копирку?!

Почему принцип **«активной обороны»,** на котором был построен официальный план обороны, оказался негласно подменен на принцип **«жесткой обороны»** (на языке Жукова — Тимошенко — на принцип **«упорной обороны»)** на линии границы?! Это ведь даже по документам видно (см. таблицу). После войны бывший начальник генерального штаба сухопутных сил вермахта генерал Франц Гальдер поставит жирную точку в этом вопросе: **«Русское военное руководство потерпело крушение со своим принципом жесткой обороны»!** Но как гитлеровцы радовались тому, что с приходом Жукова на пост гла-

вы Генштаба ими был зафиксирован перенос центра тяжести в обороне с принципа «активной обороны» на принцип «жесткой (упорной) обороны» прямо на линии государственной границы!? К моменту, когда они это зафиксировали, Жуков пребывал на посту начальника генштаба всего два месяца. Как же надо было «трудиться », чтобы всего-то за два месяца так лихо убедить гитлеровцев в одном из наиважнейших вопросов обороны?!

На каком основании негласно и незаконно был подменен и сам официальный план обороны?! Ведь алгоритм разработанных мудрым асом Генштаба маршалом Советского Союза Б.М. Шапошниковым «Соображений об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и на Востоке на 1940 и 1941 гг.» от 18 сентября 1940 г. (утверждены 14 октября того же года) был сугубо оборонительный. Во главу угла была поставлена задача отражения и сдерживания противника, особенно его первого удара, а в случае вклинивания противника в нашу оборону — выбивание его совместными контрударами мехкорпусов и стрелковых войск. При этом в качестве главного принципа обороны на этом, самом что ни на есть начальном этапе войны предусматривался принцип **«активной обороны»**, в том числе и в сочетании с **«активными действиями по сковыванию противника»**. И только затем, когда будут созданы благоприятствующие этому условия, а под ними однозначно подразумевалось и рассматривалось сосредоточение основных сил западной группировки войск РККА, переход наших войск в решительное контрнаступление всеми силами.

Здравая логика абсолютно нормального Генерального штаба. Она тем более здрава, если учесть географическую особенность основного театра военных действий: ведь речь-то шла об обороне России от нашествия с Запада, а в условиях господствующей на этом направлении Русской равнины по-другому просто невозможно. Наши пращуры веками отрабатывали именно такую методику обороны: активной обороной сначала сдержать и отразить первый удар, и только затем, собрав все силы в кулак, контрудар, контрнаступление. В ре-

альности же практически все мобильные войска имели задачу немедленно нестись за бугор наказывать супостатов!? То есть выполнять задачи, предусмотренные стратегическими (фронтовыми) наступательными операциями, проще говоря, исполнять немедленный встречно-лобовой контрблицкриг!? И в итоге сами были разгромлены, как о том и предупреждали наиболее дальновидные военачальники еще в 30-х гг.

Наконец, почему имели место мельчайшие совпадения даже в нюансах между «Планом поражения» и трагической реальностью 22 июня?! Причем в таком количестве и такого, не приведи Господь, «качества», что ни о какой случайности невозможно говорить даже гипотетически!

Суть подставы войск Первого стратегического эшелона западной группировки советских войск под катастрофический разгром состояла из двух составляющих:

— **«принципиальной»,** выразившейся в негласно и незаконно протащенной идее немедленного встречно-лобового контрблицкрига, ориентированного на захват сразу трех мощнейших группировок отмобилизованного, прекрасно оснащенного, маневренного, обладавшего хорошим боевым опытом и нацелившегося на блицкриг вермахта в гигантские клещи по сходящимся направлениям мощными группировками, сосредоточенными на флангах советско-германской границы;

— **«технологической»,** выразившейся в ничем и никак не оправдываемой, негласно и незаконно осуществленной Тимошенко и Жуковым ставке на статический фронт, выстроенный ими «узкой лентой», к тому же в виде дырок от бубликов.

На практике это выглядело следующим образом. Согласно Полевому Уставу РККА (1941 г.), ширина фронта обороны армии не должна была превышать 80—**100** км. На деле же вышло по **170—176** км (где-то чуть больше, где-то — чуть меньше). Только из-за этого устойчивость армии в обороне оказалась пониженной против нормативной в **1,7—2,2 раз! В реальности же ситуация была куда хуже.** Дело, **во-первых,** в том, что ширина

участка прорыва для армий вермахта определялась всего в **25—30 км!** Если считать только по нормативам, то у вермахта уже получалось превосходство в **3—4** раза! Во-вторых, исходя из вдвое против собственного же норматива пониженной устойчивости в обороне одной нашей армии, получалось, что она должна была испытать на себе мощь **5—7** вражеских армий! Уже на этой стадии подсчета выходит, что превосходство ударной силы армий вермахта над устойчивостью наших в обороне находилось в диапазоне от 7,3 до 9,3 раза! Но это, если действовать сугубо арифметически. На самом же деле, повинуясь «логике **кровавой алгебры» боя,** придется не складывать, а умножать, потому как во сколько раз слабее устойчивость нашей армии в обороне, во столько раз выше и превосходство ударной силы противника на поле боя. Так оно и было в действительности — подлинное превосходство находилось в диапазоне **от 9,5 до 15 раз!**

Еще хуже обстояли дела у стрелковых корпусов (СК). По уставу им была положена ширина фронта обороны **20—25 км,** а в действительности вышло по **84—92 км.** Следовательно, его устойчивость в обороне уже была понижена в среднем в **3,5**—**4,6 раз! И это тоже не просто заведомо проигрышная ситуация — это такая же подстава под истребление противником, как и в случае с армией.** Потому что ширина фронта прорыва для армий вермахта была **25**—30 **км!** Если даже по нормативу, то один СК против целой армии?! И это будет еще мягко сказано, особенно если учесть боевой состав армий вторжения. Но и это еще далеко не все. **При сравнении с установленной в вермахте для одной армии 25—30-километровой шириной фронта прорыва выходит, что один наш СК должен был противостоять как минимум трем (максимум четырем) армиям вермахта. Превосходство уже получается в три раза больше** — **от 10 до 14 раз!** Однако подлинная реальность была еще трагичней, потому как в вермахте нижний предел ширины фронта для группы армий в прорыве составлял **100 км (верхний предел — 150 км)! То есть 84—92-километровая ширина фронта обороны одного нашего СК практически была равна ширине фронта прорыва**

группы армий вермахта! Мыслимое ли это дело, даже гипотетически надеяться, что стрелковый корпус удержится более часа — максимум двух в единоборстве с группой армий, нацеленных на прорыв?!

Сравните с боевым составом каждой из трех группировок вермахта при вторжении:

— группа армий «Север» — 20 пехотных, 3 танковых, 3 моторизированных, 3 охранных дивизий и авиация 1-го воздушного флота люфтваффе;

— группа армий «Центр» — 31 пехотная, 9 танковых, 6 моторизированных, 1 кавалерийская, 3 охранных дивизий, 2 моторизированных бригады и авиация 2-го воздушного флота люфтваффе;

— группа армий «Юг» — 32 пехотных, 5 танковых, 4 моторизированных, 3 охранных и авиация 4-го воздушного флота люфтваффе!!!

Однако и это тоже еще не все. Стрелковый корпус РККА образца 1941 г. — это три дивизии, в 85% которых, по признанию самого Жукова, в среднем насчитывалось по **8 тыс. человек,** вместо положенных **14 с лишним тысяч человек. В** среднем в одном СК насчитывалось **24 тыс. человек.** При указанной выше ширине фронта обороны в 84—**92 км** это означает, что на один метр линии обороны оперативная плотность в живой силе была **от 0,26 до 0,29 бойца на 1 метр!** Гитлеровцы же в прорыв шли, как правило, с плотностью не менее **4,2 пехотинца на 1 метр,** что означает превосходство на поле боя — над нашими-то **0,26—0,29 бойца на 1 м обороны** — в диапазоне от **14,5 до 16 раз!** Однако поскольку устойчивость СК в обороне изначально была понижена в **3,5—4,6 раза, то** фактическое же превосходство на поле боя — подчеркиваю, что именно же над нашими **0,26—0,29 бойца на 1 м обороны** — выходило в диапазон **от 51 до 73,6 раза! И это еще без пересчета превосходства на реального бойца из крови и плоти и без какого-либо учета огневой^ющи противника и основных особенностей стратегии и тактики таранно-штурмового пролома нашей обороны.**

Однако в самых коллапсовых формах кровавое побоище разыгралось на уровне основного звена — на уров-

не стрелковых дивизий, особенно первого оперативного эшелона Первого стратегического эшелона, которые, в соответствии с негласно протащенным замыслом дуэта Тимошенко — Жуков должны были держать «жесткую оборону». Справедливости ради необходимо отметить, что и в соответствии с **«Соображениями...» от 18 сентября 1940** г. (официальный план) первый удар вермахта должны были принять на себя также стрелковые дивизии. Но в том-то все и дело, что принципиальная разница между этими, внешне вроде бы идентичными решениями заключалась в том, что, согласно официально утвержденному плану, им предписывалась принять первый удар в состоянии **активной обороны!** Это, **во-первых. Во-вторых,** что еще более важно, — по состоянию на сентябрь **1940** г. стрелковые дивизии РККА при всех, хорошо известных недостатках были все-таки значительно мощнее, нежели в июне **1941** г., во всяком случае по огневой мощи — точно. Однако в первой половине **1941** г. усилиями дуэта Тимошенко — Жукова стрелковые дивизии были ослаблены до предела: их лишили основной ударной силы — **их танковых батальонов!?** А ведь им предстояло именно в **«жесткой обороне», к тому же «узкой лентой»** принять на себя удар германской бронированной армады! Короче говоря, стрелковые дивизии ставились уже даже не в **«жесткую оборону»,** а, проще говоря, **к стенке — это были заранее приговоренные к абсолютно неминуемой погибели смертники! И** вот почему.

По уставу стрелковым дивизиям было положено 8—**10 км** в качестве ширины фронта обороны. А в своем составе им было положено иметь по **14 483 чел.** На самом же деле в результате всех «стахановских преобразований» дуэта Тимошенко — Жуков и согласно послевоенным признаниям последнего, в 85% дивизий Первого стратегического эшелона в среднем было всего по **8000 человек.** Только по факту такой численности устойчивость дивизий в обороне уже была понижена в **1,81** раза! Соответственно **на 1 метр линии обороны приходилось уже всего по 0,8 — максимум 1 боец вместо положенных** 1,45—**1,81 бойца на 1 м**

линии обороны! Однако это, что называется, гладко было на бумаге, хотя и вопреки Уставу. **В реальности же, вследствие чрезмерного расширения фронта обороны дивизий первого эшелона, но при почти вдвое пониженной численности и при 2,386-кратном превосходстве вермахта в линейной плотности на 1 км вторжения, реальная картина понижения устойчивости дивизий первого эшелона Первого стратегического эшелона в обороне к началу агрессии была такова:**

Округа	Ширина фронта обороны (км)	**K_1**	**K_2**	**$Ф_1$**	**K_3**	**$Ф_2$**
ПрибОВО	до 40	4-5	1,81	7,3-9	2,386	**17,3-22!!!**
ЗАПОВО	до 47	4,7-5,8	1,81	8,5-10,6	2,386	**20-25!!!**
КОЮ	до 60	6-7,5	1,81	11-13,6	2,386	**26-32!!!**
ОдВО	до 90	9-11,3	1,81	16-20	2,386	**39-49!!!**
ИТОГО среднее по округам:						
	59	6,7	1,81	12	2,386	**29!!!**

Примечание: K_1 — коэффициент прямолинейного понижения устойчивости в обороне (раз); K_2 — коэффициент поправки K_1 из-за пониженной численности дивизий; $Ф_1$ — близкое к реальности понижение устойчивости в обороне (раз) при использовании K_1 с поправкой на K_2; K_3 — коэффициент поправки на 1 км линии вторжения; $Ф_2$ — фактическое понижение устойчивости в обороне (раз) к началу вторжения с учетом всех поправок. Таблица составлена на основании собственных расчетов автора. Цифры относительно округленные.

Если считать уровень **«жесткости»** такой **«обороны»** по Тимошенко — Жукову даже без учета превосходства вермахта в линейной плотности войск на 1 км линии вторжения, то все равно картина на редкость трагична:

в **ПрибОВО — от 0,16 до 0,25 бойца** на **1 м** линии **обороны!?**

в **ЗапОВО — от 0,136 до 0,17 бойца!?**

в **КОВО — от 0,106 до 0,133 бойца!?**

в **ОдВО —**от **0,071 до 0,088 бойца** на **1 м** линии **обороны!?**

По «логике кровавой алгебры» стратегии и тактики таранно-штурмового пролома столь **«жесткой»** по Тимошенко — Жукову **«обороны»,** надо бы эти и без того на редкость трагичные дроби еще и разделить на **2,386 раза** — только тогда и получится практически абсолютно точная картина развернувшейся ранним утром 22 июня 1941г. трагедии! Если с помощью термина «дивизия» привязать все к ширине фронта обороны и ширине фронта прорыва, то при такой ситуации картина будет следующая. Поставленная в столь «жесткую оборону» одна наша стрелковая дивизия первого оперативного эшелона Первого стратегического эшелона, выходит, должна была, исходя из термина **«дивизия»** и ширины фронта ее обороны, противостоять натиску и мощи идущих в прорыв:

— на направлении ПриоОВО — едва ли не 20 дивизий или 3 армий вермахта!

— на направлении ЗапОВО — едва ли не 24 дивизии, или 3,5 армии вермахта!

— на направлении КОВО — едва ли не 30 дивизий, или 4—5 армий вермахта!

— на направлении ОдВО — едва ли не 45 дивизий, или 6—7 армий!!!

Конечно, при всем исторически чудовищно беспрецедентном неравенстве сражений первого периода войны подобных соотношений непосредственно на поле боя не было. Даже вместе с ублюдочными «союзниками» вермахт не обладал таким количеством дивизий, чтобы выставлять их против каждой нашей в указанных соотношениях. Таких соотношений лишь потому не было, что в этом примере они привязаны к термину «дивизия ».

Однако дело в том, что исходя из лживых баек Жукова, более шести десятилетий кряду нас пытаются убедить в том, что РККА столкнулась с беспрецедентно чудовищными «ударной мощью» и «ударной силой» вермахта! Потому, мол, и произошла трагедия, А в доказательство приводят слова Жукова о том, как он, видите ли, был поражен этим. И никому нет дела до того, что хитрованный маршал постоянно «забывал» при этом до-

бавить, что в действительности, то есть в реальном исчислении, ни того, ни другого... ***НЕ БЫЛО!!!!*** *А единственное реальное* ***2,386-кратное*** *превосходство вермахта в линейной плотности войск на 1 км линии вторжения к категории чудовищно беспрецедентных не отнесешь. Вся «соль» маршальской лжи заключалась в том, что этими байками он и ему подобные прикрывали фантастический «феномен»,* ***который может случиться лишь раз в истории.*** *Ибо чудовищно беспрецедентная ударная мощь и чудовищно беспрецедентная ударная сила вермахта, коим так поражался Жуков, родом были из...* ***ВОЗДУХА,*** *которым дуэт Тимошенко — Жуков сознательно умудрился в изобилии обеспечить вермахт!*

Потому что вопреки требованию Сталина о создании вдоль границ могучих заслонов в ближнем, а не ближайшем тылу, в первом полугодии 1941 г. негласно и незаконно была осуществлена подмена утвержденных Правительством СССР основополагающего принципа обороны и особенно самого замысла отражения агрессии. Более того, усилиями Жукова и Тимошенко и их прихлебателей в округах вдоль основной части границы были понатыканы дырки от бубликов, из воздуха которых и взялись эти самые чудовищно беспрецедентные ударные мощь и сила вермахта!!! «Феномен» фантастического эффекта этих самых дырок от бубликов был сродни представлению фокусников-иллюзионистов: на входе одна дивизия — на выходе 10,20,30,40 и т.д., хотя ничего подобного на поле боя не было! По количеству дивизий, что наша группировка, что объединенная группировка агрессоров — все едино: 190 дивизий, причем собственно к вермахту относились только 160 дивизий. Суть этого трагического фокуса заключалась в том, что гитлеровцы в полной мере использовали резко пониженную устойчивость стрелковых дивизий первого эшелона в обороне в сочетании с очень искусной на тот момент тактикой. В результате в прямом смысле из воздуха возникал эффект беспрецедентно чудовищной ударной

мощи и столь же беспрецедентно чудовищной ударной силы, которых, вновь особо это подчеркиваю, у вермахта не было и в помине!

Для начала вкратце опишем тактику блицкрига при вторжении. Сначала жесточайшая бомбардировка позиций наших войск с воздуха. Затем, а то и одновременно такой же артобстрел. После этого на позиции стремглав вылетали танки (как правило, тяжелые), которые огнем и гусеницами уничтожали чудом уцелевших бойцов, особенно же пулеметчиков. Затем наступал трагический финал — на многократно «перепаханные» позиции наших войск в относительной безопасности заходила пехота вермахта (а также легкие танки) и вторично добивали чудом оставшихся в живых, а также раненых, либо брали их в плен. **Вопреки устоявшейся логике и правилам наступательного боя, при такой тактике втрое большие потери несла не наступающая, а обороняющаяся сторона!** Нередко, особенно в начальный период агрессии, командиры танковых частей вермахта требовали, чтобы сначала — для создания плацдарма в целях развертывания наступления мобильных частей вперед — вперед шла пехота. В этом случае пехотные дивизии, как правило, практически вдвое сужали ширину фронта прорыва — вместо предписывавшихся уставами вермахта 4—6 км до 3—2,5 км! Практически всегда это давало нужный результат.

Тем не менее германское командование, особенно в момент нападения, предпочитало не лезть на рожон, разве что за редким исключением. Как правило, оно прибегало к весьма оригинально обрамлявшему в тот момент тактику таранно-штурмового пролома обороны приему. Если из-за рельефа местности нельзя было обойтись без лобового удара, то в таком случае оборона нашей дивизии сходу взламывалась тремя-четырьмя, а то и большим количеством дивизий вермахта. Ведь ширина фронта прорыва у них была в 10—20 раз меньше, чем фактическая ширина фронта обороны нашей, да и то вдвое меньшей по численности стрелковой дивизии.

При этом вся «изюминка» состояла в следующем. Как правило, две дивизии вермахта били даже не во фланги нашей, а сначала как бы на скос флангов — в стык с другой нашей дивизией. Причем били одновременно и танковые, и моторизированные, и пехотные дивизии. В результате не только мгно-

венно прошибали оборону, но и всего-то двумя-тремя дивизиями на очень узком пространстве создавали многосократное превосходство, устоять перед которым было просто нереально, во всяком случае долго. Потому что на этом, очень узком пространстве, находились даже не стрелки как таковые, а вот те самые «дроби » на 1 м линии обороны, о которых говорилось выше. Проломав же оборону в одном-двух местах и пользуясь своей мобильностью, гитлеровцы немедленно заходили в тыл и устраивали для остальных «котел », в котором либо зверски уничтожали войска, либо, как правило, захватывали оставшихся в живых в плен. К глубокому сожалению, удары в стык и на скос флангов были рассчитаны гитлеровцами до вторжения, что означает, что абвер на редкость удачно поработал, во всяком случае в приграничной полосе — точно. Но это же означает, что практически никаких мер маскировки с нашей стороны не было. А за нее, между прочим, отвечал Генштаб и НКО, то есть лично Жуков и Тимошенко. Тем более что с 3 февраля 1941 г. военная контрразведка подчинялась лично им.

В ПрибОВО это самое фантастическое превосходство получалось как минимум в диапазоне от 105 до 164 раз. С учетом же огневой мощи и всех особенностей таранно-штурмового пролома такой **«жесткой обороны»** суммарное превосходство противника в разных боевых ситуациях в этом округе достигало **210—253—326—328 раз! И все из воздуха!!! Среднее же по округу превосходство — в 238 раз — тоже из воздуха! Из воздуха-то оно из воздуха, но ведь и факт-то остается фактом — «жесткая оборона» была проломлена едва ли не в одно мгновение, если тот же Манштейн к середине всего пятых суток с начала агрессии укатил вглубь нашей территории на 300 км!**

Вот это и были та самая «беспрецедентно чудовищная ударная мощь» вермахта и его же столь же «беспрецедентно чудовищная ударная сила», коим Жуков поражался до конца жизни, преднамеренно скрывая подлинную правду от всех! Прежде всего то, что они родом из того самого воздуха тех самых дырок от тех самых бубликов, что он совместно с Тимошенко сознательно понатыкал вдоль основной части границы!

Чего же после этого удивляться тому, что, например, тот же Э. фон Манштейн со своими танками буквально «пролетал» сквозь такие дырки от бубликов — за 4 дня и 5 часов отмахал 300 км и взял Двинск (Даугавпилс, Латвия)!? А «летел» он со скоростью, в 3—3,75 раза превышавшей установленный в вермахте темп наступления для танковых частей, — по 75 км в сутки!? Им положено было продвигаться вперед на 20—25 км в сутки, хотя при таких дырках в обороне, сами понимаете, 300 км — отнюдь не проблема, всего-то 6—7 часов надо при скорости 40—50 км в час, максимум — сутки, если с боями!

В ЗапОВО происходило то же самое, пожалуй, даже хуже, ибо при идентичности основных показателей у наших дивизий и дивизий противника принципиальная разница заключалась лишь в ширине фронта обороны наших дивизий — здесь она была до **47 км.** Если тщательно учесть все особенности тактики таранно-штурмового пролома вермахтом обороны противника, то итоговое превосходство в разных боевых ситуациях в этом округе достигало **285—375—446—449 раз!!! И еще раз подчеркиваю, что оно только из воздуха!!! Среднее же по округу превосходство фашистских супостатов в момент пролома обороны — 337 раз! И вновь подчеркиваю, что оно из воздуха!!!**

Чего же после этого удивляться тому, что уже на четвертый день агрессии пограничное сражение Западным фронтом было проиграно, проще говоря, фронт рухнул. А на рубеже 5-х — 6-х суток агрессии передовые части вермахта взяли Минск, как оно и планировалось еще на рубеже **1936**—1937 гг., и вообще оккупировали едва ли не всю Белоруссию?!

Удивляться надо другому. Как могло так получиться, что, невзирая на все предупреждения разведки, в 1941 г. с истинно немецкой пунктуальностью был соблюден «график» агрессии, запланированный еще на рубеже 1936—1937 гг.?! Что это должно означать?! Ведь на простую случайность подобное не спишешь. Война, как известно, продолжение политики, только иными средствами. Причем политики высшей, а в ней

тем более не бывает случайностей, в том числе и случайных совпадений! Откуда у гитлеровцев такая прыть в сочетании со столь беспрецедентной пунктуальностью?!

В КОВО происходило не просто то же самое, но значительно хуже, ибо здесь ширина фронта обороны дивизии была **до 60 км.** Если же, как и в предыдущих случаях, учесть все особенности тактики таранно-штурмового пролома обороны и состояния наших дивизий, то итоговое превосходство противника на разных участках в момент нападения как минимум в диапазоне — **475—587—734—747 раз! Также из воздуха! Среднее же по округу — 539 раз! И это превосходство тоже из воздуха!!!** Удивляться внушительности приведенных цифр превосходства не следует, потому, как только этим можно объяснить то обстоятельство, что в самом мощном из приграничных округов за период с 22 по **30** июня **1941** г. гитлеровцы осуществили невероятно глубокий прорыв на глубину до **300** км!

Практически аналогичная, за редчайшими исключениями, картина царила по всей **3375-километровой** линии вторжения агрессоров. Потому что вместо положенных **77** дивизий было выставлено всего 38, из которых лишь некоторые успели сразу занять свои позиции и организовать немедленный отпор. Но будем считать, что **38.** На **3375 км** первоначальной линии вторжения в **04.00** утра 22 июня **1941** г. всего **38** дивизий, то есть по **88,8 км** на дивизию — это в **10—11 раз** больше, чем полагалось по Уставу! Гитлер же только в авангарде наступления бросил **103** дивизии, остальные втянулись чуть позже. Непосредственно из воздуха сразу же возникло соотношение **1 : 1030—1133** в пользу вермахта!!! При наступлении вермахта со средней по всей линии вторжения плотностью в 4,2 **чел. на** 1 **м** линии прорыва, на каждые **0,09 бойца на 1 м** линии обороны (в среднем по всей линии границы), что в 4.00 утра 22 июня 19441 г. «встречал» фашистов, выпадало более чем **46-кратное** превосходство противника, а в пересчете на одного бойца из плоти и

крови — **516** раз!!! С учетом же огневой мощи, также применявшейся с исключительной линейной плотностью, как минимум вдвое больше — **1032!!!**

Вся система так называемой «жесткой обороны» по Тимошенко — Жукову на базе статического фронта «узкой лентой», то есть система дырок от бубликов, не только была потрясена до основания по всей линии вторжения — **она практически мгновенно рассыпалась!!! И** какое бы яростно ожесточенное сопротивление ни оказывали наши войска с 22 июня 1941 г., в той ситуации РККА было не под силу сразу погасить порожденные воздухом из дырок от бубликов чудовищные ударные мощь и силу вермахта, особенно же фантастическую скорость их проявления на всем пространстве вторжения. **Это оказалось под силу только главному защитнику России при таких тотальных нашествиях — гигантским пространствам ее необозримых территорий!!!** Однако, к глубокому сожалению, мгновенно набранная шквальная скорость чудовищно мощного таранно-штурмового пролома всей системы обороны из дырок от бубликов была столь велика, что погасить ее удалось едва ли не в прямом смысле слова под стенами Кремля!

Обладать всего лишь одним, в размере **2,386** раза, преимуществом в линейной плотности своих войск на 1 км линии вторжения, но **почти в 4 раза** уступать по количеству танков и штурмовых орудий, **более чем вдвое** уступать в боевой авиации, **почти в полтора раза** уступать в артиллерии — и устроить такое?!

Еще раз подчеркиваю, что такая трагедия могла произойти, к глубочайшему прискорбию, только в результате прямой подставы наших войск! Негласно и незаконно произведенная дуэтом Тимошенко — Жуков подмена замысла отражения агрессии, включая даже и принцип обороны, предоставила вермахту просто фантастически уникальнейшую возможность при незначительном перевесе лишь в численности живой силы мгновенно добиться просто немыслимого, невероятно чудовищного тактического превосходства из воздуха, автоматически и мгновенно переросшего в

реальное стратегическое! А на разверзнувшуюся и по законам ядерной цепной реакции разворачивавшуюся трагедию в мгновение ока всей массой навалился комплекс острейших недостатков, абсолютное большинство которых корнями уходят в факт подмены замысла обороны.

Трагически закономерное поражение в дебюте войны было неминуемо! Потому как не бывает немедленных встречно-лобовых контрблицкригов при «жесткой обороне» в виде дырок от бубликов или швейцарского сыра, выстроенных статическим фронтом «узкой лентой» вдоль основной части границы. Потому как пробить «жесткую оборону», состоящую всего лишь из дырок, — никакого труда не представляет. И соответственно в случае внезапного удара намеченные для такого контрблицкрига плацдармы на флангах неизбежно превращаются в «братские могилы» для всех закаченных туда войск! Потому что мгновенно прорвавшиеся через выстроенные вдоль основной части границы «узкой лентой » дырки вместо обороны войска противника тут же устраивали «Канны» для сосредоточенных на этих плацдармах советских частей. Между тем в разработанном Тухачевским и К° «Плане поражения СССР в войне с Германией» одна из основных ролей как раз и отводилась использованию заведомо негодных по качеству стрелковых дивизий, выставляемых в несоответствующем обстановке количестве.

На изложенном «технологическая» составляющая подставы наших войск под катастрофический разгром, конечно же, не исчерпывается. Дуэт Тимошенко — Жуков умудрились в таком изобилии и в таком точном соответствии повторить все постулаты Тухачевского, что остается только диву даваться.

Прежде всего напомним, о чем идет речь. Как стало известно уже во время судебного следствия на процессах 1936—1938 гг., еще в начале 1934 г. Троцкий дал указание свои сторонникам в СССР готовить военное поражение СССР в предстоящей войне с Германией, что, кстати говоря, полностью сообразовывалось с его же заявлениями после высылки из СССР. Тухачевский, к примеру, как лидер военного крыла

антисталинской оппозиции, с той поры стал разрабатывать и усиленно навязывать РККА так называемую **концепцию «пограничных сражений»,** на которой и был построен его **«План поражения СССР в войне с Германией».** В изложении, например, одного из «профессиональных адвокатов» «стратега», автора книги «Маршал М.Н. Тухачевский » В.М. Иванова, выдвинутая М.Н.Тухачевским **«новая концепция приграничного сражения исходила из идеи подготовленного ответного удара».** Как и всегда с подобной «адвокатурой», прямо с порога начинаются весьма серьезные неточности: Тухачевский не выдвигал **«новую концепцию приграничных сражений»** — он выдвинул **«новую концепцию пограничных сражений в начальный период войны»,** к тому же исходившую не просто из идеи подготовленного ответного удара, а заблаговременно подготовленного немедленного встречно-лобового ответного **удара. В опубликованных им трудах использован термин «пограничное сражение»,** в **том числе и в** структуре названий отдельных статей. Более сорока **лет** назад **его труды были** переизданы и, как представляется, «адвокату» **не грех** было бы знать, что же конкретно написал «подзащитный». Какая-никакая, но разница-то все-таки есть. В порядке реализации основных положений своей концепции **«М.Н. Тухачевский, — как отмечает В.М. Иванов, — предлагал развертывать основные группировки армий прикрытия, с учетом расположения приграничных укрепленных районов, так, чтобы они занимали фланговое положение по отношению к тем направлениям, где наиболее вероятны удары противника. Конечной целью армий прикрытия он считал овладение выгодным стратегическим рубежом для развертывания главных сил и ведения дальнейших операций. По его предположению приграничное (правильно:** пограничное. **— Л. М.) сражение, в отличие от Первой мировой войны, должно принять затяжной характер и продолжаться несколько недель».**

Вредоносность этой концепции состояла в следующем. Прикрытие немедленным встречно-лобовым вторжение/контрблицкригом должно было реализовываться не только заранее созданными фланговыми группировками, но и при ставке на статический фронт «узкой лентой» при сверхнизкой оперативной и линейной плотности сухопутных войск на большей же части границы. В таком случае войска находятся

в состоянии крайней неустойчивости именно с точки зрения обороны и прикрытия границ в прямом смысле слова. И малейший внезапный удар, тем более нанесенный концентрированными силами, автоматически приводит к невообразимо кровавой трагедии. Именно это и произошло 22 июня 1941 г. Почему «стратегу» взбрело в голову выдумать такое именно в тот самый момент, когда главный противник взял на вооружение стратегию блицкрига?! О каком затяжном характере пограничных сражений было уместно, если вообще уместно, говорить в этом случае? Тем более «в отличие Первой мировой войны»? Тем более ему, всю ту войну просидевшему в германском плену? Тем более что и на фронт-то он попал только в 1915 г., когда война была уже в разгаре — что он мог видеть-то? Гитлеровцы именно потому и взяли на вооружение стратегию блицкрига, что, во-первых, прежде всего это молниеносный прорыв обороны противника на всю ее глубину в целях скорейшего захвата и оккупации территории намеченной жертвы всеми заранее отмобилизованными, сосредоточенными и развернутыми к нападению силами. Во-вторых, потому, что по тогдашним представлениям гитлеровских стратегов это был единственный шанс для сильно ограниченной ресурсами Германии избежать крайне опасной для нее войны на истощение. Мрачные воспоминания о Первой мировой войне весьма подстегивали такие настроения — в Германии не забыли уроков истощения той войны...

Тухачевский прекрасно знал об этом. Однако на весенних 1936 г. стратегических командно-штабных играх на картах в Генеральном штабе он и его подельники за народные деньги проверяли «эффективность» плана поражения разработанного ими с учетом привезенных Тухачевским из-за границы «рекомендаций» тевтонов. Последние же прекрасно знали как о «новой концепции пограничных сражений » Тухачевского, так и о разработанном им совместно с подельниками по заговору плане поражения. Более того, упоминавшиеся выше стратегические командно-штабные игры вермахта осенью 1936 г. и тот невероятный «успех », которого тевтоны достигли тогда на картах, взяв Минск на 5-й день агрессии, произошли после того, как там «с визитом » побывал Уборевич, упорно набивавшийся в гости к тевтонам еще зимой 1936 г. Именно он и передал тевтонам «План поражения».

Так вот, все положения это концепции Тухачевского почему-то были претворены в жизнь дуэтом Тимошенко — Жуков. **Сталин говорил о могучих заслонах вдоль границы — Тимошенко/Жуков создали статический фронт «узкой лентой», понатыкав в нем дырок от бубликов при фланговых группировках, но при разрывах между эшелонами!? Сталин говорил о могучих заслонах в ближнем, а не в ближайшем тылу — эти же настаивали на выдвижении к границам чуть ли не всех войск!? Сталин говорил о необходимости для армии научиться отступать, иначе ее постигнет неминуемый разгром, — Тимошенко — Жуков, наоборот, немедленный встречно-лобовой контрблицкриг планировали!?** И, что особенно поразительно, Тимошенко — Жуков претворяли все положения концепции Тухачевского в удивительно точном соответствии с положениями его же «Плана поражения». К примеру, одна из основных ролей по этому плану отводилась использованию заведомо негодных по качеству стрелковых дивизий, выставляемых в несоответствующем обстановке количестве. Выше уже было проанализировано, в чем это выразилось и к каким последствиям привело. Хуже того. Стрелковым дивизиям первого оперативного эшелона Первого стратегического эшелона даже не были вовремя «нарезаны» полосы обороны. Говорилось в «Плане поражения» и о разрывах между эшелонами — как между оперативными эшелонами в рамках стратегического эшелона, так и между стратегическими. Кстати, это же подтвердил и Уборевич во время следствия на Лубянке.

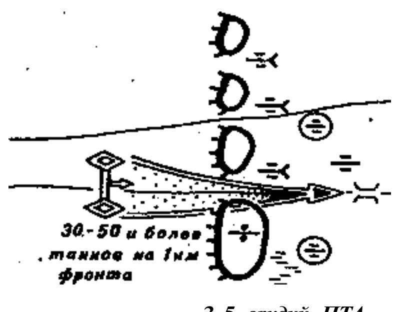
К несчастью, трагедия 22 июня 1941 года буквально изобилует горькими примерами на эту тему. Потому как, несмотря, отданный еще 12 июня приказ о выдвижении дивизий из глубины приграничных округов в сторону границы, подавляющее большинство из них по состоянию на утро 22 июня все еще находились в движении. А план военных перевозок и вовсе был осуществлен всего на **8,84%.** Едва ли не половина эшелонов вообще не приступала к погрузке. Трагедия советской авиации в первый же день войны — тоже «родом» из той же концепции и того же плана. Тухачевский «рекомендовал» вывести ее

на аэродромы передового базирования. И Жуков—Тимошенко туда же. Авиацию вывели и в первый же день агрессии потеряли громадное количество самолетов. Наземные войска остались без прикрытия. Танковые части, которым по официальному плану было положено помогать выбивать вклинившиеся в нашу оборону механизированные части противника, имели прямой приказ немедленно нестись за бугор наказывать супостатов! Итог жуткий — называется танковый погром. К концу 1941 года от почти четырехкратного превосходства воюющей части РККА в танках не осталось и следа настолько, что в битве под Москвой уже вермахт обладал преимуществом в танках.

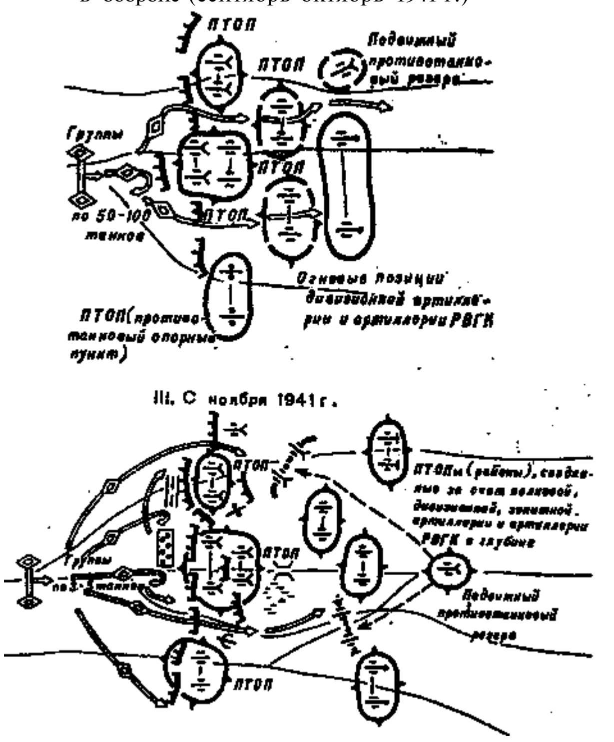
В артиллерии погром вообще был устроен перед войной — назывался он «реорганизация». Итог чудовищный — артиллерия не сыграла той роли в уничтожении противника, особенно танков, которую должна была сыграть. В части же касающейся противотанковой артиллерии вообще было допущено такое, что иначе как преступлением не назовешь. Высшему военному командованию РККА было прекрасно известно, что в основе успеха гитлеровского блицкрига — ударное использование танковых частей. Прекрасно было известно и то, что в соответствии с уставами вермахта его танковые части шли в прорыв с плотностью не менее 20—25 тан-

1.До августа 1941г.

3-5 орудий ПТА на 1 км фронта

П.После выхода указаний начальника
артиллерии Советской Армии по
организации артиллерийского огня
в обороне (сентябрь-октябрь 1941 г.)

Примечание: 1. Схемы были составлены свыше 20 лет назад опытнейшим профессионалом — командующим ракетными войсками и **артиллерией** сухопутных сил СССР, маршалом артиллерии **Г.Е. Передельским.**

2. ПТОП — это противотанковый опорный пункт.

3. Начальник артиллерии РККА разработал эти указания по личному приказу Сталина, который в самом начале войны организовал в ГШ группу по изучению опыта первых боев[46].

Впервые эту схему противотанковой обороны разработал и применил еще при организации обороны на левом берегу реки Вопь в ходе Смоленского сражения (10.07—10.09.1941 г.) Рокоссовский. Живо реагировавший на все хорошее, новое, особенно если оно эффективно служило интересам защиты Родины, Сталин мгновенно распространил этот опыт на всю армию, благо статус Верховного Главнокомандующего позволял это сделать незамедлительно.

ков на 1 км. Жуков и Тимошенко же организовали противотанковую артиллерию так, что у нас плотность противотанковой артиллерии была **3, максимум 4 ствола на 1 км!?** Между тем, для обеспечения гарантированного успеха в начальный период агрессии гитлеровское командование часто прибегало к запредельной плотности — от **30 до 50 танков на 1 км в прорыве.** Ну и что могли сделать наши артиллеристы в таком случае?!

А ведь перед войной высшее военное командование «под корень зарубило» программу производства прекрасной противотанковой артиллерии. Хуже того. Не обеспечило имеющуюся противотанковую артиллерию приграничных округов необходимым запасом снарядов. Дело дошло до того, что даже в самом мощном округе — Киевском — вынуждены были резервировать по шесть снарядов на пушку. Более того. На складах РККА почему-то пылились 15 тысяч противотанковых ружей, которые ох как пригодились бы бойцам первого оперативного эшелона Первого стратегического эшелона. Коренные изменения в тактике нашей противотанковой обороны произошли лишь тогда, когда Сталин выгнал Жукова и Тимошенко с их постов. А основой этих изменений стали блестящие, апробированные в боях наработки великого полководца Победы маршала Советского Союза любимца Сталина Константина Константиновича Рокоссовского.

Связь с войсками, за которую отвечал лично Жуков, не была налажена. С началом войны она была нарушена, вследствие чего управляемость войск была минимальной, если была. Из этой же «оперы» нелепый предвоенный приказ Тимошенко о снятии радиостанций с самолетов противовоздушной обороны. Не менее нелепым было положение и с материально-техническим обеспечением войск, особенно мобильных. Например, топливо для танковых частей приграничных округов находилось за тысячи километров от того места, где ему положено было быть. В результате, только в ЗапОВО и только из-за того, что танки нечем было заправить, было потеряно до 80% их количества. Не была организована должным образом ремонтная база — потери боевой техники только по этой

причине сродни последствиям отсутствия топлива. Склады материально-технического обеспечения были выдвинуты ближе к границе.

В результате в первые дни агрессии было потеряно громаднейшее количество оружия, боеприпасов, боевой техники, топлива, продовольствия и обмундирования. Едва ли не со второй половины дня 22 июня 1941 года гитлеровская агрессия развивалась, в том числе и на советском топливе. Беспрецедентной является и потеря стрелкового оружия. Всем хорошо известно, что в первый период войны у нас не хватало даже винтовок. Однако мало кому известно, что в результате неуместно «стахановского» выдвижения — с санкции же Жукова — Тимошенко — складов материально-технического обеспечения ближе к границе, **наша армия в первые же дни агрессии потеряла свыше 6 млн винтовок из 8 млн имевшихся!**

Многие военные эшелоны довоенной отправки умышленно гонялись по каким-то замкнутым маршрутам, причем часть из них разгружалась не там, где было предписано, а часть вообще исчезла. Например, по данным военной контрразведки по состоянию на 26 июня **1941** г. пропало два эшелона с танками КВ. А ведь это как минимум **90** платформ, на которых 90 новейших тяжелых танков! Исчезли эшелоны с сотнями тысяч мин. На железных дорогах страны простаивали десятки тысяч вагонов и ж.-д. платформ с военными грузами. К примеру, формально числившиеся мобильными части были лишены какой-либо мобильности, так как на железных дорогах страны только с автомобилями простаивало свыше **50 347** вагонов (**1320** эшелонов). Только Юго-Западный фронт не получил 47 эшелонов (**2115** вагонов) с автотранспортом. Причем все эти грузы были довоенной отправки. И вот что очень характерно. Управлением военных сообщений наркомата обороны вплоть до 1 июля 1941 года не велось никакого учета перевозки войск и военных грузов. И не велось всего лишь потому, что по ежедневным сводкам учета перевозки войск и военных грузов можно было установить, что произошла подмена сути официального плана

обороны страны. Лишь только тогда, когда в это дело вмешалась военная контрразведка, которую поддержал Сталин, положение стало исправляться.

И так буквально во всем. Какой аспект ни возьми, всюду едва ли не под копирку реализованные положения из «Плана поражения» и концепции Тухачевского.

Так почему же все это произошло? Что все это должно означать? Во имя чего все это было сделано?

Мысли о том, что события далекого прошлого некогда ожидались в будущем действительно с трудом приходят на ум. Между тем еще в конце 1935 года советская (военная) разведка умыкнула меморандум 2-го Бюро (аналог ГРУ) Генерального штаба Франции, в котором уже тогда утверждалось, что в случае войны с Германией Советский Союз потерпит военное поражение, которое откровенно предрекалось сразу же после начала войны. В меморандуме так и говорилось, что «с открытием военных действий — на первых же порах Красная Армия потерпит серьезные неудачи, которые скоро приведут к полному военному разгрому и развалу армии», а затем и к государственному перевороту силами военных. О неминуемой угрозе поражения в дебюте войны открыто предупреждали и некоторые советские военачальники еще в 30-х гг.

К слову сказать, разведывательная информация 1935 г. было далеко не единственным сообщением разведки на эту тему. Они поступали вплоть до начала войны. Более того. Они ничем не отличались от тех, что были известны еще в 30-х гг., вплоть до того, что имелось едва ли не текстуальное совпадение информации, поступавшей не только от разных источников из разных же стран, но и от разных же разведслужб! И еще одно. Когда приоткрылась завеса тайны дела пресловутого предателя - генерала Власова, то выяснилось, что, находясь у гитлеровцев, он неоднократно упоминал о некоем Союзе русских офицеров, будто бы существовавшем в СССР и готовившем военный переворот. Между тем ныне покойный легендарный генерал разведки Павел Анатольевич Судоплатов со страниц своей посмертной книги «Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 г.» засвиде-

тельствовал, что перед войной очень уж удручающей была картина компромата в отношении большой части командного состава РККА. И военная контрразведка органов госбезопасности СССР вынуждена была активно заниматься проверкой и перепроверкой всех накопившихся материалов о военном заговоре 1937—1938 гг., часто запрашивая необходимую информацию даже у разведки. Однако, подчеркиваю это вновь, с 3 февраля 1941 г. (и до 17 июля 1941 г.) военная контрразведка находилась в прямом подчинении Наркомата обороны, являясь его 3 Управлением. Проще говоря, она подчинялась в это время тем же Тимошенко и Жукову...

И в заключение один вопрос. Зная все это, сможет ли, посмеет ли кто-либо из читателей сожалеть о некоем «упущенном» Сталиным «шансе» по осуществлению превентивного нападения на Германию, как это сделал историк М. Мельтюхов? Сможет ли кто-либо сожалеть о том, что его Родина не стала агрессором, развязавшим войну?

Миф № 34. В первые дни войны Сталин от страха впал в прострацию и не руководил страной.

Это один из самых злобных и предельно наглых мифов о Сталине. В оборот запущен на XX съезде КПСС Н.С. Хрущевым. Поддержан членом Политбюро А.И. Микояном и многими другими. До сих пор тиражируется как лицами, именующими себя «историками », так и смеющими себя называть «честными журналистами ».

Всем им прекрасно было известно, что на протяжении всего периода работы Сталина в Кремле его помощниками тщательно велся «Журнал посещений И.В. Сталина в его кремлевском кабинете», который хранился в «Особой папке Политбюро ». Ныне он хранится в Архиве Президента Российской Федерации. Та часть журнала, которая относится к периоду с 22 июня 1941 г. по 9 мая 1945 г., имеет следующие координаты архивного хранения: **АПРФ.Ф. 45. Оп.1. Д. 412,414, 415, 416, 417.**

Журнал молча, но более чем красноречиво свидетельствует, что Сталин никуда не исчезал. С раннего утра 22 июня 1941 года Сталин находился в Кремле, в своем рабочем кабинете и напряженно работал. В среднем по 14—16 часов в сутки. Записи в журнале свидетельствуют, что в период с 22 по 28 июня включительно Сталин принимал от 20 до 30 человек в день из числа высших должностных лиц, в том числе и военных, партийных работников, руководителей различных гражданских ведомств, ученых, конструкторов, испытателей самолетов, танков, другой военной техники, деятелей культуры и дипломатов. С ними он решал бесчисленное количество вопросов организации обороны, материально-технического снабжения ведущей тяжелые бои Красной Армии, массовой эвакуации населения, промышленных объектов, различных материальных и иных ценностей из зон возможной оккупации, организации партизанского движения на оккупированной территории и т.д.

Да, в журнале отсутствуют записи за **29 и 30 июня.** Но должно ли это означать, что в эти два дня он пребывал в прострации или нечто подобное?! Отнюдь. Сталин принимал посетителей еще и по адресу улица Кирова (ныне Мясницкая), д. 33, где была его резиденция, на пункте управления Генштаба, а также на своих дачах. Наконец, с какой стати задним числом Сталина лишают возможности уединиться в одной из своих резиденций, чтобы сосредоточенно обдумать сложившуюся тяжелейшую обстановку и наметить конкретные пути выхода из нее и меры по их реализации?! С какой стати выдумки предавших Сталина под сильным давлением Хрущева так называемых «соратников» следует расценивать как некую истину?! Все они были повязаны соучастием в убийстве Сталина и Берии и потому впоследствии лгали так, что не приведи Господь. До сих пор разобраться не можем, где правда, а где — кривда.

А Сталину крайне необходимо было уединиться, чтобы детально обдумать сложившуюся тяжелейшую обстановку. Ведь накануне, 28 июня 1941 г., стало известно о взятии гитлеровцами столицы Белоруссии — Минска, а также о катастрофическом разгроме войск

Западного фронта, который, по сути-то, рухнул менее чем за неделю боев. А это было самое опасное направление удара вермахта, потому как это самая короткая дорога к Москве: Минск — Смоленск — Москва. Еще 28 июня во время очень острого разговора в Генштабе Сталин пришел к выводу о явной неспособности высшего военного командования организовать достойный отпор агрессору — ведь даже о взятии Минска Сталин узнал не от Генштаба, а из передач германской и иных иностранных радиостанций. В такой ситуации необходимо было коренным образом менять всю структуру государственного и военного управления в целях максимальной концентрации государственной и военной власти в едином государственном органе. Иначе было бы невозможно мобилизовать все силы и ресурсы на отпор врагу.

Ведь в первые дни войны, когда Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР и ЦК ВКП (б) от 23 июня 1941 г. была создана Ставка Главного командования во главе с наркомом обороны маршалом С.К. Тимошенко, последний даже не удосуживался правильно подписывать директивы Ставки. Являясь ее официально утвержденным председателем, Тимошенко ставил такую подпись — **«От Ставки Главного командования Народный комиссар обороны С. Тимошенко».** Ну, и что же должна была означать такая подпись на важнейших директивах?! Одним только фактом такой несуразной подписи Тимошенко, по сути дела, расслаблял командующих сражающихся с врагом войск, потому как резко понижал уровень исполнительской дисциплины! Ведь не председатель Ставки Главного командования требует исполнения директив, а всего лишь какой-то Тимошенко **«От Ставки Главного командования».**

Военные же, к слову сказать, вообще очень чувствительны к атрибутическому оформлению приказов, тем более в военное время, особенно в период массовых боевых действий. По этим признакам они определяют степень необходимости и срочности выполнения тех или иных приказов вышестоящего командования. А тут всего лишь «От Ставки Главного Командования». Ну, и творили войска черт знает что, губя людей и страну.

Не следует сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что в первые дни войны Тимошенко инициативно стал нарываться на отставку, фактически хамя Сталину в телефонных разговорах. Жуков же вообще впал в слезную истерику, когда во время бурного разговора в Генштабе Сталин жестко поставил вопрос о том, что же на самом-то деле происходит с нашими войсками. К тому же с первых же дней войны Генеральный штаб под «славным руководством» Жукова вообще потерял управление и связь с войсками и по большей части не знал, что конкретно творится на фронтах. Подобное положение, естественно, никак не могло устроить Сталина.

Вот потому-то он и уединился на пару дней, чтобы разработать новую систему управления государством в создавшейся критической обстановке. В результате было разработано положение о Государственном Комитете Обороны, которое уже 30 июня 1941 года было опубликовано в «Ведомостях Верховного Совета СССР».

Так что о какой прострации Сталина и тем более его попытке укрыться на даче может идти речь, если его могучий интеллект талантливого стратега и организатора политической борьбы был направлен в эти два дня на решение самой главной в тот момент задачи — организации наиболее эффективной системы руководства обороной и отпора врагу?!

Естественно, возникает вопрос: а зачем уже после убийства Сталина его бывшим соратникам понадобилось лгать и распространять невероятный миф о некоей прострации Сталина в первые дни войны, вследствие которой он чуть ли не со страху уединился на даче?! Да по очень простой причине. Поддержав Хрущева в его злобной клевете на Сталина во время XX съезда, в том числе свалив на него всю ответственность за трагедию 22 июня 1941 г., повязанные соучастием в его убийстве (а также Берии) «соратники» отрезали себе все пути возврата к Истине. И потому вынуждены были лгать, лгать и еще раз лгать. До последнего вздоха лгали, дуря весь народ. Ведь им же надо было показать, что не Ста-

лин, по их версии «плохой», а они спасли страну, заставив Сталина вернуться к активной работе.

Но ведь Сталин не зря называл их никчемными котятами, которые ничему не хотят учиться. Так оно и вышло. Ведь даже солгать-то по-умному и то не могли. К примеру, даже в изложении члена Политбюро А.И. Микояна, более известного «способностью пройти от Ильича до Ильича без инфаркта и паралича», в истории с этими двумя днями Сталин выглядит совершенно спокойным, рассудительным, адекватно воспринимающим обстановку, нормально ведущим полемику и соглашающимся с трезвыми рекомендациями. Чтобы не быть голословным, сразу же сошлюсь на архивные данные— **Диктовка А. Микояна. РЦХИДНИ.Ф. 84. Оп. 3. Ед. Хр. 123. Д. 121. А. 80-81. Ну, и где тут прострация даже в изложении Микояна?!**

Миф № 35. Сталин задним числом умышленно выдумал тезис о внезапности нападения для обеления самого себя и оправдания своих просчетов.

Миф порожден тем обстоятельством, что в своей знаменитой речи 3 июля 1941 г. Сталин по политическим соображениям глобального порядка употребил слова «внезапно» и «вероломно» применительно к факту нападения нацистской Германии на Советский Союз. Впоследствии Н.С. Хрущев и его присные, в том числе и маршал Советского Союза Г.К. Жуков, использовали данное обстоятельство для клеветы на Сталина и обеления самих себя. Потому как и тот и другой прекрасно знали, что Сталину не было никакой нужды, тем более задним, числом выдумывать тезис о внезапности нападения Германии для обеления себя и своих просчетов.

Ведь кровавая трагедия 22 июня 1941 г. ни в малейшей степени не была связана с какой-либо внезапностью. Тем более по вине Сталина. Особенно в силу его якобы каких-то просчетов, ошибок, недооценок или переоценок сложившейся накануне войны ситуации и намерений Гитлера. Хотя бы, например, потому, что пер-

вая же строка инициированной и санкционированной лично Сталиным и собственноручно изложенной начальником Генерального штаба Г.К. Жуковым и наркомом обороны С.К. Тимошенко Директивы № 1 от 21 июня 1941 г. гласила: «1. В течение 22—23 июня 1941 г. возможно внезапное нападение немцев...»! Что, Жуков не знал, директиву какого содержания он направил в войска?! Ведь сам же привел ее на одной из страниц своей книги «Воспоминания и размышления».

А Хрущев, в свою очередь, разве не знал, что менее чем за месяц до нападения Германии, 24 мая 1941 года, на расширенном заседании Политбюро ЦК ВКП(б), в котором участвовал высший командный состав РККА (в том числе и Жуков), а также сам Хрущев, Сталин прямо заявил: **«Обстановка обостряется с каждым днем, и очень похоже, что мы можем подвергнуться внезапному нападению со стороны фашистской Германии».**

Или оба клеветника не знали, что **О ВОЗМОЖНОСТИ ВНЕЗАПНОГО НАПАДЕНИЯ ГЕРМАНИИ В БЛИЖАЙШИЕ ДНИ БЕЗ ОБЪЯВЛЕНИЯ ВОЙНЫ И О ПРИВЕДЕНИИ ВВЕРЕННЫХ ИМ ВОЙСК В БОЕВУЮ ГОТОВНОСТЬ, КОМАНДУЮЩИЕ ОКРУГАМИ И ФЛОТАМИ С ПРЯМОЙ САНКЦИИ СТАЛИНА ОФИЦИАЛЬНО БЫЛИ ПРЕДУПРЕЖДЕНЫ ТЕЛЕГРАММОЙ НАЧАЛЬНИКА ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА РККА ГЕНЕРАЛА АРМИИ ЖУКОВА Г.К. ЕЩЕ 18 ИЮНЯ 1941 г., ТО ЕСТЬ ЗА ЧЕТЫРЕ ДНЯ ДО АГРЕССИИ!? Ведь эта директива прошла также и по партийной линии! Кстати говоря, за период с 12 по 18 июня Генштаб с подачи Сталина дважды дал указание о приведении войск в боевую готовность! Директива не была выполнена, а за это персональную ответственность несут нарком обороны Тимошенко и начальник Генерального штаба Жуков!**

Таким образом, очевидно, что говорить о внезапности нападения вообще нет решительно никаких оснований. В какой бы то ни было трактовке военного аспекта внезапности. Особенно в незаслуженно и клеветнически обвиняющей Сталина трактовке маршала Жукова или Хрущева. Потому как, **«внезапности нападения в**

обычном понимании не было, — отмечает в своей книге "Провокации против России" генерал Н.Ф. Червов, — и формулировка Жукова была придумана в свое время для того, чтобы взвалить вину за поражение в начале войны на Сталина и оправдать просчеты высшего военного командования в этот период».

Миф № 36. Сталин злоумышленно скрывал реальные потери армии и государства в начале войны.

Болтовня на эту тему пошла с первых же дней Великой Отечественной войны. Кто первым начал болтать — установить невозможно. Однако в политических целях эту болтологию первым стал использовать все тот же Н.С. Хрущев. Именно он сознательно сделал ее жупелом антисталинской пропаганды. Но Хрущев, видимо, так и не смог до конца уразуметь, что во время войны даже из самых благих побуждений ни в коем случае нельзя сообщать масштабы истинных потерь. Потому как это будет преднамеренный расстрел собственного народа и армии из информационного оружия. Во время войны не столько важно количество танков, пушек, самолетов и т.п., сколько морально-психологическая устойчивость армии и общества. Если дух армии и общества слаб — поражения не миновать. Вспомним: в конце XX века правящая КПСС расстреляла свой народ из информационного оружия всех калибров, подавив всякие попытки защитить народ и любые защитные реакции в самом народе. Держава рухнула, так как не обладала никакими средствами защиты от ударов из своего властно-идеологического центра.

Кроме того, необходимо иметь в виду, что на войне информация о потерях имеет колоссальное стратегическое значение — военные разведки противоборствующих сторон гоняются за ней так же, как и за планами военных операций.

В самом начале войны нарком обороны Тимошенко и начальник Генерального штаба генерал армии Жуков попросту потеряли связь с войсками и сами

толком не знали, что происходит на фронтах. Естественно, что точно так же ничего толкового они не могли доложить и Сталину. В том числе и о потерях. Выше уже говорилось, что даже о взятии Минска Сталин узнал из передач германских и иных иностранных радиостанций! Откуда же ему было точно знать о масштабах потерь?! Главный маршал авиации А.Е. Голованов в беседах с писателем Ф. Чуевым отмечал, что Генштаб под руководством Жукова был неспособной действовать и работать организацией, которая не могла собрать даже все необходимые материалы.

В отличие от Хрущева и его преемников Сталин прекрасно понимал особое стратегическое значение такой информации, а также психологической войны во время крупномасштабной войны, тем более такой, как Великая Отечественная война. Естественно, что ни себе, ни кому-нибудь иному он просто не мог позволить говорить всю правду о потерях. Потому как устойчивость армии и безопасность государства в таком случае оказались бы под серьезной угрозой. В этом плане очень характерна реакция Сталина на провал Харьковской операции в 1942 году. 26 июня 1942 года он направил Военному совету Юго-Западного фронта письмо с подробным анализом причин постигшей этот фронт катастрофы, в которых были детально вскрыты ошибки, прежде всего, командующего фронтом Тимошенко и члена Военного совета фронта Хрущева. Письмо завершала фраза: «Если бы мы сообщили стране во всей полноте о той катастрофе, с потерей 18—20 дивизий, которую пережил фронт и продолжает еще переживать, то я боюсь, что с Вами поступили бы очень круто...».

Так что во время войны Сталин вынужден был скрывать масштабы потерь не только по стратегическим причинам, но в силу беспорядка, царившего в системе управления войсками, который в начале войны допустили Тимошенко и Жуков. Его цель в том и состояла, чтобы избежать потери доверия народа и предотвратить крутые расправы с генералитетом, который, не желая чему-либо учиться, сплошь и рядом допускал ошибки и не выполнял директивы Ставки.

Миф № 37. Сталин планировал сдать Москву гитлеровцам и удрать из столицы в октябре 1941 г.

Один из наиболее коварных антисталинских мифов. В отличие от иных мифов запускался в оборот исподволь, без прямых обвинений Сталина. Начало мифу положил Хрущев. Очень часто эксплуатировался лично Жуковым, но только в форме либо очень прозрачных намеков на якобы «сермяжную правду истории», либо в приватных беседах. Часто используется и в наше время.

В реальности же все обстояло иначе. **Сдать Москву предлагал непосредственно Жуков!** Главный маршал авиации **А.Е. Голованов** в беседе с писателем Ф. Чуевым (01.02.1975 г., см. книгу Чуева «Солдаты империи») говорил: «Жуков написал, что 6 октября 1941 г. Сталин у него спрашивал, отстоим ли Москву, и Жуков твердо ответил: "Отстоим!" А ведь было так, что он прислал генерала Соколовского к Василевскому (Александр Михайлович это должен помнить), чтобы тот в Генштабе принял узел связи для Западного фронта. Василевский с недоумением позвонил об этом Сталину, и тот дал нагоняй Жукову. **Жуков предлагал сдать Москву, и так оно и было бы, если бы не Сталин.**

— Но это надо подтвердить документально, — сказал я (т.е. Ф. Чуев. — А. М.).

— Как подтвердишь? — ответил Голованов. — Большинство документов, показывающих истинную роль Сталина в войне, сожгли при Хрущеве. Так были уничтожены три тома моей переписки со Сталиным. Умрет Василевский, умрет Голованов, умрет Штеменко, и никто не узнает истинную правду. А ведь этот факт нисколько не принижает роли Жукова, а показывает, сколько было сомнений, и какими усилиями советского народа была достигнута победа под Москвой. Но и сравнивать в этом деле Жукова с Кутузовым тоже нельзя, ибо сдача Москвы в 1941 г. значила для нас куда больше, чем в 1812-м, когда она не была столицей. Жуков мог не знать того, что знал Сталин и что стало всем нам известно значительно позже: с падением Москвы

против нас на Востоке выступала Япония, и воевать в то время пришлось бы сразу на два фронта».

Рассказанное Головановым подтверждается выступлением перед читателями генерала армии С.М. Штеменко. Вот отрывок из стенограммы: «Командный пункт Жукова в период угрожающего положения находился ближе к линии обороны. Жуков обратился к Сталину с просьбой о разрешении перевода своего командного пункта подальше от линии обороны, к Белорусскому вокзалу. **Сталин ответил, что если Жуков перейдет к Белорусскому вокзалу, то он займет его место».**

Бывший командующий Московским военным округом и Московской зоны обороны генерал-полковник Павел Артемьевич Артемьев в 1975 г. вспоминал, что в ответ на эту просьбу Жукова Сталин ответил следующим образом: **«Если вы попятитесь до Белорусского вокзала, то я в Перхушкове займу ваше место».**

В первой же части процитированного выше рассказа Голованова, опубликованного Ф. Чуевым под названием **«Лопаты»** в книге «Несписочный маршал» (М., 1995), говорится следующее: «В октябре 1941 г., в один из самых напряженных дней московской обороны, в Ставке обсуждалось применение 81-й авиационной дивизии, которой командовал Голованов. Неожиданно раздался телефонный звонок. Сталин, не торопясь, подошел к аппарату. При разговоре он никогда не прикладывал трубку к уху, а держал ее на расстоянии — громкость была такая, что находившийся неподалеку человек слышал все. Звонил корпусной комиссар Степанов, член Военного Совета ВВС. Он доложил, что находится в Перхушкове, немного западнее Москвы, в штабе Западного фронта.

— Как у вас дела? — спросил Сталин.

— Командование обеспокоено тем, что штаб фронта находится очень близко от переднего края обороны. Нужно его вывести на восток, за Москву, примерно в район Арзамаса (а это, между прочим, уже Горьковская область. — А. М.). А командный пункт организовать на восточной окраине Москвы.

Воцарилось довольно долгое молчание.

— Товарищ Степанов, спросите в штабе, лопаты у них есть? — не повышая голоса, сказал Сталин.

— Сейчас. — И снова молчание. — А какие лопаты, товарищ Сталин?

— Все равно какие.

— Сейчас... Лопаты есть, товарищ Сталин.

— **Передайте товарищам, пусть берут лопаты и копают себе могилы. Штаб фронта останется в Перхушкове, а я останусь в Москве. До свидания**.

Он произнес все это спокойно, не повышая голоса, без тени раздражения и не спеша положил трубку. **Не спросил даже, кто именно ставит такие вопросы, хотя было ясно, что без ведома командующего фронтом Жукова Степанов звонить Сталину не стал бы».**

В воспоминаниях одного из руководящих работников охраны Сталина — генерал-лейтенанта В. Румянцева — концовка этого же эпизода выглядит так: **«Товарищ Степанов, дайте каждому вашему товарищу по лопате в руки, пусть роют себе братскую могилу. Вы останетесь в Перхушкове, а я в Москве. Отступления не будет. Только вперед».** Такова была реакция Сталина.

Во-первых, очевидно, что Жуков как минимум дважды предпринимал такие попытки — через не имеющего никакого отношения к подобным вопросам какого-то корпусного комиссара, второй раз — через генерала Соколовского. Что называется, не мытьем, так катаньем с передовой, хотя другим выдавал, причем в самых грубейших формах, приказы стоять насмерть... **Во-вторых,** в обоих случаях Жуков, по сути дела, подставлял головы других, хотя был обязан лично докладывать об этом Верховному главнокомандующему. **В-третьих,** вопрос об обороне Москвы стоял тогда чрезвычайно остро, и только исключительная принципиальность, сознание своей особой ответственности за судьбу Родины, личное мужество, а также чисто стратегические соображения, чем в совокупности и руководствовался в тот момент Сталин, предотвратили паническое бегство командующего Западным фронтом и фактический развал фронта.

По свидетельству личного шофера Сталина — **А. Кривченко** — именно в те дни Сталин и сказал: **«Остаюсь в Москве, с русским народом»!** Более того. В те же дни Сталин ясно сказал, **что если немцы и войдут в Москву, то только через его труп!**

Покойный ныне публицист Феликс Чуев был также и хорошим поэтом. Его перу принадлежит пронзительное стихотворение, связанное именно с этими событиями:

Уже послы живут в тылу глубоком,
Уже в Москве наркомов не видать,
И панцирные армии фон Бока
На Химки продолжают наступать.
Решают в штабе Западного фронта —
Поставить штаб восточнее Москвы,
И солнце раной русского народа
Горит среди осенней синевы...
Уже в Москве ответственные лица
Не понимают только одного:
Когда же Сам уедет из столицы —
Но как спросить об этом Самого?
Да, как спросить? Вопрос предельно важен,
Такой, что не отложишь на потом:
— Когда отправить полк охраны Вашей
На Куйбышев? Состав полка уже готов.
Дрожали стекла в грохоте воздушном,
Сверкало в Александровском саду...
Сказал спокойно: — Если будет нужно,
Я этот полк в атаку поведу.

Что же до того, что-де Сталин якобы планировал удрать из Москвы в октябре 1941 г., миф об этом был запущен еще Геббельсом. Зачем — понятно. Но вот зачем эту чушь повторяли советские писатели (М. Паджев в книге «Через всю войну» и вслед за ним П. Проскурин в романе «Имя твое»), вопрос, конечно, интересный. Потому как наврали они с три короба. Что-де Сталин приехал в Рогожско-Симоновский тупик, где стоял специальный поезд, и в тяжелых раздумь-

ях два часа ходил по платформе, размышляя, ехать ему в Куйбышев или остаться в Москве? Здорово нафантазировали советские писатели. А что в действительности?

А в действительности было следующее. По свидетельству сотрудников личной охраны Сталина (А. Рыбина, П. Лозгачева, А. Белехова, П. Шитоха, В. Круташева, С. Кашеварова, В. Тукова и других) специальный поезд и в самом-то деле был заранее подготовлен. Ничего сверхъестественного в этом нет. Меры безопасности руководителя государства должны быть всеобъемлющие и предприниматься заранее. Однако Сталин туда не приезжал, поезда этого не видел и по платформе не расхаживал, тем более что ее там и не было. Более того. Случайно заметив, что комендант дачи в Семеновском — С. Соловов — перевозит куда-то вещи с дачи, Сталин дал ему нагоняй и сказал: **«Никакой эвакуации не будет, остаемся здесь до победы».**

Кроме того, для Сталина был подготовлен также специальный пассажирский самолет «Дуглас» и звено истребителей для охраны в полете. Самолеты стояли под особой охраной НКВД на аэродроме имени Фрунзе. Однако Сталин и туда ни разу не приезжал.

Миф № 38. Сталин ничего не смыслил в стратегии и руководил военными операциями по глобусу.

Эту околесицу запустил в оборот лично Н.С. Хрущев еще на XX съезде КПСС. Коварство данного мифа не только в сути его лицевой части. Дело в том, что, нарисовав с трибуны съезда образ вождя, руководящего войной по глобусу, Хрущев, как истинный троцкист, фактически первым из руководителей СССР попытался ассоциативным образом отождествить Сталина с Гитлером. В памяти того поколения еще прочно сохранялось содержание великолепного и талантливого фильма всемирно известного Чарли Чаплина «Диктатор» (1940). В этом фильме есть пре-

восходная сценка, когда исполняющий роль Гитлера Ч. Чаплин играет с глобусом. Эта сценка вызывала невероятные приступы гомерического хохота в кинотеатрах всего мира, в том числе и в СССР. Так вот, именно этот образ Хрущев и использовал, навязав внимавшим его бреду делегатам ассоциацию с Гитлером. Это старинный метод пропаганды. Конечно, Хрущев едва ли знал такие тонкости. Но, случайно вспомнив и приведя этот образ в своем пасквильном докладе, он фактически сделал то, что обычно разрабатывают в самых секретных лабораториях по проведению психологической войны.

Любопытно, что даже откровенно предавший своего великого Верховного Главнокомандующего маршалитет и генералитет военной поры и то возмутился по этому поводу. Уж кто-кто, но они-то точно знали, что у Сталина в кабинете глобуса не было, и что в действительности он любил работать с картами, которые постоянно лежали у него на столе на протяжении всей войны. Тем не менее, за исключением всего лишь двух — великого Маршала Победы К.К Рокоссовского и Главного маршала авиации А.Е. Голованова, — практически весь послевоенный период те же маршалы и генералы пытались всех убедить, что-де Сталин ничего не смыслил в стратегии. Хуже того, он якобы поумнел лишь после Сталинградской битвы!

Не обошлось и без вклада «генерала от истории» Д.А. Волкогонова, писателей А.И. Солженицына и В.П. Астафьева и даже «видного экономиста всех времен и народов» Г. Х. Попова. Волкогонов, в частности, заявлял, что-де «Верховный не обладал опытом организации стратегической обороны», что «Сталин не был полководцем»! Весь мир молился на полководца Сталина, понимая, что только он спасет от коричневой чумы. Сам Черчилль молился за Сталина и, не скрывая, написал об этом в своих мемуарах. Великий Бунин молился на полководца Сталина и тоже, не скрывая, сказал об этом.

Астафьев же сказанул, что «Сталин — никакой не полководец», «это ничтожнейший человек, сатана, по-

сланный нам за наши грехи»! Весь мир признал выдающегося стратега и полководца Сталина. Весь мир рукоплескал великому Верховному Главнокомандующему Сталину. Как же можно так сквернословить в его адрес?

Солженицын тоже «внес свою лепту», обвинив Сталина в отсутствии полководческого таланта, что-де и привело к массовой гибели солдат. Ну а Гавриил Попов вдруг решил сочинить «Три войны Сталина». Стал «авторитетным военным историком».

По признанию сотен разных людей из разных стран мира, Сталин был чрезвычайно широко образованным, эрудированным человеком, прекрасно, с тонким знанием дела разбиравшимся в том числе и в принципиальных военных вопросах, актуальных проблемах военной теории и науки. Помощник и консультант Сталина по военным вопросам генерал П.А. Ермолин отмечал: «Как военного специалиста меня поражало в Сталине то, что он, формально штатский человек, гениально (я не боюсь этого слова, оно наиболее точно характеризует Сталина) разбирался в военных вопросах. Знания Сталина и в области экономики, и в области стратегии и тактики были глубоки и обширны, поражали присутствовавших исключительной четкостью постановки и объяснения обсуждаемых задач».

Какая, например, могла быть для него необходимость в том, чтобы поумнеть после Сталинградской битвы, если именно он столь тщательно ее организовал, что эта была единственная битва, в которой среднесуточные безвозвратные потери советских войск были вдвое ниже, чем в любой иной. В битве под Москвой 10910 чел., на Курской дуге —11313 чел., в операции «Багратион» (освобождение Белоруссии) —11262 чел., а в Сталинградской битве — 6392 человека! К слову сказать, Сталинградскую битву, как, впрочем, и битву за Кавказ Сталин начал готовить еще в октябре 1941 года. Именно тогда были отданы первые распоряжения о подготовке соответствующих оборонительных рубежей. Генералитет же в это время не знал, как отогнать наседавших гитлеровцев от Москвы. Так кто же настоящий стратег?

Более того. В сравнении с тем, как тот же Жуков, который и запустил миф о том, что Сталин поумнел лишь после

Сталинградской битвы, осуществил Берлинскую операцию, Верховный Главнокомандующий выглядит еще более блистательно. Вопреки утвержденному Генеральным штабом плану Жуков настолько кроваво и бездарно осуществил Берлинскую операцию, что среднесуточные потери советских войск в ней составляли 15712 человек. То есть практически в 2,5 раза больше, чем в Сталинградской битве! В ходе Берлинской операции Жуков умудрился уложить в землю Германии 361367 тысяч советских солдат и офицеров! И это при неизмеримо, в сравнении с той же Сталинградской битвой, возросших огневой мощи и боевой выучке нашей армии!? Уровень безвозвратных потерь советской армии в Берлинской операции составил 65% от уровня безвозвратных потерь (включая и умерших от ран в госпиталях) за первые полгода войны. За шесть месяцев 1941 года РККА безвозвратно потеряла 556000 человек. Жуков же за 22 дня Берлинской операции «сумел достичь» 65% от этого уровня потерь! Так кто же и когда же поумнел или, точнее, поглупел?!

По признанию многих маршалов и адмиралов все основные предложения о ведении войны исходили от Сталина. Более того. Зарождение идеи той или иной операции и воля Верховного Главнокомандующего определяли успех сражений. Потому что до генералитета даже и не доходило, что на каждом этапе войны нужна своя стратегия и своя тактика. Например, начиная с 1943 года, Сталин постоянно требовал от генералитета поменьше увлекаться операциями на окружение и перенести центр тяжести борьбы с врагом на операции по скорейшему изгнанию оккупантов с родной земли, потому как надо скорей освобождать Родину для мирного труда, для созидания. По сути дела, он призывал генералитет переориентироваться на стратегию фронтального вытеснения из страны тевтонской нечисти вместе с иным приблудившимся к ней сбродом со всей Западной и Восточной Европы в лице союзников Третьего рейха.

Сталин прямо указывал генералам, что все эти их окружения на уничтожение надо делать на территории врага. Проще говоря, Сталин все время пытался привлечь внимание генералитета к тому, что корен-

ной перелом в войне свершился и потому нечего из родной земли устраивать театр ожесточенных военных действий для операций на окружение, надо просто гнать нацистскую вражину из страны и добивать ее уже там, в Западной Европе. Как это и было определено в советской военной доктрине. Но куда там! Генералы-то у нас «умные», не чета Сталину, по их версии поумневшему только после Сталинградской битвы.

Маршалы и генералы загнали себя в тупик: ведь не бывает Великих Побед родом из ниоткуда, да еще и от дури Верховного Главнокомандующего. До конца своих жизней они так и не захотели признать самого главного. Что под руководством именно Сталина, как выдающегося политического и государственного деятеля мирового масштаба, талантливого стратега и полководца, искусного дипломата и эффективного хозяйственника, советский народ сумел в наикратчайшие исторические сроки переплавить невероятную трагедию в сияющую своим небывалым величием Победу!

Более того, они так и не поняли главного. Каким образом после кровавой трагедии 22 июня 1941 года, они так лихо, **всего-то за *2* года 4 месяца и 9 дней,** от берегов Волги и предгорий Кавказа совершили невероятный, но закономерный марш-бросок в самое сердце Западной Европы, освободив при этом не только Родину, но и пол-Европы!

У Гитлера на все виды агрессии, то есть от так называемой «мирной», но незаконной реоккупации Рейнской зоны в марте 1936 г., до вооруженной, вплоть до ее крайней точки, сиречь до берегов Волги и предгорий Кавказа, ушло примерно **шесть с половиной лет.**

Нашим же, вновь обращаю на это внимание, после такой трагедии хватило всего **2 года 4 месяца и 9 дней,** чтобы под командованием Верховного Главнокомандующего Сталина очистить от тевтонской погани не только свою Родину, но и пол-Европы!

Так кто же в таком случае стратег и полководец?

Миф № 39. Сталин никогда не выезжал на фронт и не знал, что там творится.

Откровенно говоря, даже в предположительном порядке неизвестно, кто первым это выдумал. Могу лишь сказать, что современные «демократы» додумались до того, чтобы сравнивать в этом вопросе Сталина с Гитлером. Мол, фюрер-то выезжал на фронты, а Сталин нет. Этим злобствующим неучам-антисталинистам не грех бы и знать, что в действительности фюрер никогда ни на одном фронте не бывал, тем более на передовой. Да, он выезжал в действующую армию, но всего лишь для того, чтобы осмотреть оккупированные территории. Но к передовой даже и не приближался. Подчеркиваю, что ни разу ни на одном фронте как таковом фюрер не был. Так что сравнивать его со Сталиным именно в этом вопросе по меньшей мере бессовестно, если не сказать, что преступно.

Что же касается Сталина, то в действительности он выезжал на фронт, чтобы на месте ознакомиться с положением дел. Как вспоминал бывший сотрудник его личной охраны А.Т. Рыбин в книге **«Сталин на** фронте», в **1941—1942** гг. Сталин выезжал на Можайский, Звенигородский и Солнечногорский оборонительные рубежи. На Волоколамском направлении побывал в 16-й армии Рокоссовского, где лично наблюдал боевую работу знаменитых «Катюш »(БМ-13), то есть находился на передовой. Посетил также знаменитую 316-ю дивизию генерала И.В. Панфилова. Через три дня после знаменитого парада 7 ноября 1941 года Сталин вновь выезжал в войска, чтобы лично осмотреть прибывшие из Сибири дивизии, которые, к слову сказать, выгружались едва ли не в прямом смысле на передовой.

В **1942—1943** гг. Сталин по-прежнему практиковал выезды в войска. Так 2—3 августа 1943 г. он находился на Западном фронте у генерала Соколовского, а 4—5 августа — на Калининском, у генерала Еременко. Во время встреч с командованием фронтов Сталин совместно с ним проанализировал обстановку, разработал планы операций обоих фронтов,

особенно Калининского, обсудил вопросы их материально-технического обеспечения.

Конечно, могут сказать, что-де «мало ездил» или «боялся». Ну, так прежде всего необходимо помнить, что в годы войны Сталин был един в пяти лицах — на нем лежали тяжеленные обязанности Председателя Государственного Комитета Обороны, Верховного Главнокомандующего, Председателя Совета Народных Комиссаров СССР (то есть главы правительства), народного комиссара обороны и генерального секретаря ЦК ВКП(б). Как он мог при такой загруженности часто выезжать на фронты?! Да и неправильно это было бы, если обремененное такими колоссальными функциями высшее лицо государства стало бы разъезжать по фронтам. А руководить-то борьбой с врагом кто будет?! Ведь судьба фронта решалась в тылу. А эти проблемы были порой потяжелей, чем иные фронтовые.

Для того чтобы досконально знать обстановку на фронтах, Сталин направлял туда представителей Ставки ВГК. За период войны их было более 60. От них Сталин требовал ежедневных докладов и донесений, а если кто-то из них в течение суток не посылал никаких сообщений в Ставку, то тут же, невзирая на лица, получал суровый нагоняй от него. На неисполнительности попадались и Жуков, и Василевский, и Маленков, и многие другие. И каждый по справедливости получал свою «порцию»... Особенно, если некоторые пытались финтить, скрыть или обмануть. У Сталина была фантастически сильная память.

Кроме того, за время войны Сталин 157 раз принял командующих фронтами с докладами о предстоящих операциях. 1413 раз он принял различных руководящих работников Вооруженных сил — от начальника Генштаба, его заместителей и их подчиненных до начальников главных управлений наркомата обороны, начальника тыла и его заместителей. Многократно принимал он и членов военных советов фронтов, командиров партизанских отрядов, командующих различными армиями, особенно танковыми и воздушными. И это при том, что ежедневно у него бывали члены

ГКО, Ставки, Совнаркома, наркомы различных отраслей экономики и промышленности, представители общественности и культуры, дипломаты.

Так что с того момента, как вся высшая государственная и военная власть в стране была сконцентрирована в его руках, Сталин прекрасно был в курсе, что происходит на фронтах и творится в тылу. Потому, собственно говоря, ему и не было особой нужды разъезжать по фронтам. И вот еще что. Как по соображениям безопасности, так и в силу присущей ему личной скромности, даже из тех, редких своих выездов на фронты, о которых стало известно, Сталин никогда не устраивал пиар-акции или шоу.

Миф № 40. Сталин умышленно создал заградительные отряды, чтобы страхом удержать разбегающуюся армию на фронте.

Один из самых любимых мифов антисталинистов всех времен и народов. Появился еще во времена «оттепели» Н.С. Хрущева. По сей день миф является излюбленным «аргументом» в клевете на Сталина. Кто только и как только не поупражнялся на эту тему! Все стремятся побольней «лягнуть мертвого льва» — Иосифа Виссарионовича Сталина.

Но невдомек им, что если уж и «лягать», то начинать надо аккурат с наркома обороны маршала С.К. Тимошенко и начальника Генерального штаба генерала армии (в то время) Г.К. Жукова. Потому как именно они являются подлинными инициаторами создания заградительных отрядов. Дело в том, что ***11* июня 1941 года** 3-е Управление (особые отделы) наркомата обороны издало **директиву № 35523** о работе своих органов в военное время, в которой, в частности, говорилось: **«Организация подвижных контрольно-заградительных отрядов на дорогах, железнодорожных узлах, для прочистки лесов и т.д., выделяемых командованием с включением в их состав оперативных работников Третьего управления с задачами:**

а) задержания дезертиров;

б) задержания всего подозрительного элемента, проникшего на линию фронта;

в) предварительного расследования, производимого оперативными работниками органов Третьего управления НКО (1—2 дня) с последующей передачей материала вместе с задержанными по подсудности».

Для сведения. В соответствии с Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) от 8 февраля 1941 г. о разделении НКВД СССР на НКВД СССР и НКГБ СССР военная контрразведка была выделена из состава НКВД и передана наркоматам обороны и Военно-морского флота СССР, войдя в их состав в качестве 3-х Управлений НКО СССР и НКВМФ СССР. То есть с указанного времени они подчинялись наркому оборону маршалу Тимошенко, начальнику Генерального штаба генералу армии Жукову и наркому военно-морского флота Кузнецову. Упомянутая выше директива № **35523 от 27 июня 1941** г. была издана 3-м Управлением НКО СССР с прямого ведома и санкции Тимошенко и Жукова!

В соответствии с постановлением Государственного Комитета Обороны № **187с от 17 июля 1941** г. органы 3-го Управления НКО были преобразованы в особые отделы и возвращены в прямое подчинение вновь объединенного НКВД. Своей директивой № **169 от 18 июля 1941** г. нарком внутренних дел СССР Л.П. Берия разъяснил задачи особых отделов в свете проведенной реорганизации следующим образом: **«Смысл преобразования органов Третьего управления в особые отделы с подчинением их НКВД заключается в том, чтобы повести беспощадную борьбу со шпионами, предателями, диверсантами, дезертирами и всякого рода паникёрами и дезорганизаторами. Беспощадная расправа с паникёрами, трусами, дезертирами, подрывающими мощь и порочащими честь Красной Армии, так же важна, как и борьба со шпионами и диверсией».**

Приказом НКВД СССР № **00941 от 19 июля 1941** г. при особых отделах дивизий и корпусов были сформированы отдельные стрелковые взводы, при

особых отделах армий — отдельные стрелковые роты, при особых отделах фронтов — отдельные стрелковые батальоны, укомплектованные личным составом войск НКВД. Одновременно была разработана и доведена до сведения нижестоящих органов «Инструкция для особых отделов НКВД по борьбе с дезертирами, трусами и паникёрами». В ней были детально расписаны все мероприятия по организации службы заграждения, а также их конкретные функции и задачи. В предоставленных особым отделам указанными документами правах есть право на арест дезертиров, а в необходимых случаях и право расстрела на местах. В связи с этим необходимо еще раз подчеркнуть, что эти права были предоставлены особым отделам Постановлением ГКО СССР № 187с от 17 июля 1941 г. То есть абсолютно законным образом с учетом, естественно, особой специфики военного времени.

№ 39212 от 28 июля 1941 г. Управление особых отделов НКВД СССР разослало директиву об усилении работы заградительных отрядов по выявлению и разоблачению агентуры противника, перебрасываемой через линию фронта. Дело в том, что германский Абвер принял на вооружение стратегию тотальной заброски различной агентуры в тыл советских войск, что, естественно, и потребовало резкого усиления работы заградительных отрядов.

Последовавший вскоре новый этап в активизации деятельности заградительных отрядов, как и при создании их прототипов, вновь оказался связан с инициативой армейского генералитета. Директивой № 001650 от 5 сентября 1941 г. Ставка Верховного главнокомандования удовлетворила просьбу командующего Брянским фронтом генерал-лейтенанта А.И. Еременко. В ней говорилось: «Ставка ознакомилась с Вашей докладной запиской и разрешает Вам создать заградительные отряды в тех дивизиях, которые зарекомендовали себя как неустойчивые. Цель заградительных отрядов — не допускать самовольного отхода частей, а в случае бегства остановить, применяя при необходимости оружие».

Директивой Ставки ВГК № **001919** от 12 сентября **1941** г. подобная практика была распространена на все фронты. При этом следует иметь в виду, что, начиная с этого момента, заградительные отряды стали явлением главным образом армейского характера, так как положениями п. 3 упомянутой директивы особым отделам приказывалось оказывать им помощь. Проще говоря, с указанного момента ответственность за деятельность заградительных отрядов несли непосредственно армейские руководители. Момент этот очень важный, потому как, не понимая сути происшедшего, все беспрерывно кидают булыжники в адрес НКВД и Сталина. А ведь все очевидно.

Результаты же деятельности заградительных отрядов НКВД на первом этапе войны таковы. Ниже приводимые данные умышленно снабжены соответствующими военными и специальными комментариями.

За период с 22 июня по 10 октября 1941 г. Особыми отделами НКВД и заградительными отрядами войск НКВД по охране тыла было задержано **657364** военнослужащих, отставших от своих частей и бежавших с фронта.

Для сведения. Эта цифра страшна не столько своей величиной, хотя и это, конечно же, важно, сколько стратегическими последствиями. Дело в том, что группы армий вторжения вермахта имели ширину фронта в прорыве от **150** до **200** км. Советские же уставы предусматривали линейную плотность примерно 1 боец на 1 метр линии обороны. Так вот, во-первых, указанная цифра задержанных свидетельствует о том, что не прикрытыми оказались **657, 364** км фронта обороны! Если, например, сравнить с протяженностью первоначальной основной линии вторжения агрессора на западных границах, а она составляла **3375** км, то получается, что не прикрытым оставалось практически 20% фронта!

Во-вторых, в сравнении с шириной группы армий вермахта в прорыве получается, что в такую, более чем 657-километровую дыру на фронте спокойно могли пройти, если локоть в локоть, все три основные груп-

пы армий вторжения— ГА «Север», «Центр» и «Юг» — и еще осталось бы **207** с лишним километров (минимум 57, **364** км)!

Вот какую колоссальную стратегическую задачу решали Особые отделы НКВД и заградительные отряды войск НКВД — задачу предотвращения развала фронта и недопущения прорыва противника! Фактически своими специфическими и вынужденными мерами Особые отделы НКВД и заградительные отряды войск НКВД исправляли беспрецедентно ошибочную стратегию вступления армии в войну, за что прямую ответственность несли Тимошенко и Жуков. Ведь «если стратегия вступления государства и армии в войну изначально ошибочна, то ничто — ни искусство генерала на поле боя, ни доблесть солдат, ни отдельные одноразовые победы — не могло иметь того решающего эффекта, которого можно было ожидать в противном случае. Одной из важнейших причин поражения наших войск в начальный период войны явилась недооценка Наркоматом обороны и Генеральным штабом существа самого начального периода войны, условий развязывания войны и ее ведения в первые часы и дни». Сотрудники Особых отделов НКВД и военнослужащие заградительных отрядов войск НКВД своими специфическими методами и средствами нейтрализовали самые негативные последствия такой «стратегии».

Далее. Из числа задержанных Особыми отделами было арестовано **25878** человек, остальные же **632486** человек сформированы в части и вновь направлены на фронт. То есть аресту подверглось чуть менее 4% от общего числа задержанных, а чуть более 96% — отправлены на фронт. Ну, и где тут зверства заградительных отрядов?!

Быть может, они в том, что из 25878 арестованных было выявлено **1505** шпионов?! Но если сравнить с предвоенными цифрами задержания агентуры германской разведки за целый год и учесть специфику военного времени, то ничего удивительного. Если пересчитать на годовой объем, то практически то же самое.

Но, быть может, зверство в том, что было выявлено 308 диверсантов?! Опять-таки концы с концами не сойдутся. Потому что накануне войны только на минском направлении было задержано 211 разведывательно-диверсионных групп. И если пересчитать на годовой объем и на все интересовавшие германскую разведку направления, то вполне объяснимая цифра выявленных диверсантов.

Или, может быть, зверство в том, что изменников Родины было выявлено 2621 чел. из числа 25878 арестованных?! Много это или мало? Так смотря от чего считать. Если от 25878 чел., то выходит чуть более 10%. Но ведь задержано было 657364 чел., а изменников оказалось всего 2621 чел., следовательно, 0,398%. Если не согласны с таким подходом, тогда назовите хотя бы одну войну в истории человечества, а их, между прочим, только в рамках письменной истории насчитывается без малого 16 тысяч, в которой не было бы изменников. Война является глобальной и глубокой проверкой человека и общества на прочность патриотических чувств. Суровый отсев не прошедших такую проверку был неизбежен.

Или что, войны обходятся без паникёров и трусов, коих за указанный период было выявлено 2643 чел. Много это или мало? От общего числа задержанных всего 0,4%! Если не согласны, то позвольте вновь просить назвать хотя бы одну войну в истории человечества, в которой не было бы такого прискорбного явления.

Но, быть может, кто-то считает, что война обходится без дезертиров?! Их, между прочим, за указанный период было выявлено 8772 чел. Если соотнести с числом арестованных, то вроде бы и многовато — 33,89%. Но именно эту категорию арестованных в первую очередь необходимо соотносить с общим количеством задержанных. И тогда выходит, что их всего 1,33%. А в первую очередь это надо делать именно потому, что эти самые 657364 человека задержанных оказались едва ли не в положении дезертиров не по своей воле, а по вине нашего «доблестного» генералитета, избравшего беспрецедентно ошибочную стратегию вступления армии в войну.

Или как прикажете расценивать тот факт, что из **25878** арестованных было выявлено **3987 распространителей провокационных слухов? К** сожалению, без подобных тварей не обходится даже мирная жизнь, а тут война со злейшим врагом. Один такой негодяй может натворить больше, чем даже самая опытная диверсионная группа, потому как провокационные слухи рассчитаны на обывателей, составляющих едва ли не абсолютное большинство в любом обществе. Толпа обывателей, спровоцированная такими слухами, может натворить такого, что никакие дивизии **НКВД** не спасут. И все же много это или мало? В сравнении с числом арестованных — **1,54%,** в сравнении же с числом задержанных — **всего0,6%. В** любом случае мизер, но очень опасный — не менее опасный, чем диверсанты или шпионы.

Ну, а что прикажете думать о выявленном **1671** самострельщике? На фронте, мягко выражаясь, их не жаловали и вполне могли «замочить» и без Особого отдела. Потому как это одна из самых подлых форм оскорбления воюющих солдат. Они, значит, пусть погибают, а эти твари будут отлеживаться в госпиталях?! В сравнении с числом арестованных их **6,45%,** в сравнении с числом задержанных — **0,25%.** В любом случае, к сожалению, вполне «нормальный процент» не в меру ушлых негодяев.

Наконец, о следующем. По постановлениям Особых отделов и по приговорам Военных трибуналов в указанный период было расстреляно **10201** чел., в том числе перед строем — **3321** чел. Жестоко?! Нет. Война — еще более жестокая штука! И если дал присягу защищать свою Родину, то уж будь любезен делать это с честью! **Такова эта суровая профессия — Родину защищать!** А шпионов, диверсантов, изменников и т.п. негодяев, сами понимаете, жалеть не приходится. И все же много или мало было приговорено к высшей мере наказания?! Есть ли тут свирепство НКВД?! Так ведь, если по здравому-то размышлению, то едва ли. Потому что в данном случае соотносить надо не с количеством арестованных, и даже не с количеством за-

держанных, а с общей численностью воюющей группировки РККА. Это будет наиболее честно и объективно. Западная группировка РККА к моменту начала войны насчитывала примерно 3,5 млн чел. Следовательно, расстрелу было подвергнуто всего, как ни ужасно это слово, **0,29%.**

Заградительные отряды использовались до окончательного перелома в войне. Они участвовали и в Московской битве, и в битве за Ленинград, и в Сталинградском сражении, и в битве на Курской дуге. Результативность их работы на каждом из указанных этапов войны была разная. Однако никогда более таких цифр задержанных не было. Особое значение заградительным отрядам было придано непосредственно накануне Сталинградской битвы. В знаменитом приказе № 227 от 28 июля 1942 г., который Сталин издал как нарком обороны, об этом говорилось следующим образом: «2. Военным советам армий и прежде всего командующим армиями: ...б) сформировать в пределах армии 3—5 хорошо вооруженных заградительных отрядов (по 200 человек в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникёров и трусов и тем самым помочь честным бойцам дивизии выполнить свой долг перед Родиной».

Всего в соответствии с приказом № 227 по состоянию на 15 октября 1942 г. было сформировано 193 заградительных отряда. За этот же период времени на всех фронтах было задержано 140755 военнослужащих, из них арестовано 3980, расстреляно 1189, в штрафные роты направлено 2776, в штрафные батальоны — 185, возвращены в свои части и на пересыльные пункты 131094.

После победоносного окончания Курской битвы наступил коренной перелом в войне и потребность в заградительных отрядах постепенно стала сходить на нет. А с 29 октября 1944 года на основании приказа наркома обороны Сталина № 0349 начался процесс расформирования заградительных отрядов.

И в заключение необходимо отметить следующее. В ходе Великой Отечественной войны Особые отделы, а затем и знаменитый СМЕРШ сыграли колоссальную роль в обеспечении безопасности воюющей армии, в том числе и ее тыла. Их невидимая, зачастую крайне напряженная, мало воспринимаемая войсками, а обществом и поныне, но до крайности необходимая, тяжелейшая работа была увековечена знаменитым писателем Богомоловым в его талантливой книге **«В августе сорок четвертого»,** которой мы обязаны крылатым ныне выражением **«Момент истины».** Это лучший памятник героической деятельности особистов и смершевцев в годы войны.

Миф № 41. Сталин умышленно создал штрафные батальоны, чтобы загнать туда побольше солдат и использовать их в самых кровавых операциях на фронте.

Миф № 42. Сталин умышленно издал самый жестокий приказ № 227 «Ни шагу назад!», приведший к резкому увеличению потерь.

Один из самых любимых мифов антисталинистов всех времен и народов. Тоже появился во времена «оттепели» Н.С. Хрущева и тоже является одним из излюбленных «аргументов» в клевете на Сталина. Недавно был выпущен даже целый телесериал «Штрафбат»... Посмотрим, что же было в реальности.

Да, действительно штрафные батальоны были созданы в Красной Армии. Созданы в соответствии со знаменитым приказом Сталина **№ 227 от 28 июля 1942 года,** более известным как «Ни шагу назад!». Но прежде чем говорить непосредственно о штрафных подразделениях, хотелось бы обратить внимание на следующее. Не Сталин и не РККА были «пионерами» в деле создания штрафных подразделений. В той страшной войне первыми к этой жесткой мере прибегли сами гитлеровцы. Уже в самом начале войны, столкнувшись с ожесточенно яростным, буквально свире-

пым сопротивлением советских войск, солдаты вермахта все чаще стали вести себя неадекватно данной присяге и уставам. В связи с этим уже в начале июля 1941 г. с санкции Гитлера в вермахте были созданы штрафные батальоны, которые расценивались германским командованием как хорошая идея — осужденные военно-полевым судом военнослужащие вермахта могли реабилитироваться в штрафбатах. Достаточно перелистать «Военный дневник» начальника генерального штаба сухопутных войск Германии генерала Франца Гальдера, чтобы убедиться в этом.

В РККА, как это и так очевидно, штрафные подразделения были созданы лишь после 28 июля 1942 года. Их создавали как в виде штрафных батальонов, так и штрафных рот. Согласно приказам Сталина № 227 от 28 июля и № 298 от 28 сентября 1942 г., штрафные батальоны формировались в пределах фронта в количестве от одного до трех по 800 человек в каждом, куда направлялись разжалованные в рядовые средние и старшие командиры и политработники всех родов войск, провинившиеся в нарушениях дисциплины по трусости или неустойчивости. Этим документом приказывалось ставить их на наиболее трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления против Родины. Штрафбаты находились в ведении военных советов фронтов и придавались стрелковым дивизиям (стрелковым бригадам), на участок которых они ставились распоряжением военного совета фронта.

В имевшие аналогичные задачи и функции штрафные роты направлялись рядовые бойцы и младшие командиры всех родов войск. Они находились в ведении военных советов армий и придавались полкам (дивизиям, бригадам), на участок которых ставились распоряжением военного совета армии.

Приказами предусматривались как меры частичного поражения в правах военнослужащего, так и меры тщательного поощрения, в том числе и по денежно-вещевому довольствию, досрочному освобождению и награждению.

Военнослужащие штрафных частей подразделялись на постоянный и переменный состав. Первый комплектовался из числа наиболее отличившихся в боях и волевых командиров и политработников. К постоянному составу штрафбатов относились — командование батальона, офицеры штаба и управления, командиры и политработники рот и взводов, старшины, писари и санинструкторы рот. В штрафной роте к постоянному составу относились командир и военный комиссар роты, писарь, командиры, политруки, старшины и санинструкторы взводов. Для постоянного состава предусматривались дополнительные меры поощрения — как награждения, так и денежно-вещего довольствия.

Переменный состав, то есть собственно штрафники, были рядовыми вне зависимости от прежнего звания, но могли быть назначены на должности младшего командного состава.

Кроме того, в соответствии с приказом № **004/0073/006/23** от **26** января **1944 г.** **«О** порядке **применения примечания 2 к статье 28 УК РСФСР** (и соответствующих статей УК других союзных республик) и направлениях осужденных в действующую армию», подписанным заместителем наркома обороны маршалом А.М. Василевским, наркомом внутренних дел Л.П. Берией, наркомом юстиции Н.М. Рычковым и прокурором СССР К.П. Горшениным, в штрафные части направлялись также и осужденные судебными органами лица. Правда, это не распространялось на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, бандитизм, разбой, грабежи, воров-рецидивистов, а также уже имевших судимости за перечисленные преступления и неоднократно дезертировавших из Красной Армии.

Начиная с 28 июля 1942 г. и до окончания войны в Красной Армии всего было создано 65 штрафных батальонов и **1037** штрафных рот. Однако это не означает именно такое количество одновременно существовавших штрафных подразделений на протяжении всего указанного периода времени. Среднемесячное количество штрафбатов в указанный период времени

колебалось от 8 до 11, среднемесячное количество штрафников в них — **225** человек. Среднемесячное количество штрафных рот в указанный период времени — **243,** а среднемесячное количество штрафников в них — **102** человека.

Среднемесячная численность штрафников во всех штрафных частях действующей армии в указанный период времени — **27326** человек, что при среднемесячной численности самой действующей армии в **6,55 млн** человек составляло всего **0,42%** от указанной ее численности.

Учитывая предназначение штрафных частей и выполнявшиеся ими задачи, количество потерь в них было от 3 до 6 раз больше уровня всех видов потерь личного состава обычных подразделений в наступательных операциях.

За указанный период времени в штрафные части было направлено **427910** человек. Много это или мало? Если считать от общего количества лиц, надевших в годы войны военные шинели, а их насчитывается **34,4767 млн** чел., то количество штрафников за всю войну составит всего **1,24%.** Среднемесячный их процент относительно среднемесячной численности действующей армии, подчеркиваю, **0,42%.** Так что говорить о каком-то особом вкладе штрафников в Победу не приходится. Он достаточно скромен. В конце-то концов стр.ану и пол-Европы освободили, а также взяли Берлин подразделения именно действующей армии, а не штрафники.

Естественно, что возникает вопрос о степени жесткости и даже жестокости такого наказания. Собственно говоря, на том обычно и спекулируют при эксплуатации мифа о штрафбатах. Согласен, вопрос есть. Только вот честного и объективного ответа от спекулянтов не добьетесь. Потому как не хотят они признавать, что, к глубокому сожалению, в армии, тем более воюющей армии без происшествий, в том числе и с тяжелыми последствиями, не бывает. К глубокому прискорбию, нередки были случаи неисполнения приказов, в том числе и о наступлении, вклю-

чая и несвоевременного наступления. Особенно этим отличались генералы и старшие офицеры, командовавшие крупными подразделениями. В результате нарушалось взаимодействие флангами, неоправданно гибли люди. Кстати, происходило это на уровне даже маршалов. Однажды Сталин вынужден был дать сильный нагоняй тому же Жукову за подобные «хитрости» при выполнении боевых задач.

Еще более частыми были случаи мародерства, грабежей, спекуляции продовольствием, пьянства, изнасилований. К сожалению, имели место и случаи трусости в бою, самовольного оставления поля боя, дезертирства, неподчинения старшим, несоблюдения уставов, самострелов. Нередки были и случаи неправомерного использования боеприпасов — к примеру, очень часто взрывчатые вещества использовались для... ловли рыбы, что, как правило, кончалось гибелью или ранением военнослужащих, а также аналогичного использования мобильной боевой техники. Бывало, что на танках гоняли за самогоном в ближайшие деревни, а то и вовсе на самолетах гоняли за спиртным. Чего только не было в действующей армии. Полный перечень подобных «художеств» займет не одну страницу плотного текста.

Подобными случаями армейская жизнь переполнена и в мирное время — ведь и дня-то не проходит, чтобы не сообщили об очередном ЧП в войсках. А что уж говорить о действующей армии. В мирное время за такие «художества» кого на «губу» (гауптвахту) посадили бы, кого-то и под суд отдали бы с отбыванием назначенного срока заключения в тюрьме. Однако в воюющей армии это не реально. Потому как а кто воевать-то будет. Естественно, что за большую часть подобных «художеств» наказывали прямо на месте и предоставляли возможность искупить свою вину кровью в штрафных частях. По крайней мере, это было куда честней по отношению к дисциплинированным бойцам и командирам действующей армии. Потому как нарушителям воинской дисциплины не давали возможности отсиживаться в тылу, хотя бы и в тюрьме или лагере.

Что же касается так называемой жестокости приказа № **227** («Ни **шагу** назад!»), то, уж поверьте прочитавшему не одну тысячу книг воспоминаний ветеранов войны и выслушавшему не одну тысячу рассказов тех же ветеранов, — **ни один, особо подчеркиваю, ни один из ветеранов не сказал ни одного худого слова в адрес этого приказа.** Напротив, все без исключения с особой теплотой вспоминают, с какой радостью и облегчением они встретили этот суровый приказ. У всех тогда было единое мнение: «Наконец-то!» Потому что уже устали драпать, хотелось победы, уверенности в своих силах, в своих соратниках по оружию, в своих соседях справа и слева.

И вот еще что. В ходе заблаговременно и тщательно подготовленной лично Сталиным Сталинградской битвы среднесуточные безвозвратные потери составили **6392** человек, в то время как, например, в битве под Москвой— **10910** человек. Сталинградская битва проходила уже после приказа № **227.**

Миф № 43. Сталин не щадил людей на войне.

Начало этому мифу положили еще Хрущев на XX съезде КПСС, а также высшие военачальники военной поры. Им-то надо было на кого-то списать те громадные жертвы, которые народ, прежде всего из-за генеральской дури, вынужденно принес на алтарь Великой Победы. Является одним из наиболее востребованных мифов в антисталиниане. Но что же было в действительности?

В реальности же все наоборот. Сталин чрезвычайно трепетно относился к сохранению жизней солдат и офицеров.

На проходившем **14—17 апреля 1940** г. в ЦК ВКП(б) совещании начсостава РККА по обобщению опыта боевых действий в войне против Финляндии Сталин выступил **17 апреля** (на седьмом, вечернем, заседании) с большой аналитической речью по этому вопросу.

В ней непрерывно звучали откровенно сформулированные настойчивые призывы Сталина к командному составу РККА овладеть, наконец, искусством со-

временной на тот момент войны. То есть одинаково хорошо научиться обороняться и наступать, но с особым нажимом на первое, о чем он начал говорить еще с 1938 года. Сталин потребовал прекратить беспардонное идолопоклонничество опыту Гражданской войны, едва ли не повсеместно царившее в умах комсостава, прекратить бессмысленное шапкозакидательство, особенно болтовню о том, что-де РККА непобедима, но сделать все необходимое, чтобы она действительно стала такой. Это столь часто звучало в той его речи, что даже сейчас, спустя 65 лет, остро чувствуется, как же подобная демагогия раздражала Сталина[1].

Говоря об искусстве современной на тот момент войны, Сталин особый упор сделал на слаженное использование артиллерии, танков, авиации, на применение автоматического оружия пехотой и т.д. **Более того, подверг резкой критике склонность ряда командиров водить полки в атаку на ура, без соответствующей тщательной, предварительной подготовки** атак.

Для привыкших считать несусветную ложь антисталинской пропаганды истиной в последней инстанции шоковым откровением прозвучит тот факт, что Сталин еще тогда и к тому же отнюдь не впервые вновь жестко потребовал от комсостава РККА особенно жалеть и беречь людей! И это также столь часто звучало в той его речи, причем по столь разным поводам, что даже и сейчас, по прошествии без малого семи десятилетий, остро чувствуется личная, прямо из сердца идущая боль Сталина за неоправданные потери личного состава. Подчеркиваю, что жесткие требования особенно беречь и жалеть людей — из-за их частых повторений в его речи — явились, по сути дела, одним из наиглавнейших ее лейтмотивов. **В сущности, их и было всего два — овладеть, наконец, искусством современной войны и особенно жалеть и беречь людей!** Вот некоторые характерные выдержки из той его речи:

[1] Кстати сказать, и ровно за год до этого — 17 апреля 1939 г. — Сталин говорил военным то же самое, ибо уже тогда отчетливо видел ускоренно надвигавшуюся угрозу войны.

«У нас, товарищи, хвастались, что наша армия непобедима, что мы всех можем шапками закидать, нет никаких нехваток. В практике такой армии нет и не будет. Это помешало нашей армии сразу понять свои недостатки и перестроиться...

...С этим хвастовством надо раз и навсегда покончить. Надо вдолбить нашим людям правила о том, что непобедимой армии не бывает... Надо учиться не только как наступать, но и отступать.

...Что помешало нашему командному составу с ходу вести войну в Финляндии по-новому, не по типу Гражданской войны, а по-новому? Помешали, по-моему, культ традиции и опыта Гражданской войны... Именно культ традиции и опыта гражданской войны, с которым надо покончить, он и помешал нашему командному составу сразу перестроиться на новый лад, на рельсы современной войны.

...А что такое современная война? Интересный вопрос, чего она требует? Она требует массовой артиллерии. В современной войне артиллерия это бог... Кто хочет перестроиться на новый современный лад, он должен понять, артиллерия решает судьбу войны, массовая артиллерия. И поэтому разговоры, что нужно стрелять по цели, а не по площадям, жалеть снаряды — это несусветная глупость, которая может загубить все дело. Если нужно в день дать 400—500 снарядов, чтобы разбить тыл противника, передовой край противника разбить, чтобы он не был спокоен, чтобы он не мог спать, нужно не жалеть снарядов и патронов.

Второе — авиация, массовая авиация... И тот, кто хочет вести войну по-современному и победить в современной войне, тот не может говорить, что нужно экономить бомбы. Чепуха, товарищи, побольше бомб нужно давать противнику, чтобы оглушить его, перевернуть верх дном его города, тогда добьемся победы. Больше снарядов, больше патронов давать, **меньше людей будет потеряно.** Будете жалеть патроны и снаряды — **будет больше потерь.** Надо выбирать. Давать больше снарядов и патронов, **жалеть свою армию, сохранять силы, давать минимум убитых,** или жалеть бомбы, снаряды.

Дальше танки, третье, тоже решающее, нужны массовые танки, не сотни, а тысячи. Танки, защищенные броней, — это все. Если танки будут толстокожими, они будут чудеса творить при нашей артиллерии, при нашей пехоте. Нужно давать больше снарядов и патронов по противнику, жалеть своих людей, сохранять силы армии.

Минометы, четвертое, нет современной войны без минометов, массовых минометов. Все корпуса, все роты, батальоны, полки должны иметь минометы 6-дюймовые обязательно, 8-дюймовые. Это страшно нужно для современной войны. Это очень эффективные минометы и очень дешевая артиллерия. Замечательная штука миномет. Не жалеть мин! Жалеть своих людей. Если жалеть бомбы и снаряды — не жалеть людей, меньше людей будет. Если хотите, чтобы у нас война была с малой кровью, не жалейте мин».

Как видите, Сталин еще до войны требовал жалеть людей, беречь людей, беречь силы армии, но не жалеть бомб, снарядов, мин и патронов, чтобы сберечь людей. Однако генералитет, за редчайшими исключениями, так и не захотел услышать этих требований, а что уж говорить об их исполнении. Уже в ходе войны Сталин вынужден был исправлять это положение как Верховный Главнокомандующий. В исторической литературе 1942 год называют иногда «годом учебы», или «учебным годом». Да, это так. Среди сугубо военных особо выделялись задачи по осмыслению жестоких уроков первого периода войны, выработке рекомендаций по эффективному ведению боев и переобучению армии. Красная Армия овладевала «наукой побеждать». Об этом, в частности, свидетельствуют директивы и приказы Верховного Главнокомандующего и наркома обороны Сталина. Например, «О сущности артиллерийского наступления» (10.01.42) «Об организации взаимодействия между штабами Сухопутных войск и флота» (20.04.42), «Об улучшении радиосвязи» **(18.05.42), «О** совершенствовании тактики наступательного боя и боевых порядках» **(08.10.42), «О** боевом применении бронетанковых и механизированных войск» **(16.10.42)** и многие другие. Осо-

бое внимание хотелось бы обратить на директиву **«О сущности артиллерийского наступления». В этом документе Сталин прямо назвал преступлением использование пехоты для атак без предварительного, тщательного** и **длительного артиллерийского наступления. Сталин постоянно требовал от генералитета щадить людей! Сколько же раз за войну он требовал это — со счету собьешься!**

Очень характерна в этом плане телеграмма Верховного Главнокомандующего Сталина, направленная в 21 ч. 50 мин. 27 мая 1942 г. в адрес командования и военного совета Юго-Западного фронта: **«За последние 4 дня Ставка получает от вас все новые и новые заявки по вооружению, по подаче новых дивизий и танковых соединений из резервов Ставки. Имейте в виду, что у Ставки нет готовых к бою новых дивизий, что эти дивизии сырые, необученные и бросать их теперь на фронт — значит доставлять врагу легкую добычу. Имейте в виду, что наши ресурсы по вооружению ограничены, и учтите, что кроме вашего фронта есть еще у нас и другие фронты.**

Не пора ли вам научиться воевать малой кровью, как это делают немцы? Воевать надо не числом, а умением. Если вы не научитесь получше управлять войсками, вам не хватит всего вооружения, производимого в стране. Учтите все это, если вы хотите когда-либо научиться побеждать врага, а не доставлять ему легкую победу. В противном случае вооружение, получаемое вами от Ставки, будет переходить в руки врага, как это происходит теперь».

Начиная **с 1943** года Сталин постоянно требовал от генералитета поменьше увлекаться операциями на окружение и перенести центр тяжести борьбы **с** врагом на операции по скорейшему изгнанию оккупантов с родной земли. Дело в том, что операции на окружение — одни из наиболее кровавых, тем более что гитлеровцы очень искусно дрались в обороне. Сталин же все время призывал генералитет беречь людей. По сути дела, начиная с 1943 г., он призывал генералитет переориентироваться на стратегию фронтального вытеснения нацистской сволочи и ее союзников из страны.

И таких фактов уйма. В одной книге все не перечислить. Но, очевидно, и этого достаточно, чтобы понять простую вещь — **именно Сталин как Верховный Главнокомандующий все время требовал беречь людей, жалеть людей, беречь их для мирного труда!**

Но разве в железобетонные лбы нашего генералитета что-нибудь вдолбишь!?

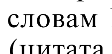
Миф № 44. Во время войны Сталин вел сепаратные переговоры с фашистской Германией о мире и борьбе с мировым еврейством.

Этот миф появился в конце XX века. Увы, к его распространению приложил руку уважаемый в России человек, фронтовик, Герой Советского Союза, в прошлом военный разведчик, ныне известный и авторитетный писатель В.В. Карпов. Он использовал этот миф в сочетании с другим, не менее чудовищным мифом, который изложил на страницах второго тома своей книги **«Генералиссимус» (М., 2002).**

Их суть в следующем. Якобы по указанию Сталина советские разведчики 20 февраля 1942 г. провели в г. Мценске тайную встречу с представителями германской разведки и германского командования. Будто бы во время этой встречи обсуждались вопросы установления сепаратного перемирия, а затем и заключения сепаратного мира между СССР и гитлеровской Германией, и даже совместной борьбы с мировым еврейством в лице США и Англии. Мнимая встреча якобы произошла благодаря наличию некоего тайного соглашения с гестапо от 11 ноября 1938 года.

Для аргументации В.В. Карпов счел возможным опереться на еще более чудовищную в своей мистификации ложь о некоем соглашении между НКВД и гестапо от 11 ноября 1938 г., разоблачение которой было дано при анализе мифа № 5.

Придется вновь провести детальный анализ. По словам Карпова, дело обстояло следующим образом (цитата из его книги «Генералиссимус»):

«В контрнаступлении под Москвой боевой дух Советской Армии был на подъеме: после долгих неудач погнали, наконец, гитлеровцев назад. Сталин имел все основания опираться на этот фактор. Это, как говорится, то, что на поверхности, видимое всем, кто присутствовал на совещании Ставки, и понятное Генштабу, который оформлял решение Сталина на общее наступление. Но, как выяснилось совсем недавно (я эти документы увидел, только уже работая над этой книгой — в 1999 году), у Сталина были еще свои, никому не известные, далеко ведущие стратегические расчеты. Сталину казалось, что общее наступление советских войск деморализует германское руководство, которое увидит свои отступающие по всему фронту войска и пойдет на мирные предложения, которые выдвинет он, Сталин. Верховный главнокомандующий не посоветовался по этому поводу со своими полководцами и даже с членами Политбюро, потому никто из них не упоминает об этой попытке ни в устных воспоминаниях, ни в опубликованных мемуарах.

Сложилась ситуация, похожая на ту, что наблюдалась во время заключения Брестского мира 1918 года, когда Ленин подписал кабальный договор ради спасения молодого Советского государства. Сталин видел — немцы уже под Москвой, потери Красной Армии огромны, резервов нет, формирование новых частей возможно только из новых призывников, но нет для них вооружения: оборонные заводы частично остались на оккупированных территориях, а большинство пребывает в стадии эвакуации; танки, самолеты, орудия, стрелковое вооружение выпускается в незначительном количестве предприятиями, которые раньше находились в глубине страны, а их очень немного. Для восстановления и организации производства эвакуированных заводов на новых местах в Сибири и Средней Азии необходимо время. Передышка нужна была во что бы то ни стало. Сталин приказал разведке найти выходы на гитлеровское командование и от его, Сталина, имени внести предложение о перемирии и даже больше (далеко идущие планы) — о коренном повороте в войне. Для осуществления этих тайных переговоров были реальные возможности: еще в 1938 г. заключено соглашение о сотрудничестве между НКВД и гестапо. Существует подлинный документ, подтверждающий это.

Разведчики связались с немецкими "коллегами", встреча состоялась в Мценске 20 февраля 1942 г. Мценск в то время на-

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ГЕРМАНСКОМУ КОМАНДОВАНИЮ

1). С 5 мая 1942 года начиная с 6 часов по всей линии фронта прекратить военные действия. Объявить перемирие до 1 августа 1942 года до 18 часов.

2). Начиная с 1 августа 1942 года и до 22 декабря 1942 года германские войска должны отойти на рубежи, обозначенные на схеме № 1. Предлагается установить границу между Германией и СССР по протяженности, обозначенной на схеме № 1.

3). После передислокации армий вооруженные силы СССР к концу 1943 г. готовы будут начать военные действия с германскими вооруженными силами против Англии и США.

4). СССР готов будет рассмотреть условия об объявлении мира между нашими странами и обвинить в разжигании войны международное еврейство в лице Англии и США, в течение последующих 1943—1944 годов вести совместные боевые наступательные действия в целях переустройства мирового пространства (схема № 2).

Примечание: В случае отказа выполнить вышеизложенные требования в п.п. 1 и 2, германские войска будут разгромлены, а германское государство прекратит свое существование на политической карте как таковое.

Предупредить германское командование об ответственности.

Верховный Главнокомандующий Союза ССР

И. Сталин И. СТАЛИН

Москва; Кремль 19 февраля 1942 г.

ходился на оккупированной гитлеровцами территории. Видимо, идея об этих переговорах возникла у Сталина в самом начале контрнаступления, и поиски контактов наши разведчики начали немедленно. Как это происходило, мне неизвестно. Сталин лично написал «Предложения германскому командованию». Они отпечатаны в двух экземплярах, один остался у Сталина, другой предназначался тому, кто будет вести переговоры. Этот документ, по-видимому, не предполагалось вручать немцам, он представляет собой конспект, перечень вопросов, которым должен был руководствоваться советский представитель.

То, что «Предложения» составлены Сталиным, подтверждает его подпись, а на то, что это только конспект, указывают короткие «сталинские» фразы, напечатанные не на государственном или партийном бланке, а на простом листе бумаги без указания непременных в официальных обращениях сведений об исполнителе и расчете рассылки копий. Обратите внимание на дату — идет общее наступление советских войск. Сталин говорит с гитлеровским командованием с позиции силы, даже угрожает уничтожением в случае несогласия! Но

ПЕРВЫЙ ЗАМЕСТИТЕЛЬ
НАРОДНОГО КОМИССАРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР

№ 1/2428 27 февраля 1942 г.

Товарищу СТАЛИНУ

РАПОРТ

В ходе переговоров в Мценске 20—27 февраля 1942 года с представителем германского командования и начальником персонального штаба рейхсфюрера СС группенфюрером СС Вольфом, германское командование не сочло возможным удовлетворить наши требования.

Нашей стороне было предложено оставить границы до конца 1942 года по линии фронта как есть, прекратив боевые действия.

Правительство СССР должно незамедлительно покончить с еврейством. Для этого полагалось бы первоначально отселить всех евреев в район дальнего севера, изолировать, а затем полностью уничтожить. При этом власти будут осуществлять охрану внешнего периметра и жесткий комендантский режим на территории группы лагерей. Вопросами уничтожения (умерщвления) и утилизации трупов еврейского населения будут заниматься сами евреи.

Германское командование не исключает, что мы можем создать единый фронт против Англии и США.

После консультаций с Берлином Вольф заявил, что при переустройстве мира, если руководство СССР примет требования германской стороны, возможно, Германия потеснит свои границы на востоке в пользу СССР.

Германское командование в знак таких перемен готово будет поменить цвет свастики на государственном знамени с черного на красный.

При обсуждении позиций по схеме № 2 возникли следующие расхождения:

1). Латинская Америка. Должна принадлежать Германии.

2). Сложное отношение к пониманию «китайской цивилизации». По мнению германского командования, Китай должен стать оккупированной территорией и протекторатом Японской империи.

3). Арабский мир должен быть германским протекторатом на севере Африки.

Таким образом, в результате переговоров следует отметить полное расхождение взглядов и позиций. Представитель германского командования Вольф категорически отрицает возможность разгрома германских вооруженных сил и поражения в войне. По его мнению, война с Россией затянется еще на несколько лет и окончится полной победой Германии. Основной расчет делается на то, что, по их мнению, Россия, утратив силы и ресурсы в войне, вынуждена будет вернуться к переговорам о перемирии, но на более жестких условиях, спустя 2—3 года.

Первый заместитель народного комиссара
Внутренних дел СССР (МЕРКУЛОВ)

он переоценил возможность извлечь стратегические дивиденды из сложившейся, как ему показалось, благоприятной военной и политической ситуации. Немцы не были в состоянии растерянности. Их представитель группенфюрер СС Вольф вел себя не как бедный родственник в трудном положении (так представлялось Сталину из-за нашего общего наступления), а уверенно, и даже со свойственным немцам высокомерием. Переговоры продолжались в течение недели. В итоге первый заместитель народного комиссара внутренних дел СССР представил Сталину следующий рапорт.

Как оценить этот демарш Сталина? Можно, конечно, поупражняться по поводу беспринципности интернационалиста Сталина, согласного на сговор с фашистами против союзников. Он сам считал и называл эти предложения «неэтичными» по отношению к союзникам, как и то, что он позднее предпринял перед Перл-Харбором. Но очевидно и то, что он готов был взять на себя любой большой грех ради спасения страны и народов, ее населяющих. Сталин знал о намерении Гитлера расчленить Советскую страну, превратить ее в колонию и истребить «аборигенов», «унтерменшей» для освобождения земель и раздачи их поселенцам-победителям.

Сталин не предал «своих» евреев, не пошел на их истребление, как это сделали у себя фашисты, хотя взамен гитлеровцы предлагали очень выгодное «создание единого фронта против Англии и США ». Цена, которую требовали за это гитлеровцы — «поголовное истребление евреев », — для Сталина была неприемлемой. (Вот и задумайтесь, господа, — те, кто по сей день считает его антисемитом.)

Мне кажется, уступки и сама идея Сталина о развороте боевых действий на 180 градусов для ведения совместных боевых действий против Англии и США являются нечем иным, как тактическим ходом с целью выиграть время. Обещания провести перегруппировку армий и "после заключения мира между нашими странами" начать совместные боевые действия в 1943—**1944** гг. это, как говорит русская пословица, «Улита едет, когда-то будет». Главное, спасти страну сейчас от нашествия. За два года много воды утечет, можно будет и с союзниками объясниться, и боевых действий против них не начать. Главное сейчас — отдышаться и подготовить Вооруженные силы и промышленность к более успешному отражению гит-

леровской агрессии, если немцы отважатся ее продолжать. В общем, хитрил Сталин, и ложь эта была во спасение. В политике подобные маневры обычное дело...

В этой ситуации Сталин явно блефовал. Но блеф в политике — это не то же, что блеф в карточной игре или в каком-либо криминальном деле. Блеф в политике — это редкое искусство. Одно из главных его свойств — сочетание демонстративной открытости с полной непонятностью истинных (скрытых) намерений. На поверхности действия вроде бы обычные, но не понятные сопернику. А внутри — предельная личная решительность, игра «на лезвии ножа», с готовностью, в случае неудачи, отступить. Блефуя, политик подходит на предельно близкое расстояние к невозможному, оставаясь между тем в зоне еще возможного. Блеф основан на непредсказуемости поведения, на неожиданности, скоротечности, чем ставит в тупик противника, это и использует в свою пользу блефующий. В какой-то степени, если даже эта попытка не оправдывает, то объясняет настойчивое требование Сталина продолжать наступление. В период переговоров ему во что бы то ни стало нужны были активные действия наших войск. А мы воспримем это как еще один пример его стратегического мышления. Хотя и неудачный, но, как говорится, с добрыми намерениями — ради спасения Отечества».

Попытавшийся детально разобраться в этой фальшивке автор книги «Провокации против России» генерал Н.Ф. Червов обратил внимание на следующее: «Сепаратные переговоры описывает на свой манер известный писатель В.В. Карпов в книге **"Генералиссимус".** Вот что он пишет на этот счет: "Сталин приказал разведке найти выходы на гитлеровское командование и от его, Сталина, имени внести предложение о перемирии и даже больше (далеко идущие планы) — о коренном повороте в войне... Разведчики связались с немецкими "коллегами": встреча состоялась в Мценске 20 февраля 1942 г. Мценск в то время находился на оккупированной гитлеровцами территории". Предложения германскому командованию, оформленные якобы документом, сводились к следующему:

1) С 5 мая 1942 г. начиная с 6 часов по всей линии фронта прекратить военные действия. Объявить перемирие до 1 августа 1942 г. до 18 часов...

2) После передислокации армий Вооруженные силы СССР к концу 1943 г. готовы будут начать боевые действия с германскими Вооруженными силами против Англии и США.

3) СССР готов будет рассмотреть условия об объявлении мира между нашими странами и обвинить в разжигании войны международное еврейство в лице Англии и США, в течение последующих 1943—1944 гг. вести совместные боевые наступательные действия в целях переустройства мирового пространства...

В. Карпов утверждает, что под "документом" имеется автограф (подпись) Сталина, хотя это всего лишь черновик, "напечатанный не на государственном или партийном бланке, а на простом листе бумаги".

Как пишет В. Карпов, по докладу первого заместителя НКВД СССР Меркулова переговоры состоялись с 20 по 27 февраля 1942 г. в г. Мценске с представителем германского командования, начальником персонального штаба рейхсфюрера СС с группенфюрером СС К. Вольфом. «Германское командование, — заявил Вольф, — не исключает, что мы можем создать единый фронт против Англии и США... При переустройстве мира, если руководство СССР примет требования германской стороны, возможно, Германия потеснит свои границы на Востоке в пользу СССР ».

Что можно сказать об изложенном выше опусе о сепаратизме? Только одно — это безграмотная фальшивка. В ней даже неверно указана должность Сталина (правильно: Верховный Главнокомандующий Вооруженными силами СССР); г. Мценск был не пригоден для переговоров такого масштаба, так как к этому времени он находился на переднем крае и на его окраине велись бои; что касается содержания предложений, то они, безусловно, относятся к разряду особо важных и оформлять их документально для целей переговоров в тех конкретных условиях было бы нежелательно. Поэтому невозможно себе представить, чтобы Сталин поставил свой автограф и дату под непроверенным документом.

Но главная липа опуса кроется во времени проведения сепаратных переговоров. Что происходило тогда? Завершалась великая битва под Москвой. Немцы отступали, неся огромные потери. Стратегическая инициатива была на стороне Советского Союза. Блицкриг провалился. «Гитлеру стало ясно, начиная

с того момента как зимой 1941—1942 г. разразилась катастрофа, ни о какой победе не может быть и речи». (Показания от 15.05.45 генерал-полковника Альфреда Йодля на Нюрнбергском процессе.) Весь мир приветствовал победу Красной Армии под Москвой, порабощенные народы Европы увидели луч надежды. Возросло движение Сопротивления фашизму. Под давлением Советского правительства и прогрессивной общественности мира правительства Англии и США оказались вынужденными дать обязательство открыть второй фронт в 1942 г. (однако вскоре отказались от него). Завершалось юридическое оформление боевого союза СССР, США и Англии, при этом Сталин и Черчилль еще летом 1941 г. договорились о том, чтобы не идти на сепаратные переговоры с Германией. По инициативе Сталина в соглашении от 12 июля было записано, что «в продолжение этой войны они не будут ни вести переговоров, ни заключать перемирия или мирного договора, кроме как с обоюдного согласия».

Налицо был важнейший исторический факт того времени — наметился коренной перелом не только в ходе Великой Отечественной, но и всей Второй мировой войны. Высоко поднялся международный авторитет СССР и Красной Армии. А что было на противоположной стороне? Германия «зализывала» свои раны от поражения. Зимой 1941/42 г. на полях Подмосковья, под Тихвином, Ростовом, в Донбассе и в Крыму немцы потеряли около 50 дивизий, более 830 тыс. убитыми. В Германии была объявлена тотальная мобилизация. На советско-германский фронт были направлены 800 тыс. маршевого пополнения, а с Запада переброшены 39 дивизий и 6 бригад.

В Москве внимательно следили за происходящей в германской армии кадровой чехардой: в декабре 1941 г. Гитлер снял с должности главнокомандующего Сухопутными силами фельдмаршала фон Браухича и сам занял его место; командующий группой армий «Центр» фельдмаршал фон Бок ушел в отставку; в течение декабря — февраля сменились четыре командующих 4-й армией (фельдмаршал фон Клюге, генерал Кюблер, генерал Штумме, генерал Хейнрици). Чистка и перестановка высших офицеров ослабляла боеспособность немецкой армии, вносила нервозность в управление войсками.

В Москву поступала информация о пораженческих настроениях в Берлине и среди генералитета вермахта. 29 ноября 1941 г.

министр по делам вооружения и боеприпасов Германии Фриц фон Тодт обратился к Гитлеру с призывом: «Мой фюрер, войну необходимо немедленно прекратить, поскольку она в военном и экономическом отношении нами уже проиграна». Фельдмаршал фон Рундштедт (командующий группой армий «Юг») предложил Гитлеру отступить на границу с Польшей и закончить войну с Советами политическим путем. Командующий 3-й танковой группой (с 8 октября 1941 г. — 17-й армией) генерал-полковник Герман Гот высказывал мнение о том, что «нападение на Россию было политической ошибкой и что поэтому все военные усилия с самого начала были обречены на провал». Аналогичного мнения придерживались другие генералы вермахта.

Думаю, не требуется большого ума, чтобы понять нелепость заявления о том, что в условиях победоносного завершения Московской битвы Сталин будто бы, вопреки взятым на себя договорным обязательствам не идти на сепаратные переговоры и сделки с Гитлером, стал искать примирения с Германией с целью совместного ведения войны против США и Англии. Неуклюжесть такого утверждения очевидна, какие бы доводы на этот счет ни приводились (ради спасения Отечества, выиграть время, отдышаться и подготовиться, ввести в заблуждение, политический блеф и т.д.). Все эти аргументы притянуты за уши к той реальной обстановке. Они не выдерживают критики по указанным выше причинам, а также еще и потому, что в то время военная угроза на Московском направлении была минимальной. И это Сталину было хорошо известно по докладам военной разведки.

3 марта 1942 г. разведчик Главного разведывательного управления Генерального штаба (агент «Гано») сообщил в Москву, что Германия планирует весной 1942 г. начать наступление в направлении на Кавказ. Для этих целей Берлин достиг договоренностей о направлении на Восточный фронт 16 новых румынских, 22 итальянских, 10 болгарских, 2 словацких дивизий полного состава. 12 марта агент ГРУ ГШ Шандор Радо шифрорадиограммой в Москву передал: «Основные силы немцев будут направлены против южного крыла Восточного фронта с задачей достигнуть рубежа р. Волги — Кавказа, чтобы отрезать армию и население Центральной части России от нефтяных и хлебных ресурсов».

Эти разведывательные факты от надежных и проверенных агентов советской военной разведки немедленно докла-

дывались Сталину. Сообщалось, что с 1 января по 10 марта 1942 г. в планируемый район наступления немцы перебросили 35 дивизий. Всего для наступления Гитлер выставит вместе с союзниками 65 дивизий. Главный удар следует ожидать в направлении Ростов — Сталинград.

Таким образом, военные усилия сторон сосредоточивались на южном крыле советско-германского фронта, на Московском направлении ожидалось относительное затишье. Все это, очевидно, писателю В. Карпову известно. Тогда позволительно спросить: какие же военные причины вынуждали Сталина идти, как написано в «Генералиссимусе», на сепаратные переговоры с Гитлером? Таких причин не было. Другое дело, что в то время могли появиться всякого рода «дезы» о сепаратизме. Например, со стороны Гитлера, который тогда находился как «волк на псарне» и был бы не прочь втянуть Сталина в «игру в кости», чтобы «отдышаться», и если удастся, то сразу убить двух зайцев: посеять рознь между союзниками по антифашистской коалиции, а также исправить ход войны, выиграть время и спасти вермахт от разгрома. «Деза» фюрера с такой целью в тот период была бы кстати.

Что касается Сталина, то он играл тогда победную партию в шахматы. Если бы союзники вняли его просьбе и согласились с ним об открытии второго фронта на Западе, то война могла бы закончиться намного раньше. В этой шахматной партии у советского лидера не было запрограммировано ни компромисса, ни тем более сепаратной сделки с Германией. «Деза» с его стороны на западную тему, видимо, тоже не исключалась, чтобы с помощью ее повлиять на Рузвельта и Черчилля в выполнении их союзнического долга и одновременно сбить с толку Гитлера.

В чем причина того, что В. Карпов пропагандирует мифологию? Причина, видимо, в том, что уважаемый мною автор оказался в плену обнаруженной фальшивки, принял ее за истину и поведал как сенсацию. Трудно сказать, какие у него были замыслы при этом. Очевидно, он хотел как лучше».

Правда, получилось как всегда! Генерал Червов абсолютно прав. Однако этим вопрос о фальшивке не исчерпывается. Необходимо иметь в виду еще и следующее. Прежде всего, общеполитическую ситуацию в отношениях между главами трех основных государств — участников антигитлеровской коалиции, т.е. между Ста-

линым, Рузвельтом и Черчиллем, особенно между двумя первыми. Именно в этот период, то есть в феврале 1942 г. (как до 19 февраля, так и чуть позже), ситуация была следующей (свидетельствуют подлинные документы личной переписки между Сталиным и Рузвельтом).

Получено 11 февраля 1942 года.

СЕКРЕТНОЕ И ЛИЧНОЕ ПОСЛАНИЕ ПРЕЗИДЕНТА РУЗВЕЛЬТА г-ну СТАЛИНУ

В январе и феврале нами было или будет отгружено 449 легких танков, 408 средних танков, 244 истребителя, 24 Б-25 и 233 А-20. Я сознаю всю важность доставки Вам нашего вооружения в возможно более короткий срок, и все усилия прилагаются к тому, чтобы отправить эти грузы. Имеющиеся здесь сообщения указывают на то, что Вы успешно отгоняете нацистов. Несмотря на трудности, испытываемые нами в настоящее время на Дальнем Востоке, я надеюсь, что мы в ближайшем будущем настолько укрепимся в этом районе, что сумеем остановить японцев. Но мы подготовлены к некоторым дальнейшим неудачам.

Получено 13 февраля 1942 года.

Ф. РУЗВЕЛЬТ И.В. СТАЛИНУ

Я очень доволен тем, что Ваше Правительство дало свое согласие принять моего старого и верного друга адмирала Стэндли в качестве Посла Соединенных Штатов. В течение многих лет мы были близкими коллегами, и он пользуется моим полным доверием. Я рекомендую его Вам не только как честного и энергичного человека, но также и как человека, который высоко ценит достижения Советского Союза и восхищается ими. Он, как Вы помните, посетил Советский Союз в прошлом году вместе с г-ном Гарриманом. Со времени возвращения из Москвы адмирал Стэндли уже многое сделал для того, чтобы в Соединенных Штатах лучше понимали положение в Советском Союзе. Я уверен, что с его богатым опытом и знанием тех проблем, которые стоят перед нашими странами, и при Вашем сотрудничестве его усилия еще больше сблизить наши страны увенчаются успехом.

Мое внимание только что было обращено на тот факт, что Советское Правительство разместило у нас заказы на товары

и вооружение на сумму, превышающую миллиард долларов, который был предоставлен в распоряжение Советского Правительства прошлой осенью согласно закону о передаче вооружения взаймы или в аренду и на основании обмена письмами между нами. В связи с этим я предлагаю, чтобы по этому же закону второй миллиард долларов был предоставлен в распоряжение Вашего Правительства на тех же самых условиях, на которых был предоставлен и первый миллиард. Если у Вас будут какие-либо другие предложения в отношении условий, на которых второй миллиард долларов должен быть Вам предоставлен, Вы можете быть уверены в том, что эти предложения будут тщательно и благожелательно рассмотрены. Может быть, позднее окажется взаимно желательным пересмотреть финансовые соглашения, которые мы заключаем сейчас, с тем чтобы учесть изменившиеся условия.

Отправлено 18 февраля 1942 года.

И.В. СТАЛИН Ф. РУЗВЕЛЬТУ

Получил Ваше послание с сообщением об очередных поставках вооружения из США за январь и февраль месяцы. Должен подтвердить, что именно в настоящий момент, когда народы Советского Союза и его армия напрягают все усилия, чтобы своим упорным наступлением отбросить дальше гитлеровские войска, выполнение американских поставок, в том числе по танкам и самолетам, имеет важное значение для нашего общего дела, для наших дальнейших успехов.

Отправлено 18 февраля 1942 года.

И.В. СТАЛИН Ф. РУЗВЕЛЬТУ

Подтверждая получение Вашего послания от 13 февраля с.г., я, прежде всего, хотел бы отметить, что разделяю Вашу уверенность, что усилия вновь назначенного Посла США в СССР адмирала Стэндли, которого Вы столь лестно и высоко оцениваете, сблизить наши страны еще больше, увенчаются успехом.

Ваше решение, господин Президент, предоставить в распоряжение Правительства СССР второй миллиард долларов, согласно закону о передаче вооружения взаймы или в аренду, на тех же самых условиях, на которых был предоставлен и первый миллиард, Советское Правительство принимает с ис-

кренней благодарностью. В связи с поставленным Вами вопросом я должен сообщить, что в данный момент, чтобы не откладывать решения, Советское Правительство не возбуждает вопроса об изменении условий предоставления Советскому Союзу указанного второго миллиарда долларов и о соответствующем учете крайнего напряжения ресурсов СССР в войне с нашим общим врагом. Вместе с тем я полностью с Вами согласен и выражаю надежду, что позднее нами совместно будет определен подходящий момент, когда окажется обоюдно желательным пересмотреть заключаемые сейчас финансовые соглашения с тем, чтобы особо принять во внимание отмеченные выше обстоятельства.

Пользуясь случаем, я хотел бы обратить Ваше внимание на то, что в данное время соответствующие органы СССР при реализации предоставленного СССР займа встречаются с большими трудностями в транспортировке в порты СССР закупленных в США вооружения и материалов. Мы считали бы в данных условиях наиболее целесообразным порядок транспортировки вооружения из Америки тот, который с положительными результатами применяется для транспортировки предметов вооружения из Англии в Архангельск, но которого до сих пор не удалось осуществить в отношении поставок из США. Этот порядок заключается в том, что британские военные власти, поставляющие вооружение и материалы, сами отбирают пароходы, а также организуют погрузку в порту и конвоирование пароходов до порта назначения. Советское Правительство было бы весьма признательно, если бы этот же порядок доставки вооружения и конвоирования пароходов в порты СССР был принят и Правительством США. С искренним уважением И. СТАЛИН.

ОТ ПРЕЗИДЕНТА И.В. СТАЛИНУ

Сим подтверждается получение Вашего послания от 20 февраля.

Я хочу, чтобы Вы знали, что в соответствующее время мы будем рады пересмотреть с Вами наше соглашение относительно фондов, авансированных нами по закону о передаче вооружения взаймы или в аренду. В настоящий момент самой важной задачей является доставка Вам снабжения. Я распорядился об изучении Вашего предложения о централизации

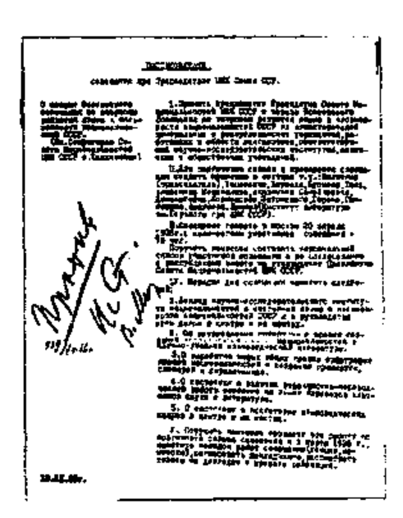
здесь дела поставок вооружения в Россию. Новые вести об успехах Вашей армии нас весьма ободряют. Посылаю Вам свои горячие поздравления в 24-ю годовщину создания Красной Армии. 23 февраля 1942 года.

Совершенно очевидно, что у Сталина не было никакой необходимости обращаться к германскому командованию с какими бы то ни было предложениями, тем более о совместной вооруженной борьбе против США и Великобритании, да еще в целях противоборства мировому еврейству! Тем более в канун 24-й годовщины РККА!

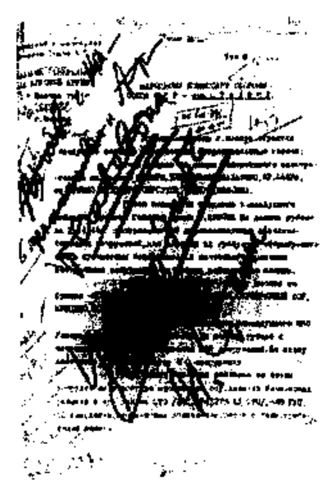
И разве непонятно, что ни при каких обстоятельствах Сталин не подписал бы этот, не столько даже несуразный якобы документ, сколько явно «филькину грамоту»?! Ныне публикуется громадное количество подлинных документов с подлинными подписями и резолюциями Сталина. Сталин всегда ставил на документах резолюции **«Согласен (или Утвердить). И. Сталин» (как вариант подписи «И. Ст.») либо же просто «И. Сталин».** Причем ставил наискосок в левом верхнем углу, слегка захватывая своей подписью резолюцию и первый абзац (а то и два) текста документа! Посмотрим на образцы подлинной подписи И.В. Сталина за разные годы. Образцы подписей под фотографиями И.В. Сталина можно считать классическими. Они взяты из прижизненных изданий краткой биографии И.В. Сталина и первого тома собрания его сочинений. Та, на которой И.В. Сталин изображен относительно молодым, относится явно ко второй половине — концу 20-х гг. прошлого века, а другая — тоже под фотографией — к 1949 г., а остальные к 1934—1935, 1941—1944 гг.

А теперь сравним с тем, что изображено на якобы подписанном Сталиным документе. Конечно, у нас нет права присваивать себе полномочия эксперта-почерковеда, чтобы делать категорически компетентный вывод о несовпадении образцов подписи Сталина на фальшивке и оригинальных, подлинных документах. Но не заметить этого — шансов нет.

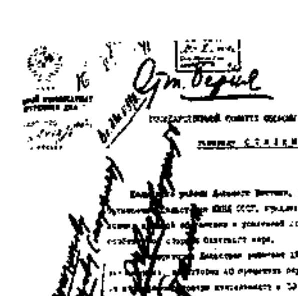
Позволю себе высказать одно предположение — как представляется, оно близко к истине. Если срав-

3

4

5

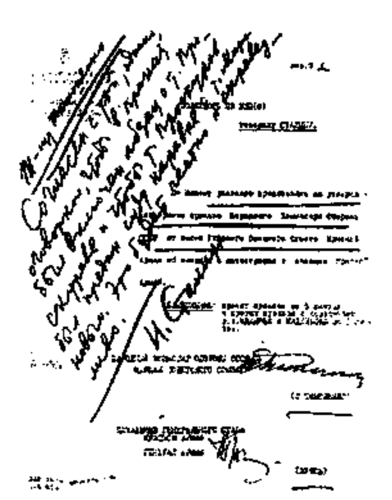

6

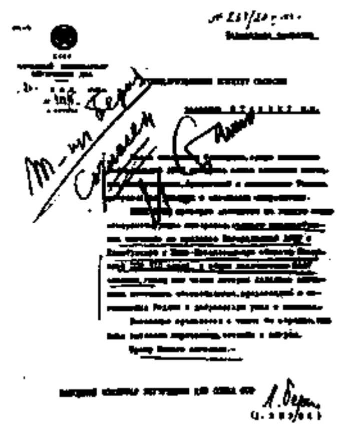
252

7

8

9

10

нивать подпись на фальшивке с предъявленными подлинными образцами подписи Сталина, то нетрудно будет заметить, что наибольшее сходство обнаруживается с образцом 20-х гг. А почему?

Далее. Адресат — **«германскому командованию»** — похож на адрес послания чеховского Ваньки Жукова, т.е. **«на деревню дедушке»! Понимай, что хочешь.** Но при безликом адресате статус **«подписанта»** в «документе» указан полностью, хотя и неточно?!

Между тем вопросы, затронутые в этом якобы «документе», относятся исключительно к компетенции глав государств, являющихся, по условиям военного времени, также и Верховными Главнокомандующими Вооруженными силами своих государств. По состоянию же на 19 февраля 1942 г. у германского командования уже четыре года и 15 дней был Верховный Главнокомандующий — Адольф Гитлер. Зачем обращаться к безликому адресату «германскому командованию», если и так было ясно, что без Гитлера как Верховного Главнокомандующего никто ничего не решит?! Ведь решать высшие вопросы мировой политики на высшем государственном уровне могут только высшие государственные мужи, а, следовательно, **и** адресат в таком случае должен был бы быть таким: **«Рейхсканцлеру и Верховному главнокомандующему Вооруженными силами Германии, фюреру германской нации Адольфу Гитлеру».** Кстати, в таком случае и Сталин должен был бы быть назван как **Председатель Совета народных комиссаров и Верховный Главнокомандующий Вооруженными силами СССР!**

А как прикажете расценивать то, что якобы предлагалось с 5 **мая** объявить перемирие аж до **1 августа,** но отвод войск произвести с **1 августа** до **22 декабря,** то есть в период, когда перемирие закончилось? Предлагать оккупантам без малого три месяца спокойно загорать на солнышке, купаться в русских реках и озерах, грабить оккупированные территории, до последней нитки обирая их население, а не согласных уничтожать? Так, что ли? Ведь гитлеровцы с первых же минут агрес-

сии ясно показали, что пришли уничтожать всех «недочеловеков», то есть славян, евреев, комиссаров и т.п.! И после всего этого дать им возможность тихо и спокойно сложить награбленное и мирно убраться в свой «фатерлянд »? И на все это молча должны были бы взирать советские войска причем в период «исхода » тевтонов в ситуации давно истекшего перемирия? Еще раз приглядитесь к якобы сделанному предложению о якобы перемирии. А приглядевшись, попытайтесь хотя бы самим себе ответить на один вопрос. **Мог ли Сталин выступить в роли круглого идиота,** который, выдвигая идею **о перемирии, предлагает** установить его через **65 дней после предложения о нем?!** Уж что-что, но историю-то, в том числе историю войн, Сталин знал лучше иного профессора Академии Генерального штаба.

А она, история войн, однозначно свидетельствует о следующем. Если у двух воюющих сторон и возникала потребность в объявлении временного перемирия, то никто и никогда даже и не пытался объявить его через 65 дней после выдвижения предложения о нем! Находящиеся в непосредственном боевом соприкосновении войска за эти 65 дней наломают таких «дров», что потом никакая хитромудрая дипломатия не поможет. Если, конечно, останется, кому мудрить-то! История войн однозначно свидетельствует, что предложения о перемирии всегда подразумевали объявление оного на следующие сутки, но, как правило, на третьи сутки с момента выдвижения предложения. Во Второй мировой войне и этого не происходило — ультиматумы с временным перемирием (скорее, прекращением огня) ограничивались максимум сутками!

Или почему мы должны верить в то, что Сталин написал так: **«1). С 5 мая 1942 г. начиная с 6 часов по** всей **линии фронта прекратить военные действия. Объявить перемирие до 1 августа 1942 г. до 18 часов»?** Владевший русским языком получше многих профессоров русской словесности, Сталин написал бы, если оно, конечно, было бы ему нужно, только следующим образом: «1. С 06 ч. 00 **мин.** (по такому-то времени, скорей всего было бы использовано понятие среднеевропейского времени, ибо

не по Гринвичу же его устанавливать) **5** мая **1942** года объявить перемирие на всем протяжении советско-германского фронта вплоть до 18 ч. 00 мин. (по среднеевропейскому времени) 1 августа **1942** года, в связи с чем прекратить всякие боевые действия сторон». Так или примерно так написал бы подлинный Сталин, если это ему было бы нужно. Кстати, точно так же написал бы и любой, кто в ладах с русским языком.

Или с какой стати должно верить, например, содержанию п. 2 якобы сделанного Сталиным «предложения», в котором говорится: «2). Начиная с 1 августа **1942** г. и по **22** декабря **1942** года германские войска должны отойти на рубежи, обозначенные на схеме № 1. Предлагается установить границу между Германией и **СССР** по протяженности, обозначенной на схеме № 1»?! Прежде всего, отметим, что с первых же дней войны Сталин принципиально и последовательно преследовал главную цель — полное и безоговорочное восстановление независимости, суверенитета и территориальной целостности СССР в границах по состоянию на 4.00 22 июня 1941 года. Это настолько полно описано в литературе, что нет нужды все повторять. Тем не менее, хотя и гипотетически, но все же рассмотрим этот случай, правда, только с позиций русского языка и логики политического документа.

Во всем мире границы устанавливаются по линии, а не по протяженности, и, следовательно, ни при каких обстоятельствах Сталин и не додумался бы до использования формулировки «Предлагается (зачем это слово, когда сам якобы документ уже назван «Предложение...») установить границу между Германией и **СССР** по протяженности, обозначенной на схеме № 1». Если бы это и впрямь было нужно Сталину, то этот, с позволения сказать, «пункт предложения» выглядел бы как минихмум так: «2. Установить границу между **СССР** и Германией по линии...» и далее были бы указаны соответствующие, населенные пункты, а также реки, по которым она пройдет. Однако с абсолютной точностью можно утверждать, что в действительности, если, конечно же, в том была бы хоть какая-то нужда, этот

«пункт» имел бы следующий вид: **«2. Установить, что с такого-то числа такого-то месяца 1942 г. граница между СССР и Германией будет проходить по линии...»** и далее были бы указаны соответствующие населенные пункты, а также реки, по которым она пройдет. О привязке к широте и долготе уж и не говорю...

Если же и далее гипотетически рассматривать этот бред фальсификаторов, то в этот «пункт» якобы «предложений» должны были бы войти следующие формулировки: **«После подписания и ратификации соответствующего соглашения об установлении линии границы германские войска должны быть отведены** за **указанную линию советско-германской границы. Отвод германских войск за указанную линию границы осуществить в период с 00 ч. 00 мин.** (по такому-то времени) **1 августа до 00 ч. 00 мин.** (по такому-то времени) **22 декабря 1942 года под наблюдением смешанной советско-германской комиссии». Вот это хотя бы минимально соответствовало бы элементарной логике политического документа.**

Как минимум, если, конечно, оно было бы нужно ему, Сталин изложил бы этот «пункт» именно так. Но ему никогда и в голову-то не пришло бы написать следующую глупость: **«германские войска должны отойти на рубежи, обозначенные на схеме № 1»,** и лишь после этого предлагать установить границу! Глупость потому, что телега тут оказалась впереди лошади. Ибо сначала указывают линию границы, подтверждают ее соответствующим соглашением и его ратификацией и только затем отводят войска, но не на рубежи (ибо это военный термин), **а на** (за) линию границы!

Кстати, содержание «п. 2», якобы имевшего место «предложения», являет собой прямое свидетельство незнания элементарных основ международного права. **Никогда в истории человечества межгосударственные границы не устанавливались (и не устанавливаются) в условиях и тем более на основе только перемирия! Для их установления необходимо заключение Договора о мире или как минимум Соглашения о мире! Только это может быть основой для установления**

межгосударственной границы! Фальсификаторы же, а вместе с ними и Карпов, решили позабавить весь честной народ тем, что якобы от имени Сталина предложили гитлеровцам отойти на какие-то рубежи, не отдавая при этом, даже хотя бы самим себе, отчета в том, что это чисто военная акция, называемая **«развод войск».** Но лиха беда начало. Далее, на основе развода войск они предложили установить межгосударственную границу, но при этом и то, и другое умудрились запланировать к осуществлению в условиях уже истекшего перемирия! Ну, стоило ли столь упорно громоздить столь безмозглую конструкцию? Хоть бы вспомнили, например, советско-германский Договор о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г.! А также, что ему предшествовало и как он был оформлен. Быть может, и фальшивка-то получилась бы весомей.

Как можно было не заметить всего этого? Как можно было докатиться до вывода о том, что-де это «сталинские фразы»? Ведь даже самые злобные антисталинисты и то никогда не смели отказывать Сталину в исключительной грамотности и логичности как письменного, так и устного изложений! Это с какого же бодуна надо было скатиться до вывода, что фантасмагорический бред в виде фразы **«германское государство прекратит свое существование на политической карте как таковое»** принадлежит перу Сталина?! Тому самому Сталину, который всю войну говорил о том, что **«Гитлеры приходят и уходят, а германский народ — остается»,** а, следовательно, коли есть германский народ — всегда будет и германское государство! Да и кто начинает мирные переговоры с таких глобальных угроз? Хотя бы об этом подумали бы фальфикаторы. Уж если оно и было бы нужно Сталину, то в таком случае он угрожал бы уничтожением самого нацистского режима, а не государства. Что, собственно говоря, он и делал всю войну, о чем и свидетельствует его вышеприведенная фраза!

И в заключение темы — еще об одном важном нюансе. В Советском Союзе никто и никогда не написал бы: **«Москва; Кремль 19 февраля 1942** г.». Написали

бы так: «Москва, Кремль, 19 февраля 1942 года»! После слова «Москва» должна была бы стоять запятая, а не точка с запятой, после слова «Кремль» — тоже запятая! Испокон веку в Кремле пишут только так!

Завершая тему, еще раз хочу обратить внимание на следующее. Общемировая практика ведения тайных сепаратных переговоров такова, что ни одна из участвующих в них сторон не использует в их процессе какие-либо письменные предписания глав своих государств. То есть формально-то они могут существовать, но никогда и, во-первых, никто их не берет с собой на переговоры и, во-вторых, тем более не показывает их во время переговоров. Причем не столько даже сам документ, сколько сам факт их существования в природе. Тем более этого не делают разведчики. При любых обстоятельствах все держится в памяти и обсуждается устно! На то, собственно говоря, и есть тайные переговоры.

Вспомните хотя бы блестяще, в том числе и по точности воспроизведения событий, показанные в легендарном фильме «Семнадцать мгновений весны» переговоры между Карлом Вольфом и Алленом Даллесом. Абсолютно никаких бумаг ни с той, ни с другой стороны — все только устно. И советской разведке тогда пришлось изрядно, едва ли не до седьмого пота потрудиться, чтобы представить абсолютно неопровержимые документальные доказательства, разоблачающие сам факт таких переговоров, не говоря уж об их яро антисоветском содержании. Что же до реального существа дела, то исключительно осторожный, блестящий конспиратор с колоссальнейшим опытом подпольной, политической и государственной деятельности, более чем очень сильный, по признанию современных ученых, доктор философии политологии — Иосиф Виссарионович Сталин ни при каких обстоятельствах даже и не стал бы рассматривать такой, с позволения сказать, «документ». Ибо это означало бы смертельно убойный компромат против него, Сталина, как лидера СССР. Причем именно тот компро-

мат, смертельная убойность которого проявилась бы, прежде всего, в самом Кремле и едва ли не в самом прямом смысле! Потому что скрыть подобное от остальной части советского партийно-политического руководства было бы невозможно, но узнай оно об этом, то в ту же секунду Сталин был бы арестован и расстрелян без суда и следствия! Охотников до такого в его окружении хватало, как, впрочем, и за рубежом. Сталин никогда не страдал склонностью ни к политическому, ни к просто суициду!

Чтобы окончательно прояснить принципиальную позицию Сталина в подобных ситуациях, позволю себе привести один весьма «родственный» по смыслу и внешним признакам пример. В ноябре 1940 г. с официальным визитом Германию посетил ближайший соратник Сталина — Вячеслав Михайлович Молотов. Перед отъездом в Берлин между ними произошла конфиденциальная беседа, во время которой Иосиф Виссарионович обозначил тематическое содержание тезисов для зондажных переговоров Молотова с нацистским руководством Германии, особенно с Гитлером. Все произошло устно, то есть даже в условиях мира Сталин и то не позволил себе что-либо письменно передавать Молотову. Вячеслав Михайлович собственноручно, по памяти, в полузашифрованном виде на небольшом листке бумаги тезисно набросал все, что сказал Сталин. Сейчас этот клочок бумаги пытаются выдать за некие, едва ли не на грани инструкций, указания Сталина Молотову по организации сговора с Гитлером! А это были всего лишь тезисы для зондажа намерений Гитлера, о чем и свидетельствует подробно, приведенная реакция Сталина на доложенные Молотовым на Политбюро результаты его визита. Этот пример приведен для того, чтобы показать, что даже в отношениях с таким ближайшим соратником, как Молотов, к тому же в условиях мира, Сталин и то ничего не передавал в письменном виде!

Теперь о так называемом **«рапорте Меркулова» Сталину,** якобы фотокопия которого приведена выше. Это фальшивка. Прежде всего, потому, что затронутые в ней вопросы не входили в компетенцию заместителя наркома внутренних дел СССР В.Н. Меркулова! Это уровень только Сталина — Молотова — Берии!

Например, решение о проведении операции разведки НКВД по воздействию на высшее руководство гитлеровской Германии в целях удержания его от попыток применения химического оружия против советских войск принималось только на уровне Сталин — Молотов — Берия. То есть на уровне трех главных и наиболее полновластных членов Государственного Комитета Обороны. По поручению Сталина Берия лично и устно дал инструкции исполнителю этой операции П. А. Судоплатову, о чем следует говорить с агентом нашей разведки — послом царской Болгарии в Москве Стаменовым. И только лично перед Берией Судоплатов отчитался о проделанной работе, причем, судя по всему, именно устно. Берия же, в свою очередь, также устно доложил об этом Сталину. **Подчеркиваю, что это общее правило для таких операций разведки, тем более когда решаемые вопросы выходят на уровень высшей мировой политики.**

Общее-то оно общее, но прежде всего следует иметь в виду, что на протяжении всей войны Иосиф Виссарионович Сталин никогда и ни при каких обстоятельствах не вступал в какие-либо тайные, в том числе и сепаратные, переговоры с гитлеровцами. Напротив, на протяжении всей войны он безукоризненно честно соблюдал взятые перед союзниками по антигитлеровской коалиции обязательства о категорической недопустимости такого.

Это вам не Уинстон Черчилль, страдавший испокон веку неизлечимой англосаксонской патологией — непрерывно подличать по принципу «один пишем, два кинжала в уме и три змеи за пазухой»! Ибо только У. Черчиллю и ему подобным, как само собой разумеющееся для человека Запада, могло взбрести в голову следующее. Подписать соглашение с СССР, запрещающее даже попытки вступления в тайные сепаратные переговоры с гитлеровцами, и тут же вступить в тайные переговоры с гитлеровцами о разделе территорий и имущества Советского Союза!

Дальнейший анализ столь полюбившейся В.В. Карпову фальшивки приводит к выводу, что ко всему про-

чему в ней полностью нарушена атрибутика секретной переписки разведки со Сталиным в годы войны. С 30 июня 1941 г. и до Великого 9 мая 1945 г. советская разведка, в данном случае НКВД, направляла свои сообщения Сталину при жестком соблюдении следующих атрибутов особо секретной переписки. По состоянию на 1942 г. это выглядело следующим образом. В верхнем правом углу документа ставился гриф секретности — в данном случае **«Сов. секретно»** (изредка встречается **«Соверш. секретно»).** Сразу после грифа секретности указывался номер экземпляра — выглядело это так:

«Сов. секретно.

Экз. №____». Сталину, естественно, направлялся первый экземпляр.

Адресат указывался следующим образом:

«ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ

т. Сталину, т. Молотову, т. Берии» (если документ подписывал не Лаврентий Павлович). В документах той поры, особенно 1941—1942 гг., встречаются и такие формулировки адресата, как, например:

— **«ГОСУД. КОМИТЕТ ОБОРОНЫ СССР»;**

— «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ СССР»;

— «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ СОЮЗА С.С.Р.».

Фамилии указывались следующим образом: **«т. Сталину, т. Молотову», «т. СТАЛИНУ, т. МОЛОТОВУ», «тов. СТАЛИНУ, тов. МОЛОТОВУ».** Изредка встречается «тт. **СТАЛИНУ, МОЛОТОВУ».** То есть указанный в «рапорте» адресат **«Товарищу СТАЛИНУ»** — не что иное, как фарсовое оформление фальшивки.

Приведенный в фальшивке регистрационный номер — № **1/2428 от 27 февраля 1942** г., в свою очередь, и вовсе способен вызвать ироническую улыбку. Дело в том, что регистрация исходящих в адрес главы государства информационных сообщений велась разведкой отдельно, и, следовательно, указанный номер должен означать его порядковый характер. В свою

очередь, это означает, что одна только разведка НКВД СССР с 1 января по 27 февраля 1942 г., то есть всего за 58 дней (во всем мире в любом делопроизводстве регистрация начинается с 1 января и заканчивается 31 декабря) направила Сталину 2428 сообщений! Выходит, что только разведка НКВД направляла ему по 42 сообщения в день?!

Теоретически можно допустить, что день-другой, максимум дней пять из этих 58 суток разведка и впрямь могла направлять по 42 сообщения, но не только Сталину, а всем заинтересованным в ее информации адресатам. Но чтобы 58 дней кряду выдерживать такой бешеный режим — ведь это же почти по 2 сообщения в час и то из расчета круглосуточной работы, чего даже во время войны не было. Да, разведка может добывать громадное количество сведений в сутки, тем более во время войны, однако же далеко не все из них соответствуют требованиям, предъявленным докладу главе государства! Этому уровню соответствует 10, максимум 20% всей добываемой информации. Берия же, как к нему ни относись, был высококлассный профессионал разведки. И за зря бумаги в Кремль не гнал!

В этом якобы регистрационном номере особенно «умиляет», что топорно сварганенная фальшивка должна была бы, по смыслу и духу, относиться к разряду «О.В.», то есть к документам «Особой важности», но ведь у фальшивки-то текущий регистрационный номер, в то время как подобные документы тогда регистрировались по отдельному журналу! А, следовательно, и номер должен был бы быть значительно меньше! Уж что-что, но в вопросах секретного делопроизводства во времена Сталина — Берии царил «железный порядок»!

Не меньшее «умиление» вызывает и «шапка документа» — **«ПЕРВЫЙ ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАРОДНОГО КОМИССАРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР»** - и подпись под этим якобы документом: **«Первый заместитель народного комиссара Внутренних дел СССР (Меркулов)».** Никогда и ни при каких обстоя-

тельствах в годы войны такие документы в адрес Сталина из НКВД СССР не направлялись! Тем более не направлялись на официальных бланках информационные сообщения разведки. Это вообще не было принято в переписке между органами госбезопасности, особенно разведки, и Инстанцией СССР, то есть Политбюро и прежде всего Сталиным. Подобная «шапка» в этом, с позволения сказать, «документе» — одно из наиболее убойных свидетельств того, что перед нами фальшивка. Нет ни одного признака даже минимального соответствия бланкированным документам той поры. В качестве основного признака соответствия должно было бы быть следующее: все атрибуты отправителя должны были быть типографски отпечатаны в левом верхнем углу листа, за исключением конкретной даты и №.

Испокон веку в СССР был принят только один порядок направления информации разведки в Инстанцию: на чистом листе белой бумаги формата А-4 указывалась вся ограничительная атрибутика, адресат, содержание и подпись руководителя органов госбезопасности (разведки), а также дата с регистрационным номером (обычно указывались в левом нижнем углу последнего листа документа). В тех случаях, когда в период войны должны были быть направлены информационные сообщения разведки для указанного выше адреса, то есть в **«ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ СССР т. СТАЛИНУ, т. МОЛОТОВУ, т. БЕРИИ»,** то они подписывались начальником разведки НКВД П.М. Фитиным, формулировка должности которого, вплоть до очередного разделения на НКВД и НКГБ в 1943 г., выглядела так: **«Начальник разведуправления НКВД** Союза С.С.Р.», либо «Начальник разведывательного управления **НКВД** Союза ССР (Фитин)». При подписи Фитина адресат документа выглядел следующим образом: **«ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ СССР** (иногда **СОЮЗА ССР) т. СТАЛИНУ, т. МОЛОТОВУ, т. БЕРИИ»,** а чуть ниже— **«НКВД СССР - МЕРКУЛОВУ».** Именно Фитин как руководитель разведки подписывал боль-

шинство сообщений разведки НКВД СССР в адрес Сталина как председателя ГКО. Да в общем-то у Сталина в годы войны и не было другого адреса, кроме как **«ГКО,** Сталину». Подчеркиваю, что именно Фитин подписывал большинство сообщений разведки, в том числе и по особо важным вопросам.

Именно с этим связан добавочный адресат **«НКВД СССР — т. МЕРКУЛОВУ»,** за которым кроется одна тонкость: Меркулов информировался параллельно как первый заместитель наркома и только. В тех же случаях, когда информация была особо важной, то сообщения подписывал лично Л.П. Берия, формулировка должности которого для подписи выглядела так: **«Народный комиссар внутренних дел СССР»** или **«Народный комиссар внутренних дел Союза С.С.Р.».** Если бы то, что, к глубокому сожалению, оказалось принято за чистую монету, и впрямь имело бы место, то документ должен был бы быть подписан в соответствии с вышеуказанными устойчиво действовавшими тогда правилами и уж тем более не выглядела бы нелепой формулировка должности Меркулова **«Первый заместитель народного комиссара Внутренних дел СССР».**

Однако даже совокупность вышеприведенных тонкостей явно померкнет на фоне наиболее убойного документального аргумента, который даже в одиночку полностью и безоговорочно разоблачает эту гнусную фальшивку. Вверху якобы подпись Меркулова под якобы документом на имя якобы Сталина, а внизу образец подлинной подписи Меркулова под официальным документом за **1941** г.

Это образец его подписи, стоящей под Директивой № 136/6171 от 24 июня 1941 г. (Директива НКГБ СССР Наркоматам госбезопасности республик, Управлениям госбезопасности краев и областей пограничной полосы о задачах, стоящих перед органами государственной безопасности в условиях военного времени), подлинник которой хранится в **ЦА ФСБ.Ф. 12 ос. Оп. 3. Д. 4. Л. 241—242, 252—254.** Подчеркиваю, что приведенная выше подпись В.Н. Меркулова взята не-

стать оккупированной территорией и протекторатом Японской империи.

3). Арабский мир должен быть германским протекторатом на севере Африки.

Таким образом, в результате переговоров следует отметить полное расхождение взглядов и позиций. Представитель германского командования Вольф категорически отрицает возможность разгрома германских вооруженных сил и поражения в войне. По его мнению, война с Россией затянется еще на несколько лет и окончится полной победой Германии. Основной расчет делается на то, что, по их мнению, Россия, утратив силы и ресурсы в войне, вынуждена будет вернуться к переговорам о перемирии, но на более жестких условиях, спустя 2—3 года.

Первый заместитель народного комиссара
Внутренних дел СССР

(МЕРКУЛОВ)

ФАЛЬШИВКА

...8. Не ослаблять работы с агентурой, тщательно проверять полученные материалы, выявляя двурушников и предателей в составе агентурно-осведомительной сети.

Агентуру проинструктировать: в случае отхода наших войск оставаться на местах, проникать в глубь расположения войск противника, вести подрывную диверсионную работу.

9. Не реже двух раз в сутки информировать НКГБ СССР всеми доступными способами о положении дел на местах.

10. Решительно пресекать малейшие проявления паники и растерянности среди оперативного состава органов НКГБ, арестовывать паникеров и трусов.

Каждый сотрудник НКГБ должен проникнуть чувством огромной ответственности за дело, которое поручено ему партией и правительством Советского Союза.

Уверен, что органы НКГБ с честью выполнят свой долг перед Родиной.

Народный комиссар
государственной безопасности СССР

Меркулов

ПОДЛИННИК

посредственно с подлинника директивы, с которой возглавляемые им органы госбезопасности вступили в войну, — при публикации этого документа ЦА ФСБ прямо оговорил его подлинность!

Другие образцы почерка — это личные письма В.Н. Меркулова на имя Л.П. Берии, — взяты из архивного следственного дела в отношении Всеволода Николаевича, как на «сообщника Берии». Документы были приведены на 123-й странице книги А. Сухомлинова «Кто Вы, Лаврентий Берия?» (М., 2003). Их ценность еще и в том, что они дают целостное представление о почерке В.Н. Меркулова, что предоставляет возможность лишний раз убедиться в том, что на использованном В.В. Карповым якобы документе приведена глупо подделанная подпись Меркулова!

Наконец, о второй части сути фальшивки. Мало того что фальсификаторы, а вместе с ними и Карпов, продемонстрировали вызывающее оторопь пренебрежение к необходимости знания не только истории вообще, но и ее деталей и нюансов. Ко всему прочему они еще и умудрились довести дело до того, что при утверждении, что **«Сталин не предал своих евреев»,** по сути дела, «солидаризировали» Сталина с гнусной нацистской затеей по **«окончательному решению еврейского вопроса в Европе»! В** результате, несмотря на все свои реверансы в адрес Сталина и его СССР, Карпов попросту подставил СССР и Сталина не только под обвинения в ярой юдофобии, чего у него не было и в помине (см. миф № 5). Одновременно он подставил и Сталина, и СССР под угрозу обвинения чуть ли не в практическом содействии нацистским преступлениям!

В самом деле, надо же хоть чуточку осторожнее и внимательней быть с Историей: «сюрпризы», которые она может преподнести, — непредсказуемы! Ведь за месяц до начавшихся так называемых «переговоров между советскими и германскими разведчиками в г. Мценске», т.е. 20 января 1942 г., прошла хорошо известная по истории Второй мировой войны, но печально «знаменитая» Ванзейская конференция, на которой и был принят план уничтожения евреев в Европе. Обратите внимание на то

обстоятельство, что и в этом случае также очень коварно обыгрывается временной фактор: 20 января 1942 г. Ванзейская конференция, а 19 февраля 1942 г. — якобы предложения Сталина германскому командованию о «совместной борьбе с мировым еврейством». В момент, когда стряпалась эта фальшивка, а происходило это явно в 1998—1999 гг., уже было известно, что СССР еще в начале 1942 г. точно знал о Ванзейской конференции и ее бесчеловечных решениях — это были материалы британской разведки, которые по каналам «кембриджской пятерки» попали в Москву.

Карпов же увязал фальшивку о переговорах с аналогичной чудовищной ложью о некоем соглашении между НКВД и гестапо от 11 ноября 1938 года. Соответственно выходит, что, в том числе и с помощью Карпова, должно было «ненавязчиво» сложиться впечатление, что-де Сталин все точно знал и тем не менее, как и в 1938 г., вполне осознанно вступил в переговоры с гитлеровцами с позиций оголтелой юдофобии! Чем он на самом-то деле отнюдь не страдал и чего не было в действительности, да и быть не могло по определению!

По поручению Сталина НКВД СССР 6 января 1942 г. впервые опубликовал официальный документ-ноту «О повсеместных грабежах, разорении населения и чудовищных зверствах германских властей на захваченных ими советских территориях». Весь мир тогда узнал о «страшной резне и погромах, учиненных в Киеве немецкими захватчиками» против евреев. Кроме того, в ноте сообщалось и о других кошмарных по изуверству массовых убийствах безоружных и беззащитных евреев. Такова была официальная позиция СССР, Сталина и подчиненного ему НКВД. Позиция подлинно гуманистическая, принципиальная, государственная. Сталин никогда не забывал о временно попавших в беду советских гражданах и делал все, что в его силах, чтобы облегчить их положение.

Интересно, каким же образом, тем более в свете только что приведенного факта и на фоне всего вышеизложенного, у Сталина должна была (и должна ли была) зародиться мысль о совместной с гитлеровцами *

борьбе против мирового еврейства?! Ведь даже только сама попытка предложить гитлеровцам такую сделку уже означала бы смертельнейший компромат против него, Председателя Государственного Комитета Обороны и Верховного Главнокомандующего Вооруженными силами СССР Иосифа Виссарионовича Сталина! Потому как, попади такая информация в руки гитлеровцев, то уж это-то зверье точно использовало бы столь бесценный компромат в целях разрушения и ликвидации даже тени намека на антигитлеровскую коалицию! Уж им-то хорошо было известно, какое сильнейшее влияние на правительственные и вообще правящие круги США и Великобритании имеет еврейское лобби.

В действительности же, не являясь ни антисемитом, ни тем более юдофобом, Сталин с первых месяцев войны включил в борьбу против Германии «еврейский фактор». Уже 24 августа 1941 г. в открытом эфире Московского радио состоялся первый радиомитинг представителей еврейского народа, который разоблачал злодеяния гитлеровцев на советской территории и призывал евреев к активной борьбе с врагом. С этого начинается предыстория Еврейского антифашистского комитета, который стал организационно оформляться в дни нашего славного контрнаступления под Москвой — 15 декабря 1941 г. на пост председателя ЕАК была предложена и утверждена кандидатура СМ. Михоэлса, а его ответственным секретарем стал Ш. Эпштейн. А 5 февраля 1942 г. уже были рассмотрены и утверждены предложения о функциях, структуре и задачах ЕАК, в числе которых числились следующие: **«во-первых, средствами пропаганды просоветски настраивать мировую общественность, установив контакты с еврейскими международными организациями, и, во-вторых, привлечь в Россию широкий поток западной помощи».**

Любой миф, любая фальсификация, любая ложь в своей основе всегда имеют какой-то реальный факт. Другое дело, конечно, что в их рамках, он, естественно, будет сильно «передернут», вплоть до принципиально-

го искажения. Именно так и произошло в рассматриваемой нами истории. Весной 1942 г. в оккупированном гитлеровцами Мценске приземлился направлявшийся в г. Елец советский военно-транспортный самолет. На его борту находился вновь назначенный командующий **48-й** армией генерал-майор А.Г. Самохин, следовавший к новому месту службы. Пилоты и пассажиры самолета попали в плен. В годы войны подобное было отнюдь не редкостью — такие случаи имели место и у наших, и у гитлеровцев, и у союзников обеих сторон. И потому можно было бы и не акцентировать внимание на этом случае, если бы не одно **«но»: генерал-майор А.Г. Самохин до войны был советским военным атташе в Югославии и под псевдонимом «Софокл» возглавлял «легальную» резидентуру ГРУ в Белграде.** Более того, после недолгого — с июля по декабрь **1941** г. — командования 29-м стрелковым корпусом и пребывания в должности заместителя командующего 16-й армией по тылу, в декабре **1941** г. Александр Георгиевич Самохин снова был переведен в ГРУ. Сначала он был помощником начальника, а затем — до 20 апреля 1942 г. — начальником 2-го Управления ГРУ.

Таким образом, в гитлеровский плен угодил в прошлом высокопоставленный советский военный разведчик. Вот это и есть подлинный факт, и без того явно искаженные слухи о котором, по злой воле фальсификаторов, были вторично искажены и на этот раз практически до полной неузнаваемости! Ну, а прилепить к нему еще и дополнительные, якобы оттеняющие его достоверность компоненты — и вовсе проще простого. Чего-то убавили, чего-то прибавили и — на тебе, ничего не желающее знать и выяснять, но якобы просвещенное «демократическое мнение», новую фальшивку про нехорошего Сталина! Вот, собственно говоря, и ответ, в частности, на вопрос, почему якобы имевшие место советско-германские тайные переговоры между представителями разведок обеих сторон и «произошли» в начале 1942 г. и именно в г. Мценске!

Между тем история пленения генерал-майора А.Г. Самохина оставляет отчетливо двойственное впе-

чатление. **Во-первых,** из-за того, что разнятся в деталях версии истории его пленения. Например, в изложении военного историка Виктора Александровича Миркискина она звучит так: **«На пути к новому месту службы его самолет приземлился в оккупированном немцами Мценске вместо Ельца».** То есть понимай, как хочешь, то ли действительно по ошибке пилотов приземлился там, то ли умышленно, в том числе и злоумышленно, то ли еще что-то. В свою очередь, авторы обширного справочника «**Россия в лицах. ГРУ. Дела и люди**» и вовсе пошли странным путем. На одной странице они указывают, что Самохин **«...из-за ошибки пилота попал в плен к немцам».** Казалось бы, однозначная версия... Однако через двести страниц после этого утверждения те же авторы, очевидно, не моргнув глазом, сообщили, что Самохин **«...вылетел в Елец, но летчик потерял ориентировку, и самолет был подбит над расположением немцев. Самохин был пленен».** А теперь не сочтите за труд согласиться, естественно, по здравому размышлению, что просто приземлиться не там, где надо, это одно, по ошибке пилота приземлиться не там, где следовало бы, другое, но совсем иное — совершить вынужденную, аварийную посадку из-за того, что самолет был подбит, так как летчик сбился с курса.

Едва ли наличие трех версий способствует установлению истины. Да и, откровенно говоря, трудно поверить в то, что при посадке, например, днем летчики не заметили, что садятся-то они на немецкий аэродром: как минимум пара-тройка самолетов на аэродроме стояли, а намалеванные на них кресты люфтваффе были хорошо видны издалека. К весне **1942** г. наши летчики вдоволь нагляделись на них. Так что в отношении первых двух версий немедленно возникает вопрос: почему летчики, которые не могли не заметить, что садятся на гитлеровский аэродром, не попытались развернуться и улететь подальше от немцев?!

Единственное, что могло бы снять этот вопрос, это факт ночного полета. Но в этом случае непременно вмешается иное обстоятельство. Дело в том, что в годы войны перелеты командующих армиями и фронтами

осуществлялись в сопровождении, как правило, минимум звена истребителей, то есть трех самолетов-истребителей. Тем более, если этот полет осуществлялся из Москвы, да еще и с документами Ставки (если верить этим версиям). Мера, как это и так понятно, далеко не лишняя, тем более на войне.

Тогда спрашивается, каким же образом истребители допустили такое? Еще более острым этот вопрос становится для третьей версии: как могло случиться, что наши истребители, а ведь это же боевые летчики, допустили, чтобы пилот подопечного самолета хрен знает куда полетел, к тому же оказался еще и подбит над занятой немцами территорией?! Нет, что-то тут не то с этими версиями. **Во-вторых,** как уже после войны — в 1964 г. — утверждал бывший начальник штаба 48-й армии, впоследствии Маршал Советского Союза Сергей Семенович Бирюзов, **«немцы захватили тогда, кроме самого Самохина, документы советского планирования на летнюю (1942 г.) наступательную кампанию, что позволило им своевременно предпринять контрмеры». В** том же году Бирюзов погиб в странной авиакатастрофе во время визита в Югославию. Авторы упомянутого выше справочника о ГРУ утверждают примерно то же самое — **«противник овладел оперативной картой и директивой СВГК».**

Если принять на веру эти две версии, то, исключив более или менее оправданное нахождение при Самохине оперативной карты, немедленно упремся в удручающий вопрос. Почему у вновь назначенного командующего всего лишь армией на руках оказались по определению особо секретные документы — директива Ставки Верховного Главнокомандующего и документы советского военного планирования на летнюю кампанию 1942 г.?! Ведь принципиально-то директивы Ставки адресовались командующим направлениями и фронтами. Но не армий же! А у Самохина не просто директива Ставки, а **«документы советского планирования на летнюю (1942** г.) **кампанию»!** Мягко выражаясь, это же не его уровень, чтобы, как поется в известной песне, «знать за всю Одессу»!? Да и Верховный Главнокоман-

дующий И.В. Сталин был отнюдь не столь уж прост, чтобы таким образом пересылать свои директивы. В годы войны чрезвычайно жестко соблюдались правила секретной переписки, тем более между СВГК и фронтами, армиями и т.д. И без того всегда секретная фельдъегерская служба осуществляла перевозки секретных документов между Ставкой и фронтами под особой вооруженной охраной НКВД (с 1943 г. — СМЕРШа). Однако самое удручающее начинается при попытке дать ответ на поставленный выше вопрос в зависимости от версии пленения Самохина.

Диапазон ответов действительно удручающе неприятен из-за своей широты. От неизбежных подозрений, что тем самым проводилась **(кем и с какой целью?)** какая-то военно-разведывательная операция — право на это дает богатая подобными примерами история изощренного противоборства разведок в двух мировых войнах XX века. До преступной халатности, не исключая и игры под нее, что, к сожалению, и тогда было отнюдь не редкостью. Предположим самый безобидный вариант. Допустим, что летчик действительно сбился с курса и попал в зону досягаемости средств немецкой ПВО. Но что в это время делали истребители прикрытия? Самолет был подбит и, предположим, под принуждением истребителей люфтваффе, что, естественно, резко обостряет указанный выше вопрос в отношении наших «соколов», в результате вынужден был произвести аварийную посадку на вражеском аэродроме. Но в таком случае уместно поставить следующий вопрос. Почему профессиональный разведчик и командующий армией не уничтожил особо секретные документы Ставки?! Ну, ведь не чемодан же с документами у него был на руках? Всего-то пакет да карта. Под какую же категорию халатности, да и халатности ли вообще, прикажете отнести этот вариант?!

Сомнения же в том, что халатность ли то была вообще, к сожалению, укрепляют следующие факты. В 2005 г. из печати вышла очень интересная книга В. Лота **«Секретный фронт Генерального штаба. Разведка: открытые материалы».** 410-я и 411-я страницы этой кни-

ги посвящены судьбе генерала А.Г. Самохина. Уж и не знаю, как такое могло случиться — ведь, судя по всему, В. Лота очень хорошо осведомленный в истории военной разведки автор, — но с первых же строк, посвященных судьбе А.Г. Самохина, уважаемый коллега прямиком вводит в оторопь. В. Лота указывает, что перед назначением в середине апреля 1942 г. на должность командующего 42-й армией Самохин занимал пост начальника Информационного отдела ГРУ — помощника начальника ГРУ и тут же добавляет, что находился на службе в военной разведке всего около двух месяцев! Но это полный нонсенс! Самохин еще до войны проходил службу в военной разведке и являлся резидентом ГРУ в Белграде. Да и новичков на такие посты в ГРУ никогда не назначали: центральный аппарат такого солидного ведомства, как советская военная разведка, — это же не контора по продаже мороженого, чтобы запросто так новичка поставить на должность начальника Информационного отдела ГРУ — помощника главы ГРУ. Следовательно, если учесть служебную биографию А.Г. Самохина в первые полгода войны, то необходимо было указать, что эти самые «около двух месяцев» Самохин служил в центральном аппарате военной разведки, а не вообще в системе ГРУ. Так, очевидно, было бы правильней, хотя и это неточно, ибо на те посты он был назначен в декабре 1941 г. и, следовательно, к моменту назначения на пост командарма шел уже пятый месяц его пребывания в должности помощника начальника ГРУ — начальника 2-го Управления (а не Информационного отдела) ГРУ.

А.Г. Самохин был назначен командующим не **42-й** армией, действовавшей под Харьковом, т.е. на Юго-Западном фронте, а **48-й** армией Брянского фронта. Разница все-таки есть особенно, если учесть, что никакой 42-й армии под Харьковом не было. Да и фронты по названиям принципиально разнятся. В. Лота утверждает, что вначале А.Г. Самохин прилетел в штаб фронта, правда, не указывает какого. Если исходить из его утверждения о Харькове, то получается несуразица — что ему было делать в штабе ЮЗФ, если он назначен

командармом на Брянский фронт?! Если же отнестись к словам В. Лоты всерьез, то и вовсе получится нечто зловещее. Потому что, по его утверждению, в штабе фронта он получил какие-то указания, затем был пересажен на другой самолет и после этого угодил в плен...

Однако в данном случае нецелесообразно относиться к словам В. Лоты всерьез, потому как А.Г. Самохин летел все-таки на Брянский фронт, а не на ЮЗФ. Если посмотреть на карту, то сразу же возникнет вопрос о том, как можно было угодить в Мценск, имея целью назначения Елец?! Расстояние между ними свыше 150 км! Полет на Елец, тем более из Москвы, фактически строго на юг, полет на Мценск — на юго-запад, в направлении на Орел.

Из-за этого странного залета Самохина Ставка Верховного Главнокомандования вынуждена была отменить свое решение от 20 апреля 1942 г. о проведении в начале мая того же года силами двух армий и танкового корпуса операции на Курско-Льговском направлении с целью овладения Курском и перерезания ж.д. Курск-Льгов (История Второй мировой войны. М., 1975. Т. 5. С. 114). И, возможно, это одна из тех роковых предпосылок трагедии наступления под Харьковом, потому как одну из тех двух армий, что должны были наступать на Курск, должен был возглавить Самохин. Кстати говоря, судя по всему, у него на руках находилась Директива СВГК от 20 апреля 1942 г. об упомянутом выше наступлении на Курск (и Курск — Льгов), а вовсе не документы советского военного планирования на всю весенне-летнюю кампанию 1942 г., как об этом обычно пишут.

Согласно утверждению В. Лоты, судьба А.Г. Самохина прояснилась уже после Сталинградской битвы. Однако если исходить из его же слов, то уж больно странно она прояснилась. С одной стороны, он указывает, что Самохин числился пропавшим без вести с 21 апреля 1942 г., с другой, сообщает, что лишь 10 февраля 1943 г. Главное управление потерь личного состава РККА издало приказ № 0194, согласно которому Самохин был определен пропавшим без вести, что, согласитесь, не вносит никакой ясности. Потому что если

приказ был издан только 10 февраля 1943 г., то выходит, что с 21 апреля 1942 г. судьба Самохина вообще не была известна ни так, ни сяк, даже для того, чтобы зачислить его в список пропавших без вести. А это уже сверхстранно. Пропажа командующего армией, тем более вновь назначенного, это ЧП высшего разряда! Это то самое ЧП, из-за которого Особые отделы и зафронтовая разведка мгновенно становились на уши и как минимум ежедневно отчитывались перед Москвой о результатах поисков пропавшего. Это же не шутка — пропал командующий армией, еще несколько дней назад являвшийся очень высокопоставленным сотрудником ГРУ! Естественно, об этом немедленно было доложено Сталину и, уж поверьте, соответствующее строгое указание органам госбезопасности и всем звеньям военной разведки немедленно выяснить судьбу командарма Верховный тут же отдал.

В. Лота же сообщает, что в ходе Сталинградской битвы был захвачен некий старший лейтенант вермахта, который на допросах поведал, что он принимал участие в допросах генерал-майора Самохина, особо подчеркивая при этом, что-де **«самолет которого по ошибке приземлился на захваченном немцами аэродроме». А ему-то что за смысл был подчеркивать именно это?** Со слов этого лейтенанта вермахта Самохин якобы скрыл свою, как указывает В. Лота, **«непродолжительную службу в Главном разведывательном управлении Красной Армии, выдал себя за армейского генерала, служившего всю жизнь в войсках, на допросах вел себя достойно. Ничего особенного немцам не сообщил, ссылаясь на то, что был назначен на должность в середине марта и только что прибыл на фронт».**

Трудно сказать, заметил ли В. Лота явную несуразицу в своих словах или нет, но выходит, что в абвере сидели круглые идиоты! Да, как и вермахт, абвер потерпел сокрушительное поражение — советские органы госбезопасности (как разведка, так и контрразведка) и ГРУ вчистую выиграли тот смертельный поединок на невидимом фронте. Заслуженно же гордясь этим непреложным фактом, не следует тем не менее пола-

гать, что абвер состоял сплошь из идиотов. Это была одна из сильнейших военных разведок мира времен Второй мировой. И если в плен попадал советский генерал, тем более вновь назначенный командарм, то абвер тоже стоял на ушах, пытаясь выжать из такого пленника максимум сведений. Более того, о пленении генералов и тем более командующих армиями немедленно докладывалось в Берлин. И если войсковых абверовцев Самохин еще мог надуть, то центральный аппарат абвера — никогда! Все документы, в том числе и личные, были при нем, и как только в Берлине получили спецсообщение о пленении вновь назначенного командарма 48-й армией Брянского фронта генерал-майора А.Г. Самохина, там тут же проверили его по своим материалам учета советского генералитета, и ложь тут же вылезла наружу. Самохин практически немедленно был идентифицирован как бывший резидент советской военной разведки в Белграде! С опознанием по фото, так как любая военная разведка тщательно собирает фотоальбомы на всех военных разведчиков, тем более тех государств, которые считает своим противником. А Самохин был официальным военным атташе СССР в Белграде и, естественно, его фото было в абвере.

Так что Самохин, по словам того лейтенанта вермахта, именно потому ничего особенного не сообщил немцам на первом-втором допросах, что его тут же переправили в Берлин. Это совершенно естественная, нормальная практика действий военной разведки. И не только абвера — наши, кстати говоря, точно так же поступали и таких важных пленных немедленно отправляли в Москву. Да в общем-то разоблачить его ложь абверовцам было легко еще и потому, что все личные документы у Самохина были при себе. В том числе и приказ о назначении на должность командарма 48-й и предписание Ставки прибыть и вступить в должность 21 апреля 1942 г. Так что едва ли он продержался со своей ложью более часа — собственные документы его же и уличали.

Но тут дело еще и в другом. Того лейтенанта вермахта, что участвовал в допросах Самохина, допрашивали уже после Сталинградской битвы. Она закончилась

2 февраля 1943 года. Но почему тогда с 10 февраля 1943 г. он, согласно упомянутому выше приказу № 0194, был зачислен в списки без вести пропавших?! И почему этот приказ был отменен лишь 19 мая 1945 г., если еще сразу после Сталинградской битвы стало известно, что с ним произошло?! При всем том, что страшная война еще продолжалась, неразберихи в документах наподобие той, что творилась в первые месяцы войны, уже не было, во всяком случае, в тех масштабах, что тогда имели место. Не говоря уж о том, что это все-таки был генерал-майор, командарм, а их учет велся (и ведется) отдельно. В. Лота же объясняет отмену этого приказа № 0194 от 10.11.1943 г. лишь 19 мая 1945 г. тем, что только тогда выяснилось, что же произошло с Самохиным...

Столь быстрая отмена приказа от 10.02.1943 — уже 19 мая 1945 г. — для победного мая 1945 г. явление фантастическое: всего-то через 10 дней после Победы!? Тогда из плена были освобождены миллионы наших соотечественников и чтобы вот так быстро провернулись бы шестеренки скрипучего механизма кадрового учета в армии?! Да ни в жисть! И не потому, что там сидели злодеи-истуканы. А всего лишь потому, что для того, чтобы отменить такой приказ, был необходим целый ряд действий. Прежде всего, Самохин должен был сначала пройти через фильтрацию советской контрразведки и полностью быть опознан и идентифицирован именно как Самохин. Затем быть доставлен в Москву, проверен по всем материалам и только тогда, по логике кадровой работы того времени да с учетом всей особой его специфики, мог быть отменен такой приказ. А за десять дней после Победы — это уже даже для генерала чересчур скоро. Тем более, если вспомнить те факты, что касаются дальнейшей судьбы Самохина в плену и после освобождения из плена.

Как утверждают авторы упоминавшегося выше справочника о ГРУ, в плену Самохин вел себя достойно, в мае 1945 г. был освобожден советскими войсками. По прибытии в Москву был арестован, а 25 марта 1952 г. был приговорен к 25 годам ИТЛ. В. Лота и вовсе сообщает фантастику, что-де 2 декабря 1946 г. Самохин был уво-

лен в запас, а 28 августа — без указания года — приказ об увольнении был отменен, Самохин был зачислен слушателем Высших академических курсов при Военной академии Генерального штаба, что уж и вовсе ввергает в «штопор» недоумения. Упоминавшийся историк Миркискин и вовсе указывает, что после возвращения на Родину судьба Самохина не известна.

Между тем авторы справочника о ГРУ указали, что в мае 1945 г. генерал Самохин был доставлен из Парижа(?) в Москву. Советские войска Францию не освобождали, и на территории этой прекрасной страны их не было. Там была только советская военная миссия. Следовательно, если его освобождали именно советские войска, то, надо полагать, если это произошло в мае 1945 г., сие радостнейшее для узника гитлеровского концлагеря Самохина имело место на территории Германии. Вот тут-то и спрашивается, почему его доставили в Москву именно из Парижа, где была всего лишь советская военная миссия?! Наши генералы, бывало, и впрямь пороли откровенную дурь, но ведь не настолько же они сдурели в эйфории Победы, чтобы после освобождения всей Европы от фашизма вызволенного из гитлеровского плена соотечественника-генерала вывозить в Москву через Париж?! От Берлина до Москвы, как ни крути, путь короче. А вот если и впрямь Самохина вывозили из Парижа, то тогда действительно худо. Ведь гитлеровцы свозили туда всех более или менее значимых военнопленных, особенно из числа разведчиков, для организации разведывательно-дезинформационных игр против советской разведки и советского военного командования.

Необходимо учесть, что на 1942 г. приходятся и массовые провалы агентуры советской военной разведки в Европе, в том числе в Германии, особенно «Красной капеллы »(прежде всего, «Отто» —Леопольд Треппер, «Кент» —Анатолий Гуревич и другие), а также на Балканах. Не следует забывать, что Самохин возглавлял 2-е Управление ГРУ и потому знал чрезвычайно много и о многих.

За годы Великой Отечественной войны в плену у гитлеровцев оказались 83 генерала Красной Армии. 26 из них погибли по разным причинам (расстреляны,

убиты лагерной охраной, умерли от болезней и истощения). Оставшиеся 57 человек после Победы были депортированы в СССР. Из них 32 человека — репрессированы: 7 повешены по делу Власова, 17 расстреляны на основании приказа Ставки № 270 от 16 августа 1941 г. «О случаях трусости и сдачи в плен и мерах по пресечению таких действий», 8 генералов за «неправильное» поведение в плену были приговорены к различным срокам заключения. Оставшихся 25 человек после более чем полугодовой проверки оправдали. Некоторых генералов оставили на действительной военной службе, как, например, бывшего командующего 5-й армией КОВО М. Потапова и других. А некоторых уволили по состоянию здоровья: гитлеровский концлагерь — не санаторий Министерства обороны.

То есть без малого 44% генералов оправдали, причем для этого потребовалось чуть более полугода. Следовательно, ни о какой кровожадности СМЕРШа или сталинского правосудия речи быть не может. Тем более что еще 14/о (8 чел.) жизнь была сохранена — они получили различные сроки заключения. В числе этих 8 чел. (14%) — генерал Самохин. Но вот ведь что удивительно. Арестовали-то его в том же мае 1945 г., а вот к 25 годам ИТЛ приговорили только 25 марта 1952 года! То есть Самохин находился под следствием без малого 7 лет! И как ни относись к органам госбезопасности, но ведь совершенно же очевидно, что случай с Самохиным был из разряда «трудных орешков». Явно велась трудоемкая, кропотливая проверка, в результате которой что-то удалось установить, а что-то — и нет. Оттого-то и приговор не расстрельный.

Ну ладно бы драматическая одиссея генерала Самохина на том и закончилась бы. Не успели саркофаг с телом Сталина поставить в Мавзолей, как уже в мае 1953 г. приговор в отношении Самохина был отменен! И тогда же, в мае 1953 г., генерал Самохин был реабилитирован! Кстати говоря, В. Лота обосновывает факт реабилитации А.Г. Самохина материалами допроса того самого старшего лейтенанта вермахта, попавшего в советский плен в ходе Сталинградской битвы. На

тот период времени столь быстрая отмена приговора — поразительный факт. Это ж какую немыслимую скорость действий придали аппарату правоохранительных органов постсталинского СССР!?

Но если уж не только был отменен приговор в отношении Самохина, но и имела место реабилитация генерала, что, по состоянию-то на май 1953 г., вообще неслыханное дело, тем более в отношении военных, то почему же генерала не восстановили на военной службе? Ведь его определили на должность всего лишь старшего преподавателя общевойсковой подготовки военной кафедры МГУ! Да, можно предположить, что такое решение было принято по медицинским показателям, но дело-то в том, что Самохину-то тогда было всего пятьдесят один год (1902 г.р.) и его, как и иных освобожденных из плена и реабилитированных, можно было спокойно подлечить, а затем восстановить на действительной военной службе. По генеральскому-то статусу вылечили бы экстра-классом! Так было, например, с Потаповым. Ан - нет, из тюрьмы вытащили и в старшие преподаватели на военной кафедре МГУ! Понимаете, в чем весь фокус? С одной стороны, «реактивная» скорость выдергивания Самохина из ГУЛАГа и его реабилитации — со дня похорон Сталина прошло всего 2 месяца и 25 дней(!), а с другой — тут же спихнули на гражданку.

Получается, что кто-то очень пристально следил за делом Самохина, но при Сталине ничего сделать не мог, но едва только вождя отправили на тот свет, так тут же Самохина выдернули из ГУЛАГа, приговор отменили, да еще и реабилитировали, но спровадили все-таки на гражданку. Что он такого знал, кто за его делом так пристально наблюдали, почему этот «кто-то» был настолько влиятельным, что смог мгновенно выдернуть его из ГУЛАГа, да еще и реабилитировать менее чем через три месяца после похорон Сталина?! Правда, воздухом свободы Самохину осталось дышать всего два года — 17 июля 1955 г. он скончался. Естественно, по-человечески искренне жаль, что генерал Самохин в 53 года ушел из жизни. Тем более жаль, если учесть, что многие узники гитлеровских концла-

герей, а также отбывавшие в те времена наказания в советской пенитенциарной системе дожили до наших дней.

Однако на следующий, 1956-й, год пришелся первый взрыв оголтелого антисталинизма хрущевского «розлива» — покатилась грязная волна безмозглых обвинений Сталина, в том числе и за трагедию 22 июня 1941 года с одновременным, но не менее огульным и глупейшим обелением всего генералитета. Одновременно с подачи Хрущева пошла болтовня о неких, якобы предпринимавшихся Сталиным попытках вступить в сепаратные переговоры с Гитлером на условиях уступок.

Посмотришь на эту хронологию и невольно задумаешься — не слишком ли «своевременно», так сказать, в превентивном порядке, ушел (или «ушли») из жизни бывший высокопоставленный военный разведчик, но так и не вступивший в должность командарма 48-й генерал-майор Самохин?! И дума эта будет тем более печально удручающей, если ее наложить как на хронологию войны, так и некоторые события лета 1953 г.

Если возвратиться к факту пленения Самохина, то с удивлением узнаешь, что вскоре после того, как при странных обстоятельствах он угодил в плен к немцам, советские летчики перехватили немецкий самолет, у пассажиров которого была захвачена документация о планах проведения летней (1942 г.) кампании германской армии. Считается, что-де **«Москва либо извлекла неправильные выводы из них, либо вовсе их проигнорировала, что привело к поражению советских войск под Харьковом».** Получается-то нечто вроде того, что состоялся некий обмен посланиями о планах на летнюю кампанию 1942 г.! При этом зловещее значение приобретает нижеследующий факт.

Уже после войны на допросе у американцев экс-глава нацистской внешнеполитической разведки Вальтер Шелленберг показал следующее. С его слов **«весной 1942 г. один из японских морских офицеров в беседе с германским ВАТ в Токио затронул вопрос о том, не пошла бы Германия на почетный мир с СССР, в чем ей могла бы посодействовать Япония. Об этом было доложено**

Гитлеру». Зловещее значение этого факта проявляется прежде всего во времени его свершения — весна **1942** г.

Почему должно было произойти такое, по сути дела, уникальное параллельно-последовательное совпадение событий. Весной 1942 г. самолет с Самохиным хрен знает почему залетает к гитлеровцам, а у него на руках документы советского военного планирования на летнюю кампанию 1942 г., в том числе и директива СВГК, а также оперативная карта. Чуть позже неизвестно почему к нам залетают гитлеровцы со своей документацией о планах проведения летней 1942 г. кампании вермахта. В это же время происходит катастрофа под Харьковом, а затем и в Крыму. И в это же самое время на эти события накладывается странный зондаж японским морским офицером своего германского коллеги в Токио о возможности согласия рейха на заключение тайного сепаратного мира с СССР на почетных условиях?!

С одной стороны, поневоле складывается впечатление, что это была серьезная провокация, рассчитанная на то, чтобы вбить клин между союзниками по антигитлеровской коалиции (японцы, кстати говоря, то же самое затеяли еще и весной 1943 г.), в первую очередь между СССР и США. Но, с другой-то, почему она должна была, **во-первых,** совпасть по времени с обоими странными залетами наших и гитлеровских высокопоставленных офицеров с важнейшими документами на руках. И почему это оказалось связанным с катастрофами наших войск под Харьковом и в Крыму?

Во-вторых, почему в связи с этим едва ли не автоматически реанимируется сценарий тройственного военно-геополитического заговора с участием германских, советских (во главе с Тухачевским) и японских высокопоставленных военных?! Ведь ликвидированный еще в 1937 г. заговор советских генералов предусматривал сепаратное перемирие и переворот в стране в условиях военного поражения! Кто бы объяснил, что за всем этим стоит?

Особенно если учесть, сколь настойчиво добивался СССР после войны возможности допросить того же В. Шелленбер-

га. А бывшие союзники мало того что мешали этому, так еще в конце концов устроили бывшему обершпиону рейха «ураганный рак», в результате которого он весьма быстро «дал дуба», не дождавшись страшившей в первую очередь союзников заслуженной встречи с советскими чекистами.

Наконец, как свидетельствуют факты, Самохин действительно имел некоторое отношение к грандиозной катастрофе наших войск под Харьковом в 1942 году. Формально до поразительно напоминающего трагедию 22 июня поражения под Харьковом наши войска «доблестно» довели Тимошенко и печально знаменитый кукурузник-троцкист Хрущев. Но дело в том, что Тимошенко и Хрущев заранее, еще в марте 1942 г., знали, что гитлеровцы нанесут удар на южном фланге. А источником их знания об этом был именно Самохин! В марте 1942 г. в Москву с фронта прилетел однокашник Самохина по академии, начальник оперативной группы Юго-Западного направления генерал-лейтенант Иван Христофорович Баграмян (впоследствии Маршал Советского Союза). Баграмян, естественно, посетил ГРУ и от своего знакомого — Александра Георгиевича Самохина, являвшегося уже начальником 2-го Управления ГРУ, узнал разведданные о планах гитлеровцев на лето 1942 г. Вернувшись на фронт, Баграмян поделился этой информацией с Тимошенко и Хрущевым — ведь они были его прямыми начальниками. Тимошенко и Хрущев тут же бодро пообещали Сталину, что разгромят гитлеровцев на Юге, выпросив под обещанный успех огромные силы. Но, увы: угробив массу людей и техники, потерпели сокрушительное поражение.

Ну а теперь самое время сравнить. Следствие по делу Самохина длилось семь лет. Хотя с другими разобрались достаточно быстро и 25 генералов были реабилитированы еще при Сталине в течение полугода. Но едва только вождя не стало, Самохина немедленно выдирают из ГУЛАГа, отменяют приговор, реабилитируют, но выпихивают на гражданку, и через два года Самохина уже нет. Скорость свершения этих событий просто немыслимая для того времени, ибо тогда на-

верху шла ожесточенная грызня за освободившийся престол и в принципе-то мало кому было дело до реабилитации одного из многих.

Ну, так ведь и это еще не все. По сфальсифицированному Хрущевым делу против Берии, еще 26 июня 1953 г. без суда и следствия незаконно убитому Лаврентию Павловичу задним числом нагло пытались «пришить» обвинение в том, что он якобы готовил поражение советских войск на Кавказе. А ведь к подступам к Кавказу гитлеровцы прорвались в огромной мере благодаря «доблестному» командованию Тимошенко и Хрущева Харьковской операцией.

И что в таком случае и в этом свете должны означать факты беспрецедентно скорой отмены сурового приговора Самохину, его реабилитации, но выпихивания его на гражданку вместе с невероятно ускорившимся для 53-летнего человека уходом из жизни накануне разнузданной вакханалии гнусных обвинений в адрес Сталина?! Должно ли это означать, что сидевший в ГУЛАГе Самохин был чрезвычайно опасным свидетелем для кого-то на самом верху и именно поэтому его срочно и выдернули оттуда, а затем, реабилитировав, отправили на гражданку. Где всего-то через два года он скончался. В 53 года? Если дальше рассуждать таким образом, то выходит, что кто-то наверху чрезвычайно опасался, что возвратившийся на Лубянку Берия — он ушел оттуда в конце 1945 г. из-за перегруженности работой по атомному проекту — быстро установит то, что следствие не смогло или не захотело установить в течение почти семи лет. А затем в соответствии с законом использовать эти данные для наказания подлинных виновников военных поражений.

Так вот, не связана ли вся эта история с возникновением только что проанализированного мифа?! Особенно в его общей форме — о якобы предпринимавшихся Сталиным попытках вступить в сепаратные переговоры с Германией на условиях уступок. Тем более что на эту тему породили еще парочку мифов. Ведь получается какая-то глубоко эшелонированная клевета по одному и тому же вопросу. А такое, как правило, не случайно...

Миф № 45. Сталин в самом начале войны намеревался договориться с Гитлером по аналогии с Брест-Литовским договором от 3 марта 1918 г., а в середине войны вновь пытался сепаратно достичь мирного соглашения как с фашистской Германией, так и с ее союзниками.

В оборот миф был запущен еще Хрущевым на XX съезде КПСС. Активно поддержан гуртовавшимися вокруг него предателями Сталина. Не обошлось и без поддержки маршала Жукова. Миф до сих пор используется в различных антисталинских инсинуациях. Под конец 1990-х гг. миф получил странное «подтверждение» со стороны покойного аса советской разведки генерала П.А. Судоплатова. В не отличающемся от хрущевской трактовки изложении Судоплатова суть мифа сводилась к следующему. Что-де якобы по указанию Сталина советская разведка задействовала своего ценного агента — посла царской Болгарии в СССР Стаменова — для передачи в Берлин якобы намерения Кремля вступить в сепаратные переговоры и договориться о мире на германских условиях и даже пойти за заключение некоего Брестского договора № 2. Судоплатов отмечает, что лично он осуществлял непосредственную работу со Стаменовым.

В реальности же все обстояло принципиально иначе. Дело в том, что в результате великолепно проведенной в середине июля 1941 г. на Северо-Западном направлении под командованием Ворошилова операции по окружению мощной группировки гитлеровских войск под командованием одного из лучших стратегов вермахта Манштейна, гитлеровские части не только были отброшены на большое расстояние, но и в панике отступления под бешеным напором советских войск бросили ряд важнейших документов. Так, в брошенном Манштейном штабе его корпуса была захвачена совершенно секретная инструкция (наставление) к химическим минометам. Стало очевидно, что, столкнувшись с яростным сопротивлением советских войск, Гитлер уже тогда стал склоняться к применению химического оружия на Восточном фронте.

Естественно, что эта информация немедленно была доложена Сталину, который, после ее обсуждения с Берией, которому подчинялась советская внешняя разведка, приказал осуществить специальную акцию влияния по доведению по агентурным каналам разведки устрашающей информации, дабы удержать Гитлера от применения химического оружия. Инструкция была захвачена 15 июля, а 25 июля 1941 г. Судоплатов уже приступил к выполнению этой операции. Дело в том, что на тот момент наиболее доступный для советской разведки канал доведения устрашающей информации до Берлина олицетворял собой упомянутый выше посол союзной Германии царской Болгарии Стаменов.

Суть этого устрашения сводилась к следующему: **если хоть одна капля химического оружия упадет на советские войска, то в ответ советская авиация зальет Третий рейх своим химическим и бактериологическим оружием. Стаменов выполнил задание советской разведки, сообщил об этом в Софию, а оттуда информация уже докатилась до Берлина.**

Не понаслышке знавшие о гигантских запасах советского химического и бактериологического оружия — сами же налаживали его производство в СССР еще в 1920-х — начале 1930-х гг., — и памятуя об аналогичных угрозах Советского Союза еще накануне войны, германские генералы в панике отговорили Гитлера от этой безумной затеи. Тем более что в начале августа 1941 г. советская дальняя бомбардировочная авиация демонстративно бомбила Берлин, показав тем самым, что у Кремля руки длинные и, в случае необходимости, дотянутся до самого сердца Германии. Вот что и было в реальности.

Непонятно только следующее. Зачем понадобилось это скрывать уже после развала Советского Союза?! Раскрыли даже номер архивного личного дела агента Стаменова, а о сути операции по-прежнему солгали на хрущевский манер. Непонятно и то, какую цель преследовал сам Судоплатов, повторив хрущевскую ложь. Особенно непонятно именно потому, что

еще в середине 1980-х гг. по советскому телевидению был показан документальный фильм о советских химических войсках, в котором вся эта история была описана так, как она и имела место в 1941 г. Зачем же надо было лгать уже после падения СССР?

Иное дело миф о якобы имевших место попытках Сталина начать сепаратные переговоры в самом начале войны. На эту тему упражнялись ныне покойный генерал от истории Д.А. Волкогонов, Л.А. Безыменский и некоторые другие. Откровенная беда всех этих авторов в том и заключается, что они не могут серьезно исследовать столь острые вопросы, не замешивая оные на крутом антисталинизме. В результате — сплошная череда неуместных, основанных на сильнейшем передергивании искажениях, извращениях, а то и прямых фальсификациях догадок. Происходит это по той простой причине, что они не в состоянии взять в толк, что рассматривать такие вопросы категорически нельзя в отрыве от реального плана обороны СССР, который исподволь готовил Сталин на случай нападения Германии. И уж тем более нельзя их рассматривать в отрыве от политики Сталина, направленной на безусловное сколачивание антигитлеровской коалиции совместно с США и Великобританией. Как только это обстоятельство учитывается, то сразу все становится на свои места. Более того. Становится ясно, что это была тщательно продуманная и целенаправленная игра Сталина на дипломатическом поприще.

Да, действительно, в самом начале войны такое имело место. Непосредственно 22 июня 1941 г. НКИД СССР по прямому указанию Сталина в открытом радиоэфире в 12.00 по московскому времени вступил в кратковременный диалог с МИДом Германии. Параллельно также в открытом радиоэфире НКИД СССР от имени Советского правительства обратился к Японии с просьбой представлять интересы Советского Союза по вопросам политических и экономических отношений между СССР и Германией. Это было сделано умышленно. На весь мир Сталин продемонстрировал попытку советской стороны до последнего использовать любой шанс для мирного решения вспыхнувшего

вооруженного столкновения. В тот момент было крайне остро необходимо показать всему миру, особенно США и Великобритании, что нападение гитлеровской Германии — абсолютно ничем не спровоцированная Советским Союзом наглая, вероломная и внезапная агрессия фашистских бандитов.

Вот этими шагами Сталин и добился необходимого ему результата. В тот же день США и Великобритания официально объявили о своей солидарности с Советским Союзом. К тому же официальное обращение к Японии стать посредником в урегулировании отношений между Германией и Советским Союзом позволяло хотя бы на время, но затянуть возможное положительное решение японской стороной вопроса об одновременном с Германией нападении на СССР, чего настойчиво требовал Гитлер. В общем-то нехитрым образом на время Сталин нейтрализовал эту угрозу, которая в то время была более чем серьезна. Ну а далее совместными усилиями советских разведслужб в рамках операции «Снег» экспансионистские амбиции Страны восходящего солнца были полностью переключены на южное направление и в декабре 1941 г. Япония напала на Перл-Харбор. Вот так Сталин и ликвидировал крайне опасную угрозу двухфронтового нападения на Советский Союз.

И еще одно. Даже германская сторона никогда не усматривала в факте этого радиодиалога в открытом радиоэфире попытку Советского Союза начать сепаратные переговоры.

Что же до того, что и в середине войны Сталин якобы вновь пытался сепаратно достичь мирного соглашения с фашистской Германией, то здесь следует сказать следующее. Миф на эту тему стал складываться еще во время Второй мировой войны. После войны, особенно в период холодной войны, подобные мифы были в особой моде на Западе, где этим занимался всякий неленивый журналист или историк. Тем более что вся эта болтовня отлично оплачивалась спецслужбами западных стран, особенно членов НАТО. Как правило, в их основе лежат либо никак не проверяемые и абсолютно ничем не подтверждаемые слухи, либо сильно передернутые, иска-

женные и извращенные факты о разведывательно-зондажных попытках германской стороны вступить в контакт с советскими представителями на территории нейтральных стран в целях предварительного обсуждения условий сепаратного мира. Сильно передернутые, искаженные и извращенные потому, что обо всех эти попытках советская сторона как честный союзник по антигитлеровской коалиции официально сообщала Великобритании и США по дипломатическим каналам.

Поскольку эта информация длительное время была засекречена, но слухи о ней иногда просачивались, в том числе и по принципу организованных «утечек информации», то это позволяло многим западным борзописцам стряпать на данную тему всевозможные околодостоверные слухи. В том числе, и по прямому заказу конкретных спецслужб Запада, а также центров психологической войны против СССР. Этим, в частности, особенно увлекался тесно связанный с британской разведкой известный историк Б. Лиддел-Гарт. В его версии эти попытки имели место в 1943 году после победоносного завершения Сталинградской и Курской битв. То есть, когда всем стало ясно, что хребет фашистскому зверю сломан, и обсуждать с ним нечего, надо только его добивать. К несчастью даже этого хорошо информированного британского «историка в штатском», а заодно и к вящему неудовольствию всех доморощенных российских любителей воспринимать любую забугорную брехологию как некую «сермяжную правду истории», тут и брехать-то не о чем.

Речь идет о попытках хорошо известных советским спецслужбам агентов германской разведки — Эдгара Клауса (двойной агент — как советской, так и германской разведок) и Петера Кляйста (с 1940 г. хорошо известная советской разведке «подстава» германской разведки) — инициировать или спровоцировать некое подобие инициирования якобы сепаратных советско-германских переговоров. Они действительно имели место осенью 1943 года. Вот почему Б. Лиддел-Гарт и отнес их на период после Сталинградской и Курской битв. Но он, бедолага, «слышал звон, да не

знал, каков он». Все эти попытки достаточно быстро были нейтрализованы советской разведкой. 14 сентября 1943 г. ТАСС официально заявил, что вопрос о мире с Германией не подлежит обсуждению. А 12 ноября 1943 г. по указанию Сталина нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов направил послам Великобритании и США в Советском Союзе — Ф. Керру и А. Гарриману — личные ноты **«о пробных мирных шагах со стороны немцев, что имело место недавно в Стокгольме»,** с просьбой передать эту информацию соответственно правительствам Великобритании и США. Вся эта история достаточно полно описана в книге Л. Безыменского «Третий фронт. Секретная дипломатия Второй мировой войны» (М., 2003).

Ну, и, наконец, о том, что во время войны Сталин якобы вел сепаратные переговоры о мире с союзниками фашистской Германии. Прежде всего, отметим, что с некоторыми государствами — союзниками Германии Советский Союз по политическим соображениям сохранял официальные дипломатические отношения. К примеру, с царской Болгарией, с императорской Японией, с Турцией. Так что же, прикажете любое официальное, предусмотренное дипломатическим протоколом действие рассматривать как попытку ведения сепаратных переговоров?! Это к тому, чтобы априори исключить всякие домыслы на этот счет. Потому как такие возможности Сталин использовал для несилового вывода союзников Германии из войны. Так было с Болгарией, с Румынией, с Финляндией.

В то же время, естественно, нет никакого смысла скрывать, что такие попытки были, но только не с советской стороны. Например, Япония в **1942—1943** гг. и даже в **1944** году пыталась инициировать такие переговоры, но ее быстро осадили как советские разведчики, так и советские дипломаты. К примеру, упомянутое выше заявление ТАСС от **14** сентября 1943 г. было связано именно с японскими попытками инициировать германо-советские сепаратные переговоры. Гитлер также осадил японцев, но по другим, естественно, причинам.

В основном об этих попытках известно из так называемых «мемуаров» экс-главы внешнеполитической разведки Третьего рейха Вальтера Шелленберга, известных во всем мире под названием **«Лабиринт».** Но все дело в том, что В. Шелленберг никаких мемуаров не писал и не издавал. К моменту выхода в свет так называемых «мемуаров» Шелленберга, а произошло это в 1956 г. в Великобритании, экс-обершпион Третьего рейха уже четыре года как пребывал в могиле! И, выходит, из могилы управлял процессом подготовки «своих мемуаров» к изданию? Не говоря уже о том, что лежа, в могиле, написал их? На тот свет нацистского экс-обершпиона отправила непосредственно британская разведка — это произошло 31 марта 1952 г. в клинике Форнака, что в итальянском городе Турине.

Подчеркиваю, что в действительности Шелленберг никаких мемуаров не писал, не редактировал, названия им не давал, а соответственно и не менял их и уж тем более сам лично ничего не издавал. Все, что он успел якобы написать с середины мая 1945 года — свыше **1000** рукописных страниц — это всего лишь черновые записи адресованного британской разведке **«отчетного доклада»** по передаче **«бесценного опыта»** ведения разведывательно-подрывной деятельности, прежде всего против СССР. Назывались они **«Final report». В** основу же «мемуаров» Шелленберга была положена собственноручно написанная им по требованию британской разведки еще в период пребывания в плену его детальная, многостраничная автобиография, которой сами же британские разведчики не доверяли, и часть упомянутого выше **«Final report». Так называемые «мемуары» Шелленберга — очень искусно сработанная фальшивка британской разведки.** Элементы правды в ней очень искусно обыграны в интересах Запада, которые в период холодной войны были сосредоточены на максимальной клевете в адрес Советского Союза. Поэтому полностью доверять этому источнику нельзя.

В последнее время за раздувание мифа о попытках Японии инициировать сепаратные германо-советские переговоры о мире по конъюнктурным соображениям

антисоветского и антисталинского толка взялись еще и так называемые «братские» украинские борзописцы. Так, украинский «журналист», некто Владислав Гриневич, попытался в 2001 году представить дело таким образом, что в конце апреля 1943 года японцы якобы вышли на Сталина и представили ему немецкие условия переговоров, которые он якобы положительно воспринял:

1. СССР и Германия возвращаются к границам **1939 г. по реке Сан.**

2. СССР передает Германии право контроля над сельским хозяйством Украины с одновременным созданием на этой территории «немецкого коридора» или Украинской автономии.

3. Германия возвращает России Бессарабию.

4. Одесса получает статус порто-франко.

5. Ближний Восток, за исключением Турции, но включая Египет (без нефтяных районов), переходит в сферу советского влияния.

6. Индия — в сферу советско-японского влияния.

Вот эту околесицу Гриневич попытался выдать за разгаданную им загадку Второй мировой войны. Его бредовая до последней запятой статья так и называлась: «Гитлер и Сталин в поисках сепаратного мира: неразгаданная загадка Второй мировой войны» (Зеркало недели. Киев, 2001. 1—7 сентября, № 34 (358). В действительности же подлинно неразгаданными загадками являются уровень исторической образованности и реальное состояние психического здоровья таких свихнувшихся на зоологической русофобии, антисоветизме и антисталинизме «щирых хохлов».

Потому как если бы Гриневич хотя бы один раз, хотя бы мельком просмотрел хотя бы одну книгу по истории Второй мировой и Великой Отечественной войны, то увидел бы, что с первых же мгновений войны Сталин особо жестко требовал полного и безусловного восстановления абсолютного суверенитета и независимости Советского Союза в границах по состоянию на **4.00** утра 22 июня **1941** года. Этот вопрос он ни с кем обсуждать даже гипотетически не намеревался.

Об этом же он крайне жестко заявил и в первые мгновения образования антигитлеровской коалиции. Об этом же он крайне жестко говорил и во время встречи 17—18 декабря 1941 г. с официальным представителем британского правительства А. Иденом. В результате непримиримо жесткой, принципиальной позиции Сталина требования Советского Союза были официально признаны во всех документах антигитлеровской коалиции. И границы СССР были восстановлены именно в таком виде.

Так что ни о каком германском контроле над сельским хозяйством Украины, что само по себе уже нелепость, потому как стремятся контролировать не отрасль экономики, а территорию, и речи-то быть не могло. Гриневич решил, очевидно, подразнить своих соплеменников тем, что-де нехороший Сталин «разбазаривал» украинское «национальное достояние» —сало. Не говоря уже о всяческих нелепостях в отношении Бессарабии, Одессы, Турции, которая не на Ближнем, а на Среднем Востоке, о Египте, где нет и не было значимых нефтяных районов, чтобы о них говорить всерьез.

Таким, как Гриневич, хочется напомнить слова Наполеона о том, что **«все должно иметь предел, даже ненависть».** Даже зоологическая ненависть «щирого хохла» к «москалям».

Миф № 46. Сталин просил союзников прислать дивизии на советско-германский фронт.

Миф, который в оборот запустили вечно все путающие и сбивающие всех с толку «демократические историки». Некоторые из них запустили версию о том, что-де Сталин чуть ли не слезно молил тех же англичан прислать свои войска на советско-германский фронт. Мол, своих уже не хватает, перебиты. Но Сталин не умолял, тем более слезно, тех же англичан ввести свои войска в СССР, а требовал, чтобы подлый «друг» Черчилль открыл второй фронт против Гитлера на Западе! Но Черчиллю важнее было сдержать данное Адольфу слово о

неоткрытии второго фронта аж до 1944 г., которое он конфиденциально дал фюреру через Р. Гесса!

Что же до сути мифа, то в реальности все было иначе. С первых же дней войны Сталин яростно требовал от англо-американских союзников немедленно открыть второй фронт. До 7 декабря 1941 г. это касалось только Великобритании, так как США формально в войне не участвовали. После 7 декабря это жесткое требование Сталина действительно относилось и к США, и к Великобритании. В ответ на справедливое и жесткое требование Сталина наши подлые «союзники» предложили, свои варианты оказания помощи военной силой. Великобритания предложила разрешить ввести свои войска в Закавказье — якобы для охраны советских нефтяных месторождений. США же предложили сдать им в аренду советские аэродромы на Дальнем Востоке. Естественно, что ни то, ни другое категорически не могло устроить Сталина, так как эти предложения являли собой ничем не прикрытые попытки сунуть англоамериканскиий нос во внутренние дела СССР. Понятно, что Сталин с порога отверг эти попытки Великобритании и США. Уж слишком хорошо он помнил кроваво «бескорыстную помощь» англосаксов в период Гражданской войны, когда всех их пришлось вышибать из страны силой. Понятно, что повторять подобное Сталин вовсе не намеревался.

Несмотря на отказ, британцы настойчиво продолжали напрашиваться в «охранники» советских центров добычи и переработки нефти, которые в то время более чем на **86,5%** были сконцентрированы в Закавказье (Баку) и на Кавказе (в Грозном). Терпение Сталина лопнуло в момент, когда от имени Англии особую активность в этом вопросе стал проявлять британский генерал Уэйвелл, предложивший нечто вроде совместной охраны советских центров нефтедобычи как частями РККА, так и подразделениями британской армии. Сталин и ответил ему в соответствующем стиле: **«Тбилиси, Козлову. По поводу предложения генерала Уэйвелла сказать, что вопрос может решаться только правительствами. От себя Ставка приказыва-**

ет вам вежливо отшить Уэйвелла и ему подобных и послать их подальше. №2220/321, 10.41. 5.15».

Предложение же США было не менее подлым и провокационным. Дело в том, что если бы Советский Союз предоставил Америке аэродромы на Дальнем Востоке, то автоматически нарушил бы условия советско-японского Пакта о нейтралитете от 13 апреля 1941 года. Тем более что президент Рузвельт обосновывал свою просьбу необходимостью повышения эффективности налетов американской авиации на Японию. А это автоматически повлекло бы за собой объявление войны Японией. И из-за янки СССР вынужден был бы сражаться на два фронта. Естественно, что Сталин не мог допустить этого. Потому и отказал.

Правда, весной 1944 года Сталин разрешил промежуточные посадки англо-американской авиации на советских аэродромах на Украине после бомбежек Германии. Там они заправлялись горючим, загружались боезапасом, а затем вновь летели бомбить Германию и возвращались на свои аэродромы в Великобритании.

Миф № 47. Сталин злоумышленно отрекся от попавших в фашистский плен советских военнопленных и никак не стремился облегчить их участь.

Речь идет об одном из самых востребованных мифов во всей антисталиниане. Выдуман он давно, еще в годы войны и эксплуатируется до сих пор. Как правило, в форме эмоциональных выпадов в адрес Сталина, что-де, заявив, что **«у нас нет военнопленных, есть предатели», он поставил миллионы людей вне закона.** Миф построен на факте приказа Ставки Верховного Главнокомандующего № 270 от 16 августа 1941 г. «О случаях трусости и сдаче в плен и мерах пресечения таких действий», который подписали Сталин, Молотов, Буденный, Ворошилов, Тимошенко, Шапошников и Жуков. Приказом, который зачитывался во всех подразделениях РККА, особенно действующей армии, предписывалось:

срывающих во время боя знаки различия и сдающихся в плен считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших Родину;

таких дезертиров расстреливать на месте;

попавшим в окружение — сражаться до последней возможности, пробиваться к своим, а тех, кто предпочитает сдаться в плен, — уничтожать всеми средствами, а семьи сдавшихся в плен лишать государственной помощи и пособий;

смещать командиров, прячущихся во время боя и боящихся руководить ходом боя на поле сражения;

активнее выдвигать смелых и мужественных людей из младшего начсостава и отличившихся красноармейцев.

Конечно, меры жесткие, а в чем-то — и очень жесткие. Но с другой-то стороны, как прикажете относиться к тем военнослужащим, которые допускали подобное? Ведь каждый из них давал воинскую присягу, в которой прямо говорилось, что он обязуется до последней капли крови защищать свою Родину! Но вместо этого некоторые «намыливались» прямиком в плен. Более того. К глубокому сожалению, имели место случаи даже коллективного предательства, когда целые полки, с развернутыми знаменами, под музыку полкового оркестра переходили на сторону врага. Хуже того. В начале войны имели место случаи преднамеренной сдачи укрепленных районов, оборонительных рубежей, аэродромов с дислоцированными там самолетами и т.д. И что, с ними со всеми надо было церемониться? А кто Родину защищать будет? К слову сказать, во всех армиях мира подобные явления считаются не только позором, но и преступлением, а соответственно и наказываются в уголовном порядке. Так что Сталин ничего нового тут не придумал. Он вынужден был пойти на такую жесткую меру, потому как на нем лежала вся полнота ответственности за судьбу Родины. И как жестко соблюдавший советские законы и директивы Ставки Верховный Главнокомандующий не сделал никакой скидки даже для жены своего старшего сына Якова, попавшего в плен.

Война — не просто жестокая штука. Это момент истины для каждого человека и общества в целом. Именно в это время проверяется подлинная степень патриотизма как отдельного индивидуума, так и всего общества в целом! Абсолютное большинство советского народа с честью прошло этот момент истины. Великая Победа в войне была достигнута не только и даже не столько благодаря мощи нашего оружия и проявленного ратного искусства, сколь прежде всего благодаря беспрецедентному патриотизму всего советского народа!

В речи 6 ноября 1944 г. Сталин отмечал: «В ходе войны гитлеровцы понесли не только военное, но и морально-политическое поражение. Утвердившаяся в нашей стране идеология равноправия всех рас и наций, идеология дружбы народов одержала полную победу над идеологией звериного национализма и расовой ненависти гитлеровцев. Сила советского патриотизма состоит в том, что он имеет основой не расовые или националистические предрассудки, а глубокую преданность и верность народа своей Родине»!

Вторая часть этого мифа более подлая, более коварная, поскольку эмоциональные выпады в адрес Сталина как бы имеют международно-правовую подпорку. Обыкновенно это выглядит следующим образом — мол, Сталин умышленно отказался от Женевской конвенции о военнопленных и от внесения денег в Красный Крест, в результате чего обрек советских людей на массовое уничтожение в фашистских лагерях. Так вот, подлость и коварство подобных заявлений в следующем.

Во-первых, не Сталин обрек советских людей на массовое уничтожение в фашистских лагерях, а гитлеровцы.

Из речи Гитлера **30 марта 1941** г. на совещании по «плану Барбаросса»: «Речь о борьбе на уничтожение... На Востоке сама жестокость — благо для будущего».

Из Инструкции от **1 июня 1941** г. уполномоченного по продовольствию и сельскому хозяйству статс-секретаря Бакке о поведении должных лиц на территории СССР, намеченной к оккупации: «Вы должны с

сознанием проводить самые жестокие и самые беспощадные мероприятия, которые от вас потребуют...»

Из текста совместного решения руководителей спецслужб Третьего рейха и высшего командования вермахта (июль 1941 г.), который в постановляющей своей части гласил: «Большевизм является смертельным врагом национал-социалистической Германии. Впервые перед германским солдатом стоит противник, обученный не только в военном, но и в политическом смысле, в смысле разрушающего большевизма. Борьба с национал-социализмом у него в крови. Он ведет её всеми имеющимися в его распоряжении средствами: диверсиями, разлагающей пропагандой, поджогами, убийствами. Поэтому большевистский солдат потерял всякое право претендовать на обращение как с честным солдатом в соответствии с Женевскими соглашениями».

Во-вторых, то, что неумолимо надвигалась новая война и что, к сожалению, ни одна война не обходится без пленных, раненых и больных, Сталин понимал задолго до 1941 года. Именно поэтому-то еще 12 мая 1930 г. было объявлено, что СССР без каких-либо оговорок присоединяется к Женевской конвенции об улучшении участи плененных, раненых и больных в действующих армиях от 27 июля 1929 года. Полное оформление присоединения к конвенции в соответствии с действовавшими тогда нормами международного права и Конституцией СССР произошло 25 августа 1930 г. Жулики от истории, как правило, умышленно забывают сообщить, что, согласно статье 4 упомянутой выше конвенции, «Держава, взявшая военнопленных, обязана заботиться об их содержании». А согласно статье 82, «положения настоящей конвенции должны соблюдаться высокими договаривающимися сторонами при всех обстоятельствах».

В-третьих, из вышеуказанного очевидно, что все расходы по содержанию военнопленных должно нести государство, их захватившее. Желая задним числом оправдать зверства гитлеровцев, жулики от истории злоумышленно приплетают сюда Международный Красный Крест — что-де Сталин злоумышленно

отказался от взноса денег в эту контору. Но она никакого отношения к этой конвенции не имела. Конвенция четко прописала, что финансирование содержания военнопленных ложится на государство, их захватившее.

На каком основании Сталин должен был посылать драгоценную, столь необходимую для нужд обороны валюту в МКК? Чтобы замаранная откровенным сотрудничеством с нацистскими извергами контора передавала эти средства Третьему рейху? Договорились до того, что-де Сталин должен был финансировать Третий рейх, чтобы тот продолжал оккупировать и грабить территории СССР, насиловать и убивать советских людей!

В-четвертых, Сталин знал об изуверском решении нацистов и о том, что творится в лагерях для советских военнопленных. Именно потому уже в первые месяцы войны Правительство СССР через посредников обращалось к руководству нацистского рейха, пытаясь облегчить участь советских военнопленных. Ведь СССР не отказывался ни от Женевской, ни от Гаагских конвенций. Введение в дипломатический оборот Гаагских конвенций 1899 и 1907 гг. было связано с тем, что, благодаря работе советской разведки, Сталин был хорошо осведомлен о полном отказе гитлеровцев от исполнения предписаний Женевской конвенции. А поскольку от Гаагских они не отказывались, Сталин попытался использовать этот шанс ради облегчения положения советских военнопленных.

17 июля 1941 г. Народный комиссариат иностранных дел СССР официально напомнил шведскому посольству[1], что Советский Союз поддерживает Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг., а также Женевскую конвенцию. И что на основах взаимности Советский Союз готов их выполнять. 8 августа того же года послы и посланники стран, с которыми СССР имел тогда дипломатические отношения, получили ноту Советского правительства. В ней вновь обращалось внимание на то, что советская сторона признает Гаагские, а также Женевские конвен-

[1]Швеция в годы войны представляла интересы СССР в Германии.

ции, и вновь выражалась надежда, что и другая сторона будет их соблюдать. Однако бесчеловечное отношение к советским военнопленным не прекращалось.

***26* ноября 1941** г. «Известия» опубликовали ноту Народного комиссариата иностранных дел СССР, врученную накануне всем дипломатическим представительствам. В ней говорилось: **«Лагерный режим, установленный для советских военнопленных, является грубейшим и возмутительным нарушением самых элементарных требований, предъявляемых в отношении содержания военнопленных международным правом, и, в частности, Гаагской конвенцией 1907** г., признанной как Советским Союзом, так и Германией». Подобные ноты неоднократно представлялись и впоследствии.

Ну, и что у нас осталось от мифа?!

Миф № 48. Сталин злоумышленно и без разбора сажал всех, кто побывал в плену, в ГУЛАГ.

Также один из наиболее востребованных во всей антисталиниане мифов. Бродит давно. Однако первыми активно его стали использовать в политических целях Н.С. Хрущев и маршал Г.К. Жуков. Позднее подобным особенно увлекался «прораб перестройки» А.Н. Яковлев. Например, написал следующеев одном из своих опусов: «А после войны меня потрясла лютость к пленным. За что? Из гитлеровских лагерей смерти — в концлагеря сталинские. Только Георгий Константинович Жуков попытался заступиться за трижды несчастных людей, но напрасно. Сам и попал в опалу».

То, что в это дело полез Жуков, — не случайно. Потому как благодаря именно Жукову, а также Тимошенко миллионы красноармейцев и попали в гитлеровский плен. **«Потому что если стратегия вступления государств и армии в войну изначально ошибочна, то ни искусство генерала на поле боя, никакая доблесть солдат, ни отдельные одноразовые победы не могли иметь того решающего эффекта, которого**

можно было ожидать в противном случае. Потому как одной из важнейших причин поражения наших войск в начальный период войны явилась недооценка наркоматом обороны и Генеральным штабом существа самого начального периода войны, условий развязывания войны и ее ведения в первые часы и дни».

Тимошенко еще до войны высокомерно заявлял, что-де **«в смысле стратегического творчества опыт войны в Европе... не дает ничего нового»!** А Жуков на солидных докладах ГРУ, в которых детально анализировалась стратегия и тактика вермахта, писал «чеховские резолюции»: «Мне **это не** нужно». Но если двум высшим военным руководителям СССР ничего не надо, если они ничего нового в стратегии и тактике противника не видят, то, как говаривал великий маршал Победы К.К. Рокоссовский, **«горе войскам, вверенным им»! Вот и хлебнули этого горя миллионы красноармейцев!**

Что же до сути мифа, особенно в версии Яковлева, то это полная нелепость. Всем им было прекрасно известно, что в соответствии с решением ГКО № **1069сс от 27 декабря 1941** г. и приказом народного комиссара обороны Сталина № **0521 от 27 декабря 1941** г. были созданы фильтрационные лагеря для проверки освобожденных из плена[1]. На войне мера крайне необходимая. Поскольку в указанных лагерях проверку проходили разные контингенты лиц, то все они делились на три учетных группы:

первая —военнопленные и окруженцы;

вторая — рядовые полицейские, деревенские старосты и другие гражданские лица, подозреваемые в изменнической деятельности;

третья — гражданские лица призывного возраста, проживавшие на территории, занятой противником.

Вот, например, **«Справка о ходе проверки б/окруженцев и б/военнопленных по состоянию на 1 октября 1944 г.»:**

[1] ЦХиИДК. ФЛ/п. Оп. 23а. Д. 2. Л. 27.

1. Для проверки бывших военнослужащих Красной Армии, находящихся в плену или окружении противника, решение ГОКО[2] № 1069сс от 27.XII-41 г. созданы спецлагеря НКВД.

Проверка находящихся в спецлагерях военнослужащих Красной Армии проводится отделами контрразведки «Смерш» НКО при спецлагерях НКВД (в момент постановления это были Особые отделы).

Всего прошло через спецлагеря бывших военнослужащих Красной Армии, вышедших из окружения и освобожденных из плена, **354592 чел.,** в том числе офицеров **50441 чел.**

2. Из этого числа проверено и передано:

а) в Красную Армию **249416 чел.**

в том числе:

в воинские части через военкоматы **231034 чел.**

из них — офицеров **27042 чел.**

на формирование штурмовых батальонов **18382 чел.**

из них офицеров **16163 чел.**

б) в промышленность по постановлениям ГОКО — **30749 чел.**

в том числе офицеров — **29 чел.**

в) на формирование конвойных войск и охраны спецлагерей — **5924 чел.**

3. Арестованы органами «Смерш» — **11556 чел.**

из них — агентов разведки и контрразведки противника **2083 чел.**

из них — офицеров (по разным преступлениям) **1284 чел.**

4. Убыло по разным причинам за всё время в госпитали, лазареты и умерло — **5347 чел.**

5. Находятся в спецлагерях **НКВД** СССР в проверке **51601 чел.**

в том числе — офицеров **5657 чел.**

Из числа оставшихся в лагерях НКВД СССР офицеров в октябре формируются 4 штурмовых батальона по 920 человек каждый».

[2] Иногда так сокращенно писали Государственный Комитет Обороны.

Тщательно проанализировавший эти данные современный историк И. Пыхалов отмечает, что в итоге из 100% прошедших проверку, то есть из **302992 чел.,** возвращено в воинские части **76,25** %, в штурмовые батальоны — **6,07** %, в промышленность — **1,96** %, в конвойные войска —**10,15** %, арестовано **—3,81** %, убыли в госпитали, лазареты, а также умерли — **1,76** %.

Дотошный И. Пыхалов проанализировал эту ситуацию отдельно для офицеров и отдельно для рядового и сержантского состава. В итоге получилось следующее. Из числа рядовых и сержантов направлены в воинские части — **79** %, в штурмовые батальоны — **0,86** %, в промышленность —**11,90** %, арестовано — **3,98** %. Для офицеров соответственно **60,38 %, 36,09** %, **0,06** % и **2,87** %.

Итоговый вывод таков. Свыше 95 % (то есть 19 из 20) бывших военнопленных из числа рядового и сержантского состава благополучно проходили проверку. Хуже ситуация с офицерами, но это должно быть понятно, потому как с офицеров и спрос больше.

Наконец следует отметить, что с ноября 1944 года ГКО принял постановление, согласно которому освобожденные военнопленные и советские граждане призывного возраста вплоть до конца войны направлялись непосредственно в запасные воинские части, минуя спецлагеря

Всего же по итогам войны ситуация такова — свыше 90% освобожденных из плена советских военнослужащих, успешно пройдя необходимую проверку, возвращались в строй или направлялись на работу в промышленность. Количество арестованных было около 4% и примерно столько же направленных в штрафбаты.

Ну и где тут «лютость к пленным», о которой рассуждал, например, А.Н. Яковлев?!

Миф № 49. Сталин планировал расчленить Германию после войны.

Миф появился еще во время Второй мировой войны. Его изобрели и активно использовали наши под-

лые «друзья» по антигитлеровской коалиции. В то время цель этого мифа в том и состояла, чтобы поскорее склонить командование вермахта к капитуляции перед западными странами, чтобы Советский Союз остался с носом.

Однако под конец войны Сталин не планировал расчленения Германии, послевоенное будущее которой он видел в лице единой, сильной, но **демократической** Германии. **«Говоря коротко,** — указывал Сталин, **— политика Советского Союза в германском вопросе сводится к демилитаризации и демократизации Германии... Демилитаризация и демократизация Германии представляют одну из самых важных гарантий установления прочного и длительного мира».**

То, что **7 октября 1949** г. ему пришлось изменить свою позицию и согласиться на провозглашение давно уже канувшей в Лету в результате предательства М.С. Горбачева Германской Демократической Республики — **не есть результат его планов по расчленению Германии.** Это последствия сепаратных действий бывших «союзников» по антигитлеровской коалиции, нарушивших все договоренности, достигнутые как в Ялте, так и в Потсдаме. **20 сентября 1949** г. сепаратные действия бывших союзников пришли к своему логическому финалу. На основе принятой еще **12 мая 1949 г. «боннской конституции»** в западной зоне оккупации Германии было провозглашено создание Федеративной Республики Германии и образовано правительство во главе с канцлером Конрадом Аденауэром. Провозглашение же Германской Демократической Республики было **ответным шагом,** что очевидно даже по датам. Кстати говоря, Конституция ГДР была принята также позже «боннской конституции» — **23 мая 1949** г.

В настоящее время достоверно известно, что в преддверии окончания войны, а также накануне Потсдамской конференции никаких планов социалистического строительства как в освобожденных странах Восточной и Юго-Восточной Европы, так и в Германии не только не существовало, но и не разрабатывалось. Об этом, в частности, свидетельствовал в своих мемуарах

ныне покойный выдающийся ас советской разведки П.А. Судоплатов. Об этом же свидетельствуют и наиболее честные и объективные западные историки. Так, известный британский историк А. Тейлор в солидном исследовании «Вторая мировая война» прямо засвидетельствовал, что **«русские не стремились властвовать** (в освобожденной ими части Европы. — А. М.), **не хотели распространять коммунизм».**

Когда же Западом была объявлена холодная война против Советского Союза, то, естественно, резко обострился вопрос о безопасности СССР. И в этой связи еще более естественно встал вопрос о создании пояса безопасности вдоль всего периметра западных границ Советского Союза. Любопытно, что на Западе это прекрасно понимали. Тот же А. Тейлор особо подчеркивал, что **«русские желали безопасности, и лишь коммунисты или их попутчики могли ее обеспечить».** Вот почему в итоге Сталину пришлось пойти по пути создания социалистических государств в Восточной Европе. Если строго по военному, то политическими средствами, но с опорой на военную силу было создано крупномасштабное предполье в Восточной Европе. Двух мировых войн России (СССР) было вполне достаточно, чтобы пойти на такой шаг ради собственной безопасности.

Тем не менее,определенная «почва» у этого мифа есть. Дело в том, что еще в декабре 1941 года во время советско-английских переговоров, в ответ на заявление британского представителя А. Идена о необходимости после войны раздробить Германию на части, и прежде всего отделить от нее Рейнскую область и Пруссию, Сталин согласился с такой точкой зрения. Кстати говоря, тогда же и возник вопрос об отделении Восточной Пруссии и передачи части ее вместе с городом Кенигсберг в СССР (ныне г. Калининград и Калининградская область РФ) в качестве гарантии возмещения понесенных убытков от войны с Германии.

В 1941—1943 гг. в США и Великобритании было разработано множество различных планов по организации послевоенного будущего Германии. Все они базировались на принципе расчленения. Практически все эти планы были

известны Кремлю. Соответствующие документы внешнеполитических ведомств США и Великобритания были добыты советской внешней разведкой. Аналогичные планы, в том числе и с учетом позиции англосаксонских союзников по антигитлеровской коалиции, разрабатывались и в народном комиссариате иностранных дел СССР, где этим занимались М.М. Литвинов, Я. Суриц и другие.

Говоря об этом, следует иметь в виду, что в первые годы войны позиция СССР по вопросу расчленения Германии была сдержанной и осторожной, обусловленной прежде всего стремлением получше ознакомиться с позициями США и Великобритании.

Однако под конец войны, особенно в марте 1945 г., стало очевидно, что наши подлые «друзья» по антигитлеровской коалиции намерены свалить всю ответственность за расчленение Германии на Советский Союз. По каналам разведки была получена соответствующая информация, свидетельствовавшая именно о таких намерениях союзников. Было очевидно, что неизбежный в таком случае германский реваншизм в послевоенное время будет остро целенаправлен против Советского Союза. Памятуя, что подобное однажды уже имело место еще в период Первой мировой войны[1], Сталин и Молотов разъяснили советским дипломатам, что **«англичане и американцы, которые первые поставили вопрос о расчленении Германии, хотят теперь свалить на СССР ответственность за расчленение с целью очернить наше государство в глазах мирового общественного мнения. Чтобы отнять у них такую возможность, необходимо внести... предложение».** И оно немедленно последовало. 24 марта 1945 г. официально было заявлено следующее: **«Советское правительство понимает решение Крымской конференции о расчленении Германии не** как **обязательный план расчленения Герма-**

---

[1] **Речь идет о секретном русско-французском соглашении от 14 февраля — 11 марта 1917 г., согласно которому Россия становилась лично ответственной за раздробление и расчленение Германии на ряд мелких государств. Соглашение было подписано первым Временным правительством.**

ним, а как возможную перспективу для нажима на Германию с целью обезопасить ее в случае, если другие средства окажутся недостаточными».

С этого момента фактически было прекращено всякое планирование расчленения Германии с участием Советского Союза. Тем более что в обращении к советскому народу **9 мая 1945** г. Сталин на весь мир заявил, что **«Советский Союз торжествует победу, хотя он и не собирается ни расчленять, ни уничтожать Германию».**

К концу августа 1945 года вопрос о расчленении Германии усилиями бывших союзников по антигитлеровской коалиции приказал долго жить.

Миф № 50. Сталин злоумышленно не спас Р. Зорге, так как не желал иметь свидетеля своих промахов.

Миф вызревал, начиная с 1964 года, в течение 40 лет. Как таковой оформился уже на наших глазах. Ряд современных «демократических» историков и журналистов часто используют его в своих ужасных сказках о нехорошем Сталине, которыми периодически стращают народ. «Владыка журнализм! Глупец, которому дано при помощи столбцов дурачить по утрам три тысячи глупцов!» — так на сей счет высказался еще Альфред де Мюссе.

Последний раз в 21 ч. 35 мин. 18 ноября 2006 г. этим мифом стращал весь народ не лишенный внешнего лоска то ли полумосковский, то ли полулондонский денди Алексей Константинович Пушков, ведущий ежененедельной программы «Постскриптум» на канале ТВЦ. В указанное время Пушков выпустил в телеэфир… нет, не материал некоего Артема Широкова и даже не несусветную ложь, а просто фальсификацию с комментариями двух, давно уже по возрасту неадекватных историков от зоологического антисталинизма — Валентина Фалина и Роя Медведева. И называлась данная фальсификация **«Почему Сталин** не спас Зорге?». Вот текст этой передачи:

«7 ноября на Красной площади состоялся торжественный парад в память о 65-й годовщине знаменитого парада 1941 года. С того парада, как мы помним, солдаты уходили прямо на фронт. Тогда ценой колоссальных потерь советские войска остановили наступление гитлеровцев. И, хотя история не имеет сослагательного наклонения, тем не менее многие до сих пор задаются вопрос, а можно ли было предотвратить эти жертвы под Москвой, и вообще тотальное отступление наших войск после 22 июня?

Или по крайней мере остановить врага раньше? И почему после начала германской агрессии Сталин заперся у себя в кабинете и почти ни с кем не общался несколько дней? И почему позже Сталин ничего не сделал для спасения арестованного в Японии разведчика Рихарда Зорге, который не раз предупреждал Москву о готовящемся нападении? Обо всем этом в материале Артема Широкова.

Генсек ВКП(б) Иосиф Сталин и советский разведчик, работавший в Японии, Рихард Зорге никогда не встречались и даже не были знакомы лично. Однако драма, разыгравшаяся между этими людьми, привела к гибели не только самого Зорге, но и трагическим образом, непосредственно повлияла на ход мировой истории. Главная загадка этой драмы, почему Сталин не поверил сообщениям Зорге о том, что Германия нападет на Советский Союз именно 22 июня 1941 года?

Одну из причин историки связывают с личностью бывшего руководителя разведуправления Советского Союза Яна Берзина. В 1938 году он был арестован в ходе сталинских репрессий, и многие люди, связанные с ним, в том числе и Зорге, тоже попали под подозрение. Зорге был человеком Берзина. Он его направлял на работу в Шанхай, потом в Японию. Берзин работал на военную разведку более 10 лет. И когда Берзин был арестован, то все, кого Берзин вел как наиболее важных агентов, естественно, попали под подозрение. Берзину приписывали, что он троцкист, в троцкисты был записан и Зорге. Перед самой войной Зорге был вызван в Москву, однако, опасаясь ареста, он проигнорировал этот вызов. После этого, по некоторой информации, Сталин вообще запретил класть донесения от Зорге ему на стол. Однако Зорге продолжал передавать донесения, и советская разведка, не афишируя этого, анализировала их наравне со всеми другими. Между тем к середине весны 1941 года, по разным каналам, было

получено более 300 сообщений о планах нападения Германии на Советский Союз. Была среди них и откровенная дезинформация. При этом в большинстве донесений, в том числе приходивших от Зорге, фигурировала дата 15 мая. Однако восстание в Югославии сильно затормозило германскую военную машину, и Гитлер был вынужден сместить «план Барбаросса », чтобы не оставлять у себя в тылу мятежные Балканы. Это до некоторой степени спутало карты Гитлеру, но в еще более сложное положение поставило Сталина.

Не только Зорге, но и сообщения из Германии говорили: 15 мая, 15 мая, эти цифры доминировали. И по всем анализам 15 мая было как бы крайним сроком для возможного блицкрига. Потому что от 15 мая, допустим, до 15 октября, эти месяцы могли быть важными для Гитлера. Сухое время, весна, посев уже завершен. Гитлер так прямо говорил, пусть они посеют, а мы урожай будем собирать для Германии. Но 15 мая ничего не произошло. И 20 мая ничего не произошло, и 10 июня ничего не произошло. Что же вы мне говорите, мог сказать Сталин разведчикам. Возможно, именно поэтому новую дату, 22 июня, Сталин воспринял как очередную дезинформацию. Учтем также и то, что, по данным советской разведки, Германия была не готова к длительной войне с Советским Союзом. Даже образцы смазки для немецких автоматов и топливо для танков замерзали уже при незначительных морозах. Германский Генштаб даже не отдал приказ шить теплые тулупы для советских солдат. Поверить же в то, что СССР будет повержен всего за 3—4 месяца, мог только сумасшедший. Или Адольф Гитлер.

Анализ всех сил, которые имелись у немцев, а силы были большие, более 3 миллионов подготовленной армии, показал, что ни по танкам, ни по артиллерии, ни по самолетам немцы не имели преимущества. По сухопутным силам они почти не имели преимущества. С точки зрения военной стратегии, военной теории у немцев не было достаточно сил, чтобы вести войну против такой страны, как Советский Союз. Нужно 2-, 3-кратное превосходство, чтобы вести наступление. Сталин не оценил авантюризма Гитлера. Он не понял, что Гитлер авантюрист, что он идет, не блефует, а идет на смертельно опасный для него самого шаг.

Таким образом, недооценка Гитлера стала главной ошибкой Сталина. Есть версия, что именно этот просчет мучил Сталина больше всего. И именно этим объясняется его полное молчание в

первые дни после германской агрессии. Даже о начале войны советскому народу был вынужден сообщать Молотов. Сталин же, подавленный тем, что Гитлер его переиграл, закрылся у себя на ближней даче. Когда к нему пришла делегация Политбюро и потребовала, чтобы он брал бразды правления в свои руки, то, по оценке некоторых, они застали Сталина в растерянности, и даже якобы был страх в его глазах, мол, не арестуют ли его за все преступления и упущения, которые были совершены им накануне войны, которые привели к такой трагедии.

Если бы Сталин был более адекватен, если он был бы более уверен в себе, то не было бы такой ситуации, которая сложилась в первую неделю войны, потому что все нити власти стекались к Сталину. Никто не мог решать, командного пункта еще не было, ставки еще не было. Не было организовано по-настоящему управление войсками. Только 3 июля Сталин пришел в себя и впервые после начала войны лично обратился к стране по радио. Однако время было упущено. Это позволило немцам глубоко продвинуться вглубь нашей территории. К осени 41-го года гитлеровцы подошли вплотную к Москве. При этом с Востока Советскому Союзу могла угрожать союзница Германии —Япония. О серьезности этой угрозы можно судить по телеграмме, которую 15 октября 1941 года американский президент Рузвельт отправил Черчиллю: «Я думаю, что Япония поворачивает на Север. Нам с вами гарантирована 2-месячная передышка». В таких условиях Сталин неожиданно вспомнил о Зорге и вновь проявил интерес к его донесениям.

Зорге сделал великое дело, сообщив точную, проверенную информацию о том, что Япония не нападет на Советский Союз. Это было чрезвычайно важно Сталину и стране в сентябре—октябре 41-го года. И в разведуправлении, проанализировав, пришли к выводу, что Зорге абсолютно прав, что Япония не будет нападать на Советский Союз, и что, таким образом, Советский Союз может снять до 30%, а потом и 50% дивизий, которые были размещены, а это было около миллиона человек, на Дальнем Востоке. И хорошо подготовленные, вооруженные дивизии вступили в бой под Москвой как раз в эти дни.

Без сомнения, в ноябре 41-го года это помогло переломить ход войны. И в этом главный подвиг Зорге. Однако вскоре после этого японцы вычислили его и арестовали. И здесь

возникает другой вопрос: почему Сталин даже не попытался спасти разведчика? Ведь 3 года Зорге сидел в японской тюрьме. За это время Япония несколько раз доводила до сведения Москвы предложения обменять его на некоторых японских разведчиков, сидевших в советских тюрьмах. Однако всякий раз из СССР приходил один и тот же ответ: человек по имени Зорге нам неизвестен. Последняя попытка была предпринята японцами 5 ноября 1944 года, когда был отдан приказ привести смертный приговор Зорге в исполнение. Но Москва опять промолчала. Спустя 2 дня Рихарда Зорге повесили. Так была перевернута последняя страница в отношениях Сталина и Зорге. Что касается Зорге, здесь не было ничего личного именно по отношению к Зорге. Это было по отношению ко всем, кто мог после войны свидетельствовать, что такая тяжелая, мрачная картина нашего сопротивления немецкой агрессии в 1941 году, в 1942 году — это вина генералиссимуса, вина главнокомандующего. Таких свидетелей Сталин в ходе всей своей жизни убирал.

Хорошо известно, что Сталин никогда не признавал собственных ошибок. А живой Рихард Зорге был бы постоянным напоминанием Сталину о его самой крупной политической ошибке за всю историю его руководства Советским Союзом. Да, Сталин не терпел тех, кто был или мог быть ему живым укором. Таков главный вывод этого экскурса в психологию вождя. На этом у нас сегодня все. Мы прощаемся с вами до следующей субботы. Всего вам самого хорошего».

Как видите, в этой передаче миф на мифе и мифом погоняет. В передаче использовано сразу несколько мифов. Часть из них уже была проанализирована выше. Так что повторяться не будем. Кроме того, анализ эффективности разведывательной деятельности Р. Зорге, в том числе и накануне войны, также не входит в задачи настоящей книги. Это тема отдельного исследования. В данном случае мы сосредоточимся на том, почему все-таки Зорге не был спасен.

В одной из книг участвовавшего в этой мистификации/фальсификации Валентина Фалина, бывшего советника М.С. Горбачева по общеполитическим вопросам, есть упоминание знаменитого афоризма Баруха Спинозы: «Невежество (незнание) не аргумент».

(Фалин В. Конфликты в Кремле. М.,1999). Именно это и продемонстрировали как Пушков с Широковым, так и Фалин с Медведевым.

Потому что никому из них даже и в голову-то не пришло, что, к глубокому сожалению, обстоятельства, на фоне которых произошел арест Зорге, и тем более фон последующих событий отнюдь не располагали к началу переговоров об обмене ныне легендарного разведчика на арестованных в СССР японских шпионов.

Прежде всего потому, что любая попытка начать такие переговоры была бы расценена японской стороной как предлог к сепаратным переговорам о сепаратном же перемирии и даже мире с Германией. Этим и так попрекают Сталина даже через шесть с лишним десятилетий после окончания войны.

Зорге был арестован 17 октября 1941 г., то есть в самый напряженный момент первого периода войны, когда на кону стояла судьба Москвы. При всей внешней жесткости нижеследующего вопроса, постарайтесь хотя бы сами себе честно ответить на него. Что было важнее: вступить в переговоры с Японией об обмене разведчика или заниматься подготовкой к обороне Москвы и контрнаступления? Попытайся Сталин это сделать, то получилось бы, что он вступает в сепаратные переговоры с японцами о сепаратном мире и готов сдаться Германии, войска которой находились уже под Москвой. Мог ли Сталин на это пойти?! Выше уже указывалась его подлинная позиция по этим вопросам. А то, что японцы запросто представили бы дело именно таким образом — можете и не сомневаться. К тому же следует иметь в виду, что Япония могла вступить в войну, как только пала бы Москва или, по крайней мере, наметилась бы ее капитуляция. И если бы Сталин сделал хотя бы один шаг для организации переговоров о спасении Зорге, то, в сущности-то, лично он и спровоцировал бы Японию на вступление в войну. Надо ли это было Сталину?!

Далее. После 7 декабря 1941 года Сталин тем более не мог пойти на такой шаг, так как после внезапного и вероломного нападения Японии на американскую

морскую базу в Перл-Харборе в войну вступили Соединенные Штаты Америки. Соглашение же между союзниками по антигитлеровской коалиции предусматривало абсолютное запрещение каких-либо сепаратных переговоров с противником. И посмей Сталин вступить в переговоры с японцами об обмене Зорге, то японская сторона автоматически представила бы это как сепаратные переговоры о мире. И даже без такого рода усилий японцев все выглядело бы именно таким образом. Нужно ли это было Сталину, если он был заинтересован в союзнических отношениях с США, не говоря уже о том, что был заинтересован как в поставках по ленд-лизу, так и в открытии союзниками второго фронта в Европе?! Более того, не говоря о его заинтересованности в японо-американской войне, вследствие которой любые попытки нападения Японии на СССР нейтрализовывались на корню.

Кстати, и впоследствии он не мог пойти на такой шаг из-за одного специфического аспекта американского фактора. Дело в том, что Р. Зорге был задействован в крупномасштабной операции советской разведки по ускорению военного столкновения между Японией и США. Хотя и очень узкому кругу лиц, но в Америке это было известно, тем более что в определенной мере эта операция проводилась, особенно на последнем ее этапе, также и с учетом просьбы самого Рузвельта. Попытайся Сталин начать переговоры об обмене Зорге, то эти обстоятельства так или иначе выползли бы на свет и тогда... впрочем, не приведи Господь. В послевоенное время Советский Союз и так обвиняли в этом.

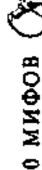
Ситуация полной невозможности начала даже тайных переговоров об обмене Зорге сохранялась практически до самого момента его гибели на эшафоте. Дело в том, что в середине войны Сталин дал обещание союзникам после разгрома Германии выступить против Японии. Любая же попытка начать такие переговоры автоматически не только дезавуировала бы перед союзниками однозначно высказанную позицию Советского Союза по этому вопросу, но и означала бы,

в глазах тех же союзников, попытку сепаратных переговоров с Японией. Предвидеть крайне болезненную реакцию США, в сотрудничестве с которыми Сталин был заинтересован, не представляло никакого труда. А ведь японцы не раз обращались к СССР с предложениями о начале сепаратных переговоров. На тему советско-японских и советско-американских отношений в годы войны — тьма тьмущая прекрасных исследований. Неужели нельзя было хотя бы просто перелистать эти превосходные исследования, хотя бы мизерную часть из них, чтобы в телепередаче не опускаться до уровня махровой лжи по невежеству?!

Ведь невежество (незнание) не только не аргумент, но и не освобождает от ответственности за фальсификацию!

СОДЕРЖАНИЕ

Научно-популярное издание

200 мифов о Сталине

Мартиросян Арсен Беникович

СТАЛИН И ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

Генеральный директор *Л.Л. Палько*
Ответственный за выпуск *В.П. Еленский*
Главный редактор *С.Н. Дмитриев*
Корректор *О.Н. Богачева*
Дизайн обложки *Д.В. Грушин*
Верстка *М.Г. Хабибуллов*

ООО «Издательство «Вече 2000»
ЗАО «Издательство «Вече»
ООО «Издательский дом «Вече»

129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24.

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.98.953.Д.012232.12.06 от 21.12.2006 г.
E-mail: veche@veche.ru
http://www.veche.ru

Подписано в печать 25.05.2007. Формат 84x108 1/32.
Гарнитура «MysIC». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 15. Тираж 5000 экз. Заказ № 5794.

Отпечатано с предоставленных диапозитивов
в ОАО «Тульская типография». 300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

ЗЕМЛЯ НЕПОЗНАННАЯ

ПЯТЬ КНИЖНЫХ СЕРИЙ

МЕГАПРОЕКТ – TERRA INCOGNITA

УЖАСНЫЙ ВЕК, ОТВАЖНЫЕ СЕРДЦА

СЕРИЯ КНИГ

- Военные конфликты XX века
- Неизвестные стороны войн
- Исследования на основе архивных документов
- Уникальные фотографии

Еще в 1940-х годах И.В. Сталин заявил: «Я знаю, что, когда меня не станет, на мою голову выльют не один ушат грязи, на мою могилу нанесут кучу мусора. Но я уверен, что ветер истории все это развеет!» Смертельная схватка антисталинистов с «мертвым львом» продолжается и поныне. Его постоянно пытаются убить вновь и вновь, выдумывая всевозможные порочащие его имя и дела мифы, а то и просто стряпая грязные фальсификации. Но как бы противники Сталина ни стремились превратить количество своей лжи и клеветы в качество, у них ничего не получится. Человек, принявший страну в дымящихся руинах, а оставивший после себя величайшую державу мира, никогда не будет вычеркнут из истории. Автор уникального пятитомного проекта военный историк А.Б. Мартиросян взял на себя труд развеять 200 наиболее расхожих мифов антисталинианы, разоблачить ряд «документальных» фальшивок. Первая книга проекта — «Сталин и Великая Отечественная война».